UNIVERSITY OF WISCONSIN
LIBRARY

Unbindable

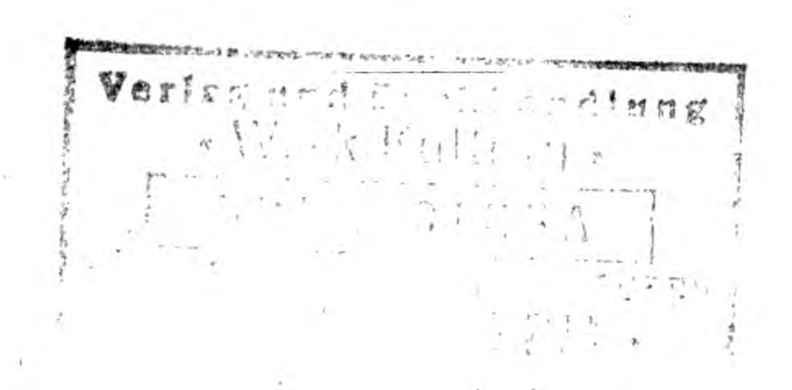
Ив. РУКАВИШНИКОВЪ.

Книга XII

ПРОКЛЯТЫЙ РОДЪ.

РОМАНЪ.

МАКАРОВИЧИ.



«МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО».

Типографія „ЗЕМЛЯ“, Москва,
1-я Мѣщанская 5.

МАКАРОВИЧИ.

МАКАРОВИЧИ.

I.

Бѣлые гребни по морю зеленому, будто изъ вѣчности, изъ безконечности къ намъ на-смерть гонимые, къ намъ, на берегу сущимъ, рыча мчатся гребни бѣлые, гнѣвливые мчатся.

Коли изъ безконечности, къ тѣмъ вонъ предѣламъ каменнымъ, коли изъ вѣчности безначальной къ смерти подобному концу, коли на то осуждены, не станемъ мы, божьи кони бѣлые, въ зеленые валы ластами упираться, конецъ свой на краткій часъ отдалять.

И торопятся, мчатся, гнѣвливо рыча-хохоча. Доскакавъ, въ пыль, въ смерть разбиваются.

Смерть, задумчивыя пѣсни въ вѣкахъ поющая, Смерть медлительная, Смерть-придумщица прахъ коней бѣлыхъ соберетъ, на новое въ вѣкахъ скучающая передѣлаетъ.

Въ чужомъ, въ не русскомъ городѣ, глядя на бѣлыхъ божьихъ коней, на смерть идущихъ, томится болѣзнью и тоской дѣвица Надя, шестнадцатилѣтняя Надежда Макаровна.

Третій уже годъ не видитъ она ни родной любимой Волги, тамъ, близь сліянія съ Окою, ни родныхъ нелюбимыхъ людей.

По зимамъ здѣсь на берегу моря, нѣкогда прозваннаго Моремъ Заката; нѣкогда, когда на утрѣ дней торговыхъ, бороздили бурную воду корабли первыхъ купцовъ, проложившихъ пути до Столбовъ Мелькартовыхъ и, ужасъ поборовъ, и далѣе, до Свинцовыхъ Островов.

По зимамъ здѣсь Надя. Съ первыми днями ранней по здѣшнимъ мѣстамъ весны везутъ ее черезъ Тирольскія горы, въ разныхъ намѣченныхъ мѣстахъ по недѣлѣ и болѣе задерживаясь, въ Россію. По роднымъ просторамъ влечетъ вагонъ. Въ другой пересадятъ. И дальше. А тамъ на пароходѣ. А тамъ на лошадяхъ. Въ Оренбургскія степи на лѣто везутъ Надю. Тамъ, отъ чужеземной тоски отвыкая, полуродной скукой скучая, кумысъ пьетъ. До осени ранней. А тамъ опять, чахоткой и врачами подгоняемая, спѣшитъ туда, къ теплой зимѣ, гдѣ пальмы не вянутъ.

Дважды въ годъ не такъ ужъ вдалекѣ отъ родного города въ вагонѣ проѣзжаетъ Надя. Но лишь послѣ первой пальмовой чужебережной зимы въ степи везя, завезли на два дня домой. Послѣ плакала долго, по ночамъ изъ сна кричала. Умолила впредь не завозить. Тогда, тоскливо успокоенная, проѣзжала за версты мимо, въ окно вагонное не глядя. Но не однажды выѣзжалъ туда, на нижній плесъ волжскій, чтобъ повидаться съ племянницей, дядя Сема. Встрѣчи съ нимъ не боялась. Сутки съ дядей на пароходѣ плыла безъ жути, такъ памятной въ каменѣющемъ сердцѣ, но все же будто рада бывала, когда мокрое отъ мгновенныхъ слезъ дядино лицо послѣ прощальнаго въ щеку поцѣлуя, чуть виднѣлось въ толпѣ на той вонъ пристани. На убѣгающемъ бѣломъ пароходѣ въ каюту свою шла, тихая, несла тайное кипѣніе неразгаданное, изъ-подъ наморщеннаго лба взоры, вдругъ ничего не видящіе, туда, въ мутно-бездонное устремивъ. Въ каюткѣ долго подарки дядины перебирала, на золото, на конфетки, на камешки любовалась. И за часы тѣ память жизни недолгой много масокъ разноликихъ на Надино лицо надѣвала. А неизмѣнная спутница Надина, madame Jolie, по пароходу металась, въ запертую дверь то настойчиво, то умоляюще стучалась, съ той стороны забѣгала, сквозь жалюзи заглянуть тщилась.

— O, mon Dieu! Voilà de nouveau.

Улыбаясь бездумно, текли часы надъ рѣкою, души успокаивающей. Выпадалъ грезами грядущаго расшатанный гвоздь желѣзныхъ воспоминаній, вбитый встрѣчею съ дядей Семой.

И развозили по Волгѣ величавой пароходы бѣлые, чернодымящіе, ее, юную, по теченію; его, по лѣстницѣ жизни до чорной черты дошедшаго,—вверхъ по рѣкѣ. И плыла, и забывала, и вотъ улыбчиво растущія горы во взоры пріемлетъ. И плылъ и забыть не могъ, и сѣдые горемъ жизни глаза не могли сквозь старыя слезы видѣть берега гористаго, молчаливаго.

Но нынѣ пальмовая, чужебережная зима въ началѣ.

Полная недавней еще скукой ковыльной, тихой, Надя, на желтознойномъ пескѣ сидя, привыкаетъ вновь къ смертямъ бѣлыхъ божьихъ коней, о тѣ вонъ камни разбивающихся. И привыкаетъ вновь къ инымъ смертямъ, къ таящимся въ разноголосо-кашляющихъ грудяхъ разноплеменной толпы. И тамъ надъ ковылемъ тоже. Но менѣе страху тамъ. Людей ли меньше? Или проще тамъ? Здѣсь, въ городѣ леченія, изъ сотенъ примелькавшихся желтыхъ людей ежедневно кто-нибудь куда-то проваливается. Гдѣ тотъ англичанинъ? Пиджакъ на немъ бѣлый какъ на вѣшалкѣ болтался. Веселый англичанинъ. Болтливый. Французскія фразы такъ смѣшны. Вдругъ на долго закашляется,

порозовѣетъ. Гдѣ онъ? Уѣхалъ? Со всѣми перезнакомился тогда. Хоть бы попрощался. Нѣтъ англичанина въ бѣломъ пиджакѣ. И никто о немъ, о веселомъ, не спрашиваетъ:

— Гдѣ нашъ милый мистеръ Браунъ?

Сразу всѣ спрашивать перестали. Гостиницу его всѣ знаютъ. Никто туда за справкой не идетъ. Провалился мистеръ Браунъ.

И часто здѣсь такъ проваливаются. И жутко то Надѣ каждую осень. И нелѣпо жутка здѣсь еще чорная фура-ящикъ, на которую непремѣнно наткнешься, если рано утромъ или поздно вечеромъ выйдешь на дорогу въ горы. Быстрой рысью пары лошадей куда-то торопящійся экипажъ, похожій на тотъ, въ которомъ вино по отелямъ развозятъ. Но надписей нѣтъ. Но возница не устаетъ бичемъ надъ лошадьми хлопать. Но съ возницей рядомъ сидящій monsieur въ чорной шелковой шляпѣ руки на груди сложилъ.

На бѣлыхъ на божьихъ коней разбивающихся глядитъ страха предвечерняго полная Надя. За три года переучила Надя спутницу свою, madame Jolie. Робко та ей разъ лишь напомнила объ опасности вечерней сырости.

Но корабль, на много часовъ опоздавшій, вонъ онъ уже. Ходъ убавилъ. Хочетъ молъ обогнуть.

Съ песка встали. Въ гавань.

Разнолики ожидающіе. Какъ много выгнанныхъ скукой. Тихо подплываетъ дымящій. На осторожномъ великанѣ различаемы уже лица, глаза маленькихъ, нарядныхъ. Люди къ людямъ взорами.

По сходнямъ вѣрнымъ потекли.

Новаго страшащаяся Надя Витю нигдѣ еще не разглядѣла. Долго текутъ. Чужія встрѣчи. Всѣмъ чужіе чемоданы, сундуки. Туманъ къ ногамъ палъ. Madame явно суетится, въ упрямые Надины глаза тревожно заглядываетъ.

Думаетъ Надя:

— Дождусь.

Упрямая вглядывается въ рѣдѣющую на сходняхъ толпу. И вдругъ обида ли, страхъ ли.

— Allons!

Обрадованная madame едва поспѣваетъ.

Думаетъ Надя душою вечерне рыдающая:

— Тамъ, вѣдь, онъ. Изъ Марселя письмо съ этого дурацкаго «Императора» прислалъ.

Напечатанное на конвертѣ изображеніе стального «Императора» вспоминается. Вечернее небо красное и тамъ, и здѣсь страшитъ.

— Что Витя первымъ съ «Императора» не сбѣжалъ? Братъ тоже... Къ чорту Витьку!

Идетъ упрямо-спѣшно. Подпрыгивающая походка задыхающейся madame тѣшитъ злобу. Дрогнула. Чуть не остановилась:

— А вдругъ не пріѣхалъ. Въ Марселѣ... Да нѣтъ же! Конечно...

— Надя! Надя, стой!

Съ кормовой палубы «Императора» сѣрой шляпой машетъ.

Ужели братъ? Усики надъ смѣющимся ртомъ. Синій костюмъ. Не онъ и онъ.

— Bonsoir, madame Jolie! Да стойте-же вы...

Сквозь улыбчивую радость новый страхъ. Въ болѣзнью подкошенной Надиной душѣ бѣлыя женщины думъ-мечтаній въ пляскѣ хороводной свились. Думала:

— Не похожъ. Страшный. Не нужно бы. Зачѣмъ пріѣхалъ...

— Какая ты хорошенькая!

— А ты совсѣмъ monsieur сталъ. Усы откуда?...

— Это затѣмъ, чтобы всѣмъ видно было, что мнѣ девятнадцатый годъ на исходѣ. А кикимора твоя ничуть не постарѣла.

— Тише ты!

— Развѣ ты ее русскому языку обучила?

Это онъ шопотомъ испуганнымъ.

— Да нѣтъ... Я такъ...

— Чего же тогда... Ну! Въ твой отель. Только, чуръ, пѣшкомъ. Ноги бѣгать хотятъ. А лицо у тебя смѣшное. Прическа вотъ...

— А ты думаешь ты не смѣшной?

— Ха-ха!

— Разсказывай лучше, какъ ты изъ крѣпости бѣжалъ.

— Подкопъ! Подкопъ! Сразу не разскажешь. Комендантъ Макаръ Яковлевичъ недѣлю бушевалъ. Но maman была подкуплена. Здóрово работала. Гимназію кончилъ. Нервы расшатаны. Отдыхъ необходимъ. Врачи. А тутъ сестра кстати за моремъ. Одно къ одному. А ты, однако, совсѣмъ здорова. Зря дядя Сема въ постные дни по тебѣ слезы льетъ.

— А онъ все по постнымъ днямъ тоскуетъ?

— А то какъ же!

— И каждый вечеръ въ крѣпости?

— Съ восьми до половины двѣнадцатаго. Ежедневно.

— У самовара?

— У самовара.

— А комендантъ все ужинать оставляетъ?

— Еженощный споръ въ прихожей.

— И сердится?

— Ты, говоритъ, поужинай, Сема. Я, Макаръ, не ужинаю теперь. А ты, говоритъ, поужинай; вѣдь, раньше ужиналъ. Да я ужъ отвыкъ. А ты, кричитъ, опять привыкни; что тебѣ стоитъ! Да мнѣ рано вставать. Ну, это дѣло; только все-таки поужинай.

— И ровно десять минутъ?

— Ровно. Вынетъ дядя Сема часы. Ахъ, ужъ безъ двадцати! Шубу запахнетъ и въ карету.

Далекой безбоязненной усмѣшкой кривятся губы Надины. Рядомъ съ братомъ по набережной нейтральной страны идя, воспоминаніямъ зловѣщимъ ново-спокойно улыбаясь, говоритъ, дразня себя:

— А по постнымъ днямъ?

— А по постнымъ великая скорбь самоварная.

Освобожденно смѣются сестра съ братомъ, по чужеземнымъ, по безопаснымъ камнямъ идя.

Замолкла, смѣхъ оборвавши. Вспомнила:

— Что сказалъ онъ? Ты, говоритъ, здорова совсѣмъ...

И въ стекла цвѣточныхъ магазиновъ вглядывается, отраженія свои туманныя ловитъ.

— Всѣ они намъ здѣсь: видъ у васъ здоровый совсѣмъ.

И тише пошла, причуваясь къ хрипамъ затаившейся въ живой груди врагинѣ. И издалека слыша братнины смѣющіяся слова, отвѣчала рѣдко. И рѣдко спрашивала.

— Скупой? Кто такой?

— Какъ, кто? Дядя Доримедоша, конечно.

— Молебенъ, говоришь?

— Не молебенъ, а три молебна отслужили напутственныхъ. И ни съ мѣста.

— Да онъ куда?

— Что ты не слушаешь! Толкомъ говорю: у тети Любы засидѣлся скупой. Второй годъ. Уговоръ былъ по году. Вѣдь, при тебѣ еще. А вотъ ужъ второй годъ на исходѣ. Въ оранжереѣ сидитъ. Ему по закону въ крѣпости жить теперь. Макаръ Яковлевичъ рветъ и мечетъ. Безъ постояннаго шута тяжко. Съ тетей Любой разругался. Это ты, говоритъ, его не пускаешь изъ своей дурацкой оранжереи! Та плачетъ: не держу я; сны, говоритъ, онъ видитъ. Комендантъ на Доримедошу напалъ: долго ли, кричитъ, мнѣ за тобой карету взадъ-впередъ гонять? Да я, говоритъ, Макарушка, можетъ, завтра. Опять сонъ не хорошъ мнѣ былъ; нельзя мнѣ въ путь; ты ужъ не гнѣвайся. Ну, говоритъ, чортъ съ тобой, коли такъ. Тотъ, конечно, накрещиваться, отплевываться. На-завтра опять карета. Опять пустую шубу назадъ везутъ. Опять крикъ въ крѣпости.

— А дядя Доримедоша шубы еще не купилъ?

— Какое тамъ! Совсѣмъ оборванцемъ ходитъ. Комендантъ ему пиджакъ пополамъ разодралъ со спины. Помнишь, тотъ рыжій пиджакъ. Теперь, кричитъ, поневолѣ новый купишь. Но дѣло не выгорѣло. Зашилъ. А тетя Люба: какъ, говоритъ, ты въ моемъ домѣ?... А тотъ: у тебя, кричитъ, не домъ. Что, говоритъ, въ дому нельзя, то въ оранжереѣ можно. А Корнутъ...

Но сестра остановилась вдругъ, на внезапную мысль наткнувшись:

— Витя! Какъ тебя одного отпустили? Или не одинъ?

Оглядѣлась даже. Захохоталъ весело.

— Долго разсказывать. Только я не одинъ. Меня сопровождаетъ добрый духъ. А знаешь, гдѣ онъ? Вотъ здѣсь, въ этомъ карманѣ.

Отъ madame Jolie таясь, пачку писемъ въ бумажникѣ показалъ.

— На каждую недѣлю. Изъ Марселя одно ужъ послано.

— Да въ чемъ дѣло?

— Въ томъ дѣло, что спутникъ мой, мною же тайно ставленный, съ границы назадъ поѣхалъ. Уговоръ. Деньги я ему, положенное ежемѣсячное вознагражденіе, изъ дорожныхъ впередъ выплатилъ. На билетахъ, да на гостиничныхъ барышъ мой. Оба не въ накладѣ. А мнѣ одному очень хотѣлось. Письма же о благополучіи, о погодѣ и о прочемъ, вотъ они по вся дни. Полъ дня сочиняли по Бэдэкеру.

— Какъ же такого нашелъ?

— Давно задумано. Передъ выпускными репетиторомъ онъ у меня. Столковались. Съ maman почтителенъ до чрезвычайности. А тутъ такъ подстроили, что занятія наши до обѣда и послѣ обѣда. И въ залѣ онъ со всѣмъ звѣринцемъ обѣдаетъ. Передъ ѣдой на образъ крестится, по постнымъ днямъ съ maman постное ѣстъ и хмельного, конечно, въ ротъ не беретъ. Когда дѣло съ путешествіемъ наладилось, maman, конечно, свой голосъ за него. Тутъ, кстати, и фамилія ужъ очень богобоязненная: Мѵроносицкій. Черезъ ижицу пишется. Это и коменданту понравилось. Смотри-ка какъ онъ ижицу придумалъ выводить. Это онъ деньги мнѣ. Тебѣ, вѣдь, тоже денежныя письма комендантъ пишетъ. При семъ... Только такъ устроили, что теперь на мое имя.

Смѣялась. Завистливо-сердитыми глазками на madame свою оглядывалась. Вдругъ испуганно:

— Дурачки вы! Ничего не выйдетъ. А мой крокодилъ!

Оглянулся Викторъ на желтолицую madame. Ротъ открылъ.

— Да-а. Не додумали. Отпишетъ кикимора. Придется мнѣ въ другомъ отелѣ остановиться. И отсюда поскорѣе прочь. Наври

ты ей что-нибудь на-сегодня. Пусть мой менторъ на «Императорѣ» безъ заднихъ ногъ валяется. Укачало.

Шелъ молча, лобъ хмуря.

— Ну, Витя. Вонъ онъ, нашъ отель. Какъ быть?

— Въ шляпѣ дѣло. Придумалъ. Ты въ которомъ этажѣ?

— Въ третьемъ.

— Ну, а я... Разъ, два, три, четыре, пять... Я въ шестомъ, въ мансардѣ. Лопочи съ мэтръ д'отелемъ по-французски во весь голосъ. Надо, молъ, два номера рядомъ въ шестомъ. Одинъ для брата, второй для того, для его духа. Пусть кикимора про два номера слышитъ. Она, конечно, ко мнѣ наверхъ ни ногой. И не обѣдай ты съ ней эти дни за табль-дотомъ, ради Создателя.

— Да мы почти всегда въ номерѣ.

— И великолѣпно! Лопочи! Лопочи! У меня прононсъ плохой. Ужинаемъ вмѣстѣ. Не забудь, что у духа морская болѣзнь. Да! Про Корнута хотѣлъ разсказать. Еще два ордена заработалъ. Важенъ сталъ непомѣрно. Теперь больницу строитъ. Остальное про звѣринецъ за ужиномъ.

II.

Проснулся поздно. Вставать, по городу по новому бѣжать, не хотѣлось. Сны вспоминать, въ ночныя тайны при свѣтѣ дня новаго закрытыми глазами вглядываться такъ жутко-радостно.

Серебряною музыкой скрипѣли двери чистилища души; красной молодой кровью наливались вѣки глазъ защуренныхъ; надъ открытымъ окномъ мансарды трепыхалась занавѣска бѣлая.

Разгадочно-пугающи были думы, оттуда плывущія.

— Какъ такъ? Надя?

Сіянія мечтанныя словъ, поцѣлуевъ, думъ за-ночь вѣнцомъ вокругъ Нади сестры свились. Сіянія мечтанныя, уже болѣе года зародившіяся въ душѣ и уготованныя для той невѣдомой, которую встрѣтитъ тамъ въ Петербургѣ скоро-скоро. Въ первый разъ въ университетъ идя, ее встрѣтитъ. Мечты, сіяющія бриліантами завтрашняго дня. Сіянія мечтанныя въ тусклости ненастоящаго и смѣшного, и больного сегодня.

— Какъ такъ? Надя? Сестра?

Сквозь сине-стеклянную стѣну сна ночного разглядываетъ вчерашній вечеръ. Болтали про родную крѣпость, про весь звѣринецъ. Весело было. Кикимора французская глазами хлопаетъ— весело. Мvроносицкаго выговорить не можетъ — весело. Учили долго. А она свое:

— Mironot... Mironot...

Такъ и порѣшили:

— Monsieur Mironot.

Еще веселѣе.

Вспоминаетъ. Сквозь сине-стеклянную стѣну разглядываетъ вечеръ вчерашній, близкій и внезапно далекій. Склонилась Надя сестра лицомъ своимъ къ его лицу. Смѣшное про кикимору разсказывала. Романъ, что ли? Потомъ еще. И еще. Заморгалъ Викторъ.

— Ба! Чужое лицо. Чужое!

Впервые видитъ. Три года. И не помнитъ, какая была въ крѣпости. Бѣгала, болтала, плакала, потомъ заболѣла. И не вглядывался. Смотритъ—новое лицо, невиданное. Взглядъ умный; глубокій взглядъ. А губы смѣшное говорить пытаются. А еще склонилась, смотритъ онъ: лицо старое. Милое-милое и старое. Старостью болѣзни? Старостью думъ? Старое-старое. Мысль тогда крыломъ взмахнула:

— Это потому, что близко.

И еще взмахнула:

— И я, вѣдь, старый уже...

Усмѣшка кривая.

Тогда еще не ясно было. Оба смѣялись. И смѣхъ свой, усталый уже, подхлестывали.

Но когда Надя ласково прогнала спать зѣвающую madame—лекарство, пожалуйста, приготовьте, а я сейчасъ,—змѣи тогда вкругъ стола зашипѣли.

— Не потому же, вѣдь, что вдвоемъ остались братъ съ сестрой?

Шипѣли змѣи очарованія. Тихое, насмѣшливое Надя говорила что? Съ пола змѣи поднялись, ангелами стали. Слушалъ тихое. Что? Что? Отлетѣло испуганно-стыдящееся веселье несуразное. Счастье — не счастье. Горе — не горе; большое нѣчто гудящее, словъ не говорящее, облакомъ вкругъ нихъ стоитъ, вкругъ ихъ стола. И отвѣчалъ. И спрашивалъ. И слушалъ, слушалъ.

— О чемъ же? О чемъ же мы вчера?..

И лицо ея склонялось часто. И вотъ отклонилась она, Надя. Испуганно выглядываетъ изъ ущелья скалъ одиночества. И тогда къ ней онъ склоняется. Его лицо къ ея лицу. Старое лицо! Старое лицо! Не старостью старое, но старое мечтами о любимомъ.

— Обо мнѣ?

Убиваемый далекостью оркестръ чуть слышенъ былъ. Молчали, кажется.

— Это хорошо, что ты пріѣхалъ. Скучно мнѣ было.

— Нѣтъ! Не Надя это. Не Надя. Не сестра.

Говорила волхвованіями, говорила страстью неземною. Да такъ ли? Губки ея красныя передъ зубками прыгаютъ. Не губки, уста, уста. Склонялись другъ къ другу лица незнакомыя. Не знаетъ братъ сестры своей. Говоритъ что-то, но что-то иное иное сказать хочетъ. И она тоже иное. И часъ ночной. И пора. Кто-то сказалъ:

— Прощай.

Кто-то еще сказалъ:

— Прощай. До завтра.

Кто-то сказалъ:

— Ну, поцѣлуемся.

Надя! Надя!

И вотъ глаза открылись въ день. Смѣшливая игра лучей на вещахъ незнаемой комнаты. Бѣжать! Умылся, одѣлся, убѣжалъ. Вотъ и камни улицы подъ ногами. Солнце-то! Солнце-то! И шелъ-бѣжалъ. И насвистывалъ. Радуется-хохочетъ Солнце. Не хочетъ оно быть вѣчнымъ нынѣ:

— Я юное.

Хохочетъ-радуется; прогнало ночныхъ.

И бродилъ у моря. И видѣлъ больныхъ, ползающихъ людей. И видѣлъ такихъ же, какъ онъ, праздныхъ; и весело молчалъ про нихъ.

— Шелопаи!

И было весело, такъ какъ ночные ушли въ пропасть. Бѣлые дома, чужіе люди. А море синее-синее. И никто не сказалъ; ничто не сказало:

— Лжешь.

Весело было создавать monsieur Mironot. Пятью франками подкупленный слуга шестого этажа, спѣшно во что-то переодѣтый, бормоча исковерканныя слова, былъ представленъ madame Jolie и хохочущей Надѣ. Хохочущей смѣхомъ забвеннымъ. И отпущенъ былъ monsieur Mironot къ очереднымъ своимъ дѣламъ.

— Я его разъ въ день кикиморѣ показывать буду, минутъ на пять. Довольно съ нея.

Глаза Надины, слова Надины раздумчивыя въ душѣ веселой Виктора птицами, тоску глаголящими, летаютъ-кружатъ.

Вечернее очарованіе вчерашнее, сверканіемъ солнца чужеземнаго далеко загнанное, вотъ передъ вечеромъ снова пришло-возвратилось, по новому желанное. И оставались вдвоемъ. И чуялось нѣчто.

Понуждаемый улыбками веселыми сестры, болталъ-разсказывалъ Викторъ про тѣхъ, про далекихъ. И тѣшило ихъ обоихъ

то, что вотъ они, взрослые и свободные, настолько выше тѣхъ своихъ отцовъ далекихъ, что безъ гнѣва тѣшатъ себя бесѣдами-баснями объ ихъ шутовскихъ дняхъ.

— Разводъ? Да никогда дядю Сему не разведутъ. Настасьѣ невыгодно; адвокату, чѣмъ дольше, тѣмъ лучше, а этимъ всѣмъ свидѣтелямъ, лжесвидѣтелямъ, шпіонамъ разнымъ и подавно: на жалованьи. А чего бы, кажется! Передъ отъѣздомъ покупалъ я нессесеръ у Геца, помнишь, на Варварской; знаетъ онъ меня. Узнаете, говоритъ, этотъ лорнетъ? За сезонъ, говоритъ, седьмой разъ въ починку приносятъ, и все разные офицеры. И всѣ не старше поручика.

— Несчастный онъ, дядя Сема!

— Да ужъ сказано: умный человѣкъ, а дуракъ. Не разъ на всю крѣпость комендантъ оралъ.

— А тетя Аня?

— Что имъ съ Кузьмой дѣлается! Кабачекъ свой исправно содержатъ. Послѣ дяди-Васиной смерти опять было хотѣли въ Питеръ, наслѣдство спускать. Дядя Сема, говорятъ, не пустилъ. Ну, въ домишкѣ своемъ сидятъ; ужины еще шикарнѣе задаютъ. Комендантъ злится. Тайкомъ я туда бѣгалъ зимой. Каждый день именины. Оркестръ въ пять человѣкъ за ужиномъ. Каждый день новые гости. Кто изъ Питера, изъ Москвы на сутки,—у Шебаршиныхъ на ужинѣ. Актеры всей труппой валятъ. Все-таки весело въ Шебаршинскомъ кабачкѣ. Намъ бы въ крѣпость малую толику народу оттуда.

— А въ крѣпость кто теперь вхожъ?.. Сорви-ка мнѣ, Витя, вонъ тотъ цвѣтокъ бѣлый. Достанешь, вѣдь. Высокій ты какой...

И рванулся. И будто счастье тихое. И не захотѣлось балагурить, захотѣлось за плечи обнять ее, подъ деревья вонъ тѣ увести, и шопотомъ молитвеннымъ, то въ глаза ея глядя, то въ небо, шопотомъ молитвеннымъ говорить ей долго-долго о новой тайнѣ. Но оборвалъ черезъ весь міръ протянувшуюся струну. Чужимъ голосомъ веселымъ:

— Въ крѣпости? Въ крѣпости у насъ теперь маловато. Только шутовъ пускаютъ. Дьяконъ. Знаешь. Дѣткинъ, старовѣръ. Знаешь. Полицеймейстеръ. Знаешь. Ну, тотъ для шуму. Нюнина, Ольга Ивановна. Ну, та родня. Еще... Да тѣ же, что и при тебѣ. Стой, стой! Рейшукъ кузнецъ, кузницу бѣговую держитъ. Теперь онъ у насъ въ крѣпости постоянный гость. За русско-нѣмецкій языкъ взятъ.

— Что такое?

— Говоритъ по-русски плоховато и занятно. За то полюбленъ. Да какъ! На недѣлѣ два раза не придетъ,—шлютъ за нимъ эстафету. На охотѣ онъ былъ. Разсказывалъ: а волкъ, говоритъ,

меня не узналъ. Комендантъ, конечно, ха-ха-ха. Съ тѣхъ поръ каждый разъ про волка рѣчь заводитъ и опять: ха-ха-ха и въ ладоши бьетъ. А нѣмецъ, чортъ его знаетъ, не то понимаетъ, не то нѣтъ: каждый разъ съ увлеченьемъ разсказываетъ. И много за чаемъ и за ужиномъ русско-нѣмецкихъ разсказовъ.

Вспомнилось ли Надѣ тяжелое, домашнее, такъ ли взгрустнулось подъ вечеръ.

— Будетъ, Витя, про то. Про Лазарево лучше разскажи. Хорошо тамъ теперь? Вѣдь, я тамъ только поздней осенью была. Хорошо, тихо, а паркъ и желтый, и красный, и зеленый. И вороны.

— Ну, ты Лазарева не узнаешь. Большой домъ по старымъ чертежамъ отстроили. Теперь службы, конюшни. Все Знобишинъ. И денегъ туда идетъ, Надя... При мнѣ разъ было. Комендантъ, за голову руками взявшись, по залѣ бѣгалъ. Разоритъ меня, кричитъ, это проклятое Лазарево. И зачѣмъ взялъ я его. Ну, тутъ, конечно, и Ѳедору-покойнику съ Вячеславомъ досталось. Потомъ успокоился. И пусть разорюсь, а до конца доведу!

Голосъ до шопота сбавилъ Викторъ вдругъ:

— Ты, вѣдь, не знаешь: дядѣ Вячеславу срокъ кончился. Манифестъ тутъ... Тоже крику въ крѣпости не мало было. Только никто не видалъ дядю Вячеслава. И гдѣ онъ теперь, не знаютъ. Знаютъ только, что изъ Сибири съ поселенья ушелъ.

Помолчали, въ предзакатно-томящіяся дали небесно-земныя глядя. Не сговариваясь и стыдясь встрѣчъ взоровъ своихъ, гнали хитростями-придумками кикимору. И удалось. Рано ушла, укутавъ Надю платкомъ шерстянымъ; ушла письма писать; пятнадцати своимъ amies безконечныя письма о безконечной грусти по родному городку, о безконечной любви своей и о безконечной чистотѣ и невинности этой любви.

И долго подъ взорами чужой толпы, бездѣльемъ утомленной и обо всемъ переговорившей, молчали сестра съ братомъ. И знойно жаждалъ Викторъ пить восторги вчерашніе, вино хмѣльное вечернее.

И невидимою дрожью біясь, не отходя, но отстраняясь, не выпускала души своей Надя изъ темнаго колодца молчанія.

— Пойдемъ, Надя, въ комнаты; сыро.

— Пойдемъ. Чай пить будемъ. Я отъ чая отвыкла здѣсь. Ты пріѣхалъ—чаю захотѣлось. Съ вареньемъ.

Чуть засмѣялась.

— Чай пить! Чай пить! А гдѣ будемъ чай пить? Не хочу я въ столовой съ нѣмецкими дурами.

— Ко мнѣ пойдемъ.

— Это чтобъ кикимора мнѣ въ ротъ глядѣла! Не хочу съ такимъ лимономъ чай пить. Нѣтъ, вотъ что...

И будто на-скоку конь споткнулся.

— Ко мнѣ поднимемся.

Головку милую наклонивъ, короною думъ раннихъ болѣзненныхъ увѣнчанную, мгновеннымъ острымъ взглядомъ и прямымъ брата обожгла.

— Пойдемъ. Да я еще и не была у тебя.

Въ тѣсной клѣткѣ лифта близко-близко. Молчалъ, на блѣдно-жолтую щеку съ румянцемъ круглымъ глядя зачарованно, себѣ нѣмыя загадки загадывая, безотвѣтныя. Молчала, въ пролеты свистящіе глядя. Машиною въ дома поднимаемая страхомъ томима Надя всегда.

Подъ потолкомъ, къ окну круто убѣгающимъ, сидѣли у стола въ мансардной комнаткѣ, въ веселой. Она на диванчикѣ на маленькомъ, на красномъ. Близко онъ на стулѣ плетеномъ. Чай пили невкусный, перепрѣлый: про самоваръ вспоминали улыбчиво. Хотѣлось Виктору на Надинъ диванчикъ пересѣсть. Близко-близко, хорошо-хорошо. Слова тогда настоящія скажутся, лучше вчерашнихъ еще. И не смѣлъ. И бранилъ себя. Сразу бы сѣсть. И съ каждой новой секундой все крѣпче не смѣлъ. Осѣнило. Всталъ. Къ окну подошелъ. Туда, въ далекое смотритъ. Отсюда къ ней пойду. Легко и просто.

— Хорошая у тебя, Витя, комната какая. Вотъ у меня скучная. Обыкновенная.

— Да ужъ хоть тѣмъ хороша, что бациллъ въ ней поменѣе. Навѣрно, никто не умиралъ. Опасные ниже поселяются. Тамъ у васъ бациллъ, поди, этихъ самыхъ палочекъ, что клоповъ въ деревнѣ.

Въ даль заоконную вглядываясь, быстро такъ, даже злобно проговорилъ. Здоровая злоба здоровой юности. И опомнился. И похолодѣлъ. Оглянуться въ комнату страшно и стыдно. А тамъ за спиной его въ комнатѣ тихо. Будто нѣтъ Нади. Будто ушла давно. Секунды издѣвающіяся тучами пестрыми изъ ночи черезъ стекло оконное летѣли туда въ молчащую пропасть комнаты. Будто дверь скрипнула. Нѣтъ. Не похоже. А! И сорвался. И черезъ пропасть бездонную кинулся къ ней, какъ Каинъ Авелемъ убитымъ назадъ позванный.

И руки рыдающей цѣловалъ, на цвѣты ковра у ногъ ея опустившись. Руки бѣлыя, говорящія, съ ноготками такими красивыми. Руки ни разу до нынѣ не виданныя. И говорилъ слова быстрыя, шопотныя, страдающія.

— Нѣтъ. Не она. Не сестра. Другая Надя.

И скоро успокоилась. И рукъ не отнимая, дождливо-солнечнымъ лицомъ къ нему склонилась.

— Ну, что ты, милый... Ужъ я смѣюсь.

И на цвѣтахъ ковра сидѣлъ, счастливый, вдругъ смолкшій. И мыслилъ сбивчиво:

— Такъ ли ей сказать? По-новому, по-вчерашнему-ли? Или такъ?

О, какой весело-молодой былъ. Вчера еще лишь задорный мальчишка.

И сказалъ, улыбнувшись:

— Вотъ какъ мы пошутили!

Но близкія руки эти невиданныя. Но лицо, солнцемъ дождь сгоняющее. Но глаза, невѣдомую ему тайну знающіе. Первые женскіе глаза.

И зашепталъ запоздавшимъ шопотомъ:

— Надя, Надя. Милая, милая. Какъ полюбилъ я тебя, Надя.

Послѣзакатный Эвръ позвенѣлъ стеклами.

Помолчала. Отвѣтила раздумчиво, послѣплачно:

— Ты, вѣдь, мой. Ты не ихній.

Вспоминала нелѣпое дѣтство; страшные годы пробужденія, ночные голоса, ночныя видѣнія.

А онъ, юной веселостью недавнею смѣлый, сегодняшнимъ новымъ испуганный, вчерашнее возрождаетъ, вечернее.

— И пусть оно, вчерашнее, нынѣ расцвѣтетъ уже.

И сказалъ:

— А ты меня полюбила?

— Кого же мнѣ любить здѣсь? Вотъ я рада. Ты теперь хорошій.

И ревностью-ли, чувствомъ незнакомымъ, гордостью-ли оттуда, оттуда, издалека идущей, сказалъ:

— Меня говоришь, любишь? Не меня любишь. Отъ звѣринца отъ нашего отвыкла. Любить тебѣ охота теперь. Три года ты безъ звѣринца. Три года. Я вотъ немного дней, и то какъ новый. Въ Лазаревѣ по лѣтамъ отдыхалъ, правда. Да все же не то. Незримо—ха-ха — комендантъ всюду. Лошади да стройка. Стройка да лошади. А то самъ нагрянетъ. Все вверхъ дномъ. А ты три года. Сердце у тебя стало человѣчье. Всѣхъ ты любишь. Вотъ и кикимору любишь. Ну, и меня любишь.

Хлесталъ себя словами больно.

— Что говоришь? Вѣдь, братъ ты мнѣ.

— А! Братъ! Такъ ты меня такъ же, какъ Яшку любишь?

Губу прикусила. Братъ отъ нея чуть отклонился, съ цвѣтовъ ковра не поднимаясь.

— Да не то совсѣмъ. Я тебя и тамъ, и въ крѣпости, больше тѣхъ любила. Помнишь, изъ комнаты твоей меня Эмма гоняла.

— Что крѣпость! Другая ты теперь. Новая ты совсѣмъ.

Вѣдь, не узналъ тебя. Не узналъ, а какъ будто нашелъ. Нашелъ чужую и полюбилъ. А ты не любишь...

Шопотомъ обрывающимся договорилъ. И руки свои опять съ ея руками милыми слилъ, душѣ прошептавъ:

— Отдохни.

— Витя, Витя! Зачѣмъ? Вѣдь, говоришь и самъ не вѣришь. Ну, пойди сюда, глупенькій. Давай, поцѣлуемся.

И тихо - радостно Виктору и будто обидно: очень ужъ просто и не стыдясь сказала. И хотѣлъ было лицо къ лицу ея милому, къ склоняющемуся, не приближать; а такъ же вотъ у ногъ сидѣть, и говорить-упрекать-жаловаться ласково. Но губы губъ коснулись. И такъ по-началу обычно. Братъ съ сестрой поцѣловались. Но вотъ поцѣлуй не обрывается. Голова Викторова на колѣняхъ сестры успокоенно-трепетно глаза закрыла, губами губъ Надиныхъ касаясь. Склоненная тихая Надя, алость губъ проснувшихся губами сухими горячими чуя, сквозь вѣки опущенныя сказку красную видитъ бездумно. И недвижно длятъ. И молча плывутъ по неизвѣданному. И боятся мыслить о концѣ мгновенія.

И уже задыхались короткими дыханіями, и уже дрожали губы.

И потомъ, другъ въ друга глядя задумчиво и не стыдясь, межъ долгими молчаніями простотою и любовностію говорили.

— ... Хорошо съ тобой.

— ... Будемъ любить другъ друга всегда.

— ... Да. Всегда.

— ... И не вернусь я больше въ крѣпость, Надя. И въ университетъ въ этомъ году не поѣду. Съ тобой здѣсь останусь. Годъ—куда ни шло.

— А что тамъ скажутъ?

— Ну ихъ! И не говори. Знаешь, не будемъ о звѣринцѣ никогда говорить. Отъ этихъ разговоровъ душа какъ конюшня дѣлается. Или какъ кабакъ. Или какъ чортъ знаетъ что.

— Конечно. Только, какъ же ты здѣсь останешься? Да тебѣ просто денегъ не вышлютъ больше. Или забылъ?

— Молчи. Не все же деньги. За его гроши въ-поясъ ему кланяться! Мнѣ съ Яшкой по семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ опредѣлилъ. Тоже не мильоны. Зарабатываютъ же люди какъ-нибудь. И я зарабатывать буду. И пошлю я завтра въ крѣпость письмо: «Убирайтесь вы всѣ къ чорту. Викторъ». Вотъ весело-то будетъ! Нѣтъ. Лучше телеграмму. А Зиночкѣ письмо. Или Антошѣ. Велимъ имъ про все отписать, какой шумъ-гамъ въ крѣпости подымется. Вотъ весело! Вотъ весело будетъ! Посмѣемся мы съ тобой.

— Смѣшной ты. Не будемъ, говоришь, про звѣринецъ вспоминать. А самъ про звѣринецъ только и думаешь. Только и говоришь. А потомъ, какъ же здѣсь зарабатывать будешь? Гидомъ, что-ли, задѣлаешься? А, впрочемъ, мы съ тобой подѣлимся. Я съ Жолишкой въ другой номеръ перейду. Повыше, гдѣ бациллъ меньше. Здѣсь. Рядомъ. Или Жолишку совсѣмъ прогонимъ. Намъ и хватитъ. Только, вѣдь, когда въ крѣпости про то узнаютъ, сократятъ они насъ какъ нибудь. Комендантъ скажетъ...

— Вѣрно. Вѣрно. Дуракъ я. Только знаешь: скоро у насъ деньги будутъ. Совсѣмъ скоро. И у тебя, и у меня. И у всѣхъ насъ.

— Какія деньги?

— По двадцать тысячъ.

— Откуда?

— Не хочу я. Не могу я говорить. Только совсѣмъ скоро.

— Въ чемъ дѣло?

— И не проси. Я и не хочу, чтобъ онѣ, тѣ деньги, скоро были. Ничуть не хочу, чтобъ скорѣе. Только будутъ. Ужъ вѣрь и не спрашивай. И не придется мнѣ гидомъ быть. Только не спрашивай.

— Ну, секретъ такъ секретъ. И у меня, говоришь бубутъ?

— И у тебя.

— Двадцать тысячъ?

— Двадцать тысячъ.

— Что же мнѣ на нихъ купить?

Смѣется Надя.

— А мы на нихъ жить будемъ. И ты отъ комендантовыхъ денегъ откажись; телеграмма такая, значитъ, будетъ: «Убирайтесь вы всѣ къ чорту. Викторъ. Надежда».

— Ха-ха! Викторъ, не смѣши Надежду. Ей вредно. Закашляется.

— И будемъ мы, Надя, на тѣ деньги жить-поживать вмѣстѣ, безъ Жолишки, конечно. Или пусть Жолишка. Мы ее въ экономки разжалуемъ. Тебѣ въ Россію зимой нельзя. Я за полгода французскій подучу. Въ дѣтствѣ, вѣдь, я на немъ, какъ на родномъ, болталъ. Подучу и въ парижскій университетъ. Тебѣ въ Парижъ можно?

— Ну, нѣтъ. Не моя зима.

— Въ Парижъ нельзя—другой городъ найдемъ. На то географія. Вѣдь не клиномъ же свѣтъ сошелся въ этой курортной дырѣ. А про крѣпость и про весь звѣринецъ ты правду сказала.

И думать не хочу, а думается. Такъ и сверлитъ... Такъ и сверлитъ... Да. Про деньги про тѣ. Правда, есть тутъ загвоздка одна. Годы наши малость не подходятъ. Ну, да я узнавалъ. Трудно, убыточно. Но не безвыходно.

— Что ты городишь?

— Не спрашивай! Не спрашивай!

Руками затрясъ, рукъ ея милыхъ изъ своихъ не выпуская.

И посмѣялись. И помечтали. И хотѣлось опять и опять такъ поцѣловаться. Но духи крѣпости далекой подъ косымъ потолкомъ въ тучу сбились. Но смѣхъ, словами шутливыми порожденный, тутъ же, надъ ними, надъ братомъ съ сестрой порхаетъ, смотритъ.

По робовалъ Викторъ послѣ молчанія мгновеннаго. Чужимъ голосомъ сказалъ:

— Давай, по...

И кашлянулъ сухо. И другимъ, но все-же чужимъ голосомъ, заглянувъ въ уголъ, докончилъ:

— Давай, поглядимъ въ окно.

Руки ея отпустивъ, поднялся-всталъ. Къ окну подошелъ. Занавѣску отвелъ. Подошла тихо. Ночь лунная дома бѣлые въ сказочномъ, въ лунномъ глазамъ ихъ показываетъ. И море сине-чорное, серебристымъ столбомъ вибрирующимъ разрѣзанное. И берегъ моря такъ искусственно прямой для чего-то. И невѣчныя тамъ постройки, ненужно прельщающія, зазывающія однодневокъ.

— Конфетно здѣсь у тебя. Жизни нѣтъ. Декорація для богатыхъ. Вонъ тамъ, смотри, шелопаи бѣлые на скамейкѣ сидятъ, сигары курятъ. Красиво, но зря все. Вотъ у насъ въ Лазаревѣ вкругъ огорода бронзовую рѣшотку этимъ лѣтомъ поставили. Пока фундаментъ выводили, всѣ эти тамъ артишоки, да огурцы и что тамъ еще—все повяло. Захламили. Садовникъ плачетъ. Не нужно, говоритъ. Къ чему? И дальше, говоритъ, ничего не выростетъ. Подъ бронзой фундаментище вонъ какой. Солнцу доступа нѣтъ. Коменданту отписали. Не суйтесь, отвѣчаетъ, не въ свои дѣла; Знобишинъ лучше знаетъ; да и я тоже; а въ огородѣ чтобъ росло все, что полагается. На то вамъ журналъ выписанъ. То-же и здѣсь. Все для виду. Будто для людей, какъ тамъ стѣна для огурцовъ. Анъ не для людей.

— А для кого же? А ты правду сказалъ...

— А чортъ ихъ знаетъ, для кого. Только не такъ все. Настоящаго нѣтъ. Эта вся чепуха съ бесѣдками...

И какъ же обрадовался Викторъ, что молча, себѣ лишь договорилъ, что вся эта чепуха съ бесѣдками только умирающимъ нужна.

И страшась правды, изъ проръхъ счастья высовывающейся

— Надя! Надя!

Закричалъ.

— Живи ты только. Живи ты! И все будетъ. И все какъ нужно будетъ, Надя.

И словъ тѣхъ, могущихъ напугать, испугался.

Какъ такъ? Съ ней нѣжно нужно, съ ней тихо.

— Витя, прощай. Давно мнѣ пора. До завтра.

— Кикимора опять?

— Нѣтъ. Не только кикимора.

И влекомые братъ къ сестрѣ, сестра къ брату, поцѣловались. И поцѣловались у окна стоя, у ночного. И опять дологъ былъ поцѣлуй — сто поцѣлуевъ. Но не смѣли руки. И потомъ не смѣли слова.

И ушла. И не провожалъ. И видѣли, слышали до утра сны свои.

III.

Сѣдой лунь, прозорливецъ хищный, въ тучахъ-облакахъ, рѣдко по-зимнему темныхъ, мѣсто себѣ выискалъ. Надъ Волгой надъ декабрьской, надъ бѣлой, сидитъ, когти въ тучу—въ облако вонзивъ. Сидитъ - высматриваетъ. Бѣло все. Каждаго мужичка чорнаго легко оттуда увидать, по льду тропой идущаго.

Смотритъ лунь бѣлый, облачный. Высматриваетъ.

Вонъ на верху горы дома разные. Много домовъ. Всѣ крыши подъ снѣгомъ, всѣ крыши бѣлыя. Одна крыша черна, и надъ чернотой своей золотомъ вершинъ своихъ говоритъ-кричитъ:

— Кто равенъ мнѣ?

Ежедневно съ крыши Макарова дома снѣгъ скидываютъ. А въ дни пурги къ фасаду лѣстницы подставляютъ, съ каріатидъ, съ карнизовъ снѣгъ метелками счищаютъ.

Декабрь. Рождество скоро. Изъ Петербурга на праздники студентъ Яша пріѣхалъ домой. Первокурсникъ. Въ пути веселый былъ и важный. Не мальчишка. Взрослымъ ровня. Не такъ оно устроилось въ Петербургѣ, какъ хотѣлъ: одному жить не позволили. Ну, да все же будто на свободѣ пожилъ.

Тогда, осенью, maman не уступила. Долгіе споры были и ссоры.

— И просить не смѣй. И что это въ самомъ дѣлѣ за упрямство! Тебѣ-же удобнѣе.

— Да вы же, мамаша, не знаете даже эту самую фрау Франкъ. Только то, что она нашей Эммѣ сестра. Всѣ студенты, мамаша, самостоятельно живутъ, въ меблированныхъ комнатахъ.

— И у тебя комната будетъ отдѣльная. Да чего ты просишь? Чего такъ ужъ присталъ? Значитъ, хочешь какъ-нибудь непозволительно себя въ Петербургѣ вести, если не хочешь въ знакомый домъ. Что ты надумалъ, Яша! Опомнись. Вѣдь, тебѣ двадцати лѣтъ нѣтъ.

— Ну, а когда мнѣ двадцать одинъ будетъ, тоже у нѣмки мнѣ?

— Ну, тогда посмотримъ.

Поселили Яшу у фрау Франкъ, на Пескахъ. Примѣрнымъ юношей до Рождества былъ. Еженедѣльныя письма отъ фрау къ родительницѣ успокоительны, хвалебны. Ѣхалъ домой, увѣренный въ удачѣ.

— Скажу: дѣти эти мнѣ нѣмецкія заниматься мѣшаютъ. И потомъ даль страшная. Въ университетъ ѣдешь, ѣдешь... Небось, рысаковъ у меня нѣтъ.

И еще разные планы.

— Денегъ, вотъ, не хватаетъ.

И обдумывалъ искусныя рѣчи. Про свои дѣла лишь мыслилъ. Обо всемъ забылъ. Ну, и о Витѣ, конечно.

Пріѣхалъ. Изъ вагона вышелъ, улыбающійся. Оглядѣлся.

— Ишь, черти! Хоть бы встрѣтилъ кто...

На площади у вокзала злобно сплюнулъ.

— Полны конюшни... Хоть бы лошадь выслали...

И злой и сконфуженный, почувствовавъ сразу себя опять мальчишкой въ родномъ городѣ, трясся въ звенящихъ извозчичьихъ санкахъ четыре версты. И морщась, отворачивался отъ впереди дремлющаго извозчика, такъ безобразно задравшаго ноги надъ сундукомъ. И шагомъ подымались по длинно извилистому взъѣзду. Бульваръ у крѣпостной стѣны. Повидѣлся домъ родной. Такъ еще недавно о домѣ несознанно гордыми думами мечталъ. Пустынная набережная верхняя. Дорога пошла ухабами. Темнѣетъ громада молчащая. И никого близко.

— Крѣпость проклятая.

— Къ парадному?

— Въ ворота! Въ ворота!

Противъ воли по всѣмъ окнамъ взоромъ скользнулъ. Никого. И черно-черно за стеклами цѣльными.

— Рубликъ ужъ пожалуйте.

— За восемьдесятъ пять порядился. Получай.

— Тоже, господа...

По чугунной лѣстницѣ — чорною называется — въ верхній этажъ вошелъ. Только экономку встрѣтилъ, Татьяну Ивановну, старушку бойкую, милую.

— Баринъ, баринъ! Съ пріѣздомъ, Яковъ Макарычъ. Все ли здоровъ, мой батюшка?

Лицо умильное. Глаза заискивающе глядятъ.

— И ужъ идетъ вамъ, батюшка, форма.

И вдругъ куда-то черезъ стѣны поглядѣла. И сразу заплакала, затряслась.

— Что такое? Что такое, Татьяна Ивановна?

— Викторъ-то Макарычъ! Не пишетъ ли хоть вамъ чего? Ахъ, батюшка, что у насъ дѣется...

— Опять про то же! Я почемъ знаю... Прикажите-ка лучше, Татьяна Ивановна, сундукъ мой поскорѣй наверхъ. Ишь копаются. Слугъ полонъ домъ...

И прошелъ въ свою комнату злой и глотнувшій пыльной какой-то скуки дома.

Комната старшаго сына Макара во дворцѣ его—узкая, низенькая въ одно окно. Надъ музыкальной аркой у большой залы выкроена та комнатка. И къ двери ея два приступка ведутъ. Окно въ садъ. Давно ужъ та комната Яшина. Въ четвертый классъ перейдя, здѣсь поселился. Тихо. Заниматься никто не мѣшаетъ. А музыки внизу давно нѣтъ.

Во всѣхъ трехъ этажахъ Макарова дома комнаты проходныя, амфиладами, съ громадными дверями, а много комнатъ арками разъединены лишь.

Удобной, тихой комнаты тогда искалъ Яша. И вотъ эту выпросилъ. Заперта стояла. Что-то сложено было тутъ.

Пятеро дѣтей Макаровыхъ въ верхнемъ этажѣ. Викторовы комнаты внизу. Давно туда ушелъ. Теперь нѣтъ Виктора. Вотъ еще Нади нѣтъ давно. Всѣхъ дѣтей у Макара семеро.

Тужурку снялъ. Умывается Яша, фыркаетъ злобно.

— Яша пріѣхалъ! Яша пріѣхалъ! Здравствуй, Яша!

Зиночка и Антоша вошли.

— Ну, зравствуйте здравствуйте! А, и Костя! Наше вамъ, Константинъ Макарычъ. И вы скоро въ Питеръ?

— Нѣтъ, не скоро еще. И не въ Питеръ я. Я въ сельскохозяйственное рѣшилъ. Въ Москву.

— Яша! Что съ Витей?

То Зиночка. Пугающимся голоскомъ спрашиваетъ, въ брата старшаго уставила глазки.

— Витя! Витя! Опять Витя... Да откуда мнѣ знать?

Ирочка, младшая, въ комнату влетѣла.

— Fräulein Emma!

Зиночка ей:

— А ну ее.

— Сторонись! Сундукъ ѣдетъ.

Сундукомъ отъ двери отрѣзанная, цѣломудренно-обезпокоенные взоры нѣмка въ комнату бросаетъ, увѣщевающія рѣчи Зи-

ночкѣ держитъ, нѣмецкія, о невозможности такого поведенія. И на студента безъ тужурки съ полотенцемъ на плечѣ еще разъ взглянуть не рѣшается.

Оглянулась нѣмка туда, въ корридоръ. И всѣ уже прислушиваются. Смятеніе въ Яшиной комнатѣ, въ маленькой. А по корридору близится явно торопливый, шолковый шопотъ юбокъ, всѣмъ такой знакомый во всѣхъ оттѣнкахъ гнѣва.

— Maman! Maman!

И не успѣла Зиночка ускользнуть, и не успѣла спрятаться.

— Зина! Сколько разъ тебѣ...

Быстро заговорила. И на Эмму упрекающе-злые взоры мечетъ.

— Яша! Что ты на письма толкомъ отвѣтить не умѣешь!.. А вамъ здѣсь дѣлать нечего.

Это къ младшимъ.

— Здравствуйте, мамаша.

— Тебѣ про Виктора сколько разъ писано было. А ты...

Обидою сердце Яшино доброе закипѣло. И передъ младшими братьями стыдно. Не слушаетъ. И къ чему въ крѣпость на праздники поѣхалъ! Дерзкую улыбку на лицо румяное вызвалъ.

— Я думаю, мамаша, поздороваться сначала не мѣшаетъ.

И на младшихъ братьевъ глаза скосилъ. Но тѣ прочь изъ комнаты, вслѣдъ за уведенной сестрой. Костя чуть ноги передвигаетъ и гулко ворчитъ.

На старшаго сына Раиса надвинулась. И страхомъ и гнѣвомъ глаза сощурились. И правая рука за цѣпочку тонкую золотую на груди ухватилась.

— Ты опять скандалить! Чуть пріѣхалъ въ родительскій домъ, ужъ скандалить! Отецъ для васъ ничего не жалѣетъ, а вы отца огорчать! Отецъ изъ за Виктора ночей не спитъ. А теперь ты... Тебя про Виктора спрашиваютъ. Отвѣчай, писалъ ты ему, что тебѣ велѣно было?

— Не писалъ и писать не намѣренъ.

— Что? Что? Матери...

— Не буду писемъ подъ диктовку писать. У насъ въ университетѣ диктанта нѣтъ. Пусть Костя пишетъ, благо онъ въ третьемъ классѣ. А то Ирочкѣ велите.

— Яковъ!

— Оставьте, мамаша. Сказалъ: не напишу. И не поѣхалъ бы сюда, если-бъ зналъ, что у васъ здѣсь опять сумасшедшій домъ...

Рѣшительнымъ жестомъ Раиса Михайловна стулъ придвинула. Сядетъ. Разговоръ на полъ-дня. Крикъ. И рѣшился Яковъ

на испытанную диверсію. Лицо свое показалъ жалобнымъ, раскаяннымъ; къ матери шагнулъ.

— Ну, не буду, мамаша. И давно ужъ написалъ бы, если-бъ иначе вы... Простите.

Подѣйствовало. Сорвалась. Шурша шолкомъ, изъ комнаты кинулась, обиженно-злобно повторяя:

— Напросишься ты у меня... Напросишься...

Всегда такъ бывало. Изучилъ добродушно-хитрый Яковъ Не сдаваться матери—не отстанетъ, изведетъ. Сдаться, притвориться несчастнымъ или дѣйствительно несчастнымъ стать,—загордится, дня на три замолчитъ. Пусть какъ слѣдуетъ прощеніе выпроситъ провинившійся. Всегда такъ. И съ наибольшей ловкостью умѣлъ пользоваться этимъ Яковъ. Сначала несознанно.

И теперь, оставшись одинъ, Яковъ поморщился, потомъ выругался, и, стараясь успокоиться, принялся за свой сундукъ, насвистывая.

Причесался. Надѣлъ сюртукъ. Во второй этажъ пошелъ. Съ отцомъ здороваться. По столовой Макаръ Яковлевичъ, довольный, прохаживался, съ наѣздникомъ, у двери почтительно стоящимъ, мирно кричалъ-бесѣдовалъ.

— Здравствуйте, папаша!

— А, здравствуй, здравствуй!

Руку поцѣловать не далъ. Сына въ щеку самъ поцѣловалъ, ласково его оглядывая.

— Ты когда, Яша, обратно въ Петербургъ?

— Въ январѣ думалъ, числа пятнадцатаго.

— Вотъ жаль, не успѣлъ я тебѣ телеграмму послать; черезъ Москву ты ѣхалъ. Въ Москвѣ бы ты дѣло одно сдѣлалъ. Зайцевъ конюшню прекращаетъ. Посмотрѣть бы.

— Да я съѣзжу.

— Куда? Куда? Что зря гонять! Нѣтъ, а ты по пути заѣдешь. Только пятнадцатаго поздновато. На праздникахъ все равно много онъ не распродастъ, а числа бы пятаго, ну—десятаго надо бы. Вотъ что. Уѣзжай ты пятаго въ Петербургъ.

— Хорошо, папаша!

— А я тебѣ тутъ какъ-нибудь все растолкую, что надо. Стой-стой! Поди-ка сюда. Нѣтъ, спереди ничего. А сзади постригись непремѣнно. А воротникъ чуть высокъ. И что ты усы носишь?

— Да я и самъ хотѣлъ сбрить.

— Ну, завтра, завтра.

— И сегодня могу.

— Нѣтъ, завтра, завтра! Гдѣ ты тамъ сбрѣешь. А мой ужъ ушелъ. Не забудь завтра придти, когда я бриться буду.

Вошла maman. Чуть въ развалку, на нее не взглянувъ, вышелъ

сынъ изъ комнаты пятиоконной. И черезъ минуту въ верхнемъ, въ дѣтскомъ этажѣ на всѣ комнаты весело покрикивалъ:

— Антоша! Антоша! Гдѣ ты? Иди въ мою комнату!

И дверь притворивши, бесѣдовали, и не разъ принимались хохотать.

Антошѣ скоро пятнадцать лѣтъ. Одинъ онъ изъ всѣхъ братьевъ и сестеръ смуглый, волоса темные, островзглядный. Учится бойко. Выспрашиваетъ Яковъ Антошу про все про здѣшнее, а главное — про Виктора, какъ и что было, какъ это столпотвореніе вавилонское произошло. И разсказываетъ Антоша, лицомъ своимъ подвижнымъ изображая ужасъ и гнѣвъ maman, и по записной книжкѣ читаетъ рядъ писемъ.

— Я, конечно, копіи снялъ.

И не боясь помѣхи, радостно смѣются въ маленькой, на особый манеръ уютной комнатѣ Яшиной. Всюду здѣсь полочки, шкапы. Книги Яшины удобно такъ вездѣ приткнулись. На гвоздикахъ платье Яшино виситъ. Уютно. Будто и не въ крѣпости.

— А молодецъ Витя!

— Молодецъ. Гонору онъ съ нея посбавитъ.

— Ну, это-то, пожалуй, Антоша, и не такъ. Крѣпка наша maman.

— А какъ ты, Яша, думаешь? Не вернется онъ въ крѣпость? По моему, нѣтъ.

— Кто его знаетъ! Мнѣ писалъ: ни за что не вернусь. Только какъ онъ съ деньгами? На первые-то мѣсяцы онъ ловко выманилъ. И съ этимъ, съ Мvроносицкимъ тоже ловко. А дальше что?

— Да, вѣдь, теперь ему, Яша, послѣ этихъ всѣхъ писемъ да телеграммъ все равно не житье здѣсь. Съѣдятъ.

— Ну, все-таки. Не нищенствовать же тамъ, по заграницамъ. А потомъ университетъ. Онъ, вѣдь, когда гимназію мы кончали, непремѣнно хотѣлъ. Учиться любилъ... Теперь все равно, конечно, а тогда я золъ на Витю былъ, когда онъ меня въ шестомъ догналъ. Непремѣнно онъ въ университетъ поступитъ. Ну, кстати, и въ крѣпость заявится. Правда, писалъ мнѣ въ Петербургъ, что живописью очень увлекся. Ну, да заявится. И здѣсь онъ все красилъ, только несерьезно это у него. Вотъ увидишь, заявится.

— И напрасно, Яша.

— Почему?

— А потому, что хорошій это урокъ для maman. Да и коменданту тоже.

— Какой тамъ урокъ! А вамъ велѣла письма Витѣ писать?

— Рѣшено было, что ты сначала напишешь. Старшій братъ.

Я, знаешь, тогда цѣлую ночь не спалъ, все твердилъ: пусть не напишетъ! пусть не напишетъ! Это про тебя. И молиться принимался. Молодецъ ты.

Въ окно заглянувъ на снѣжный садъ въ каменныхъ стѣнахъ высокихъ, улыбнулся Яковъ, довольный.

— Антоша! Про заграницу кстати: что Надя?

— Кажется, плохо... Вотъ что, Яша. Устрой мнѣ одно. Хочу я внизъ переселиться, въ Витины комнаты.

— Ишь, чего захотѣлъ!

— А развѣ ты хочешь? Тогда переходи ты. А я въ твою, сюда.

— Нѣтъ. Я ужъ здѣсь привыкъ. Да и что мнѣ теперь! Если на праздники и прiѣду, такъ мѣсяцъ какой-нибудь. А лѣтомъ, все равно, въ Лазаревѣ.

— Такъ похлопочи.

— Вѣдь, самъ знаешь: maman теперь...

— Ну, когда заговорите... Или прямо къ коменданту пойди. Очень ужъ мнѣ хочется.

И всталъ Антоша. И отъ окна къ двери забѣгалъ, серьезно-умоляюще на старшаго брата взглядывая.

А первый студентъ ему лукаво-важно:

— Ну, чего болтаешь? Адвокатской нашей науки совсѣмъ не разумѣешь. Теперь-то ужъ во всякомъ разѣ обождать надо, пока содомъ здѣшнiй изъ за Вити не угомонится. Maman-то что скажетъ? Стало быть, вы, разбойники, про Виктора знаете, что не вернется онъ! Стало быть, вы съ нимъ за одно были! А Викторъ всегда былъ хорошiй мальчикъ, и это ты его, Яковъ, смутилъ. Ну, ужъ нѣтъ! Самъ проси. Но, конечно, и тебѣ не совѣтую.

— Ахъ, чортъ! Вѣдь, правда.

И любовно на брата поглядѣлъ. На перваго студента.

— Такъ-то, Антоша. Выждать тебѣ придется. А что? Или Костя мѣшаетъ?

— Всѣ мѣшаютъ. И такъ какъ-то. Не комната вовсе.

— Ну, надоѣло мнѣ! Потомъ разложу все это. Къ верхней бабушкѣ пойду. Хочешь со мной? Да ты не бойся: теперь тебѣ со мной безопасно. Не тронетъ maman до самаго того дня. И ты отверженный будешь. Зато потомъ держись.

— Поддержусь. Идемъ. До обѣда.

— Ну, я-то и къ обѣду, пожалуй, не приду. Впрочемъ, нѣтъ. Приду. Комендантъ за меня. А что дядя Сережа?

И слушалъ братнины слова, и аккуратно запиралъ полувыгруженный сундукъ свой.

— А ты, Яша, не забудь. Завтра намъ всѣмъ къ нижней бабушкѣ на обѣдъ. Воскресенье.

— А ты думалъ, я въ Петербургѣ всѣ здѣшніе порядки перезабылъ? Нѣтъ, братъ. Ночью разбуди—экзаменъ выдержу.

И засопѣлъ надъ сундукомъ, чуть застыдившись словъ своихъ откровенныхъ, брату младшему наговоренныхъ.

IV.

Послѣ смерти дѣдушки, Михайлы Филипыча Горюнова, въ дому его, въ дому подъ сѣнью бѣлой колокольни Егорія пріютившемся, мебель по нынѣ все такъ же стоитъ.

Но въ кабинетикѣ однооконномъ, гдѣ ясеневая конторка съ протертой клеенкой, въ кабинетикѣ, гдѣ нѣкогда купеческія дѣла вершились и купеческія тайны умирали, и гдѣ послѣднее стариковское горе запойное допито было, въ кабинетикѣ томъ нынѣ сынъ Сережа живетъ.

Но въ мезонинныхъ двухъ комнаткахъ, гдѣ не такъ давно Пелагея тѣломъ страдала, душою умиляясь и готовясь повседневно въ обитель-ли ту бѣлую, вѣчную, далекую, въ обитель ли близкую, гдѣ одѣянія черны и гдѣ духъ лампадный,—въ тѣхъ комнаткахъ мезонинныхъ Дорофеюшка, сестра ея, теперь живетъ, чуть о сестрѣ покойницѣ помнящая. Да и помнитъ ли? Быть можетъ, матернины то разсказы.

Въ обѣднѣвшемъ домикѣ своемъ вдова Горюнова купца посты соблюдаетъ, лампады теплитъ, съ кухаркой бранится. А тутъ къ службѣ заблаговѣстили. А тутъ принарядиться надо: Раиса, дочь-благодѣтельница пожалуетъ.

И мало говорятъ съ нею, и разною съ матерью жизнью живутъ Сережа и Дорофеюшка.

Мать свою огорчаетъ Сергѣй невѣріемъ; Раису сестру и невѣріемъ, и соціализмомъ, и тѣмъ еще, что не кончилъ гимназіи. Дорофеюшку огорчаетъ Сережина чахотка.

Дорофеюшка же огорчаетъ мать свою гордостью, почтительною нелюбовью къ старшей сестрѣ-благодѣтельницѣ и тѣмъ еще, что просится на курсы. Сестру же свою старшую Дорофеюшка огорчаетъ и оскорбляетъ всѣмъ своимъ существомъ и тѣмъ еще, что всѣ дѣти Раисины, всѣ Макаровичи, Дорофеюшку любятъ и зовутъ ее Дорочкой. И такъ повелось, что нельзя имъ сюда къ верхней бабушкѣ путь заказать.

Яковъ съ Антономъ вышли. Во дворѣ увидѣлъ Яковъ: младшій наѣздникъ изъ каретника въ саняхъ выѣхалъ, въ бѣговыхъ.

— Стой! Мы поѣдемъ.

— Что ты? Что ты, Яша?

И на окна дома оглянулся Антонъ. Спальня во дворъ окнами.

— Ну, слѣзай. Я поѣду. Садись, Антоша.

И шопотомъ наѣзднику:

— Иди къ Горюновымъ. Тамъ возьмешь.

Нѣтъ мѣста третьему. Едва двумъ помѣститься въ санкахъ. И шинель подъ ноги кинувъ, молодцевато глядитъ на окна дома, едва сдерживая трехлѣтка.

— На всякій случай.

И храпя и пугаясь, изъ воротъ, на поворотѣ задыбывшись, вынесъ конь. И два раза всю набережную проѣхали. На ухабахъ чуть сдержать. Въ окно столовой отцу Яша кивалъ, боясь съ лошади глазъ отвести. И Макаръ Яковлевичъ стучалъ въ окно пальцемъ, кивая любимому сыну.

Третій разъ мимо Горюновыхъ дома проѣзжая, заворотилъ, подкатилъ Яковъ. Наѣзднику поджидающему:

— Скажи: зазябли мы. Пѣшкомъ пройтись охота.

Раздѣвались въ темной прихожей. Слушали изъ зальцы бормочущій говоръ старчески-ласковый.

— Ахъ, внучекъ! Ахъ, внучекъ любимый, Яшенька.

— Здравствуйте, бабушка.

— Здравствуйте, бабушка.

— Здравствуйте, внучата милые. Яшенька-то! Яшенька-то какой!

— А Дорочка дома?

И сидѣли у стола преддиваннаго, и умилялась вдова рыхлая старика Горюнова.

— Вотъ внучонки здѣсь сидятъ. А тогда Макаръ Яковлевичъ женихомъ пріѣзжалъ.

Дорочка вошла. Съ обоими поцѣловалась. Антонъ молчитъ. Яковъ:

— Тетушкѣ Дорочкѣ почтеніе.

Дорочка, на Антона косясь, Якову говоритъ:

— А меня все не пускаетъ мамаша.

— Это на курсы? Бабушка, отпустите.

И смѣялись, слушая бабушкины рѣчи невразумительныя.

— Уѣзжайте, Дорочка, въ Петербургъ. Вотъ я скоро ѣду. Со мной. На курсы поступите.

— Ахъ, что ты, Яшенька. Оставь ты это...

— Хорошо, бабушка, только вы напрасно все... Убѣжитъ Дорочка.

— Ахъ, Яшенька, ахъ, внучекъ любимый. Накликаешь...

— И накликаю. Конечно, накликаю. И ты, Антоша, накликай. Какъ же намъ быть, Дорочка? Просто я васъ выкраду. И въ Питеръ увезу.

И поглядывали на верхнюю бабушку. И тихо, и крадучись смѣялись. Антонъ же, и здѣсь самый темноволосый, молчалъ, невѣрными взглядами поглядывая на стѣны. И сказалъ Антонъ:

— Я къ дядѣ Сережѣ пойду.

И кто-то сказалъ:

— Иди.

У дяди Сережи кто-то лохматый сидѣлъ. Тихо такъ разговаривали-спорили, боясь слова свои туда, въ ту комнату враждебную, впустить. И сѣлъ поодаль, чтобъ не помѣшать. И молчалъ. И слушалъ. Скоро пересталъ коситься недружелюбно лохматый. Или ужъ не видитъ Антошу, мальчика робкаго? Космы свои на высокій лобъ свѣсивъ, гудитъ ворчливо въ лицо Сережино убивающими словами. Погудитъ, остановится и взвизгнетъ:

— Это разъ!

И правой рукой отсѣчетъ голову врага Горыныча.

— Постой-постой! Потомъ скажешь.

И опять гудитъ. И опять:

— Это два!

И второй головы нѣтъ у Горыныча.

Дядя Сережа стуломъ скрипнулъ, поблѣднѣлъ и потъ со лба вытеръ, принудивъ себя молчать. А когда къ ногамъ спорщиковъ покатилась третья голова Горыныча, поспѣшно карандашомъ записалъ Сережа десятокъ словъ на промокательной, чернилами испещренной бумагѣ стола.

Глядѣлъ Антоша близко снизу въ заросшее лицо Сережина врага и начиналъ понимать. Не впервые видѣлъ его здѣсь. И злой голосъ его ненавидѣлъ.

— Зачѣмъ споритъ съ милымъ Сережей? Дядя Сережа такой умный. Умнѣе гимназическихъ учителей. И всѣ эти толстыя книги прочиталъ. И на полкахъ книги, и на полу.

И жутко-милы Антону растрепанныя книги. Нѣтъ такихъ въ крѣпости. И нѣтъ полокъ такихъ даже въ Яшиной комнатѣ. Струганныя доски еловыя.

— Зачѣмъ дядю Сережу переспорить хочетъ?

Но вотъ Сережинаго лохматаго врага слова каменно убѣдительныя показались такими простыми, неоспоримыми. И взглянуть на Сережу боится изъ своего угла. Или потому лохматый нынѣ побѣдитель, что на высокомъ табуретѣ сидитъ у дѣдовой конторки? Подъ потолкомъ рукой машетъ. Но нѣтъ. Какъ не согласиться? Какъ оспорить слова его?

И боится на дядю Сережу взглянуть. На миломъ лицѣ его

скорбь непомѣрную увидишь. И видитъ на полу вытертомъ давно-давно крашеномъ, безголовое уже тѣло Горыныча, чуть копошащееся А тотъ опять рубитъ. А Горынычъ — то Россія, родина, русскій народъ святой, въ вѣкахъ предначертанная миссія.

Издалека слышитъ Антонъ Сережино:

— Кончилъ?

— Могъ бы и раньше кончить.

То лохматый, уже лѣниво-презрительно.

И, союзникъ побѣжденнаго, боязливо прислушивался Антонъ къ тихому голосу Сережиному, къ береговому шопоту, отзвуку глубинно-далекой бури. И побѣдоносцемъ зачарованный долго не слышалъ, не понималъ Сережинаго:

— ...и потому ты, Григорій, еще не правъ, потому не правъ, что въ тебѣ злоба. Если впустимъ въ себя злобу, справедливую или несправедливую—все равно, то какой же споръ тогда! Конечно, Россію по боку. Конечно, лучшая страна та, гдѣ жить легче. Вотъ я сейчасъ про злобу. Про справедливую злобу неправда. Нѣтъ такой. Ну, человѣки мы всѣ. Ну, крупица злобы пусть зародится. Но пусть и потонетъ въ большой любви. А безъ любви нельзя отстоять никакого положенія. Развѣ что дважды два. А такихъ истинъ у насъ съ тобой много.

— А тебѣ фетишъ нуженъ?

— Подожди. Безъ любви, говорю, нѣтъ спора. Для того есть вѣсы и таблицы. Безъ любви нельзя ни красоты видѣть, ни исторіи предугадывать.

— Скажи: пророчествовать.

— Или пророчествовать. Это не смѣшно. Люблю и вѣрю. Потому пророчу народу слезъ, народу мукъ несказанныхъ, народу терпѣнія необычное развитіе и конечную побѣду.

— Люблю и вѣрю. Безъ троицы домъ не строится. И надѣюсь? Такъ?

— Я не буду говорить съ тобой о послѣдовательности этихъ понятій.

И строго посмотрѣлъ на лохматаго Григорія.

— Но скажу тебѣ... Слушай: когда нужна будетъ новая правда изверившейся Европѣ, она повернется къ Востоку. И насъ спроситъ...

— А когда Россіи нужна будетъ новая правда, она повернется къ африканскимъ лѣсамъ, и спроситъ обезьянъ. Вѣдь такъ?

Приближались голоса. И вотъ вошли въ комнатку и Дорочка, и Яша. Здоровались съ Яшей эти двое. Плыла издалека бабушка.

Да, кстати, и до свиданія. Пора намъ съ Антошей.

И не видя себя въ дыму чужой битвы, жалъ руку лохматаго Григорія Антоша, и жалъ руку дяди Сережи, любимаго.

И потомъ ужъ, въ прихожей прощаясь съ Дорочкой, вспомнилъ, какъ она люба ему.

— Опоздали мы съ тобой, Антоша. За столъ садятся.

То Яша на часы, отца подарокъ, смотритъ.

— Развѣ?

— Вотъ и развѣ. Глупый городъ: извозчики не тамъ, гдѣ ихъ надо.

— Припустимъ. А?

— За церковь зайдемъ—побѣжимъ. Только, чуръ,—въ ногу бѣжать. По-манежному. Исподволь. Ну, теперь можно. Лѣвой! Разъ-два. Разъ-два. Руки ближе. Разъ-два.

У дома тише. Смѣющіеся, румяные, Татьяну Ивановну спрашивали:

— Не опоздали?

— На двадцать еще минутъ отсрочка. Корнутъ Яковлевичъ у насъ сегодня обѣдаютъ. Прислали сказать. Засѣданіе кончится — къ намъ, безъ четверти. Въ комитетѣ какомъ-то засѣданіе.

Въ кухню побѣжала.

— Ну, Антоша! Пойдемъ на двадцать минутъ къ тетѣ Сашѣ, благо близко.

И черезъ дворъ, пятнадцать шаговъ ступивъ, вошли.

— А! Матьеся!

— Здравствуйте, бариночки.

— А что, трясогузка, гдѣ тетя Саша? Дома?

— Дома, дома. Пожалуйте.

И смотрѣли на тети-Сашины красивыя стѣны, весело-старыми узорами оклеенныя.

И косились на портретъ лихого Сампсона, лицомъ задорнымъ пытавшагося выскочить изъ опостылѣвшей траурной рамки съ креповымъ бантомъ.

И смотрѣли попугая бѣлаго въ клѣткѣ. И дразнили, слушая бормотанье тети Саши, давно уже надѣвшей парикъ.

Наверху въ большой залѣ тягуче-длинный обѣдъ. Или еще длиннѣе онъ отъ медлительно важныхъ поющихъ рѣчей Корнута. Усы тонкіе, нафиксатуаренные, рукой выхоленной покручиваетъ. Кольцами, перстнями многоцвѣтными рука сверкаетъ. И еще браслетка-обручъ золотой. Медленно и мало ѣстъ, но много краснаго вина вливаетъ въ маленькое свое горбатое тѣло, искусно одѣтое заграничными мастерами. Подъ жилетомъ корсетъ и много, говорятъ, еще разныхъ фокусовъ. Тянетъ, выма-

тываетъ изъ себя слова скромно-хвастливыя о великихъ своихъ замыслахъ и свершеніяхъ. Молча вся семья Макарова слушаетъ. Самъ Макаръ тихій сталъ. И мало ѣдятъ. Но Яша рѣшилъ поѣсть всласть.

Вторую бутылку допилъ Корнутъ, также важно-нудно о нянькѣ о своей, о Домнѣ Ефремовнѣ принялся разсказывать.

— Все хвораетъ нянька. Выпишу изъ Москвы профессора.

V.

Въ дому на Торговой праздникъ воскресенія. Она умираетъ. Но не хочетъ знать объ умираніи своемъ вдова желѣзнаго старика. По воскресеньямъ длинный столъ въ столовой рабы чинные, безшумные, съ утра уставляютъ, украшаютъ. Въ далекой кухнѣ стукотня.

Въ пять обѣдъ. Съ четырехъ съѣзжаться гости стали.

Вѣтви могучаго древа уцѣлѣвшія сползлись къ тому мѣсту, гдѣ корень древа усохъ. Сползлись вѣтви, змѣи живучія, и змѣеныши, вѣтки зеленыя съ ними.

Подъ нетускнѣющими взорами желѣзнаго старика, со стѣны изъ рамы золотой глядящаго, тѣсно въ гостиной обширной роднѣ разновозрастной и немногимъ чужимъ почетнымъ гостямъ.

И говоръ тихъ. И часто прерывается. Макаръ покричитъ, побѣгаетъ, но тоже ненадолго. Младшіе отпрыски около птичьихъ клѣтокъ толпятся, около золоченыхъ. А одна птичка заморская не живая въ круглой клѣткѣ на розовомъ кустѣ сидитъ; ключикомъ золотымъ заводится птичка; головкой вертитъ, соловьемъ заливается; а перья на ней всѣхъ цвѣтовъ. И живыхъ много птицъ. И подолгу лишь ихъ говоръ радостно-грустный, забвенно-свободный слышенъ въ дому. Или безъ хозяйки гостямъ скучно?

Пять разъ ударили часы за дверями, въ столовой горницѣ. И сѣдой лакей, свѣже-бритый, распахнулъ нескрипящія двери. И тогда же раскрылась дверь въ гостиную изъ внутреннихъ покоевъ хозяйки. И ведомая подъ-руки двумя женщинами въ бѣлыхъ чепцахъ, перешагнула порогъ вдова желѣзнаго старика. Древняя, благообразная, въ темныхъ шелкахъ, благоухающая. Беззубая, но свѣжая улыбка ея ласкова. И ласковъ тусклый уже взглядъ, являющій забвеніе многихъ вещей и событій земныхъ.

Женщина въ бѣломъ чепцѣ, та, что у правой руки, руку ту правую госпожи своей къ гостямъ чуть протянула и поддержи-

ваетъ. И стали подходить, къ рукѣ той прикладываться отпрыски желѣзнаго рода. И мало словъ при этомъ говорилось. И то задержитъ къ ней склонившагося вдова желѣзнаго старика на мгновеніе шопотнымъ добрымъ словомъ, то тяжело вздохнетъ и глаза отведетъ и руку отдернетъ. Но то не житейскаго слушалась голоса разсчетливаго, но голоса старости своей, раздвигавшей передъ ея очами стѣны дома каменнаго и показывавшей за стѣнами тѣми бѣлыя поля.

И всѣ отошли. И двинулись эти трое въ двери столовой горницы. И близко позади, палочкой подпираясь, сіяя двумя орденами, кивая всѣмъ дружелюбно-важно, прослѣдовалъ медикъ Генрихъ Генриховичъ.

Чинно разсаживались, къ мѣстамъ своимъ за длиннымъ столомъ привыкшіе. Не стуча, разставляли лакеи нѣмые тарелки съ супомъ. И не стуча приступали гости къ трапезѣ. Лишь сосѣдъ сосѣду полушопотомъ слово молвитъ. Во главѣ стола видятъ въ креслѣ кожаномъ, большомъ, кануномъ иного сна дремлющую хозяйку дома сего. И приняли нѣмые люди суповыя тарелки по знаку сѣдого. Бровями мохнатыми знакъ подалъ. И тогда знакъ подала хозяйка дремлющая, ничего не вкушавшая. И приблизились тѣ двѣ въ бѣлыхъ чепцахъ. И подъ руки взяли. Подняли и повели. И улыбаясь, кивала чуть головою дрожащею. И умѣла лицо свое показать ласковымъ и веселымъ. И, вставъ, кланялись гости молча. И важно бодрясь, прослѣдовалъ за удалявшеюся Генрихъ Генриховичъ, медикъ. И плотно закрылись двери. И эти, и тѣ. И на длинномъ сверкающемъ столѣ застучало серебро старое, зазвенѣлъ хрусталь. Здѣсь и тамъ слова изъ шопота поднялись.

Макаръ Яковлевичъ, круглый, съ лицомъ здорово-розовымъ, бритымъ, черезъ столъ Корнуту Яковлевичу:

— И что тебѣ больница! Строй лучше доходный домъ. Больницы городъ долженъ строить. Или съ насъ налоговъ не дерутъ!

Стакана съ краснымъ виномъ отъ губъ не отстраняя, важно младшій братъ, горбатый:

— Мы, граждане, городу родному должны по мѣрѣ силъ на помощь приходить. И это меньшее, къ чему насъ долгъ обязываетъ. А главный нашъ долгъ: послужить отечеству. Вотъ съ больницей справлюсь, тогда...

— Что тогда? Отечеству послужишь? Дудки! На то у насъ съ тобой капиталу не хватитъ. А городу помогать, думцамъ этимъ, толстопузымъ бездѣльникамъ—развратъ одинъ. Ты имъ больницу сгрохаешь, Семенъ—канализацію; къ Семену они ужъ приставали. Что будетъ?..

— Польза будетъ. Обществу польза. А намъ благодарность за исполненный долгъ.

— А, благодарность! Проговорился. Не знаю, какъ кому, а мнѣ этихъ побрякушекъ не надо. Польза будетъ? Польза? Вредъ будетъ. Вотъ я сдуру въ Лазаревѣ церковь отремонтировалъ. Не людямъ хотѣлъ, не обществу, а Богу. И то что вышло!

— Что же вышло?

— А то, что у меня полна корзина просительныхъ писемъ оттуда, и ходоки разные пороги обиваютъ. Вы, благодѣтель нашъ, и школу соорудите; и съѣздъ ужъ больно плохъ. И какую-то тамъ еще общественную крышу.

— Ты и сооруди.

— Сооруди! Сооруди! Небось, Обжоринъ имъ только два кабака соорудилъ за то время, какъ я имъ постройками разный доходъ даю. Нѣтъ! Вотъ что скажу: на моей землѣ моими постройками я имъ хлѣбъ даю. Подвозъ матеріаловъ, землекопныя работы, мало ли еще что... А церковь имъ отремонтировалъ—вредъ причинилъ, развратилъ. Если я имъ сегодня школу, завтра—съѣздъ или, чортъ ее знаетъ, какую-то общественную крышу, такъ, вѣдь, они потомъ, сукины дѣти, гвоздь собственноручно забить полѣнятся. Вы ужъ, благодѣтель, и гвоздикъ. Народа ты нашего русскаго нестоющаго не знаешь. Вѣдь, если какое-нибудь дѣло въ часъ сдѣлать или сутки клянчить, чтобъ сосѣдъ сдѣлалъ, что́ русскій оболдуй выберетъ? Конечно, сутки безъ шапки простоитъ, спину согнувши у чужого крыльца. Да вотъ у этого самаго проклятаго Лазарева, верстахъ въ двухъ, рытвина. Едва проѣхать. Все забывалъ я послать туда землекоповъ. Ѣду въ прошломъ году. Опять она. Нѣтъ, думаю. Стой! Вдвоемъ съ кучеромъ камнями завалили. Изъ овражка, тутъ же рядомъ, камни вотъ этакіе таскали. Ну, конечно, пальто къ чорту, и къ поѣзду опоздалъ. А на той рытвинѣ, можетъ, однѣхъ рессоръ съ Адамовыхъ временъ на десятки тысячъ поломано было... Сволочи! Тоже вотъ и наши отцы города сиволапые. Больницу имъ, конечно, канализацію имъ! Они тебѣ покланяются. На это ихъ взять.

Перебивая другіе застольные разговоры, гудѣлъ увѣренный Макаровъ голосъ. И разновозрастные молодые Макаровичи, здѣсь же сидѣвшіе, пятеро, надъ тарелками потупившись, въ ротъ отца порою взглядывали, и различныя чувствованія, думы кривили украдкой ихъ лица юныя.

Привычнымъ ухомъ гулъ крика повседневнаго не улавливая, Раиса Михайловна глаза близорукіе, упорные, съ лица каменно-недвижнаго, съ лица давно уже злого, устремила сквозь

стѣны каменныя, мимо лицъ родственныхъ, туда, туда, въ чужеземные края, гдѣ непорядокъ, гдѣ бунтъ.

— И противъ кого бунтъ? И что-то будетъ? Ничего для нихъ не жалѣютъ. Нельзя же безъ строгости. Вотъ этотъ тоже. Вѣдь, не денегъ жалко. Нельзя съ младыхъ ногтей тысячами играть. Другіе бы счастливы были, въ такомъ дому живя. А эти...

И на каждаго пристально взглянула. И лишь младшая дочка, Ирочка, девятилѣтняя, глазъ не отвела.

— Нѣтъ. Построже. Построже. Этимъ двумъ гувернера... Или въ Москву на полный пансіонъ... Объ Зиночкѣ подумать. Что придумаешь... Только эта Эмма слаба... Ну, успѣется. Здѣсь-то успѣется. Тамъ-то вотъ что? Того какъ спасти?..

И злые, и страдающіе взоры упорные даль сверлятъ. Ищутъ, ищутъ.

— И скорѣе, скорѣе. Оттуда, изъ-за моря зараза въ домъ невидимая, ежечасная. И зачѣмъ отпустила? Но кто могъ ожидать? Самый тихій, самый ласковый... Объ немъ больше всѣхъ думала. И предъ отцомъ сколько разъ выгораживала. Думала, вотъ... Не ждала отъ тебя обиды такой, удара.

— Что-съ, Раиса Михайловна?

— Пожалуйста, Семенъ Яковлевичъ, лимонаду.

Рукою дрожащею наливалъ только что проснувшійся отъ лицезрѣнія сонно-мучительнаго дочки своей Вари, тамъ вонъ среди Макаровичей сидящей. Второй и послѣдній ребенокъ Настасьинъ. Варя, Варинька, Варикъ. Сколько радости тихой и гордой. Сходство всѣ замѣчаютъ съ отцомъ. И сколько муки адовой, нескончаемой. Кто убѣдитъ? Кто успокоитъ? Но и въ минуты увѣренности отцовской она, Варя, мучительница его. Гдѣ тотъ, первый, безспорный?.. Тогда за границей, на водахъ... Гдѣ Никандръ? Увезла. Не отдаетъ Настасья. И говорятъ люди: имѣетъ право; законъ. Почему такой законъ? А въ тѣ рѣдкіе часы лучше бы и не видѣть. Не то совсѣмъ. Звѣремъ смотритъ. Это на отца-то. Еще-бы! Научаетъ. Нѣтъ! Откупиться! Откупиться!.. Откупиться, чтобъ она торжествовала? Чтобъ по столицамъ трепалась и шампанское пила съ гусарами на свободѣ? Нѣтъ! Разводъ и ни копѣйки. Ей, вѣдь, только деньги нужны... А тогда сына не отдастъ... Этотъ, петербургскій, молодой, смѣлый такой: есть, говоритъ, выходъ; выкрадемъ Никандра, гдѣ-нибудь до срока спрячемъ. Пусть сама судится. Надоѣстъ ей и броситъ. Да какъ же это? Выкрадемъ... Въ сказкахъ только... Ну, и законы...

Или, говоритъ, уѣхать отсюда нужно. Тогда она переста-

нетъ. Она денегъ ждетъ. Какъ отсюда уѣду? Нѣтъ, ты ее заставь уѣхать и Нику отдать.

И помимо Вари бѣленькой и помимо крестниковъ своихъ хорошенькихъ въ стѣну уставилъ глаза круглые, неподвижные.

— Ты мнѣ, Макаръ? Такъ, вѣдь, я имъ на канализацію ничего не далъ.

VI.

Медленное ли умираніе, или вихремъ несущаяся птица въ туманахъ міра рожденнаго чувства несказаннаго? Кто побѣдитъ? Но борьба ли то? И нужна ли очевидная побѣда?

На бѣлыхъ коней, о камни разбивающихся, смотрятъ; другъ на друга смотрятъ, то застыдившись и мгновенно, то юной мудростію и долго. И слѣдятъ ходъ тайны великой въ душахъ, по новому заговорившихъ съ небомъ и съ землею.

— Витя. Да это и не камни совсѣмъ. Что ты! Пусть ужъ эта синька будетъ моремъ. Не спорю больше. Но камни...

— Это и не камни вовсе. Это будутъ старики. Стариковы рожи. Знаешь, такіе красные старики-великаны. Головы имъ отрубили, на берегъ бросили. Головамъ жить хочется, а жить недолго. Онѣ воду пьютъ. Сказка такая.

Затихла Надя, въ плетеномъ креслѣ, сидя у мольберта братнинаго, въ песокъ поставленнаго.

— Такъ-то, дѣвочка моя. Сказки только. Только сказки. Природу все равно лучше, чѣмъ она есть, не накрасишь. А что у меня еще плохо выходитъ, это не бѣда. И что мой monsieur professeur ругается, это тоже ничего. При тебѣ онъ только ругается, а съ глазу на глазъ, случается, и похвалитъ. Разныя такія французскія слова паточныя. Такъ-то, дѣвочка. Старики народъ хорошій, только всего себя имъ отдавать не дѣло. А то всякій учитель чистописанія сдѣлаетъ изъ тебя учителя чистописанія. У насъ, вотъ, Иванъ Стаканычъ былъ... Опять эта Жолишка на горизонтѣ... Брысь!

Муштаблемъ по камню застучалъ, погрозилъ. Улыбнулась Надя тихой улыбкою. А madame Jolie сторонкой прошла. Давно уже измученная старушка пріучается къ невозможному, и письма ея къ madame Rayce Michalowna тревожны. Но въ мѣру привыкла къ Надѣ, полюбила; и съ черновика переписывая, самыя страшныя свои опасенія не пишетъ.

— Ну, а какъ же, Витя, Римъ?

— А такъ же, дѣвочка. Мы съ тобой туда весной, если тебѣ позволятъ. А не позволятъ, куда хочешь поѣдемъ. Я теперь богачъ. Мнѣ что...

Говорилъ, на сестру, на полюбленную душу не глядя, то бія, то лаская кистью холстъ на этюдникѣ.

— Витя! Опять ты про тѣ деньги; опять: богачъ. Къ чему все шутишь? Вѣдь, она такъ недавно умерла.

— Бабушки для того и живутъ. А ты не мѣшай. Такъ про что-нибудь веселое болтай. Этюдъ испортимъ.

— Нѣтъ, правда, Витя. Ты какой-то жестокій. И тогда, давно: по двадцати тысячъ получимъ; будто смерти ея ожидалъ.

— Говорю — не мѣшай. Ну, вотъ! Теперь спорить надо. А этюдъ-то какъ же? Вѣдь, скоро закатъ. Ну, ничего, ничего, дѣвочка.

И лѣвую руку съ палитрой далеко отстранивъ, на песокъ сѣлъ у ногъ сестры, правую руку на колѣни ей положилъ. Въ глаза полюбленные ласково заглянулъ. Въ окошки вѣчности своей. И увидавъ свою вѣчность, опять испугался. Опять. И молчащій поднялся; къ мольберту сталъ, и долго вглядывался въ сказку вѣчнаго камня въ красную.

И молчали, различными боримые.

— Витя. Пора.

— Сейчасъ. Сейчасъ. Одну минутку. Да. Пора.

Шли, веселые. И были веселы ихъ слова. Madame Jolie на крытой верандѣ сидитъ. Видятъ. Мимо.

— Я къ тебѣ, Витя. Наверхъ. Тамъ чай пить будемъ.

— Ко мнѣ, Надя!

Смѣлые, мимо мертвыхъ вещей, мимо мертвыхъ людей идутъ, юностью своею и правдой юною живые. И вотъ въ клѣткѣ подъемной, въ клѣткѣ стеклянной. По двѣ жизни было у нихъ. Всегда теперь. И въ предчувствіи, и въ предмысліи тайнъ вечернихъ мансардныхъ затихли оба, туда вздымаемые. А Надины страхи были и прежніе страхи.

Въ мансардной комнаткѣ, въ милой, сидѣли испуганные криками проснувшихся гдѣ-то птицъ; проснувшихся гдѣ-то и сюда прилетѣвшихъ, земное повидать, несовершенное устроить.

— Надя, Надя.

— Что, Витя?

— Жить мнѣ хочется, Надя.

Взглянула осужденная въ лицо милое, въ лицо жизнью живущее. Испуганно взглянула.

— Онъ-то чего хочетъ?

И взглянувъ, не отвела глазъ, впилась, ждала. И заставила брата и разъ, и еще разъ заглянуть въ колодецъ скорби и

вотъ утопить въ немъ веселье юное, неразумное. И тогда лишь сказала:

— И мнѣ пожить хочется.

Сказала, какъ заплакала тысячами очей невидимыхъ. И часто у ногъ ея бывшій, у ногъ ея опять. И здоровую грудь свою нажимаетъ на уголъ дивана, на деревянный, и силится призвать сюда ее, ее, губы ея, чтобъ пить съ нихъ болѣзнь смертную.

— Надя. Надя. Я люблю тебя. Одну тебя люблю.

— Витя. Гдѣ ты?

— Здѣсь я. Здѣсь.

— Нѣтъ, ты далеко. Ты тамъ, ты тамъ. Тамъ, гдѣ вѣчная моя душа. И твоя душа съ моей душой.

— Надя!

— Не Надя, а слушай: я скоро умру, Витя...

И умерло Витино тѣло тамъ, на коврѣ цвѣтущемъ. И рука на живой еще рукѣ застыла, мертвая. И хотѣлъ, чтобы все было, но не эти слова, не эта правда. А дьяволъ и тутъ тѣшилъ его:

— Витя, я завѣщаніе хочу. Не нужно, знаю. Нелѣпо. Пусть. Я хочу. Зиночка тамъ еще, въ крѣпости. Такъ нужно. Пусть знаютъ. Въ завѣщаніи напишу о Зиночкѣ... Ну, и объ Ирочкѣ... И обо всемъ. Такъ нельзя. Мучаютъ они ихъ... Я напишу въ завѣщаніи: звѣри вы...

— Надя! Надя! Милая. Вѣдь, это не ты.

— Это я, потому что трудно мнѣ дышать. Потому что я скоро умру, Витя.

И тогда рыдали они, будто рыдалъ одинъ.

И больное тѣло очнулось ранѣе здороваго.

— Витя, милый... Поѣдемъ въ Римъ. Поѣдемъ завтра. Ты же хочешь. Тебѣ же нужно. Поѣдемъ.

— Надя, милая... Ну, такъ... Ну, такъ... Для моей мазни вездѣ мѣсто найдется... Надя моя. Надя моя, развеселись.

И у ногъ рыдающей забился своими рыданіями, снова объявившимися. А дьяволъ сновъ недремлющій, красный по полу кривлялся.

И говорилъ Викторъ:

— Святыня моя. Святыня моя.

Но не пропадалъ дьяволъ. Лишь знаменіемъ враждебнымъ опаленный притихъ на коврѣ, тутъ, близко, и рожу красную свою чѣмъ-то бѣлымъ на-скоро замазалъ.

На диванчикѣ маленькомъ сидѣла, привычными очами души грядущій день слѣдила. И говорила слова. И уши ея тѣхъ словъ не слышали, и мысли ея о рожденіи тѣхъ словъ не знали. Потому, что прилетали тѣ слова прямо изъ пронаоса ея души, забвенно по-

чуявшей близость вѣчной правды. Трепеталъ братъ ея, Викторъ. И душою трепеталъ, и тѣломъ. И слушая слова молитвенно-любовныя, забвенно постигалъ тайны дна, очей-колодцевъ, жутко-близкихъ. Тайны хрустальнаго дна. И словами-птицами молитвенно-любовными отвѣчалъ. Говорили для мгновеній лишь. Говорили въ забвеніе. И безъ страха почуяла Надя силу ласкъ новыхъ, грѣхи земли испепеляющихъ стремленіемъ создать совершенство.

VII.

Хорошо въ комнаткѣ мезонинной, у маленькаго окошка. Вѣтка зимняя изъ садика протянулась, снѣгъ ватный съ подоконника сбрасываетъ, вѣтеркомъ движимая.

И тихо. И она, Дорочка любимая, хорошія слова говоритъ. Хорошо Антону въ Дорочкиной комнаткѣ Горюновскаго дома подъ сѣнью колокольни бѣлой Егорія. Заговорятся или, замечтавшись, замолчатъ надолго — ударитъ колоколъ внезапный, то вечерній, то дневной. И другъ на друга взглянутъ и улыбнутся.

Только развѣ въ Лазаревѣ короткія недѣли лѣтней жизни такъ же хороши, какъ часы, летящіе здѣсь.

Читаютъ вслухъ. Любимое есть у нихъ общее и нелюбимое. Часто приходитъ Антонъ. По-долгу здѣсь. Такъ часто, что Раиса Михайловна не разъ:

— Опять тамъ былъ?

— А что-жъ, что тамъ?

— А то-жъ. Хорошему тамъ тебя учатъ, коли оттуда приходишь—матери дерзишь. А то ужъ совсѣмъ туда переселись.

И сталъ обманывать. И еще ласковѣе пѣли птички-минутки въ бабушкиномъ домикѣ. И ближе, милѣе тетя Дорочка. Родная она, тетя; легко ей слова любви юной говорятся; легко руку ея въ руку взять; здороваясь, прощаясь, легко въ губы поцѣловать. Но и чужая она, по хорошему чужая: на родню на всю не похожа, на чопорныхъ, на смѣшныхъ, нелюбимыхъ тѣхъ.

Мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Куда-то въ новое вошли. Рѣже читали, рѣже въ Сережину комнатку сбѣгали.

— Дорочка, милая...

— Что, мой мальчикъ?

А Сережина чахотка глуше, чаще кашляетъ, гонитъ на лобъ Сережинъ липкій потъ, а на щеки то красныя яблоки китайскія, то землю буро-сѣрую; въ нее же отыдеши.

Бабушка, когда надо, внука предъ Раисой, дочкой-благодѣ-

тельницей выгораживаетъ. Не почему-нибудь, а такъ: внученокъ миленькій.

Чаще Антонъ Дорочкѣ о будущемъ говоритъ: куда уѣдетъ, что дѣлать будетъ. И поминали часто Виктора далекаго. И такъ рѣчь поведетъ, что выходитъ, что и Дорочка тамъ будетъ, гдѣ онъ, Антонъ.

Засмѣется она. Онъ засмѣется, подойдетъ, поцѣлуетъ.

Съ прошлаго лѣта привыкли письма писать. Съ братьями, съ сестрами Антонъ въ Лазаревѣ жилъ. Дорочкѣ въ Лазарево нельзя пріѣхать. Здѣсь въ городѣ въ Макаровъ домъ Горюновы — никто не вхожъ. Ну, и въ Лазарево тоже какъ же? Письма писали ласковыя. Скоро длинныя. Письма ожидать стали къ осени томясь. Зародились въ письмахъ слова любви смѣлой.

VIII.

Тяжело имъ. Тяжело имъ. Проклятіе рода ихъ на нихъ. Проклятіе рода ихъ на головахъ ихъ, и страшно имъ въ ночахъ слушать шаги Старухи-Жизни за стѣнами каменными дворца-крѣпости. Бродитъ Старуха, вокругъ крѣпости петли петлитъ, годы отсчитываетъ.

Въ спальнѣ своей мраморной у стѣны сугубо холодной, въ платье торжественно-простое одѣтая, лежитъ Раиса Михайловна. Усталое, невыспавшееся тѣло отдыха проситъ. Но раньше ужина спать лечь нельзя. Не догадался въ свое время великій строитель, Петръ Петровичъ Знобишинъ, поставить въ спальной горницѣ Макарова дворца ни дивана удобнаго, ни кушетки. На саркофагѣ своемъ дубовомъ отдохнуть прилегла передъ ужиномъ хозяйка дворца. Но нѣтъ. Не вздремнуть. Думы закружились, бьются подъ холоднымъ потолкомъ, не пугаясь далекаго, повсечаснаго крика-говора хозяина.

Въ озлобленной, въ каменной душѣ думы налетѣвшія криками отзываются:

— Сдайся же! Ну, сдайся!

Но не сдастся окаменѣвшая. Единожды лишь сдалась. Но то предъ желѣзнымъ упорствомъ супруга. И кто не сдался бы.

Убѣдилась давно, что Макара нельзя заставить ни ревновать, ни любить. Скачетъ Макаръ по большой дорогѣ жизни, крича, хохоча, руками размахивая. И не замѣчаетъ живыхъ людей, попадающихся навстрѣчу. Искренно не замѣчаетъ. И тогда, давно, рѣшившись на хитрое, на большое женское дерзновеніе, ничего не достигла. Себя лишь помучила. И если бы могла теперь смѣяться Раиса Михайловна, посмѣялась бы она подъ холоднымъ

потолкомъ этимъ надъ здѣсь же пережитыми когда-то томленіями ревности, надъ здѣсь же созидавшимися планами исправленія и наказанія невѣрнагo мужа. И звонокъ былъ бы смѣхъ поздній. Та, первая, цыганка какая-то. А потомъ въ годахъ длинныхъ сколько разныхъ у него было. И всѣ возникали, и всѣ исчезали лишь по волѣ капризной Макара. И всѣ нужны были лишь для хохота слѣпой души. И ни она, супруга оскорбляемая, ни тѣ, разлучницы, всегда жаждавш'iя золота и радужныхъ бумажекъ, никто ни на день не могъ ни продлить, ни сократить Макаровой привязанности. А бывали и такія, которыхъ радовалъ пожаръ скандала.

Сдалась тогда. И навсегда. Но кто не сдался бы? Можно было бы сломать себя, но согнуть его нельзя. Сломать себя— семью сломать зачинавшуюся. Разбросать гнѣздо. А дѣти? Мало ихъ было тогда. Но донынѣ семерыхъ родила. Нѣтъ нынѣ дочери старшей. Надя умерла въ теплыхъ странахъ. Шестеро.

— Надя. Надя.

Холодная рука бѣлая изъ стѣны выползла, горло матери надолго сдавила. И страшны были амурамъ на потолкѣ холодномъ круглые глаза въ дубовомъ саркофагѣ въ голубомъ свѣтѣ лампы близкой. Семенъ повидѣлся. Отвернулась.

Отпустила рука бѣлая. Въ стѣну мраморную, шурша по змѣиному, вошла.

— Все для дѣтей. Все для нихъ. Не сдамся дѣтямъ. Для вашего же блага не сдамся вамъ. Семеро... Семеро... Взялъ Богъ Надю. Шестеро лишь. Нѣтъ. Пятеро. Изъиму изъ души своей Виктора. Оскорбленій тѣхъ пусть не снесетъ душа материнская. Ни за что мать, отца оскорбилъ смертельно... Надя ангелъ письмо предсмертное... Онъ, Викторъ, рукой ея водилъ. Не должна прощать. Пусть погибаетъ Викторъ, блудный сынъ, въ Римѣ по кабакамъ гроши свои прокучиваетъ. Не надолго ужъ хватитъ. Ростовщикамъ чуть не половину. Туда и дорога... И зачѣмъ свекровь имъ эти тысячи завѣщала? Зачѣмъ, о, Господи, на ихъ бѣду? Съ того дня страху въ нихъ нѣтъ. Всѣмъ имъ эти двадцать тысячъ милліонами кажутся.

Бьются нетопырями, лампы боящимися, летаютъ въ холодныхъ стѣнахъ, въ мраморныхъ, думы-страхи матери.

— Богъ взялъ Надю. Да будетъ, Господи, воля Твоя. Блуднаго сына изъ души изъиму. Имени его во вѣкъ не произнесу. Не грѣхъ. Не грѣхъ. Сжечь плевелы для спасенія тѣхъ. Пятеро. Пятеро. Пятерыхъ спасу... Яковъ, старшій, выправится. Затихъ, университетъ кончаетъ. Почтителенъ.

Захохоталъ нетопырь темный, засвистѣлъ, надъ саркофагомъ

низко пролетѣвъ. Голову усталую Раиса Михайловна съ подушки подняла.

— Антонъ! Антонъ! Сломить упорство... Сломить дурь мальчишескую... Восемнадцати лѣтъ нѣтъ мальчишкѣ. Гимназіи еще не кончилъ, а туда же...

Хохотомъ издѣвающимся загудѣлъ новый нетопырь.

— А эта! Да какъ ты смѣешь, нищенка подлая...

Съ саркофага дубоваго сорвалась, по комнатѣ забѣгала, въ свѣтѣ голубомъ, по угламъ темью пожираемомъ.

— Узнаешь, ты меня, Дорофея! На мои же деньги училась, въ люди вышла, и такія письма моему сыну. Мальчишкѣ любовныя письма... Тетка!.. Да я къ губернатору поѣду!.. Чуть не двадцать пять лѣтъ дурѣ... Мальчишку соблазнять! Противъ родителей поднимать! Отъ ученья отбивать... Узнаешь ты меня, тихоня. Завтра же къ губернатору. Въ двадцать четыре часа. Мы, слава Богу, не нищіе!.. Въ двадцать четыре часа! Узнаешь меня, сестрица милая!

И ходила стремительно, шолкомъ шурша.

— Ахъ, какъ жаль, что я не котъ.

На одинъ бы только годъ

Испытать жизнь кота...

Тра-та-та! Тра-та-та!

То Макаръ Яковлевичъ бѣжитъ. Близко ужъ. У дверей. И поспѣшно Раиса Михайловна въ умывальную комнату прошла. И зеркальную дверь за собою чуть притворила. Предъ иконами на колѣни стала. А въ спальной ужъ дверь высокая хлопнула. Макаръ Яковлевичъ вбѣжалъ, супругу окликаетъ.

Комната умывальная зовется также и моленной. Когда, давно уже, церковное стало первымъ утѣшеніемъ хозяйки дома, потекли въ домъ иконы, лампадки, благословенія жертвовательницѣ иноковъ, инокинь, іереевъ близкихъ и дальнихъ. Негдѣ было въ спальномъ покоѣ мраморномъ кіоты наставить. И нельзя. Къ стилю не подходитъ. Въ умывальную комнатку ставили, развѣшивали. И давно та комнатка, какъ часовня. И большой бѣломраморный умывальникъ, въ стѣнную нишу вдѣланный, какъ алтарь часовни той. Но странно, входя въ ту часовню и затворяя за собою дверь, видѣть во всю дверь ту зеркало, тщетно ищущее отразить тѣло нагое.

И повелось такъ, что лишь за этой дверью пребывая, ограждалась Раиса Михайловна отъ хозяйственныхъ и семейныхъ дѣлъ.

— Молится.

И тихо отходили.

— Раиса Михайловна! Вы здѣсь?

Дверь зеркальная пріоткрылась, отразивъ въ себѣ рѣку струящуюся огоньковъ лампадныхъ и золота окладного.

— Шли бы чай разливать. Да! Какъ думаете: велѣть къ ужину шампанское заморозить? Корнутъ пріѣхалъ.

— Онъ не пьетъ шампанскаго.

Сказала, глазъ отъ акаѳиста не поднимая, на колѣняхъ стоя.

— Знаю, что не пьетъ. А такъ... Ну, молитесь, молитесь. Я, вѣдь, не мѣшаю. Только скорѣе приходите.

И мурлыча, дверь притворилъ. И отошелъ. У стола флаконами погремѣлъ, выбралъ англійскіе духи, много на себя вылилъ и побѣжалъ, хлопнувъ той уже дверью высокой...

— Тра-та-та! Тра-та-та!

Въ залу побѣжалъ. Гость ежедневный, привычный, Семенъ у самовара газеты читаетъ, холодный чай прихлебываетъ.

Поодаль веселый нотаріусъ, господинъ Герваріусъ, надъ старовѣромъ Дѣткинымъ трунитъ, въ православную Никоніанскую вѣру его склоняетъ и надъ долгополымъ его сюртукомъ потѣшается.

Доримедонтъ, съ улыбкой робко-любопытной на жолтомъ худомъ лицѣ, прислушивается, свои слова вставляетъ раздумчиво, и, забывшись, щипцами серебряными для сахару голову свою гладко стриженную, давно сѣдую, чешетъ.

Больше полугода здѣсь Доримедонтъ. Удалось однажды переманить. Переѣхавъ, дня три боленъ былъ. Въ темной комнатѣ съ дивана не вставалъ. Страшно было. Все крестился. Стѣны другія. И все не такъ. Теперь привыкъ. И къ сестрамъ ѣхать боится. И Любовь, и Анна за нимъ кареты шлютъ. И на Макара гнѣваются.

— А, можетъ, ихъ-то вѣра дониконовская лучше нашей еще?

— Такъ-то вы, Доримендонтъ Яковлевичъ! Завтра же на васъ донесу.

Въ испугѣ закрестился быстро-быстро. А нотаріусъ лицо строгое показываетъ.

— Да вы ужъ, прошу васъ, не шутите такъ.

Привсталъ. Пиджачокъ рыжій спереди обдергиваетъ.

— Да я и не шучу-съ. А вотъ брючки у васъ опять не въ порядкѣ-съ.

У другого конца стола гость рѣдкій, Корнутъ, дремлетъ со стаканомъ краснаго вина въ рукѣ. Къ вечеру всегда дремлетъ Корнутъ Яковлевичъ. Вино красное пьетъ, надъ столомъ головой киваетъ; случается, захрапитъ, особенно охотно тогда, когда шумъ голосовъ кругомъ. Проснется, хлебнетъ вина и размѣрен-

нымъгол осомъ важнымъ въ бесѣду вступитъ. Но скоро глаза тяжелѣютъ, голова тяжелѣетъ, на ладонь лѣвую клонится. А правая еще разъ успѣетъ поднести къ нафиксатуареннымъ усамъ стаканъ вина краснаго. И заснетъ-задремлетъ Корнутъ важный. Но не больше, чѣмъ на минуту, на двѣ. А кругомъ него голоса. Безъ людей не можетъ уснуть Корнутъ. Страшно ему. Это онъ, Корнутъ, Герваріуса нашелъ и за собой всюду въ каретѣ своей возитъ и до утра не отпускаетъ. Корнутъ важный, кавалеръ разныхъ орденовъ, самъ никогда не смѣется, но любитъ смѣхъ слушать засыпая, такъ же, какъ и крикъ-говоръ. Герваріусъ же и смѣется, и болтаетъ безъ умолку. И другихъ смѣшитъ сугубо.

— Какъ же! Господинъ Герваріусъ, онъ же нотаріусъ.

А нотаріусъ Герваріусъ и контору свою нотаріальную прикрылъ. Корнутовы дѣла вѣдаетъ. Первое довѣренное лицо.

Вбѣжалъ Макаръ съ веселымъ говоромъ. Семенъ отъ «Вѣдомостей» головы не поднялъ. Корнутъ сладко всхрапнулъ, усомъ длиннымь скатерть царапаетъ.

Глаза тоскливые отъ журнала иллюстрированнаго поднялъ тутъ же сидѣвшій петербургскій студентъ Яша. Скученъ Яша въ этотъ свой пріѣздъ. Даже съ матерью лѣнь ему ссориться. По дому бродитъ. Въ комнатѣ прежде любимой, тамъ наверху, не сидится. Со скуки съ отцомъ пытался пререкаться. О безцѣльности лазаревскихъ построекъ говорилъ опять. Но такъ вяло, такъ нехотя, что Макаръ Яковлевичъ даже не раскричался.

Скучно Яшѣ.

— Ну, вотъ и университетъ кончаю. А дальше что? Адвокатствовать? Гроши послѣдніе съ бѣдняковъ тянуть? Да и какой дуракъ мнѣ въ этомъ городѣ дѣло поручитъ, когда на отца всѣ пальцами показываютъ, а меня мальчишкой помнятъ, да и теперь, поди, мальчишкой считаютъ.

И украдкой злобный взоръ уперъ въ бѣлую жилетку отца. Разговоръ съ нимъ послѣдній вспомнилъ. Слова его недоумѣнно-непреклонныя.

— Какъ, въ Петербургѣ? Какъ, въ Москвѣ? Конечно, здѣсь жить будешь, когда кончишь. Или домъ малъ? Отцу помогать будешь. У отца дѣлъ выше головы. Какъ въ котлѣ киплю. Мы отцу помогали. А деньги, такъ и быть, тѣ же давать тебѣ буду. Хоть не слѣдовало бы. На всемъ на готовомъ будешь.

Злой глядитъ теперь на бѣлый жилетъ отца. И нудно ему.

А подъ залой двухсвѣтной, шумъ надъ головой своею слыша лишь какъ шорохъ крылъ мышиныхъ, сидѣлъ Антонъ въ комнатѣ своей, послѣ Виктора ему доставшейся.

Строитель назначилъ той комнатѣ быть кабинетомъ хозяина-

дѣльца. Первый этажъ. Отъ парадного подъѣзда близко. Рядомъ библіотека. Шумъ-суета дома-дворца, если его даже полнымъ-полно населить, пройдетъ мимо этого покоя.

Но не сдѣлалась комната кабинетомъ хозяина. Макаръ Яковлевичъ по одному своему второму этажу бѣгаетъ. И въ столовой, какъ въ кабинетѣ своемъ. И открытыя двери, и снующіе мимо слуги ничуть не мѣшаютъ строительно-хозяйственнымъ его думамъ.

— Некогда мнѣ по лѣстницамъ бѣгать!

А въ «кабинетѣ» поселили Виктора. А нынѣ тамъ Антонъ.

Она низкая, эта комната. Полъ ея квадратный. Десять шаговъ и десять шаговъ. Вставъ на стулъ, можно достать рукою потолокъ. Изъ-за Александриной старинной стройки пришлось первый этажъ дворца низкимъ оставить. Три окна въ одной стѣнѣ, три окна съ цѣльными стеклами. Напротивъ средняго окна каминъ, чорный, мраморный, и онъ украшенъ чорною мраморною головой льва. Этотъ левъ злой, зубы его оскалены. Чорнымъ мраморомъ охвачена вся комната снизу до высоты пояса. И только чорный каминъ выступаетъ за эту черту и единственная дверь, тяжелая, чорнаго дерева, блестящая. Обѣ створки ея плотно закрыты, и съ нихъ смотрятъ въ комнату рожи чорныхъ стариковъ. Надъ чорнымъ поясомъ мрамора тяжелые алебастровые орнаменты сѣро-краснаго цвѣта, сплошь до потолка. А въ углахъ, близко къ потолку, громадные головы львовъ. Эти львы угрюмые, въ крѣпко сжатыхъ пастяхъ своихъ они держатъ гирлянды цвѣтовъ.

А тяжелый сѣро-красный потолокъ на сѣро-красныхъ стѣнахъ давитъ и ихъ, и Антона, потому что сѣро-красные орнаменты его такъ крупны, такъ тяжелы, что могли бы быть въ куполѣ собора. Антонъ же можетъ дотронуться до нихъ, вставъ на стулъ. На крючкѣ, въ серединѣ потолка, вмѣсто лампы виситъ голубь, святой духъ; онъ большой, деревянный, золоченый. Еще Викторъ снялъ его изъ алтаря старой Лазаревской церкви; попъ уступилъ голубя. Долго голубь висѣлъ въ церкви, теперь его крылья широко распахнулись подъ тяжелымъ сѣро-краснымъ потолкомъ, и онъ едва не касается когтями головы Антона, когда тотъ проходитъ подъ нимъ.

Въ глубокомъ большомъ креслѣ сидитъ третій сынъ Раисы Михайловны у громаднаго, заставленнаго и заваленнаго стола. Однимъ узкимъ концомъ онъ у стѣны и далеко вытянулся въ комнату, такъ что правое крыло святого духа надъ другимъ его концомъ. Двѣ свѣчи горятъ. На другомъ, на кругломъ столѣ лампа съ яркимъ шаромъ.

Сидитъ, ничего не дѣлаетъ. Думаетъ. Золъ, и лѣвая щека подергивается все болѣзненнѣе.

Сидитъ и глядитъ на свѣчи. Вотъ всталъ, не замѣтивъ того. Ходитъ отъ закрытой двери мимо стола въ дальнiй уголъ, гдѣ подъ львиной головой шкапъ желѣзный вдѣланъ въ стѣну, искусно окрашенный. А дверь почти въ углу, близъ той стѣны, гдѣ три окна. Такъ долго. Думаетъ. А щека прыгаетъ. Ходитъ и подчасъ квадратъ разсохшагося паркета скрипнетъ подъ ногой.

Вотъ стоитъ и смотритъ на яркiй шаръ лампы. Минуты звенятъ. Прикрутилъ фитиль. Мигаетъ. Погасла. Только двѣ свѣчи. Сѣлъ къ столу; огонь ихъ закачался.

Двѣ свѣчи. Любитъ такъ. И рѣдко левъ изъ своего угла смотритъ въ-упоръ на яркiй шаръ.

Двѣ свѣчи. Здѣсь сѣро-красный близкiй потолокъ пестрѣетъ яркими пятнами рельефовъ и глубокими чорными пятнами тѣней рядомъ съ ними. А тамъ дальше, надъ дверью, мягкая тьма съѣла рельефъ потолка, съѣла углы стѣнъ. Но львы изъ угловъ смотрятъ; только стали еще угрюмѣе, какъ бы рѣшили молчать. А рожи стариковъ на дверяхъ и левъ на каминѣ, чорные-чорные, смотрятъ бликами. И сотнями золотыхъ искръ смотритъ святой духъ. Тяжелыя мягкiя кресла, тяжелыя мягкiя стулья стали еще тяжелѣе и какъ бы немного вошли въ полъ. Вонъ у средняго окна поднялся мольбертъ. Онъ похожъ на силуэтъ гильотины. Лапы-листья растенiй чорныя, чорныя и большiя. Они шевелятся около оконъ, потому что подъ ними идетъ труба отопленiя. Они шевелятся и какъ живые скребутся о занавѣски.

Столъ заваленный, заставленный. И Викторъ тоже любилъ, чтобы книги не въ шкапу. Только лѣвая четверть стола свободна. Здѣсь, у стѣны сидитъ теперь Антонъ. То на свѣчи взглянетъ, то въ комнату, въ Викторову комнату, въ ея мiръ, въ ея мертвую жизнь.

Все полно здѣсь воспоминанiями о Викторѣ далекомъ, о бунтующемъ. Много здѣсь вещей Викторовыхъ. И мольбертъ этотъ его.

И многiя думы Антона, юноши стройнаго, съ чуть пробивающимися усиками, зародились здѣсь въ алебастровомъ львиномъ склепѣ потому лишь, что здѣсь жилъ любимый братъ, первый бунтарь, осiянный теперь ореоломъ мученичества неразгаданнаго и воли дикой.

Золъ Антонъ въ тотъ вечеръ. Какъ и много уже вечеровъ.

Двѣ свѣчи. И они вмѣстѣ, всѣ трое. А вокругъ нихъ темные барельефы. Дрожитъ щека, и опять звенятъ минуты. И такъ долго. Но вотъ усмѣхнулся. Это могли и видѣть, и слышать львы, если бы они могли. Усмѣхнулся, потому что мысли рѣшили

что-то безъ него. И понялъ это. И взялъ листъ бумаги, взялъ перо и написалъ:

«Если черезъ полчаса вы не пришлете мнѣ перехваченныхъ писемъ, я навсегда уѣду изъ этого дома».

Написалъ, посмотрѣлъ. Да, такъ. Больше ничего. Положилъ въ конвертъ, запечаталъ сургучемъ, написалъ на конвертѣ имя матери. Письмо лежитъ. Минуты летятъ безшумно. Щека не дергалась.

Посмотрѣлъ на часы. Двѣнадцатый, почти еще одиннадцать. Рано. За ужиномъ всѣ вмѣстѣ; ровно въ двѣнадцать. Интереснѣе. Что-нибудь можетъ выйти еще.

Думалъ такъ, потому что уже смѣялся. Смѣялся безшумно, смѣялся измѣнившейся душой.

Просто. Почему не такъ? Конечно, такъ. Опять часы. Рано. Ну, это-то все равно, конечно. Кресло отодвинулось. Всталъ. Кнопки звонковъ направо отъ камина.

Но шаги быстрые. Съ ковра лѣстницы сбѣжали. По каменному полу прихожей. Вотъ въ библіотекѣ.

— Яша?

Вошелъ Яша.

— Скучно до смерти. А ты все еще наверхъ не идешь? Очень разругались развѣ?

Отъ свѣчи закуривая, конвертъ увидалъ.

— Ба! Въ перепискѣ съ maman? Оригинально. Секретъ?

— Секретъ. Впрочемъ, какой тамъ секретъ? Прочитай.

Разорвалъ конвертъ, нахмурился, потомъ захохоталъ Яша.

— А! Неприкосновенность переписки гражданъ все еще не признается въ этомъ государствѣ? Ловко написано. Только дружескій совѣтъ мой тебѣ: плюнь ты на это дѣло. Посмотри на себя. Вѣдь, лица нѣтъ. Право, плюнь. По опыту знаю. Не долго тебѣ здѣсь. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ — студентъ. Изъ крѣпости все равно уйдешь. А теперь куда уйдешь! Только крови себѣ полпуда испортишь. Плюнь, говорю; съ высоты сознанія своего права плюнь.

— Нѣтъ. Рѣшилъ. Такъ хорошо будетъ.

— А письма-то тѣ, о коихъ рѣчь, чьи? Молчишь? Не надо, не надо! Я такъ, для освѣщенія вопроса.

Помолчали, прислушиваясь къ далекому гулу надъ тяжелымъ потолкомъ. Яша на диванъ сѣлъ.

— Стало быть, ультиматумъ рѣшенное дѣло?

— Рѣшенное.

Просились слова искренне плачущія съ сердца обиженнаго. Но не прибавилъ ни слова.

— Когда пошлешь?

— Сейчасъ. Хочешь—отнеси.

— Гм... Нѣтъ ужъ. Мнѣ эти передряги здѣшнія осточертѣли. Чтобы maman мнѣ проходу не давала? Безъ меня грызитесь. Рѣшено: вооруженный нейтралитетъ. Годами бился съ двумя вѣтряными мельницами и только сердце себѣ испортилъ. Знаешь, право, въ Питерѣ врачъ говорилъ: вы, вѣрно, много, пьете; сердце пошаливаетъ. Это я-то пью! Стаканъ пива въ недѣлю. Нѣтъ, шалишь! Подохнешь тутъ съ вами. А стѣну лбомъ не прошибешь.

Подошелъ. Руку на братнино плечо положилъ.

— И тебѣ совѣтую: пренебреги. Вотъ и экзамены не за горами. А какъ заниматься будешь, если въ головѣ чортъ знаетъ что? Вѣдь, не дай Богъ, провалишься, хуже всякихъ писемъ будетъ годъ еще на крѣпостномъ режимѣ... Плюнь, Антоша. Съ нихъ, какъ съ гуся вода. А себя пожалѣй.

— Нѣтъ. Рѣшено.

— Ну, тебѣ виднѣе. Или ужъ такъ завертѣлось?

— Завертѣлось.

— А какъ дѣла обстоятъ? Какого отвѣта ожидать можно?

На письмо папиросой указалъ. Антонъ плечомъ дернулъ.

— Не знаю.

— А если нѣтъ, то уѣдешь?

— Тотчасъ. Ну, до утра что ли...

— Слушай. Тебѣ лавры Виктора спать не даютъ. Только знаю я кое-что. Викторъ имъ насолилъ...

И ткнулъ Яша нѣсколько разъ мундштукомъ длиннымъ въ потолокъ. И тихо такъ и раздѣльно договорилъ:

— И очень насолилъ. По гробъ жизни. Только и себя надломилъ.

Отошелъ. Помолчалъ. И съ пафосомъ смѣшливымъ:

— Какъ бы и тебѣ не привелось однажды крикнуть: Еще одна такая побѣда, и я останусь безъ войска!.. Такъ-то. Ну-съ, подумай и рѣшай. Въ пользу совѣтовъ не больно вѣрю. Упорство всей семейки нашей богоспасаемой очень мнѣ извѣстно. Я чуть ли не самый мягкій. А засимъ: addio, mio caro. Рука на счастье и лучшія пожеланія. Бѣгу и до ликвидаціи конфликта къ тебѣ ни ногой. Ко мнѣ милости просимъ. И сейчасъ отъ тебя окольными путями ретируюсь, по чорной лѣстницѣ наверхъ забѣгу. Addio!

Вышелъ въ развалку. Изъ мрака библіотеки:

— А въ случаѣ неизмѣнности рѣшенія, эстафету гони во время ужина. Все развлеченіе намъ.

Простучали чуть по камню шаги крадущіеся. По коридору идетъ. Дверь пружинная осторожно скрипнула.

Одинъ. Тряхнулъ головой крѣпко Антонъ. Паутинныя нити разговора сбросилъ, внѣдрявшія сомнѣнія въ мозгъ. Въ одиночество сразу вошелъ. У камина кнопку нажалъ. Новый конвертъ надписалъ. Сургучомъ запечаталъ.

Изъ своей комнаты звонилъ очень рѣдко, почти никогда. Полетѣли минуты. Далеко стукнула дверь съ пружиной. По длинному корридору шаги. Узнаетъ слугу Фому. Остается еще двѣ комнаты, большая передняя съ каменнымъ поломъ и комната рядомъ со львиной комнатой, почти пустая, съ большимъ въ цѣлую стѣну библіотечнымъ шкапомъ.

Фома идетъ. Пришелъ. Во фракѣ: скоро ужинъ.

— Отнесите наверхъ.

И передалъ конвертъ. Мелькомъ читаетъ слуга. Хочетъ спросить.

— Да. Да. Отнесите поскорѣе.

Онъ уходитъ, кажется, удивленный.

Въ дверяхъ останавливается, спрашиваетъ:

— Ужинать придете?

И онъ уходитъ, уноситъ письмо. Слышитъ Антонъ: прошелъ библіотеку. Шаги по каменному полу. И смолкли. Это онъ пошелъ другимъ путемъ; идетъ по ковру бѣлой мраморной лѣстницы. Вотъ звякнулъ мѣдный прутъ на одной ступени. Вотъ еще. Прутья, подъ которыми продѣтъ коверъ. Лѣстница въ этотъ часъ совсѣмъ темная. Громадная, широкая, она идетъ изъ нижняго этажа во второй и вступаетъ въ большую залу. По этой лѣстницѣ мало ходятъ; она соединяетъ главный подъѣздъ и «кабинетъ» со вторымъ этажомъ. Но пространство, гдѣ идутъ эти двадцать ступеней, отрѣзаетъ чуть на пятую часть громаднаго дома.

Не слышно шаговъ Фомы. Онъ далеко.

Передъ Антономъ рѣшившимся свѣчи. Передъ нимъ часы. Вотъ пять минутъ прошло.

Раздвинулись сѣро-красныя стѣны, сорвался тяжелый потолокъ. Новая жизнь... Новая жизнь! Какая? Конечно, хорошая, потому, что новая. Гдѣ? Не здѣсь. Полузабытые отрывки едва сознанныхъ мечтаній вошли, задушили страхъ и унесли.

Обрывки мечтаній за всю жизнь.

Вотъ далеко Антонъ. Гдѣ-то. Но вотъ ближе. Не то видитъ, не то слышитъ слова:

...Я навсегда уѣду изъ этого дома. Слова письма. И это тоже хорошо. Какъ онъ уѣдетъ? Подробности. Мелкія, совсѣмъ мелкія, увлекающія. Чемоданъ... двери дома... Гостиница. Потомъ вагонъ.

...Навсегда уѣду изъ этого дома.

Слова его передъ нимъ, какъ не имъ сочиненныя слова. Но они приказываютъ. Сгорѣло начало. Остался конецъ. Безъ всякаго если! Ты уѣдешь. Уѣдешь,—говоритъ голосъ, новый, рѣшившій за него.

Чей-то маленькій голосъ сказалъ что-то о томъ—нужно ли, хорошо ли? Но послѣ усмѣшки не услышалъ его, какъ ни прислушивался.

Но вотъ ослабѣла мысль и застучали часы. Какъ бы сразу кто-то кинулъ ихъ на столъ передъ нимъ. Застучали громко-громко.

Стрѣлка далеко подвинулась. И проснулось если, заговорило. Поддался и слушалъ.

«Если вы черезъ полчаса не вернете перехваченныхъ писемъ, я навсегда уѣду»...

Если... А стрѣлка еще не дошла.

И всталъ. Ходитъ. Комната замкнулась вокругъ. Остановился и испугался. И тогда, какъ похороненный въ склепѣ, сталъ смотрѣть наверхъ и прислушиваться къ звукамъ, которые наверху. Но наверху, надъ этимъ повисшимъ потолкомъ, враги. И не слышно, что они дѣлаютъ.

— Не нужно. Свободы мнѣ! Пусть я не здѣсь уже! Что?.. Зависѣть отъ кого-то тамъ, кто рѣшитъ, кто издѣвается?

Прошло полчаса. Дошла стрѣлка. Такъ хорошо. Теперь хорошо. Когда же? Сейчасъ или утромъ? Когда уйти? Конечно, сейчасъ. Конечно.

— Свободенъ. Кто рѣшилъ за меня? Кто вывелъ меня отсюда? Вѣдь, самъ я былъ такой слабый. Сейчасъ. Конечно, сейчасъ. Не завтра же! Вѣдь, это и есть то новое!

И ходитъ отъ стѣны къ стѣнѣ. Но стѣнъ, тѣхъ стѣнъ уже нѣтъ. Пятна тѣней, пятна свѣта на барельефахъ. Красиво. Загадочно-красиво. И опять маленькій голосъ—но это уже не тотъ—шепчетъ:

— Твоя комната... жалко разстаться съ ней. Она, вѣдь, твоя и Викторова.

Строго оглянувшись вокругъ, прислушался: замолчалъ голосъ. Можетъ быть, и не было его. И опять оглянулся, кругомъ посмотрѣлъ.

Строго смотрятъ львы въ строгіе глаза юноши. Спокойно строго. Но не злобно смотрятъ.

Тяжелый потолокъ, какъ потолокъ склепа. Обиды и все нелѣпое было тамъ, наверху. Тамъ.

— Здѣсь-то я былъ одинъ. Прощайте, стѣны мои... А!

И безшумно подошелъ къ столу. Сѣлъ въ кресло. Стукнула дверь; та дверь съ пружиной. Громко стучитъ, всегда слышно.

Но кто идетъ по корридору? Сначала ничего не слышно. Нѣсколько секундъ—и узналъ. Старуха. Мягкія туфли шуршатъ. Корридоръ прошла, въ передней слышно. Вотъ въ библіотечной. Ея туфли такъ же по камню шуршатъ, какъ по дереву. Стучитъ въ дверь. Вотъ дергаетъ.

— Да можно же!

Но дверь заперта. Когда онъ заперъ? Всталъ, подошелъ, повернулъ ключъ и назадъ, къ столу.

Шуршатъ туфли. Вошла Татьяна Ивановна, экономка.

Немного согнувшись, шурша туфлями, идетъ къ столу. Подошла, положила на столъ бѣлый ненадписанный большой конвертъ.

Все понялъ. И посмотрѣлъ на часы.

Восемь лишнихъ минутъ.

Старуха очень любитъ Антона. Она любитъ всю семью, но больше всѣхъ любила Виктора.

Когда уѣхалъ, когда горе то горькое стряслось, приходила вечерами въ комнату львиную поплакать. А потомъ, когда въ Викторовой комнатѣ поселился Антонъ, переложила на его голову старуха омофоръ любви своей.

И называетъ себя камердинеромъ молодого барина. Она живетъ тоже внизу.

Ея комната, узкая, маленькая, почему-то съ желѣзной рѣшоткой въ окнѣ, тамъ, недалеко отъ двери съ пружиной. Нужно пройти еще одинъ корридоръ, подняться на три ступени, потому что дворъ выше улицы, еще пройти направо, мимо чугунной лѣстницы, и вотъ ея комната. Сюда ей ближе, чѣмъ къ другимъ. И лѣстницъ нѣтъ. По утрамъ приноситъ кофе молодому барину; еще раза три приноситъ кофе, который сама варитъ какъ-то особенно, зная, какъ онъ любитъ. Когда не ужинаетъ Антонъ наверху, приноситъ и ужинъ; на ея рукахъ его бѣлье; заходитъ и такъ; и все говоритъ, говоритъ, а когда не говоритъ, то не молчитъ, а ласково ворчитъ, шепчетъ. Такъ она думаетъ; старенькія мысли ея вырываются словами, обрывками словъ. Виктора и Антона, обоихъ жильцовъ львиной комнаты, Татьяна Ивановна любитъ до восторга, до слезъ. Ея длинные разсказы о прошломъ этого дома и еще другого, гдѣ жила раньше, старопомѣщичьяго, часто кончаются тѣмъ, что горько, сокрушенно сожалѣетъ, что Викторъ, второй сынъ Раисы Михайловны, далекій нынѣ Викторъ, родился не при ней, какъ его братья и сестры и какъ еще какіе-то люди.

И она плачетъ полуслѣпыми глазами, потому что горе это непоправимо.

— И только, вѣдь, на одинъ годочекъ не поспѣла.

Теперь она принесла конвертъ и заговорила. Но тотъ хочетъ быть одинъ. Закрылъ уши ладонями, локти положилъ на столъ. Старуха давно знаетъ этотъ пріемъ. Сегодня ей это особенно не нравится. Пошла по комнатѣ. Гдѣ-то нашла стаканъ, стучитъ; еще что-то прибираетъ. Она знаетъ, что ничего не добьется. Ворчитъ. Спиной повернулась, у кровати на столѣ что-то двигаетъ, переставляетъ.

— И вотъ всегда такъ. А какъ барыня-то тамъ...

Но тотъ плотнѣе прижимаетъ ладони. А она все здѣсь. Вотъ стукнула графиномъ обо что-то. Громко.

— И что это! Съ фонаремъ къ нему ходить... Право, съ фонаремъ... Хоть глазъ выколи... И наставитъ, наставитъ вездѣ.

Ворчитъ, все ворчитъ.

— Ну, скоро уйдетъ.

Но вотъ она уже стоитъ по ту сторону стола передъ Антономъ и, видя его въ той же позѣ, кричитъ:

— Ужинать-то что принести?

Отнялъ ладони, поднялъ голову. А та стоитъ согнувшись, старается смотрѣть сердито, и улыбается. Въ обѣ руки набрала все, что успѣла найти: два стакана съ подстаканниками, кофейникъ, тарелку, еще что-то. Все звенитъ.

— Ужинать-то что принести?

— Ничего.

— Какъ же не ужинавши-то?

Обрадовалась, что слушаетъ ее баринъ молодой, и собирается много наговорить.

— Хорошо, хорошо. Принесите. Что хотите принесите.

Опять зажалъ уши, не смотритъ. Постояла. Кричитъ:

— Куда подносъ дѣли изъ-подъ кофейника? Не найти.

Антонъ рукой машетъ, чтобъ ушла. Уходитъ. Шаркаетъ туфлями, ворчитъ о томъ, что какъ это все равно, что ужинать, что не ей ѣсть и что она принесетъ рябчика и артишокъ. Объ артишокахъ бормочетъ подробно: что сама покупала, что очень крупные, что сама повару указывала и что какъ же мой баринъ говоритъ, что все равно, когда для него и покупаются артишоки, онъ одинъ ѣстъ.

Начала что-то ворчать объ осетринѣ, которая въ этотъ разъ не то неудачно, не то удачно куплена.

Но стукнули-задребезжали стаканы. Заворчала громко и сердито, и ласково.

— Только съ фонаремъ и ходить. Право, съ фонаремъ...

И дальше словъ не слышно. Старухѣ уже свѣтло, и она быстро-быстро шамкаетъ туфлями по корридору. Вотъ уже ни-

чего не слышно. А вотъ стукнула дверь съ пружиной и вмѣстѣ зазвенѣли стаканы... Тихо стало.

Одинъ. Сразу опять одинъ, какъ бы никто не былъ здѣсь. Старуха какъ тѣнь дома. Она не мѣшаетъ Антону быть одинокимъ. Какъ и Виктору не мѣшала.

Не спѣша разорвалъ конвертъ. Въ немъ пять писемъ. Дорочкины письма. Всѣ вложены въ свои конверты; эти конверты не разорваны, разрѣзаны ножомъ.

И вотъ они всѣ пять лежатъ передъ Антономъ. И ищетъ онъ той жути желанія, съ которымъ бы ему прочитать ихъ. И ищетъ того восторга, который входилъ въ него уже, когда онъ, видя письмо передъ собой, сознавалъ, что живетъ:

Но нѣтъ ни восторга, ни жути желанія. Холоденъ юноша. Одинокій сидитъ, гордый и обиженный.

Но вотъ читаетъ письма. И скорбно ему, что читаетъ ихъ такъ. Ждалъ ихъ. Но теперь не ждалъ. Дорочкины письма. Въ одномъ конвертѣ только цвѣты. И онъ здѣсь, конвертъ съ цвѣтами. Для полноты: значитъ все, если и онъ здѣсь. Противно. Читаетъ, читаетъ, и ищетъ себя. Того себя.

Потеряно. Потеряно. Съѣдено.

Безучастно слышитъ, какъ стукнула дверь съ пружиной.

Кто-то идетъ. Все равно. Стараясь ступать неслышно, идетъ къ двери; тяжелая, чорная, но легкая на петляхъ, она безшумно затворяется. Заперъ. И замокъ безшумный. Тихо назадъ. Обходитъ тѣ мѣста, гдѣ паркетъ пищитъ постоянно. Узналъ поступь старухи. Ждетъ. Тихо-тихо идетъ къ двери черезъ темноту.

— Это я. Ужинать...

— Поставьте тамъ.

— Да гдѣ же я поставлю-то. Ни зги. Хоть глазъ выколи...

— Тамъ, тамъ!

— Да отперли бы...

Говоритъ безъ вѣры, такъ. И тотчасъ же начинаетъ ворчать-думать. Стучитъ посудой, ворчитъ, будто разговариваетъ съ кѣмъ-то въ библіотекѣ.

Опять зажалъ уши ладонями. Но старуха уходитъ.

Прочитанныя Дорочкины письма лежатъ передъ Антономъ. Йхъ пять. Но ихъ нѣтъ, потому, что передъ нимъ потерянное.

Вотъ онъ разбѣжался, чтобы перепрыгнуть. И мостъ, который теперь подъ нимъ, онъ не знаетъ, туда ли онъ ведетъ, куда хотѣлось прыгнуть.

А наверху, надъ потолкомъ стало тихо, совсѣмъ тихо, Ничего. Ночь. Далеко, въ столовой ждала мать къ ужину. А.

можетъ быть, сегодня не ждала. Въ какую минуту и гдѣ, въ какой комнатѣ получено письмо?

Столовая далеко-далеко. Они тамъ теперь. А если разошлись, то еще дальше. Но смотритъ на свой потолокъ, все смотритъ. Вотъ ужъ смотритъ въ толщу барельефовъ, за ними видитъ балки; сквозь мозаичный паркетъ смотритъ. И видитъ онъ темную громадную комнату. Все смотритъ. Темная-темная. Позолота на мебели, позолота кое-гдѣ на стѣнахъ—можетъ быть, луна взошла, и что-нибудь видно, можетъ быть, лакей идетъ мимо, спичку зажегъ. А то ничего не видно. Темно въ большой залѣ. Такъ же темно, какъ и въ комнатахъ рядомъ съ ней, черезъ которыя можно пройти къ далекой столовой. Дорочкины письма, прочитанныя, лежатъ на столѣ. Дорочкины письма, оскверненныя.

Сидитъ Антонъ и на себя злится. И чего-то простить не хочетъ. Сидитъ и думаетъ. И идетъ время. Когда посмотрѣлъ на часы—было два. Хотѣлъ бы уже уснуть. Стрѣлки часовъ говорили, что еще рано.

Но хочется плакать, и это стыдно. И хочется сжимать кулаки, и это тоже стыдно, но иначе. Минуты стучатъ. И вдругъ стало страшно. И страхъ не прошелъ, остался.

— Страшно. Страшно мнѣ.

Страхъ грызетъ; тотъ страхъ, тотъ самый. Страхъ смерти. Страхъ смерти и еще чего-то, о чемъ шепчутъ львы изъ угловъ.

Когда истерично вдругъ хотѣлось плакать Антону, онъ думалъ, что то близкая Смерть его ходитъ за стѣнами. И холодно становилось, стеклянно-холодно. И падала голова на протянутыя ладони. И рыдалъ, трясясь. Началось это послѣ Надиной смерти.

Рыдалъ тогда и проклиналъ. И страшился догадаться, кого проклинаетъ. И страшился умереть съ проклятіемъ на грѣшныхъ устахъ.

И теперь, въ ночи, такъ же хотѣлось зарыдать. Но поборолъ. Всталъ. Тишина любимая томила.

И отперъ чорную дверь и вышелъ изъ комнаты, вышелъ въ пустую. Темно. Привычно темно и такъ же страшно. И пошелъ дальше.

И пустая, темная громада лѣстницы старалась успокоить юношу. И стоялъ внизу, а ступени мраморныя стройно шли наверхъ, и угадывалъ, гдѣ онѣ. Тринадцать оконъ, совсѣмъ похожихъ, глядѣли на мраморную лѣстницу, глядѣли, но не освѣщали. Было чуть видно ихъ. Чуть видныя, менѣе чорныя пятна. Сталъ упорно смотрѣть вверхъ. И увидѣлъ золочоную раму зер-

кала. Громадныя зеркала глядятъ другъ въ друга, одно съ высоты площадки за верхней ступенью, другое со стѣны. Но этого зеркала не видѣлъ. Видѣлъ только кусокъ золочоной рамы наверху, и она говорила, какъ огонь сквозь туманъ. Но говорила безъ мысли, безъ мечты, такъ.

И постоялъ внизу, такъ что всѣ ступени были выше. Постоялъ и пошелъ туда, гдѣ львы на стѣнахъ. Побрелъ.

IX.

Все то же, все то же. Гадко. Два дня прошло, а кажется много. Гадко. Гадко въ душѣ Антоши.

Съ того вечера не шелъ наверхъ. Какъ всегда, приходили звать обѣдать въ пять часовъ, приходили звать ужинать передъ полуночью.

Говорилъ:

— Принесите сюда.

И никого не видалъ изъ своихъ; только слугъ. Раза два выходилъ изъ дому. Ненадолго. Такъ хотѣлось пойти къ верхней бабушкѣ. Повидать Дорочку. Но и не хотѣлось того мучительно.

— Maman была ужъ тамъ. А если и не была, непремѣнно что-нибудь предприняла еще. Кромѣ того...

И жизнь этихъ двухъ дней была жизнью львиной комнаты. И чувствовалъ Антонъ тѣло свое избитымъ сплошными орнаментами тяжелыхъ стѣнъ своихъ, любимыхъ такъ недавно.

О Дорочкѣ думать больно. Мечтать о свиданіи съ нею стыдно:

— Не велѣли мальчишкѣ, и не идетъ... О, слабость, жалкая! Вѣдь, были же люди!

И по корешкамъ книгъ взглядъ ведетъ злобно-завистливый.

— И не только были. Вездѣ они и теперь. Викторъ вотъ... А я...

И вглядывается въ себя Антонъ. Дни въ себѣ недавніе видитъ, и боится вызвать предъ себя Дорочку.

Тотъ вечеръ, когда рѣшился и когда какъ бы кто-то обманулъ его и обидѣлъ. Дальше—скучный, сонный и упрямый день; чего-то ожидающій вечеръ.

Пытается рѣшить и не можетъ, откладываетъ. Длинная ночь. Читалъ книгу и не помнитъ какъ заснулъ. И еще день, поздній, умирающій. И еще вечеръ. Низкія красноватыя стѣны. Полутьма. Одинъ. Ни съ кѣмъ не говорилъ. Дверь почти всегда заперта ключемъ. Вечеръ. Медленный, звенящій. Ни съ кѣмъ не

говорилъ. Ни даже съ Татьяной Ивановной. И понялъ, что ждетъ толчка. И усмѣхнулся. Понялъ, что слабъ.

Но много говорилъ съ братомъ Викторомъ съ далекимъ, чудеснымъ, долгіе годы устрашающимъ охранительницу крѣпости. Часто начиналъ Антонъ бесѣду съ далекимъ. И прошептавъ первыя слова, съ кресла срывался, ибо, казалось ему, видѣлъ страшное. И ходилъ тогда отъ стола къ двери. И вотъ останавливался передъ каминомъ.

Чорно-мраморный каминъ зіяющій ловилъ блуждающіе по далекому взоры его. И останавливался передъ чорнымъ. И на чорную львиную пасть надкаминную глядѣлъ несмысленно. И посреди комнаты стоя, продолжалъ бесѣду съ братомъ. И спрашивалъ. И выжидающе молчалъ. И заслышавъ отвѣтъ, руку вверхъ поднималъ порывисто. И тогда иногда звеномъ цѣпи скрипѣлъ зашибленный голубь церковный. Братъ же далекій чудесный герой отвѣчалъ всегда:

— Уйди изъ этого дома.

Иногда же, гнѣвный, шепталъ громовымъ шопотомъ-шуршаньемъ:

— Не уйдешь, дуракъ!

Но рѣдко былъ онъ неласковый, далекій, чудесный братъ-герой.

Звенитъ вечеръ. Сидитъ у стола злой на тѣхъ людей и на себя.

— Когда же? Когда же? И кто это сдѣлаетъ, если не я.

И то хочется, чтобъ кончилось такъ, то хочется, чтобъ кончилось иначе. Но далекое знаетъ, чего хочетъ юноша. А проклятая слабость-робость не уходитъ, она здѣсь, они вдвоемъ живутъ въ этомъ склепѣ; она съ нимъ, съ Антономъ; она тихо смѣется, узнавъ, что онъ понялъ ее.

Вотъ долетѣлъ далекій говоръ сверху, сквозь потолокъ. Далекій, и смолкъ. Тихо въ львиной комнатѣ. Одинокая слабость смѣется въ Антонѣ. Она злая, какъ избалованная кошка. Замахнулся на нее палкой, а не убилъ, даже не тронулъ. И она смѣется.

Измученный, сидитъ передъ двумя огнями свѣчей. И извивается усмѣшка на губахъ столь юныхъ.

— Но развѣ она моя?

Громко сказалъ, взглянувъ безъ думы въ зеркальце, подарокъ дяди—папы крестнаго. Въ кожу записной книжки вправлено зеркальце. Ко дню именинъ подарилъ. Въ томъ вонъ кармашкѣ полусотенная серія обычная лежала, купоны впередъ отрѣзаны. Какъ всегда. Аккуратенъ онъ, дядя Сема.

Въ зеркало то глядѣлъ. И не хотѣлъ видѣть то лицо, и

новаго возжаждавшій хотѣлъ. И дивился, видя лицо чернобровое, мужественное. И улыбнувшись, — а улыбка страннымъ ликомъ отразилась,—сказалъ:

— Наша возьметъ.

Но стало стыдно. И стало страшно. Нужно дѣлать что-то. Что? И всталъ и сталъ ходить изъ одного угла въ другой, чтобъ чувствовать, что живетъ. И долго мертвыми глазами львы со стѣнъ и старики съ дверей глядѣли, какъ живой бродитъ по ихъ склепу. Долго. И мыслей не было, но сознавалъ, что станетъ сильнымъ, когда нужно будетъ.

Сѣлъ. Засмѣялась кошка. Шепчетъ:

— Когда же?

— Страшно. Страшно. Вѣдь, я одинъ. Зачѣмъ такъ тихо здѣсь? Такъ мертво?

Сказалъ-ли, подумалъ-ли. И сталъ озираться, сталъ прислушиваться, и сразу мучительно-больно задергалась щека. И все озирался. Долго. Давно хотѣлъ перестать и не могъ, и все озирался, вглядывался въ темноту угловъ, выискивалъ что-то. И мучительно прислушивался. И не могъ перестать, и щеку дергало все больнѣе. Одинъ. Одинъ. Никого. Скользнулъ взглядомъ по золотымъ крыльямъ святого духа. Неподвижный, повисъ и не глядитъ въ ту сторону, гдѣ Антонъ. Тогда всталъ, взялъ со стола книгу побольше, чтобъ достать до него, и тронулъ, раскачалъ блестящую птицу. И сѣлъ Антонъ. Летаетъ подъ потолкомъ кругами птица. И смотрѣлъ. Не такъ мертво въ любимомъ склепѣ. Долго кружитъ, но вотъ усталость одолѣваетъ. Круги меньше. Вотъ чуть качается. Стало скрипѣть кольцо.

Но вотъ слышитъ голосъ. Не понялъ гдѣ. Опять и громко. Да. Его имя. Голосъ оттуда, изъ-за двери, но не въ сосѣдней комнатѣ, дальше. Еще разъ. Уже ясно.

— Неужели это онъ? Какъ будто его голосъ.

И сорвался Антонъ съ кресла.

— Я здѣсь!

И отперъ дверь. Далеко, на порогѣ лѣстницы, стоитъ со свѣчой. Вглядывается Антонъ. Онъ. Дядя Сема.

— Я Здѣсь. Идите.

— А ты посвѣти.

Пространство съѣдаетъ его голосъ, и голосъ тотъ звучитъ иначе.

По лѣстницѣ сошелъ со свѣчой. А здѣсь, въ незнакомомъ мѣстѣ, и со свѣчой боится. Или забылъ, что пришелъ со свѣчой. Возвращается Антонъ, навстрѣчу со свѣчой идетъ съ зажженной.

— Здравствуй.

— Здравствуйте.

Правыя руки ихъ коснулись. Вдвоемъ идутъ съ двумя свѣчами. Дядина свѣча въ большомъ стройномъ подсвѣчникѣ, въ бронзовомъ, въ чеканномъ. И думаетъ Антонъ:

— Изъ спальни. Такъ вотъ гдѣ было совѣщаніе.

Молча пришли.

— Ты не закрывай.

Антонъ, входя, по привычкѣ хотѣлъ закрыть дверь.

— Какъ у тебя темно... Что ты наверхъ не идешь?

И замолчалъ. Голосъ, какъ всегда, тихій, задумчивый. И сталъ безшумно ходить вдоль окошекъ и съ любопытствомъ быстро оглядывать все въ комнатѣ, часто невольно останавливая взглядъ на голубѣ, который еще качался.

Въ этой комнатѣ Семенъ не былъ ни разу. Ни разу за тѣ годы, что здѣсь живутъ. Ранѣе былъ, вѣроятно, но здѣсь было тогда пусто. И вотъ внимательно осматривается. Онъ любопытенъ. Ходитъ вдоль стѣны безшумно, ничего не задѣвая, и не говоритъ. Только все чаще вертитъ головой, и при этомъ у него въ горлѣ хрипъ:

— Э-э.

Какъ бы слегка откашливается. Таковъ тикъ его. Такъ дергаетъ его черезъ двѣ-три минуты, когда Семенъ спокоенъ. Но вотъ онъ ходитъ, ходитъ, осматривается, а голова дергается, вертится, и онъ все рѣзче, все суше откашливается.

— Э-э! Э-э!

Семенъ вертитъ головой и гримасничаетъ такъ, какъ будто тѣсный воротникъ нестерпимо рѣжетъ его шею. А воротникъ онъ носитъ отложной, широкій.

Оба молчатъ. Антонъ стоитъ, опершись о спинку кресла, и черезъ столъ смотритъ, какъ прыгаетъ безволосый черепъ на открытой худой шеѣ. Но вотъ дядя Семенъ заговорилъ, продолжая ходить вдоль оконъ.

— Какъ у тебя темно... Ты бы лампу зажегъ.

Думаетъ Антонъ, что-бы сказать. И говоритъ:

— Все равно.

— Темно такъ.

— Хотите лампу?

— Зажги.

Говоритъ тихо, ласково. А въ глаза не смотритъ. Старался ни разу не взглянуть съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ.

Бѣлый шаръ лампы освѣтилъ комнату. Семенъ осмотрѣлся еще и при новомъ освѣщеніи.

— Ты развѣ всегда со свѣчами здѣсь? Ты лучше лампу. Что свѣчи жечь?...

Говоритъ, самъ въ далекое глядитъ. Совсѣмъ тихо говоритъ. Думаетъ о другомъ. Вотъ задумался крѣпко, грустно. Глубоко въ черепѣ сидящіе глаза, кругло открытые, внимательно смотрятъ и ничего невидятъ. А самъ ходитъ, ходитъ безшумно. И безволосая сухая голова не дергается.

Но вотъ остановился, вспомнилъ что-то свое, осмотрѣлся и быстро задулъ свою свѣчу, которую, входя, поставилъ на столъ у кровати.

— А! Третья свѣча. Долго же онъ не замѣчалъ.

То Антонъ тускло мыслитъ, появленіемъ дяди выхваченный изъ круга заколдованнаго, уже милаго.

А дядя Семенъ:

— Э-э! Э-э!

Ходитъ.

Опершись на высокую спинку кресла, смотритъ Антонъ черезъ столъ на его неспокойную маленькую фигуру, сухую, скромно-аккуратную, въ чорномъ пиджачкѣ сверхъ чорнаго, въ мѣру вырѣзаннаго жилета, въ чорныхъ брюкахъ. У него ихъ много этихъ костюмовъ, до совершенства схожихъ. И пуговицы тѣ же, костяныя, чорныя. Матерія дорогая.

Всѣ близкіе знаютъ, что Семенъ сначала носитъ свой костюмъ такъ же, какъ всѣ граждане, а потомъ, когда наступаетъ пора, портной перешиваетъ ему все — и пиджакъ, и жилетъ, и брюки, повернувъ матерію изнанкой наверхъ, и онъ опять носитъ свой костюмъ, пока не разстанется съ нимъ навсегда. Тогда костюмъ складывается съ такими же, въ ту же мѣру поношенными костюмами.

Но сроки эти извѣстны ему одному. Внѣшность его платья всегда неизмѣнна. Какъ на восковомъ заводномъ человѣкѣ въ паноптикумѣ. Когда Семенъ носитъ платье въ первомъ періодѣ, когда перелицованное, когда, наконецъ, проходитъ и этотъ срокъ, угадать нельзя.

Не разъ пытались въ Макаровомъ дому Макаровы шуты догадаться:

— А вы, кажется, сегодня въ новомъ, Семенъ Яковлевичъ?

Онъ задумчиво и нехотя отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

Ходитъ Семенъ по львиной комнатѣ, какъ-бы забывъ, зачѣмъ пришелъ сюда. Но вотъ, проходя мимо стола, замедлилъ шагъ, задумался. Рѣшилъ, взялъ отъ окна легкій стулъ и сѣлъ къ столу, напротивъ племянника.

— Ты бы лучше пошелъ наверхъ.

Покашливаетъ.

Антонъ думаетъ, что дядя можетъ сказать еще? Подождалъ Семенъ, пока тикъ отпустилъ его, и продолжалъ:

— Я ничего не зналъ. Только сегодня узналъ. Что это у васъ? Изъ за чего? Ты бы пошелъ туда... Все бы устроилось... Я, вѣдь, всего не знаю... Можетъ быть, она сказала тебѣ что-нибудь... такое... Но, вѣдь, она мать. Это ничего. Это такъ. Мать можетъ сказать. Да ты бы лучше сѣлъ. Такъ лучше говоритъ. Намъ поговорить нужно.

И замолчалъ, скосилъ глаза. Не глядѣлъ на Антона, когда говорилъ. А говорилъ тихо, ласково.

И долго молчалъ. И разглядывалъ Антонъ дядинъ блестящій черепъ, далекіе глаза, горбатый носъ, красно-рыжіе усы, краснорыжую бородку. Подстрижены аккуратно, какъ нужно. Какъ кому-то зачѣмъ-то нужно. И усы, и бороду ему давно подкрашиваютъ и искусно: оставлено немного сѣдыхъ волосковъ.

Замолчалъ Семенъ, глядя куда-то вкось. Ничего не видитъ. И глядитъ на него сверху Антонъ. Глядитъ стоя. И думаетъ о томъ, что вотъ дядя Семенъ единственный изъ нихъ, который ему не противенъ. Единственный, если не считать того. Но Доримедонтъ скоро умретъ. У него ракъ въ кишкѣ. Скупой умираетъ. Всѣ знаютъ, что онъ скоро умретъ, но не говорятъ объ этомъ. Скупой богаче всѣхъ, а объ деньгахъ молчатъ, какъ будто ихъ нѣтъ, какъ будто живутъ не ими, не для нихъ.

Или забылъ Семенъ Яковлевичъ, зачѣмъ пришелъ. Сидитъ. Молчитъ. Задумался. Антонъ отошелъ отъ стола, стукнулъ кресломъ. И дядя опять заговорилъ:

— Такъ нельзя. Нужно какъ-нибудь устроить... Да ты бы сѣлъ...

Онъ думалъ о чемъ-то. Его голосъ былъ такой, какъ будто онъ говорилъ издалека. И понялъ крестникъ, что Семенъ скоро умретъ. Понялъ и испугался. Понялъ и обрадовался:

— Такъ вотъ чья смерть здѣсь бродитъ.

Шутила смерть, смѣялась смерть весело въ львиной комнатѣ въ дѣвственной. И являла свое присутствіе глупенькой пѣсенкой безъ словъ человѣчьихъ, глупенькой пѣсенкой, шуршащей о стѣны барельефныя.

И ждалъ дядиныхъ словъ Антоша. Чорные глаза его поняли близкую смерть дяди Семена. И когда увидѣлъ онъ, что Семенъ умретъ, подошелъ онъ къ нему вплотную, и губами молчащими и недвижимыми сказалъ-помыслилъ:

— Ну! Да ну же! Скорѣй говори свою старую ложь.

Тогда тотъ заговорилъ, вертя головой.

— Э-э! Э-э! Я, вѣдь, не знаю, что у васъ произошло... Я не знаю... Но мнѣ твоя мать сказала, что эта дѣвица... Что ея сестра... Дорофея Михайловна...

Онъ заплакалъ. Но ненадолго. Отеревъ платкомъ лицо, задергался своимъ: э-э!—э-э. И опять заговорилъ:

— Я знаю. Вѣдь, теперь всѣ другіе. Вамъ другого хочется. Мы не такъ росли. Но я ничего не говорю, ты поди наверхъ, и все кончится.

Онъ говорилъ такъ и опять замолчалъ. Антонъ смотрѣлъ на дядю Семена, на этого маленькаго, худого человѣка въ пиджакѣ, смотрѣлъ на него и жалѣлъ его.

Вдругъ Семенъ началъ говорить иначе и, заговорилъ, всталъ:

— А Судьба? А Судьба? А Богъ? Матери нужно покоряться. Кто же какъ не мать! Я самъ былъ, какъ ты. А теперь... А теперь...

Онъ опять заплакалъ. Но совсѣмъ ненадолго, только два раза всхлипнулъ. И, оправившись, началъ говорить: о женщинахъ, объ ихъ коварствѣ. Но онъ говорилъ о своей женѣ. Забывая все, что не она, часто повторялъ:

— Ты, вѣдь, знаешь... Ты, вѣдь, и самъ знаешь...

На мигъ случайно его глаза посмотрѣли въ глаза крестника. Вѣроятно, это было смѣшно львамъ стѣннымъ. Сдѣлали каждый свою гримасу. о гримасу, усиленную неожиданностью. Но это былъ мигъ.

Говорилъ Семенъ о своей несчастной жизни. Говорилъ нескладно и совсѣмъ забывъ тѣ слова, которыя несъ сюда. Онъ былъ впервые такимъ передъ племянникомъ. Но говоря, онъ не смотрѣлъ въ его глаза. Онъ говорилъ горячимъ голосомъ, говорилъ кому-то, кого-то глазами ища безпокойными, смотрѣлъ въ открытую дверь, въ тьму. И еще разъ понялъ Антоша, что дядя скоро умретъ. Но и еще одна мысль проползла черезъ мозгъ. Семенъ говоритъ, говоритъ, судорожно откашливаясь, а племянникъ ходитъ по комнатѣ, не видя его. Будто идетъ не по комнатѣ, а туда, въ далекое, и ему страшно. Вотъ помыслилъ думами помутившимися отъ говора всхлипывающаго дядинаго.

— Вотъ иду, кружусь по склепу. Но петли моихъ слѣдовъ развяжутся. И это будетъ прямой, далекій путь. И къ чему городитъ свою чепуху? Не нужна мнѣ его откровенность... Еще расплачется опять. Кисляй. Чепуха его глупое несчастье.

Но все говоритъ, говоритъ. И какъ бы откашливается.

— Э-э! Э-э.

И вдругъ сразу оборвалъ. И обычнымъ голосомъ:

— Который же часъ? У тебя есть часы? Какъ! Двадцать минутъ. Какъ же это я...

Держа въ рукѣ свои маленькіе золотые часы, идетъ къ двери и говоритъ:

— Ну, прощай... Ты посвѣти мнѣ. До лѣстницы. Нѣтъ, лампу возьми. А тамъ я ужъ со свѣчой.

Его свѣча въ высокомъ подсвѣчникѣ прыгаетъ, когда онъ зажигаетъ ее.

X.

— Здравствуйте, ваше превосходительство. Какъ дѣлишки во ввѣренномъ попеченію вашему заведеніи?.. Эй, ты! Никого больше не принимать. Послѣ завтрака карету. Ливрейнаго на козлы! Кушайте, ваше превосходительство.

Чуть привсталъ въ креслѣ со спинкой высокой важный Корнутъ, руку черезъ столъ гостю протянулъ. И къ старухѣ древней, въ шолковомъ платѣ, въ темномъ за столомъ сидящей, гость почтительно подошелъ.

— Какъ здравствуете, Домна Ефремовна?

Чуть пониже голову трясучую нянька склонила.

— Благодарствуй, батюшка!

А кресло ея такое же, какъ у барина ея, у Корнута Яковлевича. Остальнымъ, кто за столъ сядетъ, стулья поставлены съ сафьянной обивкою, безъ локотниковъ.

— Какъ же, Корнутъ Яковлевичъ? Можетъ, мы и оформимъ обѣщаніе ваше... Благодѣтельное обѣщаніе ваше.

Это превосходительный послѣ трудно придуманныхъ словъ многихъ, на которыя никто не откликнулся.

— А вы уже лучше, ваше превосходительство, къ ужину заѣзжайте. Тогда я по порученію Корнута Яковлевича и не то еще вамъ оформлю. А въ настоящее время не до того намъ.

Сказавъ, отпилъ и причмокнулъ нотаріусъ Герваріусъ, на Корнута глаза скосилъ. Хозяинъ отъ стакана глазъ не поднялъ. А въ стаканѣ красное вино. Усы покручиваетъ.

Подъ дубовымъ потолкомъ высокимъ молчаніе людей впитываютъ радостно стѣны, старыми гобеленами украшенныя. Про тѣ гобелены братъ Макаръ не разъ говаривалъ, не завидуя:

— Дрянь линючая. Выкинь! Вѣдь, и тебѣ эти тряпки не нравятся.

Радостно помолчали теперь стѣны, тканьемъ старымъ украшенныя, и услышали:

— А и взаправду, батюшка. Чего тебѣ здѣсь сейчасъ? Али не знаешь: день нонѣ особенный. Къ ночи жалуй, къ ночи. Къ ночи вашего брата экъ сколь ожидаемъ. Еще коли встрѣшь кого, сюда гони. Шампанскимъ тебя угостимъ.

Устала нянька древняя. Глаза закрыла. Голова трясучая на грудь пала.

Хохочетъ-давится нотаріусъ Герваріусъ:

— Ужъ не вамъ ли это она, ваше превосходительство? Ужъ не вамъ ли?

Ни слова не говорилъ Корнутъ, пія вино свое. Никому не говорилъ. Будто не слышалъ. И даже дремотными стали глаза его. Однако, когда, вскорѣ, сталъ прощаться превосходительный.

— Благодарствуйте на посѣщеніи,—сказалъ Корнутъ, лѣвую руку въ локотникъ уперевъ. Будто привсталъ горбунъ.

— Вечеркомъ! Вечеркомъ-съ!

То въ догонъ тому нотаріусъ Герваріусъ. И захохоталъ нотаріусъ, когда тамъ, далеко, хлопнула дверь внизу. И улыбнулся-фыркнулъ подъ усами тонкими Корнутъ. И на нотаріуса взоръ вскинувъ проснувшійся, нянька прошамкала:

— Чего ржешь, батюшка!

И пошуршавъ платьемъ своимъ шолковымъ себѣ на утѣшеніе и вздохнувъ протяжно, опять въ сонъ отошла, въ близкій.

Засуетился-завеселился нотаріусъ Герваріусъ, около Корнута Яковлевича забѣгалъ. А тотъ вино красное пьетъ, усы заостренные крутитъ, чуть улыбается, слышитъ:

— Пора! Пора! Пора!

— Ну, я сейчасъ.

— Готова карета! Готова карета! Пора!

Поѣхали. И разное говорилъ нотаріусъ. И по разному молчалъ Корнутъ Яковлевичъ, слыша:

— Вы бы, Корнутъ Яковличъ, въ орденахъ... Вамъ бы, Корнутъ Яковличъ, лучше послѣзавтра, въ храмовой ихъ праздникъ... Да хорошо ли, Корнутъ Яковличъ, что вы со мной...

Тряслась карета. Слушалъ Корнутъ. Курилъ. Молчалъ. И вотъ спросилъ:

— А вы чего отъ моей свадьбы ждете?

— То-есть, какъ чего-съ?

— А такъ. Съ чего вы такъ ужъ больно обрадовались? Или думаете — дѣла совсѣмъ забуду? Или думаете — самъ на себя похожъ не буду, когда женюсь. Очень ужъ вы обрадовались. Чему бы вамъ радоваться, коли не тому.

— Вотъ голову снимите, не тому я радуюсь. А радуюсь.

Это вѣрно. Радуюсь. Радуюсь. А вы угадайте. Только скорѣй А разсчетъ мой вѣрный

Карета закудахтала рессорами. И не разслышалъ нотаріусъ:

— Дуракъ.

Подъѣхали къ бѣлому дому купцовъ Оконниковыхъ.

— Вы со старухой посидите. А я къ Марьѣ Александровнѣ пройду.

— Какъ! Вы развѣ со старухой переговорили уже?

— Ну, ужъ это мое дѣло... Дома?

— Пожалуйте, Корнутъ Яковличъ. Принимаютъ-съ!

Ручки дверей мѣдныя, начищенныя, сверкнули. Протискиваясь рядомъ съ Корнутомъ, нотаріусъ Герваріусъ шопоткомъ:

— А ужъ я старухѣ-то турусы на колесахъ... Довольны останетесь.

— Ну, молчите, милый мой. Пока освобождаю васъ отъ вашихъ обязанностей... Марьѣ Александровнѣ доложи.

По лѣстницѣ, воскомъ натертой, половикомъ-дорожкой устланной, наверхъ чинно прошли. Уклада стародавняго рѣчи-молитвы немногословныя стѣны тихо шепчутъ. Налѣво, въ горницу столовую, въ свѣтлую, съ иконою Спаса гнѣвно-строгаго въ ризѣ ликующей, нотаріусъ Герваріусъ, подпрыгивая, вошелъ; хозяйкѣ поклонъ, ножкой фигурно шаркаетъ. Корнутъ изъ залы направо, туда, гдѣ за многими дверями двадцати-семилѣтняя хозяйка громаднаго пароходнаго дѣла въ комнатахъ своихъ уютныхъ среди роскоши новыхъ дней живетъ тихо.

— Здравствуйте, Корнутъ Яковлевичъ. А мамаша дома.

Полная, волжскою красотою пѣвучею прекрасная, изъ широкаго рукава платья парижскаго утренняго руку бѣлую свободно протянула.

— Позволите?

Изъ портсигара золотого, сапфиромъ-кабюшономъ украшеннаго, папироску тонкую желтую вынулъ, медлительно закурилъ, въ креслѣ сидя напротивъ хозяйки. Заговорилъ, слова тянулъ важно-спокойно, рукою холеною подчасъ какъ бы слова тѣ подкидывая и съ улыбкою ихъ ловя, играя ими хозяйкѣ-красавицѣ на потѣху.

— Да. По дѣлу. Да. Да... Отъ меня не тайна, что руки вашей, Марія Александровна, многіе искали. Да, и осторожность вашу и умъ одобряю. Вполнѣ одобряю. При вашемъ капиталѣ опрометчивостью было бы... И увлеченіе, да, да, увлеченіе тоже... Деньги къ деньгамъ. Въ этомъ мудрость. Такъ понималъ поведеніе ваше. И уважаю. Да. Да. А я... А мнѣ въ мои годы пора... То-есть, имѣя домъ безъ хозяйки, безъ молодой и прекрасной хо-

яйки, пора подумать о заполненіи этого пробѣла въ жизни. Имѣя капиталъ, насколько могу судить, въ три раза слишкомъ превышающій вашъ капиталъ, освобождаю себя отъ риска всякихъ кривотолковъ и нареканій. И въ то же время... да, да... иду навстрѣчу... то-есть, оба мы пойдемъ навстрѣчу задачамъ отечественной промышленности и предначертаніямъ правительства, объединивъ и подкрѣпивъ, такъ сказать, взаимно два волжскихъ дѣла. Неоднократно побывавъ въ Санктпетербургѣ... да, въ Санктпетербургѣ, имѣлъ случай... да, да... пріятный случай въ бесѣдѣ съ господиномъ товарищемъ министра... да, министра, узнать мнѣніе его превосходительства, а, слѣдовательно, и мнѣніе его превосходительства господина министра, да, да... министра о желательности, о желательности, о крайней желательности сосредоточенья капиталовъ хотя бы путемъ заключенія браковъ... да, да... именно браковъ. Какъ въ нашемъ районѣ, такъ и... Да, да... Особенно въ поволжскомъ районѣ, гдѣ судьбы дѣлъ зависятъ не только отъ финансоваго, такъ сказать... да, да, слова его превосходительства, не только отъ финансоваго генія, но и отъ стихійныхъ силъ. Что явно говоритъ въ пользу капиталистической... да, да... тенденціи. Наиболѣе же частые крахи именно пароходныхъ предпріятій, недостаточно финансированныхъ... ахъ, я далекъ отъ предположеній... Да. Такъ вотъ... пароходныхъ предпріятій, указываютъ на то, что въ данномъ случаѣ я поступаю... то-есть мы оба поступимъ, ничуть не отклоняясь отъ предначертаній его превосходительства господина министра. Даже болѣе: при моихъ связяхъ въ Санктпетербургѣ я могу... да, да, конечно... поставить его превосходительство въ невозможность не усмотрѣть въ этомъ, такъ сказать, явленіи нарочитое желаніе оправдать довѣріе и посильно послужить дѣлу процвѣтанія отечественной индустріи... да, да... а, слѣдовательно, и вообще задачамъ правительства. Да. Такъ вотъ. Надѣюсь, Марія Александровна, вы отнесетесь къ словамъ моимъ съ надлежащимъ вниманіемъ. Да. А засимъ, если предложеніе мое явилось для васъ неожиданностью, чего я, впрочемъ, не предполагаю, и желаете вы подумать, то я пройду къ маменькѣ вашей и тамъ ожидать буду вашего согласія.

Договорилъ, просмаковавъ всѣ слова свои, съ особенной ласковой важностью играя словами, въ которыхъ попадался звукъ Р. Тѣ слова по комнатѣ катились, какъ серебряные шары. Съ кресла вставая и въ поручни упираясь, голову на мигъ въ плечи спряталъ. И затрещала-вскоробилась бѣлоснѣжная накрахмаленная грудь.

Сорвавшись, встала и хозяйка.

— Корнутъ Яковлевичъ. Вамъ не нужно будетъ долго ожи-

дать отвѣта. Благодарю за честь. Но я не пойду за васъ замужъ То-есть, вообще, не собираюсь. А кстати, когда будете въ Санктпетербургѣ, спросите у господина министра, не допускаютъ ли его предначертанія какихъ-либо сердечныхъ чувствъ въ брачныхъ дѣлахъ.

Начавъ спокойно и размѣренно, поблѣднѣла и голову на стройной шеѣ подняла по-королевски.

Папиросу въ чорныхъ зубахъ зажавъ и на дверь глядя, Корнутъ сказалъ. И будто чревовѣщателемъ былъ: говорилъ спокойнымъ голосомъ слова, а гдѣ-то рядомъ кто-то смѣялся злобно.

— Нѣсомнѣнно, Марія Александровна, вы вправѣ распоряжаться своей судьбой, какъ заблагоразсудите. И обиды въ отказѣ вашемъ никакой для себя не усматриваю, тѣмъ болѣе, что формальнаго, такъ сказать, предложенія руки и сердца не дѣлалъ. Но неосторожныя слова ваши относительно его превосходительства господина министра и вообще относительно матеріи, шутокъ не допускающей... да, да... эти слова ваши, а въ особенности тонъ... да, да... тонъ рѣчей вашихъ заставляетъ меня серьезнѣе отнестись къ тѣмъ слухамъ, которымъ до нынѣ я вѣры не давалъ... да, да... вѣры не давалъ, не предполагая, что въ старинномъ роду... да... будучи дочерью почтеннаго коммерсанта... Да, да... И я, будучи самъ, такъ сказать, на виду у его превосходительства и, смѣю надѣяться, не на плохомъ счету, до нѣкоторой степени обязанъ...

На шорохъ оглянулся косо въ глубь комнаты. За портьерой скрылась хозяйка.

Постоялъ. И вышелъ немѣняющейся своей походкой, пристукивая толстой подошвой на лѣвой, чуть короткой, ногѣ. Дойдя до залы, у зеркала остановился, усы покрутилъ нафиксатуаренные. Морщины лба разгладились. Попробовалъ улыбнуться улыбкой снисходительно пріятной. Передъ дверью въ столовую горницу передумалъ. Двери не открылъ. Къ лѣстницѣ пошелъ. Одинъ въ каретѣ сидя, волю далъ гнѣву. Тростью стучалъ и грозилъ. И визжалъ.

— Погоди ты у меня. Наведемъ справочки. По нынѣшнимъ временамъ красныхъ-то не больно жалуютъ. Даромъ что при капиталѣ.

Домой пріѣхалъ грозенъ. У подъѣзда раскричался. Всѣхъ дворниковъ согналъ.

— Не подметали сегодня? Не подметали!

— Какъ же съ... Мели-съ...

— То-то мели-съ. Васъ къ Макару Яковлевичу на полго-

дика. Вышколилъ бы. Тамъ сколько разъ на дню метутъ! А Сколько, черти? Я васъ! Всѣмъ разсчетъ!

— Помилуйте, Корнутъ Яковлевичъ... Да мы...

— Молчать!

Кивкомъ головы приказалъ лакею поддерживать себя подъ руку при восхожденіи по лѣстницѣ. Иногда любилъ такъ.

— Пусть трепещутъ.

Въ столовой въ кресло свое сѣлъ. Столъ всегда накрытъ въ дому у Корнута. И днемъ, и ночью. И на скатерти длиннымъ рядомъ бутылки и граненые графины. И возлѣ нихъ звонкое сверканіе алмазное, рубинное, изумрудное стакановъ, рюмокъ, бокаловъ. И закуски различныя всегда.

Сѣлъ. Газету развернулъ. Въ стаканъ съ краснымъ виномъ уткнулся, фыркнулъ, не допилъ. Отставилъ. Коньяку налилъ. Лакей безшумный отъ двери отошелъ. Къ столу. Стаканъ унесъ. Другой лакей на его мѣсто у двери всталъ откуда-то.

Коньякъ пьетъ Корнутъ. Рука бѣлая газету мнетъ.

— Герваріусъ сейчасъ пріѣдетъ. Сразу не пускать. Доложить. И никого. И нянькѣ сказать, чтобъ не приходила.

На безсловесно склонившагося не взглянулъ, острымъ запахомъ ароматнымъ крѣпкаго вина тѣша злобу. И опять выпилъ И опять налилъ.

— Памятенъ тебѣ будетъ Корнутъ Яковлевичъ!

Глазомъ однимъ замѣтивъ выжидающую позу слуги, рукою махнулъ, чтобъ скрылся. Газету терзая, пилъ въ тишинѣ испуганной столоваго покоя своего, заморскими рѣдкостями украшеннаго. И хорошо, что великъ покой тотъ. Много вещей покупаетъ хозяинъ. И изъ Лондона посылаетъ ему одинъ человѣкъ на много тысячъ въ годъ много ящиковъ. Посмотритъ Корнутъ, отберетъ, что получше.

— Въ столовую.

И наставляетъ, и развѣшиваетъ.

Янтарную влагу, вотъ уже не обжигающую, пьетъ Корнутъ. Еще рюмка. Еще, еще. И о край рюмки уже звенитъ бутылочье горло. Покраснѣвшіе глаза, потерявшіе pince-nez, что-то туманное видятъ.

— Въ тюрьмѣ насидишься, голубушка!

И кулакомъ ударилъ въ столъ. Больно. Взглянулъ. Кровь. Рюмку раздробилъ. Салфеткою руку неумѣло обматывая и морщась отъ вида крови, терзался сомнѣніемъ. Самъ ли шепталъ, чужой ли чей-то шопотъ насмѣшливый слышалъ:

— Не удастся... не удастся въ тюрьму...

Захохоталъ вдругъ. И кресло отодвинулось. Всталъ, ра-

достно пошатываясь. Ликующимъ жестомъ рюмку налилъ, кругомъ наплескалъ.

— Разорю! Разорю!

И по комнатѣ пошелъ, прихрамывая, явно и скрипуче смѣясь. Опомнившись, оглянулся на всѣ три двери. Никого. Но поморщился. Усы привычнымъ жестомъ покрутивъ, къ органу подошелъ. Завелъ. Въ звонахъ и гудѣніяхъ марша, двери притворивъ, ходилъ-хромалъ быстро мимо разновѣковыхъ тихихъ вещей прекрасныхъ, мало огорченныхъ тѣмъ, что нынѣшній хозяинъ ихъ знаетъ про нихъ лишь суммы, выставленныя на счетахъ антикваріевъ.

— Разорю! Разорю!

Слюнями и коньякомъ пачкая накрахмаленную сорочку, ходилъ-маршировалъ, въ тактъ марша ступая, ликующе строгимъ лицомъ заглядывая въ венеціанскія зеркала на поворотахъ, не забывая покрутить усы.

— Разорю! Разорю! Придешь копеечку просить... Копеечку.

И тихо уже слюняво смѣялся. Рявкнувъ, замолкъ органъ.

— Кто смѣлъ? Кто смѣлъ? Зачѣмъ? А, да...

Подошелъ. Завелъ машину на полный заводъ. И хромалъ, маршировалъ опять. И проходя мимо стола, наливалъ въ звенящую рюмку.

— Копеечку... Копеечку

И задыхаясь, лилъ коньякъ на шолковый газонъ бухарскаго ковра. И гудѣлъ-гремѣлъ и призванивалъ органъ. И уже темнѣло тамъ, вверху, подъ темными стропилами потолка. И цѣпь византійской люстры-фонаря будто спускалась изъ ниоткуда.

— Макаръ Яковлевичъ и господинъ Герваріусъ.

— Что? Какъ? Вмѣстѣ?

— Порознь изволили пріѣхать.

— Макару Яковлевичу сказать, что боленъ, что боленъ, понимаешь. А Герваріусъ пусть ждетъ внизу, внизу. Пока позову... Да... Да... Куда? Ты такъ, чтобъ Макаръ Яковлевичъ не слыхалъ... Ты Герваріуса у подъѣзда задержи, пока...

— Помилуйте, знаю-съ...

И безшумно исчезъ.

Сѣлъ Корнутъ въ кресло. Успокоенною рукою, перстнями украшенною, налилъ коньяку въ чистую рюмку, но не пилъ. Грусть, издалека налетѣвшая, туманнымъ облакомъ сумеречнымъ закрутилась, молитвенно-грустно шептать что-то хотѣла. И тихо стала клониться голова Корнута въ сонъ, гдѣ нѣтъ на поляхъ бѣлыхъ ни золота, ни горбатыхъ людей, гдѣ хорошо. Но хорошо тамъ лишь первые миги. Въ тихую страну, въ бѣлую, въ тихую, гдѣ на чемъ-то лампадка виситъ, лампадка образная, хочетъ

проникнуть кто-то. И жуткое царапанье. И просовываетъ рожу свою Смерть-скелетъ.

— А, вотъ вы гдѣ, ваше высокопревосходительство?

И волочитъ за серебряную ручку чорный гробъ.

И голову Корнутъ откинулъ на высокую сафьяновую подушку. Моргаетъ часто. Pince-nez разыскалъ. Нахмурился. Недрожащею рукою рюмку къ губамъ донесъ. На часы посмотрѣлъ. Всталъ поспѣшно. Мысли своей новой улыбаясь, въ кабинетъ прошелъ. Оттуда въ спальню. Позвонилъ.

— Одѣваться! Матвѣй!

До пояса оголеннаго, обтиралъ его мокрою губкой семнадцатилѣтній Матвѣй, красивый, розоволицый. И ласково по горбу гладила губка. И на слабыхъ ногахъ пошатываясь, ласково-важно приговаривалъ Корнутъ любимцу своему:

— Потише, Матвѣй!

Все чистое надѣлъ на горбатаго хозяина Матвѣй. Передъ зеркаломъ гардероба стоя и духи на себя брызгая, Корнутъ:

— Сбѣгай, голубчикъ. Рюмочку коньяку мнѣ сюда. Да этому нотаріусу Герваріусу прикажи въ столовую пройти.

Въ тужуркѣ своей синей юноша розовощекій, припомаженный, улыбающійся, заскользилъ-побѣжалъ.

Чинно по ковру ступая, чуть пошатываясь, Корнутъ футляры разноцвѣтные съ орденами и медалями вынулъ, раскрылъ. И медлительно любовно передъ зеркаломъ себя украсилъ. На возвеличеннаго тамъ вотъ, въ стеклѣ представшаго, на гордаго взглядомъ гордымъ поглядѣлъ.

— Нотаріусу Герваріусу приказъ отданъ. Изволили прослѣдовать. И что-то про себя бормочутъ. Похоже, что ругаются. Коньячку пожалуйте.

Улыбающійся мальчикъ балованный подносъ серебряный съ рюмкою протягиваетъ.

— Корнутъ Яковличъ! Что же это вы ордена скидываете? Надѣли и скидываете?

— А мы одинъ, пожалуй, оставимъ. Одинъ. Да. Вотъ этотъ.

— А что же тѣ-то? Красиво какъ. Пусть бы невѣста полюбовалась.

— А ты почемъ знаешь, что я къ невѣстѣ?

— Да ужъ какъ-же-съ. Къ Оконниковой, къ Марьѣ Александровнѣ.

— Дуракъ. Вотъ и не угадалъ. Горшкова Ираида Захаровна. Горшкова, а не Оконникова. Кто тебѣ про Оконникову навралъ? Кто?

— Не упомню. А только Горшковы что же-съ! Капиталецъ ихъ махонькій... И къ тому же-съ... хи-хи... Горшковы — гор-

шокъ-съ... неблагозвучно-съ и даже можно сказать неприлично.

— Дуракъ! Развѣ я ея фамилію приму? Забылъ? Да ея кличка аки воскъ отъ лица огня...

— Забылъ-съ. Это точно.

Внезапную мысль, огненно пронесшуюся, почуялъ Корнутъ въ себѣ и медленно произнесъ:

— А, можетъ, и не Горшкова. Можетъ, я съ тобою шучу. И чего вы все сплетнями занимаетесь? Ты-то чего! Ты-то чего! Все на кухню тебя тянетъ? На кухню? Тары-бары про хозяина растабарывать, да? На кухню да на конюшню? Да? Я тебя! На кухню вотъ и сгоню! Кухоннымъ мальчишкой и будешь. Или подконюхомъ. Что? Хочешь? Хочешь? Да?

— Да я что же, Корнутъ Яковличъ!

И захныкалъ.

— Да! Да! А то, что ты, сплетникъ, хоть бы коньякъ подавать научился. Что ты рюмку приволокъ? Гдѣ графинъ? Или бутылку долженъ. Если я вторую рюмку захочу?

— Я сбѣгаю. Да вы одну приказывали.

— Стой. Одну приказывали? Одну приказывали? Кто же тебѣ, дуракъ, прикажетъ: принеси двѣ рюмки коньяку? Кто, коли для одного человѣка? А гдѣ лимонъ? Хорошо, что я лимону не хочу. А если бы я захотѣлъ. А? Какой порядочный человѣкъ безъ лимону коньякъ пьетъ?.. То-есть... Пошелъ! Пошелъ къ буфетчику. Пусть втолкуетъ тебѣ дураку.

У дверей осмѣлѣлъ опять Матвѣй. Улыбчиво-робко:

— Да, вѣдь, я у васъ, Корнутъ Яковлевичъ, не при столѣ служу. Могу и не знать. И потомъ-съ...

Подступилъ къ Матвѣю Корнутъ.

— И потомъ-съ... И потомъ-съ?.. По рожѣ вижу, что и потомъ-съ. Молчать! Дуракъ! Камердинера изъ тебя готовлю. Камердинера настоящаго. А знаещь, что такое камендинеръ? Камердинеръ—министръ двора! Камердинеръ долженъ... Некогда мнѣ. Пошелъ къ буфетчику! Пошелъ! Разспрашивай, учись. Да про дѣло разспрашивай, а не тары-бары растабары, чортъ тебя возьми... Завтра у буфетчика спрошу. Я тебя вышколю! И помни ты: чуть словъ слушаться не станешь, бить буду. Бить буду! А не самъ, такъ нянькѣ скажу. Выростешь — спасибо скажешь. Да. Да... Пшелъ! А на то не смѣть намекать.

Появившагося въ дверяхъ столовой хозяина нотаріусъ Герваріусъ встрѣтилъ жестами отчаянія глухонѣмого. Раскидывалъ громадныя руки свои, съ трескомъ сталкивалъ ихъ, рожею своей являлъ недоумѣніе, кривлялся всячески передъ спокойно садив-

шимся въ кресло Корнутомъ. Молчали. Повалился на оттоманку нотаріусъ Герваріусъ и завизжалъ, космы свои трепля:

— На кого вы меня сироту покинули? Нѣтъ. Шутки прочь! Въ чемъ дѣло?

Безсловесно у двери во фракѣ стоящему рукой махнулъ хозяинъ.

— Некогда разсказывать. Пошутилъ я. А теперь пора къ невѣстѣ. Коньяку желаете?

— Къ невѣстѣ? Опять къ невѣстѣ? Ну, ужъ увольте. Я къ этимъ проклятымъ бабамъ на Нижній Базаръ ни ногой. По крайнему счету съ годъ ни ногой. Одолжили... Къ невѣстѣ...

— Я пошутилъ. Невѣста не та. Мы къ невѣстѣ сейчасъ поѣдемъ.

— Какъ?

Успѣвъ выпить рюмку, вторую себѣ налилъ и ею притронувшись къ другой, полной, спокойно-сонно Корнутъ:

— Черезъ десять минутъ ѣдемъ. Въ каретѣ разскажу. А теперь вы бы коньяку.

— Всегда могу. Всегда могу. Стало быть коньячокъ сегодня. Коньячокъ-съ... Къ чему бы это-съ... Однако, за ваше.

— Благодарствую. А вы разсказывайте.

Пилъ Корнутъ коньякъ. Много. Привычно сдерживалъ чорта, бушевавшаго и въ головѣ гладко-стриженной, напомаженной, и въ сердцѣ, вотъ уже колотящемся безъ мѣры. Любитъ-хочетъ людей прельщать чортъ Корнута. Но сила Корнутовой воли велика. На-людяхъ сонно-спокоенъ. И колотитъ чортъ кулачками изнутри, и когтями выцарапываетъ. Но крутитъ усъ Корнутъ и довольный, на чорное сукно сюртука своего косится. Нѣтъ! Ниоткуда не высунется. А на кухнѣ толкуютъ:

— Въ горбѣ чортъ у его гнѣздо свилъ.

Пилъ. И хотѣлось раскричаться, расшумѣться. Но старался найти счастье, да, счастье въ рюмкѣ нотаріуса Герваріуса. Нальетъ ему. Тотъ выпьетъ. Еще нальетъ. А тотъ еще выпьетъ. Занятно. Но сегодня не такъ. Про Оконниковыхъ разсказываетъ. Нудно это. Но отъ людей спрятанъ чортъ Корнута. Пусть видятъ, какъ усы крутитъ. Пусть слышатъ слова размѣренныя, важныя, или пусть слышатъ, какъ Корнутъ Яковлевичъ молчитъ.

Слушалъ многословное Герваріуса, думалъ:

— Хорошо бы его палкой стукнуть.

И думалъ еще:

— Женюсь. Женюсь. Ты у меня, Матвѣй, попомнишь.

Усталъ сидѣть. Нотаріуса подозвалъ. Подъ руку взялъ его. Ходятъ.

— Я вотъ... Да, да...

Нотаріусъ знаетъ привычки господина: Пьютъ оба:
Чортъ Корнута бунтуетъ.

— Пора! Ѣдемъ,

— Но куда? Но куда?

— Молчать!

— Но позвольте...

— Молчать!

Въ каретѣ сидя, Корнутъ сказалъ:

— Разсказывайте вашу чепуху. А мы къ невѣстѣ ѣдемъ.

— Неужели? Къ невѣстѣ?

Въ нутрѣ чорной кареты мчались.

— Къ Горшковой?

— А вы откуда знаете?

Да вы же сказали.

— Я?

И такъ посмотрѣлъ сквозь свое pince-nez и такъ замолчалъ, что жутокъ сталъ нотаріусу стукъ кареты. И по угламъ запрятались.

— Я вотъ къ Горшковымъ...

— Дай Богъ. Дай Богъ.

Въ воротникъ засмѣялся нотаріусъ, поглядывая на задремавшаго патрона. Ворчалъ, слова ронялъ невнятныя, ручкой маленькой поводя передъ носомъ нотаріуса.

— То-то! Да, да... Такъ ли говорю?

И захрапѣлъ, голову свѣсивъ. Шолковая шляпа-цилиндръ покатилась. Услужливо поднялъ нотаріусъ. Покрыть голову Корнута не успѣлъ. Въ ярости пьяной хрипѣлъ-кричалъ: слюной брызжа и колотя нотаріуса слабыми, невѣрными кулачками.

— Какъ смѣлъ цилиндръ сбить! Ты что, каналья! Каналья!.. А? А?

Визжалъ, ногами топоча. Сильный нотаріусъ легко удары рукой отводилъ.

— Что вы? Корнутъ Яковличъ? Что вы? Опомнитесь.

Не унимался. Лѣзъ въ драку, валясь отъ толчковъ кареты на сафьяновыя подушки.

— Я тебя, каналья, облагодѣтельствовалъ, а ты цилиндръ...

Отбиваясь и уговаривая, улыбнулся просвѣтленно нотаріусъ Герваріусъ.

— Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! Ваше превосходительство, Корнутъ Яковлевичъ!

— А? А? Что?

На подушки павъ, усы покручивалъ Корнутъ, вѣками хлопая.

— Ваше превосходительство! Скоро доѣдемъ. Вотъ ужъ Московская.

— А! Чего же вы молчали. Остановите карету на углу... Конфектъ куплю.

Тяжело опираясь на руку нотаріуса, вошелъ въ освѣщенную французскую кондитерскую. Въ чуть декольтированномъ платьѣ швейцарка юркая картавя лепетала, носясь по магазину, показывала бонбоньерки. Распахнувъ шубу, сидѣлъ Корнутъ, таращa глаза на красавицу услужливую.

— Подороже! Побольше! А? А? А развѣ нѣтъ серебряной?

Зѣвалъ-потягивался нотаріусъ Герваріусъ. Лѣниво ухмылялся.

— Ловко! Во-время я превосходительство въ ходъ пустилъ... А когда онъ себѣ генеральство взаправду укупитъ, чѣмъ тогда его улещать? Ну, да придумаемъ. Шахомъ Персидскимъ, что ли...

Наслаждаясь бѣготней француженки, Корнутъ, голову за нею поворачивая, жевалъ конфекты. Вдругъ къ нотаріусу:

— Хозяйка бы изъ нея вышла—чудо! А, вѣдь, такъ скучно. Коньяку!

— Здѣсь нѣтъ!

— Коньяку!

— Что вы? Что вы? Какъ къ Горшковымъ-то?

— Что?

— Невѣста!

— Мое дѣло. Сейчасъ коньяку!

Тростью стучалъ. Вышелъ нотаріусъ. Скоро возвратился, неся завернутую бутылку.

— Досталъ. Я все могу. Ну, ужъ, мамзель, тащите намъ рюмки. Дѣлать нечего. А въ концѣ концовъ съ конфектами не такъ ужъ плохо. Привалъ такъ привалъ. А вы, мамзель, не опасайтесь, что мы на часокъ у васъ распивочную устроимъ. Въ случаѣ чего въ обиду васъ не дадимъ... Оно, конечно, и такъ можно.

Лѣниво глядѣлъ на француженку, проворно запиравшую входную дверь.

— Стройная какая... Руками-то, руками какъ... Нѣтъ! Далеко нашимъ до француженокъ. А ту я въ бараній рогъ... Оконникову... Женюсь на Горшковой и въ ба-ба-бараній рогъ... Вотъ какъ! Копеечку, Корнутъ Яковлевичъ, милостивецъ. Копеечку тебѣ? Копеечку, каторжная? Копеечку? А въ тюрьму не хочешь? Бунтовать? Бунтовать! Противъ предначертаній правительства... Правительства... Нѣтъ тебѣ копеечки! Нѣтъ копеечки. Богъ подастъ...

— Какая копеечка? Ну, да мнѣ плевать. Только совѣтую: если еще когда поѣдете предложеніе дѣлать, вы ужъ лучше красное вино пейте.

Нарочно невнятно и отвернувшись говорилъ нотаріусъ. Такъ, чтобъ душу лишь отвести.

— Что? Какая копеечка? А вотъ увидите, какая копеечка. Увидите! Всѣ увидятъ. Вся имперія увидитъ... А вы налейте.

И хохоталъ, стуча палкой. То вспомнивъ обиду, рычалъ, слова несвязныя выплевывая со слюной, и гнѣвно морщился, будто въ ротъ ему жолчь враговъ его вливали. И корчилось тѣло горбатое, маленькое-маленькое въ пушистой большой шубѣ. Успокаивалъ француженку побѣлѣвшую Герваріусъ, самъ мало надѣясь на благополучный исходъ. Шепталъ.

— Вѣдь, онъ маленькій-маленькій. Не сильнѣе цыпленка. Однако, такимъ я его еще не видывалъ.

Выпустивъ чорта своего изъ горбатаго тѣла, не могъ да и не хотѣлъ Корнутъ загнать его, пригрозить. Внесенный въ карету, весело пѣлъ, то бушевалъ, и стучалъ тростью.

— Нѣтъ, не домой! Нѣтъ, не домой! Къ невѣстѣ!

Посѣщеніе дома Горшковыхъ было кратко. Старикъ хозяинъ, и самъ выпивавшій, сначала обрадовался случаю хорошенько кутнуть. Усадивъ гостей на диванъ и слыша несвязныя рѣчи, ходилъ по кабинету въ долгополомъ своемъ сюртукѣ и заговаривалъ масляным голосомъ о тройкахъ съ колокольцами, о Бѣломъ Медвѣдѣ и о прочихъ веселыхъ вещахъ. Но тяжелый Герваріусъ дремалъ. А Корнутъ:

— Нѣтъ, ты не отвиливай! Зачѣмъ я къ тебѣ пріѣхалъ? А? Ты внимай.

Давнее невидѣнное хотѣлъ воскресить. Для себя ли? Для него ли? И тянулъ слова изъ себя нудныя.

— При отцѣ вы что были? А? Что, говорю? Вы копеечку... Копеечку... Ну, къ чорту копеечку... А ты мнѣ, Захаръ Ильичъ, толкомъ. Формальное дѣлаемъ тебѣ предложеніе.

— То-есть насчетъ чего это? Не пойму.

— Формальное дѣлаю дочери твоей Ираидѣ предложеніе. И чтобъ дочь твоя Ираида тотчасъ... Къ чорту Ираиду твою! При отцѣ моемъ что ты былъ самъ-то... Какъ хотѣлъ онъ тебя...

— Однако, батюшка мой, и заврался ты. Испоконъ вѣковъ мы кожевники. Съ желѣзниками дѣлъ не имѣемъ никакихъ. Отца же твоего не за корысть уважалъ. А что про дочь мою молвилъ, то, вѣрно, спьяна. Не могу я въ томъ вины на тебя класть.

Будто отецъ сыну говорилъ. И на палецъ указующей руки правой съ желаннымъ трепетомъ глядѣлъ Корнутъ.

— Его старость послушать. Стародавніе завѣты пріять въ душу, чортомъ обуянную. Тихость настанетъ. Тихость желанная. Это тебѣ-то тихость! А домъ твой! Тѣ стѣны тихости не

хотятъ. Къ чорту! И Ираиду къ чорту! Къ чорту Ираиду. Однако, женюсь. Предначертанія правительства. И въ Санктпетербургѣ его превосходительство... Женюсь на твоей Ираидѣ, старикъ. Пусть чортъ меня возьметъ, а женюсь... Только сюда ее! Сюда! Сюда! Пусть коньякъ разливаетъ.

Долго говорилъ, то Горшкова старика передъ собой видя, то пустоту чорную, сонно ужасающую. И теребилъ подушку, бисеромъ шитую и гарусомъ. И кулачкомъ билъ-махалъ. То отгонялъ отъ дивана кота съ песьей головой. Лѣзетъ, подушку грызетъ. Того гляди—за руку тяпнетъ.

— Что? Что? А?

Давно ужъ старикъ-купецъ передъ Корнутомъ стоитъ, слова строгія ему говоритъ. Вотъ за плечо чуть тронулъ.

— ...а про Ираиду словъ твоихъ не пріемлю. Почти что просватана дочь. И уйди ты изъ дому моего, коли поносишь отцовъ завѣтъ. Уйди. Не барсумане мы. Уйди.

И пробудившемуся Герваріусу:

— Уведи!

Въ каретѣ спалъ Корнутъ. Нотаріусъ Герваріусъ поговорилъ и замолкъ. Не слышалъ Корнутъ. На Московской глаза открылъ. Пальцемъ указалъ. У той же кондитерской французской карета остановилась. Не бушевалъ. Храня строгую спокойность на лицѣ, вошелъ Корнутъ. Чорта запряталъ. Бѣлизна лица. Страшная бѣлизна. Запрятавъ чорта, хочетъ сдѣлать то, что нужно.

То смѣялся, то, ужасаясь, кидался къ нему Герваріусъ, когда Корнутъ стоялъ передъ продавщицей, держа шляпу въ лѣвой рукѣ. А держа шолковую шляпу въ лѣвой рукѣ, Корнутъ говорилъ продавщицѣ:

— Къ снисхожденію вашему прибѣгаю. И прошу руки вашей. Будучи освѣдомленъ о предначертаніяхъ правительства, тщанія свои направлю, дабы промышленность вашу довести до желаемаго да... да... уровня.

Говорилъ трезвый. Шолковый цилиндръ не дрожалъ въ его рукѣ. Вытягивалъ слова, какъ ленту. Къ изумленной француженкѣ подбѣжалъ Герваріусъ. Что-то шепталъ. Головой кивала.

Въ каретѣ ѣхали втроемъ. Корнуту надоѣлъ сегодняшній день. И сталъ онъ маленькій. Ребенкомъ сталъ. Ногтями царапалъ иней стекла. Вглядывался въ фонари. И раздражало его то, что они на-далеко поставлены.

— Чортъ!.. Чортъ возьми!..

— Корнутъ Яковличъ, съ вами невѣста.

— Къ чорту!

— Но она хочетъ съ вами поговорить.

— Къ чорту невѣсту! А вы что? Вы съ ними? Съ тѣми? Копеечку...

Доѣхали до дому.

Много-много разъ пили гости за здоровье жениха и невѣсты. Корнутъ неподвижный сидѣлъ въ высокомъ креслѣ своемъ. Нянька Домна Ефремовна, гнѣвно тряся головой, посидѣла и ушла. Француженка быстро привыкла къ новымъ обязанностямъ. Разливала кофе.

XI.

Третій вечеръ. Но его еще нѣтъ. Онъ подходитъ. Въ комнатѣ сѣрое-сѣрое. Потолокъ и стѣны львиной комнаты спокойные. Рельефы ниже. Краски другія. Той ночью не спалъ, когда ушелъ дядя Семенъ. Безъ огней уснулъ, днемъ проснулся одѣтый. Когда проснулся, не вспомнилъ, какая была ночь.

И надвигается новый вечеръ. Въ комнатѣ сѣрое-сѣрое. И мало видѣлъ дня Антонъ. И не помнитъ, гдѣ проснулся. Это отъ того, что просыпался нѣсколько разъ. Просыпался на кровати, въ креслѣ, на диванѣ. Просыпался и поднимался сонный.

Сѣрое вокругъ. Сѣрое. Спокойствіемъ и скукой пропитался крашеный гипсъ. Скучно. Вставъ, чтобъ больше уже не лечь, посмотрѣлъ впередъ, въ новый день. Тамъ ничего не было. И посмотрѣлъ назадъ. Но и ночи не было. И стало скучно. Скучно. Тогда сталъ думать нудную думу.

— Куда бы мнѣ пойти?

Вспомнилъ вчерашнее.

— Куда бы пойти? Къ кому бы?

Но вчерашнее шептало:

— А то? А то какъ же? А наша трагедія?

И отвѣчалъ лѣниво:

— Къ чорту!

Было только скучно.

— Ура! Идутъ!

Искренно и смѣшливо обрадовался стуку дверному далекому.

— Ба! Да это Яша!

Вошелъ въ пальто, фуражку на книги бросилъ.

— Вотъ и мы. Но, чуръ, подъ секретомъ. Подъ секретомъ къ узнику. Видишь, въ пальто. Чуть что, сейчасъ. Но только часа на два все благополучно. На шведкѣ въ Печерскій монастырь покатила. Зиночку съ собой взяла... Вернется, жди визита.

Всѣ признаки... Ну это пока по-боку! Читай новость. Нашъ-то Витя...

Изъ кармана пальто номеръ «Иллюстраціи» вынулъ.

— Слушай. «Выставка въ Венеціи... Не можемъ не отмѣтить картины нашего молодого соотечественника»... Каково?.. «Правда, его Amor вызываетъ недоумѣніе какой-то претенціозной дикостью выполненія, но кошмарно-мрачный сюжетъ, а до этого такъ падки милые итальянцы, заставляетъ публику по долгу останавливаться передъ картиной. Картина уже продана. Пожелаемъ молодому художнику избавиться»... Ну! что скажешь? Мы-то тутъ думали, что онъ подъ итальянскими заборами ночуетъ и помаленьку живописи обучается, а соотечественникъ, оказывается, мрачные сюжеты на выставкахъ выставляетъ и публику собираетъ. Нда. Ура, Витька!

— Хорошо это. Я радъ за него.

— Только ну, и семейка у насъ. Послѣ всѣхъ о братѣ узнаемъ. Вѣдь, это когда еще было. Смотри мѣсяцъ. Конечно, номеръ этотъ я maman подсунулъ. Обстоятельно прочитала и, кажется, дважды. Отложила и ни гу-гу. Ну, и я ни гу-гу, коли такъ. Однако, черезъ часъ ко мнѣ. Цѣпочку дергаетъ. Помолчала, потомъ: отцу о томъ, о Венеціи, ни слова! Такъ и сказала: о Венеціи. Не о Викторѣ, а о Венеціи. Что такъ? говорю. А то, что ни слова, слышишь! Хотѣлъ было я разразиться, ну, да клятву себѣ далъ не разстраиваться. Фу! И сумракъ же у тебя здѣсь. Атмосфера тоже тово... Куришь и форточку не открываешь. Ну, какъ твои-то дѣла? Говорилъ, вѣдь, плюнь! Что вышло? Вѣдь, ни то, ни се вышло. Только затянулъ. Иди-ка наверхъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Комендантъ пока ничего не знаетъ. Она ему наврала, что ты боленъ. Да оно на то и похоже. Покажись-ка къ свѣту. Да-а. И что себя мучаешь? Она, впрочемъ, тоже хороша; если это тебя утѣшаетъ. Комендантъ ужъ ее отчитывалъ: коли больны, кричитъ, доктора позовите. Не больна я, говоритъ. А тогда, кричитъ, какое вы право имѣете съ такимъ умирающимъ лицомъ ходить... Однако, я пальто сниму... Ну, maman наверхъ къ намъ поминутно бѣгаетъ, злобу срываетъ. Зиночку пилитъ: о женихѣ думаешь, а что бы матери помочь. Я потомъ говорю: вотъ ты придумай-ка, какъ и чѣмъ отцу-матери помочь. Умора. А Ирочку совсѣмъ заѣла. Та поетъ себѣ, бѣгаетъ. За руку схватила. За нѣмецкій языкъ усадила. И Эммѣ влетѣло. Костя на полъ-дня куда-то сбѣжалъ. А все изъ-за тебя. Послѣдній разъ говорю: плюнь! Иди наверхъ, пока не поздно. Изъ монастыря вернется, не то будетъ. Рѣшеніе приметъ. Какое? Этого намъ съ тобой не угадать. Да! Теперь главный жупелъ ужъ не Викторъ, а ты. Вы, шипитъ, съ

Антона примѣръ брать! Ужъ на что я! Ужъ, кажется, клялся, что не впутаюсь. И то сегодня не вытерпѣлъ. Въ сторону сказалъ: опять, говорю, здѣсь дни террора устраиваются. Услыхала, накинулась. И ты, говоритъ. Нѣтъ, не и я, говорю. Я книжку читаю и съ вами ссориться ничуть не хочу. А вы лучше дайте мнѣ, мамаша, валерьяновыхъ капель; а то, говорю, у меня, кажется, истерика начинается, и мнѣ очень хочется разбить вотъ эту лампу. И, вѣдь, прислала мнѣ валерьяновыхъ капель. Ха-ха! Кунсткамера. При всемъ томъ скука непомѣрная. Дядя Сема-то... Maman забыла, вѣрно, предупредить его, что ты числишься больнымъ. Пришелъ онъ отъ тебя, комендантъ къ нему, и сразу въ слезы. Что? Что? Умираетъ Антоша? Трудно ей было спасать ситуацію. Какъ, кричитъ, не боленъ совсѣмъ? То-есть боленъ, да не очень. Какъ, не боленъ? Чего же ты тамъ сидѣлъ? Ну, и пошло. Едва распутали. Дядя Сема въ карету опоздалъ чуть не на часъ. Въ первый разъ какъ себя помню... А онъ, вѣдь, здѣсь въ первый разъ вчера?

— Въ первый. Все разглядывалъ.

— А что говорилъ? Убѣждалъ быть паинькой? Ну, да онъ не страшенъ.

— Много говорилъ. Да. Не страшно. Только еще хуже.

— Ну, это какъ кому... Пойдемъ, Антоша, къ верхней бабушкѣ. Скука. Про Виктора Дорочкѣ и Сережѣ разскажемъ.

— Не пойду.

— Та-та-та! Ужъ не сплелось ли это вмѣстѣ? Maman Дорочку коститъ. Съ тобой за компанію. О неблагодарности и о прочихъ подлостяхъ. И съ записками отъ бабушки три раза бѣгали. Въ чемъ дѣло? Или не знаешь? Тогда пойдемъ, узнаемъ. Одному не охота... Знаешь, облѣнился я здѣсь до чортиковъ. Со скуки и со зла. Только и утѣшеніе, что жрать вкусно даютъ. Послѣ питерскихъ кухмистерскихъ оно занятно... Но скука одолѣла. И въ Питерѣ послѣднее время скучалъ. И сюда ѣхать не хотѣлъ. Нѣтъ, думаю, поѣду. Можетъ, скоморохи развеселятъ. Издали-то здѣшнее подчасъ занятымъ кажется, вродѣ оперетки. Однако, еще хуже. Хоть повѣситься.

— Да что тебѣ скучать. Вотъ ты скоро...

— Это что я университетъ-то скоро кончу? Знаю, знаю! Самъ до прошлаго года чего-то ждалъ, чему-то радовался. Теперь не то. Конечно, не брошу, экзамены сдамъ и всѣ свои великія права получу. На всякій случай. Только все это не то.

— Что не то?

— Да въ томъ и дѣло, что сплошь все не то. Какъ-то у меня раньше такъ складывалось, что вотъ факультетъ кончу,

и сразу на-завтра у меня мильонъ и все прочее. И я столичный адвокатъ. Не просто столичный, а великій адвокатъ. А тутъ оказывается, что никакого мильона нѣтъ, и остаюсь я щенкомъ на папашенькиныхъ хлѣбахъ и у него же на побѣгушкахъ. Это разъ. Но есть и два. И отъ него бо́льшая скука. И вотъ оно, это два: юридическія эти мои науки—ни на грошъ и я въ нихъ не вѣрю теперь. И ни великимъ, ни маленькимъ шарлатаномъ мнѣ быть не хочется.

Безсловно, поворотомъ головы лишь, спросилъ младшій братъ. Якову послышалось:

— Почему такъ?

— А потому. Вотъ у насъ у обоихъ папироски въ зубахъ. А за это самое при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ носы бы намъ отрѣзали. Наука наукой. Это хорошо. Умнѣе сталъ. Но походилъ я въ судъ. Больше года ходилъ. То дважды два выходитъ пять, то шесть, то вдругъ чортъ знаетъ что. А когда четыре—всеобщее ликованіе. И руки другъ другу жмутъ, и кто-нибудь плачетъ въ углу. А все сплошь да рядомъ къ тому сводится, чтобъ носы за куреніе табаку не отрѣзать. За двоеженство какого-то дурака, мѣщанина забитаго, судили и къ восьми годамъ присудили. А въ публикѣ турокъ въ фескѣ сидѣлъ. Ухмыляется. Ну, какъ же не носъ за табакъ? А адвокатъ изъ кожи лѣзъ. Въ ту же сессію крестьянъ судили. Цѣлой деревней антихриста на куски разорвали; младенца новорожденнаго. Оправдали. Темнота, дескать, деревенская. Тотъ же адвокатъ. Нѣтъ. Наука наукой, а въ такихъ дѣлахъ участвовать не хочу.

Кулакомъ въ столъ ударилъ, съ дивана всталъ. Ходитъ. И глухимъ голосомъ:

— Нѣтъ! Пожалуй, Витя умнѣе насъ всѣхъ поступилъ. Любимымъ дѣломъ занимается. Что съ дѣтства любилъ, при томъ остался. А, вѣдь, счастье жизни, пожалуй, въ томъ и заключается, чтобъ любимое дѣло дѣлать. А я? Что я, съ дѣтства, что ли, юридическій факультетъ полюбилъ? Такъ, зря живемъ. Ну, и не безъ maman тутъ тоже. Торныя дорожки ахъ какъ любитъ!

— Счастье, Яша, въ искусствѣ.

— Какое ужъ теперь искусство, когда я о немъ до сегодняшняго дня не думалъ! На турецкомъ барабанѣ играть еще, пожалуй, научишься... Тьма у тебя здѣсь. Зажги, Антоша... Нѣтъ, не я буду, если не поступлю еще на медицинскій или на естественный. Но, конечно, объ этихъ годахъ не жалѣю. Не потеряны. Только такъ не хочу. Врачъ! Врачъ и въ жизни только то дѣлаетъ, что наука ему велитъ. Врачъ можетъ и не знать, что какіе-то тамъ идіоты съ уголька спрыскиваютъ и въ хомутъ

протаскиваютъ. Онъ хининъ прописываетъ и никакихъ. Онъ съ бацилами, съ бактеріями безсловесными дѣло имѣетъ. Если въ книгахъ дважды два, такъ оно такъ и есть. А тутъ, не угодно ли. Я человѣкъ не религіозный, за что, кстати, меня maman и не жалуетъ и много мнѣ вредитъ, но все же грѣха на душу брать не желаю, въ этихъ несуразныхъ судахъ работая.

— Можно, вѣдь, и не адвокатомъ, не судьей. Можешь по теоретическимъ вопросамъ работать. Можешь науку двигать. Недовольные науку и двигаютъ.

— Двинешь ее! Безъ меня экъ понаписано! А ты что объ искусствѣ? Развѣ тоже рѣшилъ?

Указалъ старшій братъ на мольбертъ темнѣющій.

— Да нѣтъ. Не то.

— А! Стало быть, стихи все еще пописываемъ?

Молчитъ. Не отвѣтилъ Антонъ, зажигая свѣчи.

— Только стихи это что же? Между дѣломъ. Пушкинымъ не сдѣлаешься. А такъ... Да у насъ никакихъ такихъ академій нѣтъ. Ну, да куда ни шло. Пиши, коли полюбилось. Я бы самъ записалъ и никакихъ! Только бы полюбить. Вижу ужъ теперь, что любимое дѣло это все. Только мое любимое дѣло не отъ меня зависитъ.

— Что за чудеса?

Помолчалъ Яковъ. И сразу рѣшился:

— Очень просто. Деньги мое любимое дѣло. Не деньги, какъ деньги. Я не Доримедоша. А дѣла, которыхъ безъ денегъ не сдвинешь. Дай мнѣ мильонъ, и я счастливъ буду, и другіе вокругъ меня не въ накладѣ останутся.

— Деньги? Только деньги? Да что же ты съ ними особеннаго сдѣлаешь?

— Не деньги только. А голова, идея плюсъ мильонъ. Годами разрабатывалъ. Все у меня готово. Въ пять лѣтъ я изъ мильона десять сдѣлаю. Остановлюсь и покажу себя. Всякія культурныя начинанія. Всю Россію переверну. Лучшіе журналы мои! Лучшіе пароходы мои! Изъ Лазарева бы я что сдѣлалъ? Не фонтаны да рѣшотки только. У меня бы заводы, фабрики тамъ заработали. И идея во всемъ: въ предѣлахъ возможности коммуна и счастье ближнихъ. Эхъ! Вотъ оно, любимое дѣло.

— Да-а. Такъ мильонъ?

— Смѣешься? А ты не смѣйся. Я, вѣдь, не дуракъ. Я по натурѣ американецъ. Я бы съ грошей началъ. Вотъ у меня теперь двадцать тысячъ съ хвостикомъ, какъ и у тебя. Да я бы изъ нихъ... Только ничего этого психологически невозможно сдѣлать, пока я сынъ своего папашеньки. Что я, мелочную торговлю заведу? Газетную артель? Квасоварню? Пряники на яр-

маркѣ? И завелъ бы. И сколотилъ бы свой мильонъ. Думалъ. Обо всемъ думалъ. Съ моимъ характеромъ психологически невозможно. Понимаешь: психологически! Скажемъ, нажилъ я въ мѣсяцъ тысячу, мнѣ бы ликовать. Анъ, нѣтъ! Папашенька мнѣ десять тысячъ переводомъ шлетъ: купи и препроводи немедленно кобылу «Стрѣлу», что возможно постарайся выторговать. И своими руками отдаю, и кобылу, чортъ бы ее побралъ, препровождаю. И сколько этихъ тысячъ за годъ-то! А помимо меня сколько! Вѣдь, все знаю. А каждую тысячу я хоть сколько-нибудь своею-то считаю? А тутъ съ грошей начинай. Нѣтъ. Психологически невозможно. До истерики доходилъ. И поклялся себя не мочалить... Мильонъ—другое дѣло... Проклятье! А легко мнѣ, думаешь, въ Петербугѣ? Отъ людей заперся. Милліонеромъ, вѣдь, считаютъ. Какъ объяснить, что семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ? Рѣшили: чудакъ, въ меблирашкахъ живетъ. О, какъ я золъ! Опять валерьянку пить надо. Вѣдь, клялся. Клялся! Прощай! Еще maman нагрянетъ. Слуга покорный! Сердце, того гляди, лопнетъ... Всѣхъ благъ. И совѣтъ старшаго брата! Плюнь. А если охота думать, то подумай лучше о Доримедонтѣ. Послѣдняя воля. Племянники. Понимаешь? Да! Пойдемъ что-ли къ ночи въ Шебаршинскій кабачокъ!

Фуражку на затылокъ. Пальто за рукавъ тащитъ. Убѣжалъ, хаосъ мыслей, для Антона новыхъ, оставивъ въ комнатѣ львиной. И о новомъ думая, о Яшиномъ, и о новомъ, о далекомъ, о Витиномъ, свои недавнія обиды нехотя въ сумракѣ вечера идущаго на свѣтъ свѣчей разглядывалъ, какъ зажившія царапины.

И не страшно. И не больно.

Попытался разбередить. Но даже то, какъ попытался, не интересно. Куда бы уйти?

Тогда сказалъ себѣ:

— Долженъ же рѣшить!

Сказалъ и смотритъ передъ собою не мигая, чтобъ мысль одолѣла сонную скуку. Смотритъ и видитъ, что сѣрый скучный левъ хочетъ зѣвнуть. Но онъ боится выронить гирлянду цвѣтовъ

Скучно въ склепѣ.

Когда подумалъ: склепъ, стало смѣшно.

— Трагедія! Тоже—склепъ! Не склепъ, а... Къ чорту все!

Въ глаза плывутъ три сѣрыя пятна. Три окна. Сѣрый потолокъ. Чуть темнѣе. Какой онъ нелѣпый.

Родившуюся злость направилъ было на нихъ. На тѣхъ, которые наверху. Но злость ускользнула, ушла. Осталась скука. Было уже близко то ничто. Антоново ничто было тяжелѣе страха смерти. Позвалъ назадъ скуку. И она обняла его.

Три пятна. Не свѣтятъ, но смотрятъ, блѣдно-сѣрыя. Окна Стѣны и потолокъ темнѣе, но также сѣрые. Они не тѣ.

Какъ бы столѣтняя паутина слоями прокрыла все. Если тронуть—мягко и противно. Скучно.

— Уйти развѣ?

Но ждетъ. Знаетъ, кого ждетъ. Время звенитъ. Скука плететъ паутину. Звонъ и паутина—одно.

Стукнула дверь, которая съ пружиной. Взглянулъ. А эта чорная дверь открыта.

— Пусть идетъ кто идетъ.

Нехотя прислушивается. Привычка. Ожидаемое-неожиданное послышалось. Нѣтъ. Это старуха... Ближе. Нѣтъ.

Шш-шш... шш-шш...

И такъ опредѣленно. Такъ шуршатъ шолковыя юбки матери.

Безшумно всталъ, безшумно пошелъ, чтобы запереть дверь. Съ полъ-пути вернулся. Почему-то. Опять сидитъ, жалѣетъ, что не заперся.

— Подумала бы, что сплю.

Но чувствуетъ, что это не важно.

А шуршанье уже тамъ, по каменному полу. И быстро-быстро.

— Почему съ того хода? Заходила къ старухѣ? Конечно, такъ. Спрашивала.

А она уже у дверей...

Шш-шш... шш-шш...

— Почему не заперся? Но поздно теперь.

Вошла. Быстро, какъ и шла раньше. Рѣшеніе. Такъ. Такъ. И пересталъ думать.

Вошла. Ее еще не видитъ, головы не поднимаетъ. Близъ двери остановилась. Сидитъ не видитъ. Молчатъ.

— Здравствуй!

Антонъ молчалъ. И когда комната перестала звенѣть, она сказала-крикнула:

— Встань!

Ея голосъ прозвучалъ нерѣшительно. Хотѣла сказать властно.

Подумалъ, всталъ и, положивъ кулаки на столъ, сталъ глядѣть въ лѣвое окно, въ сѣрый туманъ. А она начала говорить:

— Какъ тебѣ не стыдно...

Раиса Михайловна въ гнѣвѣ теряетъ связанность рѣчи. Начала говорить съ пафосомъ, который мѣшалъ ея словамъ.

Она начала говорить и говорила долго безъ точекъ. И были разныя слова:

— Отецъ, мать, сынъ, Богъ, грѣхъ.

Скука Антонова ушла, уползла. Смотрѣлъ въ окно. И было уже не скучно, но противно.

Только четыреугольное сѣрое пятно окна. И ничего больше. И за нимъ, за окномъ, ничего нѣтъ. Ничего, потому что ни здѣсь, ни тамъ. Ни здѣсь, ни тамъ. А въ уши бѣгутъ слова. Слова, слова. Слова проклятаго дома. Стоитъ. И начинаетъ сознавать, что это ему должно быть обидно.

— Ни здѣсь ни тамъ, ни здѣсь, ни тамъ.

Стоитъ, опершись кулаками въ столъ. А мать стоитъ у двери, и ея обидныя слова бѣгутъ, бѣгутъ. Много словъ она уже сказала. Неподвижность сына раздражаетъ. Въ потокѣ другихъ словъ она произноситъ непозволительное слово:

— Любовница.

Этого слова въ домѣ не произносятъ. И многихъ словъ, подобныхъ ему. Это неприлично. Оба знаютъ про то. И она невольно останавливается, испуганная. Но сынъ неподвижно-безсловесенъ. Кулаки на столѣ. Глаза въ окно.

— Все равно.

А слова матери опять бѣгутъ, бѣгутъ, какъ быстрыя сѣрыя мыши. Горло Антона сжалось, какъ бы онъ проглотилъ что-то. Стоитъ неподвижно. И передъ глазами сѣрое. А мыши бѣгутъ. Но вотъ еще слова. И услышавъ, отодвинулся отъ стола.

Бѣгутъ мыши все новыя. Бѣгутъ къ нему. И, добѣжавши, прыгаютъ, кривляются у его ногъ:

— ...Деньги отца... Это подло...

Опустилъ руки на спинку тяжелаго кресла, поднялъ кресло и ударилъ имъ въ полъ. И сказалъ:

— Что?

Можетъ быть, не сказалъ, а закричалъ:

— Что?

Но въ этомъ крикѣ не было вопроса.

Шш-шш... Шш-шш...

Она была за дверью. Поднялъ кресло, размахнулся имъ такъ, какъ колятъ дрова, когда на топорѣ осталось зажавшее его полѣно. И опять ударилъ кресломъ въ полъ. Этотъ ударъ былъ сильный. И такой же крикъ, второй крикъ Антона:

— Что?

Треснуло дерево. Мѣдное колесико звякнуло у окна. Далеко-далеко, перемѣнивши звукъ, шуршало платье Раисы Михайловны. Она уже шла по ковру лѣстницы.

Боясь себя и мыслей, встрѣтилъ Антонъ ночь, лежа на диванѣ и держа забытую братомъ «Иллюстрацію».

Прогналъ Татьяну Ивановну, принесшую ужинъ въ полночь.

Подошелъ къ умывальнику. Изъ склянки налилъ въ стаканъ спирту. Для полосканія былъ. Хлебнулъ чуть. Закашлялся. Слезы. Долилъ водой. Выпилъ. Разыскалъ въ грудѣ книгъ на столѣ альбомъ видовъ Италіи. Легъ и сталъ думать о Викторѣ.

XII.

Забѣжалъ передъ полуднемъ Яша.

— Это въ концѣ концовъ надоѣло. Скоро ли кончится твое великое сидѣніе? Вчера въ Шебаршинскомъ кабачкѣ былъ. Тетя Анна все про Доримедонта удочки закидывала. Какъ здоровье? Соболѣзнуетъ, сама локти грызетъ: зачѣмъ не у нея онъ. И Кузьмичъ самъ не свой. Да, я тебѣ скажу, задалъ Доримедонтъ задачу. Я самъ Доримедонтомъ полонъ. Великое дѣло можно сдѣлать. Трудно, но можно. Отъ дяди Семы выпытано: ракъ безспорный. Дѣла такъ обстоятъ, что если мы съ тобой въ годъ ничего не устроимъ, то просто, по моему, грѣхъ это даже будетъ. Лазаревскую пропасть ничѣмъ не наполнишь. Даже Доримедонтовскими мильонами. Эхъ, киснешь ты не во-время. Вдвоемъ бы куда легче! Да и въ Питеръ мнѣ скоро. А тутъ еще комендантъ въ Лазарево гонитъ. Понаблюдать за мошенниками. Простудился, говорю; и подзаняться надо. Скоро экзамены. А какое тутъ подзаняться! Доримедонтъ изъ головы не идетъ. Вѣдь, онъ насъ любитъ. Помнишь, въ прошломъ году, на Рождество тоже присталъ къ нему полицеймейстеръ: куда копите? А племянниковъ, говоритъ, развѣ у меня мало? Вотъ оно что. А завѣщанія никакого. Никакого! Не кисни ты, ради Бога. Вѣдь, изъ за тебя наверху все вверхъ дномъ. А ты знаешь мой характеръ. Не могу я въ содомѣ сосредоточиться. Maman съ комендантомъ сейчасъ конфиденціальный разговоръ имѣла. Только онъ такъ конфиденціально разоралси... Жди съ минуты на минуты. Вызоветъ. И слушай: если ты сегодня, ну, такъ и быть, завтра всей этой катавасіи не кончишь, разсорюсь я съ тобой. Знаешь мой характеръ. A rivederci! Бѣгу отъ грѣха. А какъ это ты кресло сломалъ?.. Помни же. Разсорюсь!

Убѣжалъ.

Антону веселѣе стало. Солнечно-снѣжное во всѣ три окна ударило.

— Э! Да что, право...

Но воспоминанія жгли. Но скука, безмолвіе и усмѣшка. Вскорѣ спѣшащіе шаги. Фома у дверей...

— Къ Макару Яковлевичу пожалуйте.

— Куда?

— Въ столовой они-съ.

— Идти или нѣтъ? Жаль, что я сегодня такой. Не такъ бы нужно...

Вотъ взглянуло въ его глаза его лицо, чуть блѣдное подъ чорными волосами. Это верхъ уже лѣстницы. Зеркало. Ненадолго видитъ, какъ въ этомъ и въ томъ зеркалѣ, напротивъ, вытянулась безконечная галлерея золотыхъ арокъ въ сѣро-зеленыхъ стѣнахъ. И много чорныхъ людей идутъ другъ за другомъ надалеко. Это Антонъ. Дальше, направо, въ залу. Проходитъ по залѣ наискось. Большой столъ стоитъ не въ серединѣ, и какой-то потерянный здѣсь. Къ завтраку лакеи накрываютъ. Свѣтло. Свѣтло. Свѣтло. Двадцать оконъ смотрятъ въ залу; десять съ рѣки, десять изъ сада. По пяти въ рядъ. Прошелъ. Слышитъ голосъ отца. Кричитъ съ кѣмъ-то. Въ столовой. Далеко; еще много комнатъ. А двери ихъ всѣ поставлены въ одну линію и всѣ открыты. И далеко видно одно изъ оконъ столовой. Вотъ прошелъ большую гостиную. Темно зеленое золото чуть блеститъ въ сумракѣ парчевыхъ занавѣсей. Золото. Оно становится жутковластнымъ, когда оно чуть видно. А голосъ отца гудитъ впереди, тамъ. Ковры разноцвѣтные съѣдаютъ шопотъ шаговъ. Но въ первой отъ столовой комнатѣ нѣтъ ковра, и шаги Антона застучали. Сразу замолчалъ Макаръ Яковлевичъ. Потомъ прокричалъ кому-то:

— Хорошо, хорошо. Идите теперь. Потомъ позову.

А тотъ что-то сказалъ, уходя. И узналъ Антонъ голосъ конторщика изъ Лазарева.

Антонъ вошелъ. Отецъ въ позѣ человѣка, остановившагося на-бѣгу. Но здѣсь и мать. Этого не ожидалъ Антонъ. Сидитъ у стола. Вошелъ Антонъ и сталъ у двери.

Молчанье. Стѣны комнаты ждутъ. Но не долго. Онъ заговорилъ, закричалъ. Между ними тяжелый темный столъ, ничѣмъ не покрытый. И на немъ бумаги конторскія книги. И Макаръ Яковлевичъ закричалъ, забѣгалъ, запрыгалъ по ту сторону длиннаго стола. Задыхался, заикался, когда выкрикивалъ свои слова. Были мгновенія, когда онъ смотрѣлъ на сына. Но это было случайно. Его взглядъ бѣгалъ, прыгалъ, какъ всегда. И самъ онъ, выкрикивая свои слова, бѣгалъ и подпрыгивалъ въ томъ концѣ комнаты.

Сынъ стоялъ у дверей, а между ними сидѣла молча и ни на кого не глядѣла Раиса Михайловна.

А Макаръ Яковлевичъ, круглый, короткiй, кричалъ, кричалъ. Кричалъ, онъ о томъ, что сынъ долженъ покоряться отцу.

И онъ прыгалъ и кричалъ, заикаясь:

— Когда отецъ былъ живъ, мы всѣ въ одной комнатѣ спали. Я въ Москву въ третьемъ классѣ ѣздилъ! Сапоги къ полу примерзали.. Пятачокъ былъ деньги!.. Отца боялись!.. Матери боялись!.. А теперь что! Чортъ возьми! Какъ вы всѣ смѣете! Страху нѣтъ! Что? Нѣтъ страху? Что изъ васъ выйдетъ, изо всѣхъ? Что? Нѣтъ больше страху? Что? Нѣтъ? Что? Что? Что, чортъ возьми? Что?..

Наконецъ, онъ задохнулся словами, усталъ, замолчалъ и сразу сталъ спокойнѣе. Вотъ подбѣжалъ къ Раисѣ Михайловнѣ. Нагнулся. Шепчетъ въ ухо.

— Довольно, что-ли?

Она что-то шепчетъ въ отвѣтъ.

Не слышно Антону. Опять отбѣжалъ въ свой уголъ Макаръ Яковлевичъ, опять запрыгалъ, опять закричалъ:

— Да! Еще! Чортъ возьми, что такое? Матери грубить! Мать огорчать! Подлецы вы всѣ растете! Мерзавцы! Что ты тамъ еще дѣлаешь? Я почемъ знаю, что ты тамъ дѣлаешь? Чортъ одинъ знаетъ...

Вошелъ старшiй лакей, и спокойно, чинно объявилъ:

— Кушать подано.

— Фу-у!

Отдышался Макаръ Яковлевичъ, и убѣгая въ третью дверь къ своей спальнѣ, и на ходу растегивая жилетъ, закричалъ:

— Сорочку мнѣ!.. Сорочку!.. Да, да, да... Еще!

И онъ опять впрыгнулъ въ столовую.

— Обѣдать приходи! Что обѣдать не приходишь..: Сорочку мнѣ! Кто тамъ есть? Вспотѣлъ!..

Антонъ шагнулъ къ столу.

— Папаша. Яшѣ нездоровится и некогда ему. А я могу поѣхать въ Лазарево. Присмотрѣть. Порученiя дадите. Я на всѣ праздники могу. Занятiй у меня немного.

— А! А! Какъ ты?.. Да ты тамошнихъ дѣлъ, поди, не знаешь вовсе...

— Я лѣтомъ кажый день на всѣхъ постройкахъ былъ. Реестръ кирпичныхъ работъ я же составлялъ.

— Какъ? Развѣ ты? А когда ты можешь поѣхать?

— Сейчасъ. Съ двухъ-часовымъ поѣздомъ.

— Поѣзжай, поѣзжай! Я хотѣлъ конторщика вечеромъ туда. Здѣсь задержу. Мало я его, мошенника, ругалъ. Иди скорѣй. Отбери у него письма и пакетъ съ деньгами, и поѣзжай. При-

смотри тамъ за всѣмъ. Въ большомъ домѣ ремонтъ. Молотилку завтра привезутъ. Стой! Вскрой мое письмо къ управляющему; дорогой вникни и будешь въ курсѣ дѣла. Ну, поди сюда. Прощай. Не опоздай, иди.

На Раису Михайловну руками замахалъ, на подошедщую къ нему.

— Потомъ! Потомъ! А ты иди, собирайся. Сейчасъ тебѣ еще одинъ счетъ пришлю.

Съ вокзала письмо послалъ Антонъ Дорочкѣ.

XIII.

Мраморно-мертвый городъ на водахъ.

Давно туманно-сѣрая осень разогнала толпу веселыхъ всеплеменныхъ гостей. Гондольеры надѣли на длинныя свои лодки капюшоны чорные, молчащіе. Мертва зима венеціанская. Не каждый день золотой богъ веселый глядитъ съ неба своего на городъ нѣмой красоты. Страшна красота отходящая, нѣмая, въ сумракѣ дня безсолнечнаго. Какъ ветхи тогда мраморы. Какою близкою видится тогда смерть земной вѣчности.

Не уѣхалъ Викторъ изъ Венеціи тогда, послѣ закрытія выставки. Мертво шепчущая сказка впервые-видимаго города очаровала больного неизлечимою любовью. Много мѣсяцевъ любовь ту носилъ по улицамъ Рима, по его мастерскимъ, по его развалинамъ. И слишкомъ свѣтло и просто было въ мастерскихъ, и слишкомъ черна и проста была тьма катакомбъ.

Мучительныя спазмы нерѣшимой загадки отпечатлѣлись уже въ долговѣчную маску страданія, когда принята была на здѣшнюю выставку «Amor». Изъ Рима поѣхали вчетверомъ. Беззаботенъ былъ смуглый, курчавый Цанетти, везшій свою «Дѣву». И мрачно-задумчивъ былъ Степа Герасимовъ; всѣ трое — ученики одного мастера; но Герасимовъ, недавно лишь серьезно взявшійся за кисть, смотрѣлъ въ чащу лѣса грядущихъ трудностей искусства почти съ отчаяньемъ. Четвертая была тоже русская. Еврейка. Дѣвица Юлія Львовна Позэрнъ. Съ ней познакомились недавно. Путешествовала. Въ Римѣ осталась случайно на полгода вмѣсто положенныхъ десяти дней. Ищуще приглядывалась. То безъ умолку говорила, смѣясь чуть жосткимъ смѣхомъ, то по днямъ молчала. И глаза ея въ дни молчанія бывали круглыми и голубыми. А всегда были сѣрые. Рисовала чуть лучше институтки, но любила искусство искренно и, съ товарищами говоря, заставляла ихъ спорить. Но Степа Герасимовъ былъ въ Юлію откровенно влюбленъ.

— А мнѣ-то что. Пусть такъ.

И услышавъ въ римской мансардѣ этотъ отвѣтъ Виктора, Степа Герасимовъ забылъ свою мрачность и заоралъ:

— Ура! Вотъ весело-то будетъ вчетверомъ.

Ѣхали въ вагонѣ третьяго класса. Откровенный говоръ итальянцевъ слушая, смѣялись. Но и не мало ихъ смѣшили. А Zanetti хохоталъ и надъ соотечественниками-крестьянами, отъ станціи до станціи попутчиками, и надъ плохимъ итальянскимъ говоромъ своей компаніи, и надъ влюбленнымъ ликомъ Степы Герасимова. То искренно молчалъ, то, себя на краткія минуты обманывая, словами лишь улыбался-смѣялся Викторъ. И пилъ кьянти. Изъ большой расфранченной фьяски съ лохматой затычкой въ стаканъ толстаго синяго стекла наливалъ, съ полу фьяску размѣренно поднимая. Къ вечеру тускнѣющими глазами удивленными разглядывалъ Юлію Львовну. Такъ, будто только что вошла она въ вагонъ, чужая. И подчасъ отводила глаза свои сѣро-голубые и неискреннимъ смѣшкомъ и быстрыми случайными словами къ тѣмъ двумъ отгоняла-пугала змѣю блестящую, упорную, тутъ-вотъ у ногъ ея зародившуюся.

И улыбаясь смущенно, тянулся Степа къ бутыли расфранченной.

Доѣхали до послѣдней станціи на материкѣ. Лишь Zanetti бывалъ ранѣе въ дивномъ городѣ. И безъ умолку разсказывалъ, рукамъ давъ свободу, о сказкѣ красокъ грядущей. И вышли, и смотрѣли вокругъ. И ничто не кричало и не шептало о необычномъ. И затихшіе, и не вѣря, сѣли въ вагонъ. И въ окна смотрѣли на невеселую гладь водъ неглубокихъ, къ насыпи близко подошедшихъ.

Уже свиститъ впереди протяжно. Вотъ сейчасъ. И не вѣрилось. Но вокзалъ. Грязно и шумно. Повседневная Италія старокаменная. Съ криками зазывными отельныхъ рабовъ. И въ сумракѣ вокзала стало стыдно путникамъ своихъ мечтанныхъ ожиданій. И не смотрѣли на Zanetti. И молча вышли изъ вокзала. Подъ тучку легкую лѣтнюю вышли. Въ гондолу длинную чорную открытую сѣли, въ гондолу венеціанскаго лѣта. И влѣво отъ вокзала ринулась чорная, длинная съ единственнымъ, навсегда запоминающимся, рѣжущимъ зубчатымъ знакомъ впереди. И, затрепетавшіе, увидѣли передъ собою надвигающееся чудо праздника веселаго сверкающаго бога. И подъ мостомъ Rialto, проплывъ мимо острова Rialto не удерживали уже молчаніемъ восторговъ душъ въ страну сновъ сбывшихся.

И до Пьяцетты доплывъ, не смогли больше. И оставивъ чемоданы свои на попеченіе двоихъ веселыхъ, мило зубы скалящихъ гондольеровъ, пошли-побѣжали туда, въ сказку сбывшагося сна.

И слѣва со столба глянулъ на новыхъ святой крокодилъ. И справа со столба глянулъ святой левъ.

И шли-бѣжали. И внезапно останавливались. И говорили срывающіяся слова. И смѣялся громко Zanetti и спутниковъ по плечамъ ударялъ сильной ладонью. Юлію тоже.

— Смотри же сюда. Вотъ онѣ, колонны безъ базъ!

— Да и къ чему базы, когда у этого чуда вмѣсто карниза вонъ какія штуки поставлены.

— Штуки. Именно, штуки. Венецію, видно, не по учебникамъ строили.

— Нѣтъ! Ты смотри-ка. Вѣдь, вся эта жолтая махина стоитъ себѣ на этихъ спичкахъ, будто такъ и надо. И ничуть не давитъ.

— Нѣтъ! Сумѣй-ка ты гладкую стѣну такъ облегчить до воздушности такимъ вотъ ребяческимъ узоромъ изъ кирпичиковъ.

— Чудеса.

— А базилика-то! Базилика-то! Туда, туда!

И на мраморѣ стояли среди не пугающихся голубей и глазами пили солнечную, но прохладную сказку колоннъ, изъ всѣхъ странъ сюда навезенныхъ, сказку мозаикъ, которымъ не суждено поблекнуть, сказку завершенія собора, смѣющагося смѣхомъ веселымъ надъ формулами скучныхъ учителей. А бронзовымъ ржаніемъ хохочущая сказка двухъ паръ коней, на балконѣ на этихъ столбахъ стоящихъ...

Разорвалъ молчаніе свое Викторъ.

— Господа. Вспомнимъ, что все это начато девять столѣтій до сегодня. Сегодня мы счастливы. Но развѣ намъ не стыдно сегодня? Господа, вашъ день былъ бы испорченъ, если-бъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ рѣшилъ стать архитекторомъ, а не живописцемъ. Вамъ привелось бы увидѣть тогда меня повѣсившимся вотъ на этой мачтѣ.

И тростью притронулся къ бронзовому ея основанію.

— Да, теперь у меня еще есть слабая надежда на то, что я умру не вполнѣ кретиномъ. Но архитектура... Но европейская архитектура... Зачѣмъ на площади Марка не тысяча мачтъ. Но и живописцу хочется плакать. Мнѣ, щенку. Поплачемъ... Спроси меня вчера: можетъ ли быть красива городская площадь, прямоугольная, съ трехъ сторонъ заставленная непроглядными стѣнами домовъ...

Оглянулся.

— Или не домовъ даже, а одного дома. И въ нижнемъ этажѣ сплошь лавчонки и кафе. А съ четвертой стороны чтобъ стоялъ соборъ. И ни одного деревца на площади, и ни капли

воды, и ни клумбы. Нѣтъ! Вы закройте глаза и отвѣчайте: красива такая площадь? Да. Еще. Можете оживить этотъ абсурдъ кирпичной красной колокольней. Непремѣнно кирпичной и непремѣнно рядомъ съ соборомъ, гдѣ мраморы и золотой фонъ мозаикъ. Вчера я назвалъ бы дуракомъ кого-нибудь другого. Кого же сегодня назвать мнѣ дуракомъ? Но я счастливъ. Господа, пойдемъ въ нутро этого чудища прекраснаго.

И пошелъ въ среднюю дверь. Тѣ за нимъ, затихшіе. И приставалъ Zanetti къ Степѣ и къ Юліи: что говорилъ?

И вошли. И въ искрами сверкающемъ сумракѣ родномъ недоумѣвали. И Степа Герасимовъ нечаянно перекрестился.

И когда, спасаясь отъ гидовъ, забѣжали на хоры, кто-то сказалъ:

— Кажется, въ Венеціи все возможно.

— Да. Жаль, что тамъ на площади не побились объ закладъ, каково нутро...

— Я-то, положимъ, по альбомамъ зналъ. Но что альбомы...

Вышли. И шли. Поспорили: что сначала? И дворецъ дожей хотѣлось, и городъ весь впитать. Виктора послушались. Сказалъ раздумчиво, и голосъ его былъ предвѣщательно звонокъ. Слышголось тотъ звонкій не въ мѣру, переглянулись тѣ.

— Конечно, по каналамъ плыть. Степу спросите, Юлія Львовна. Спросите влюбленнаго. Онъ, вѣдь, только недавно сталъ васъ по частямъ разглядывать. На ухо ваше въ вагонѣ часъ смотритъ, потомъ въ ротъ. А раньше онъ цѣликомъ. Узнавалъ и догадывался. Изученіе потомъ. Изученіе потомъ. А такъ грѣшно. Начинать съ этого — развратъ. Не надо было и въ базилику. По каналамъ. По каналамъ. До вечера.

Нехотя смѣялись тѣ двое. И пошли всѣ къ столбамъ-колоннамъ двухъ святынь города: старой и новой. Но и новый фетишъ былъ такъ старъ. Но въ вѣкахъ, а не въ дняхъ старѣющее, развѣ оно старѣетъ?

Садясь въ длинную, въ чорную, Викторъ старику, хлѣбъ свой зарабатывающему тѣмъ, что ненужно подсаживаетъ иностранцевъ въ гондолу, сказавъ:

— Chianti!

Далъ монету. И сидѣли на мягкихъ скамьяхъ чорной, стройной, ожидающей ударовъ двухъ веселъ, ударовъ безшумныхъ.

И принесъ старикъ, гондольеръ отставной. И вино принесъ, и стаканы.

— Lido?

— No!

И растолковалъ Zanetti, къ тому часу чуть загрустившій, куда сначала везти.

Скоро съ Лагуны въ узкій каналъ, въ тихій вошла змѣя-птица-рыба чорная, нѣмая. И холодкомъ повѣяло. И узнавъ, что вотъ онъ, Ponte dei Sospiri надъ головами, забормоталъ Степа Герасимовъ восторженное русское что-то, несмѣющимися надеждами упитанное.

Но не было собесѣдниковъ. И скоро сидѣлъ—глазами пилъ камни старины, молчащій среди молчащихъ. И тихъ былъ узкій каналъ.

И всѣ испугались, когда передъ заворотомъ передній молчаливый и весломъ безшумный прокричалъ возгласъ, предупреждающій встрѣчную тихую, чуждо-враждебную.

И тогда первый стаканъ налилъ-выпилъ Викторъ. И когда тѣ трое поставили къ кожей обитому борту свои стаканы, Викторъ пилъ уже пятый. Но велика фьяска.

И тихіе каналы. И дома старые. И веселый богъ въ лазурномъ. И выходили Виктора встрѣчать на ступени, въ водѣ тонущія, красавицы-женщины. И одѣты были въ бѣлое. И руками говорили:

— Сюда.

Но мимо гондола.

Не потому ли то, что всѣ онѣ не тѣ, не похожи на...

И не думалъ Викторъ объ имени своей сестры. И боялся съ каждой минутой больше опять вспомнить, ее создать, ее живую, ее ту. Вопросовъ - сказокъ-грезъ было довольно. Имени боялся. Зналъ уже страхи невозможные. Зналъ уже праздники безумія.

И сходили къ дверямъ домовъ своихъ венеціанскія жены, венеціанскія дѣвы, чтобъ ожидать прибытія этой чорной длинной на которой съ малой свитою плыветъ онъ. И отвергалъ призраковъ нелюбимыхъ. И ждалъ ее.

И такъ сердился, такъ молча сердился, когда слышалъ случайное слово Юліи.

— Молчите. Это мертвыя слова.

И пилъ. И вглядывался въ бѣлыхъ женщинъ, выходившихъ встрѣчать побѣдителя.

И дергался лицомъ, и кусалъ стаканъ, когда въ предвечернемъ каналѣ вдругъ погасли всѣ бѣлыя женщины ожидающія. И упорствомъ новыхъ вызывалъ. И выходили. И у атласныхъ бѣлыхъ платьевъ ихъ, мило коробящихся, шептала вода каналовъ.

И кричалъ гондольерамъ:

— Subito! Subito!

И мчались потомъ тихіе. И вволю глядѣлъ на Юлію Степа. Она же въ никуда. Околдовала сказка каналовъ. И другое что-то видѣлось, родное, печальное, влюбленное. Красиво, но не могла надолго быть въ стѣнахъ. Никогда. Сердилась на Виктора. Что-то нехорошее дѣлалъ онъ съ нею.

— Нарочно много пьетъ. Огорчаетъ. Важничаетъ.

Показалось Виктору, что увидѣлъ онъ ту, настоящую. Удержали на краю гондолы. Тѣ привычные двое не пошатнулись. Одинъ впереди, другой на кормѣ стоятъ.

— Ладно... Посмотри, Степа, какія уключины. Ну, развѣ могъ ты догадаться, что такія уключины гдѣ-нибудь существуютъ?

— Да...

— Уйди. Уйди. Я любить хочу. Ну, налей, все равно. Лучше бы я налилъ. Или она. Но любить, любить... Убирайтесь! Одинъ хочу.

Чорная, тихая плыла. Въ молчаніи влюбленно-далекомъ затихъ Викторъ. И тихи были слова спутниковъ; рѣдкія, то нужныя кому-то, то ненужныя слова.

Явный вечеръ подошелъ.

— Второй разъ мы мимо этого дома плывемъ.

— А хоть бы и третій.

— Въ гостиницу пора.

— Въ какую?

И засмѣялся явно голосъ.

Но гондольеры нашли ту гостиницу, гдѣ уже чемоданы путниковъ ожидали ихъ.

— Къ чорту. Не хочу. Выше мнѣ.

— Что выше?

— Въ мансарду пусть ведутъ.

— А если у нихъ нѣтъ мансардъ?..

— Найдется. Съ канала видѣлъ.

Одна комната свободная нашлась подъ крышей. Двѣ другія этажомъ ниже. Одна для Юліи. А Степа Герасимовъ ужъ не въ первый разъ въ одной комнатѣ съ Zanetti долженъ спать. Подчасъ ссорятся, но умѣютъ засыпать.

Викторъ еще въ комнату свою мансардную не идетъ. Здѣсь съ товарищами. Дверь смежныхъ комнатъ открыли. Вещи разбираютъ, голосами веселыми вечеръ торжественный надводный привѣтствуютъ. Принесъ слуга ужинъ.

— Такъ вы здѣсь заказали? Предатели.

— А почему бы не здѣсь?

— Тамъ вонъ музыка гдѣ-то... Музыка... Ну, да ладно. Эй ты, счастливый венеціанецъ! Prego Chianti.

Сидѣли. Ѣли, въ распахнутую дверь балконную глядя улыбчиво. Узкій балкончикъ надъ Набережною Рабовъ повисъ.

— Можетъ ли быть такой городъ?..

— Страшный это городъ.

То Викторъ.

— Почему страшный? Нѣтъ. Онъ ласковый. Праздничный.

— Страшный. Вѣдь, по чести говоря, всѣ города Земли могли бы быть прекрасны, какъ этотъ. Ну, не каналы, что-нибудь другое. Могли бы быть прекрасны. Должны бы быть прекрасны. А гдѣ прекрасные города? До сегодня не видѣлъ. Ну, Флоренція...

— А Римъ?

— Что Римъ? Римъ огорчаетъ. Римъ насмѣшка. Римъ музей. Среди новой жизни тамъ полиціей оберегаемыя развалины, этой новой жизни ненужныя. Десятки улицъ тамъ на всѣ столичныя улицы Европы похожи. Отъ храмовъ по десятку колоннъ осталось. И такъ очевидно, что жизнь ушла. И глазомъ не узнаешь, какая жизнь шла тамъ. Та жизнь, вчерашняя. Въ Римѣ намъ книжная премудрость помогаетъ. И сами мы себя обманываемъ. Въ Римѣ хорошо. Но въ Римѣ много Римовъ. За недѣлю я тамъ во всѣхъ эпохахъ живу. Только захоти. А здѣсь все цѣльное. Если не считать безобразныхъ одеждъ современныхъ мужчинъ, я здѣсь одно только уродство вижу. Вонъ они свистятъ, пузатые мерзавцы...

Рукой указалъ на бѣгущіе по Большому Каналу пароходики, на огни ихъ жолтые

— Но этихъ мерзавцевъ выгнать не трудно. Въ крайнемъ случаѣ поддѣлать. Надѣлайте стройныхъ, легкихъ чорныхъ чудищъ. На носу гребень этотъ стальной. Ну, каріатиду. Что за рабство въ насъ, въ современныхъ. Вѣдь, можемъ же мы сдѣлать общими усиліями красивый пароходъ. Будь старымъ венеціанцамъ извѣстна сила пара, не отказались бы они отъ нея. Не закричали бы: нѣтъ! къ чорту пароходъ, потому что пароходъ уродъ, а нашъ городъ красивъ. Нѣтъ, они сказали бы: создадимъ красивый пароходъ. Да вотъ кстати. Замѣтилъ же я здѣсь нѣсколько новыхъ домовъ. Право, не плохая поддѣлка, и даже не плохо то, что поддѣлка. Не будемъ себя обманывать: въ живомъ городѣ безъ новаго нельзя. Не будьте только безконечными вандалами на манеръ нашихъ соотечественниковъ.

Грустно-раздумчиво говорилъ, стоя у дверцы балконной со стаканомъ въ рукѣ. И замолкъ, видя передъ собой мѣдный шаръ на плечахъ гигантовъ чорныхъ, колѣнопреклоненныхъ. На томъ берегу.

— Можетъ быть, и такъ, хотя ты себѣ противорѣчишь. Но почему же страшный городъ? Мнѣ вотъ ничуть не страшно.

— Молчи, Степа. Не будь шутомъ. Шутамъ только разбойниковъ страшно? Такъ, что ли? За людей страшно мнѣ стало, когда увидѣлъ это. За насъ страшно, что вотъ у насъ всего-то можетъ быть одинъ городъ остался, на который можно смотрѣть, какъ на произведеніе искусства. Вѣдь, что дѣлаемъ! Перестраиваемъ, перекрашиваемъ, рельсы прокладываемъ, фонари вѣшаемъ, роемъ и засыпаемъ. Создаемъ и охотно рушимъ на завтра. И правда. Оно не жаль Безъ вѣры созданное—къ чему оно? Любую столицу черезъ десять лѣтъ, вѣдь, узнать нельзя. И вѣдь радуются, подлецы, что узнать нельзя. Ростъ, говорятъ. Культура. Хороша культура! Вѣдь, это все равно, что на Рембрандтовой картинѣ свѣчу восковую замѣнить стеариновой, а потомъ электрической лампочкой. А сообразно съ этимъ и тѣни на лицѣ посильнѣе. А кстати и одежду помоднѣе. Понялъ теперь, чѣмъ страшна Венеція? Понялъ, шутъ?

— А ты не ругайся!

— Страшно. Такъ же страшно, какъ заглянуть въ глаза пророку. Понимаете? Если бы пророкъ пришелъ сейчасъ. Самый настоящій пророкъ. Такой пророкъ, который только идею свою видитъ, только идею и вѣру въ нее безпредѣльную, даже и не вѣру давно, а знаніе: такъ это, какъ дважды два такъ. Хоть ощупать. И ничего кромѣ идеи той ему не надо. И никого. И никого онъ не боится. И смерти не боится. Страшно было бы въ глаза такому заглянуть. Если бы живой пришелъ. А почему страшно? Не потому страшно, что онъ страшенъ, а потому, что сознаемъ, что такими и мы быть должны и можемъ, и вотъ онъ одинъ пришелъ къ подлецамъ, къ мелюзгѣ, къ богопродавцамъ, къ сволочи. Пришелъ бы, сказалъ бы намъ свое. И убили бы его. Не втерпежъ бы стало. Вѣдь, сознаемъ же глубиною своей подчасъ, что человѣкъ долженъ быть великъ и безстрашенъ. Долженъ быть пророкъ. И вотъ не пророкъ.

Помолчалъ. Налилъ. Выпилъ. И въ стаканъ Юліи налилъ.

— Пейте! За Венецію за страшную! Придетъ время, и Венецію убьютъ. Почуютъ люди нестерпимый страхъ ея, когда сами еще болѣе измельчаютъ, если это возможно. Почуютъ страхъ упрека, завопятъ, во главѣ съ инженерами толпами накинутся и порушатъ, убьютъ.

— Молчи ты, Викторъ...

— Подожди. Не завтра. Пока имъ не расчетъ. Покормитъ еще итальяшекъ это чудище морское.

Отошелъ. На балконъ вышелъ. Затихъ тамъ, созерцая.

Zanetti, мало еще русскій языкъ понимавшій, но упорно

осиливавшій его изъ-за рѣшенія пожить въ Петербургѣ, полушопотомъ спрашивалъ Юлію, такъ ли онъ понялъ товарища.

И тихо объясняла. И кивалъ головой курчавою Zanetti. Неожиданно Викторъ въ дверяхъ:

— Растолкуйте вы этому шелопаю, что не въ его расчетахъ русскому языку учиться, коли хочетъ въ Питерѣ деньги загребать великосвѣтскими портретами. Не повѣрятъ еще, подумаютъ—не настоящій итальянецъ. Цѣна не та.

И принялся ему смѣшливо объяснять особенности русскаго общества.

— Ну, basta! Вотъ что. Пойдемъ съ вами по городу, Юлія Львовна. По мостамъ, по проходамъ темнымъ. Но вдвоемъ, вдвоемъ. Дорогу сразу потеряемъ, пугаться будемъ тамъ вонъ, межъ домами, и другъ друга пугать. И вдругъ вода подъ ногой...

— Только зачѣмъ же вдвоемъ? Всѣ пойдемъ... Но Степанъ Григорьевичъ у насъ голоденъ. Не ѣли вы ничего...

— Голоденъ! Степанъ Григорьевичъ! Степочка бѣдняжечка! Вчетверомъ пойдемъ! Какъ можно вдвоемъ! Я дѣвица благородная! Нѣтъ, ваше дѣвичество, я одинъ, коли такъ, пойду.

— Опять раскудахтался, Викторъ. Гляди. Вѣдь, обидѣлъ ее.

Тише досказалъ свое Степа.

— Гдѣ тутъ шляпа моя? Подвинься-ка, signore Zanetti, Zanettissimo. Кстати, непремѣнно такъ величай себя въ Петербургѣ.

— Брось! Пойдемъ всѣ. Мы тебя, такъ и быть, простимъ.

— A rivederci.

Раскланиваясь, покачнулся. Туда, на каналъ смотрѣла Юлія. Надъ глазами голубыми ея брови сердились чуть.

— Да стой же! Куда ты! Стой, говорю, Викторъ... Въ чемъ дѣло...

Отъ двери Степа Виктора за рукавъ тянулъ.

— Пошелъ! Въ томъ дѣло, что ея дѣвичеству не угодно было понять бѣднаго живописца... Ея дѣвичеству, видите ли, страшно въ чужомъ городишкѣ съ молодымъ человѣкомъ прогуливаться, на ночь глядя.

Говорилъ, шутовски уже покачиваясь, шляпой чорной помахивая. Но межъ словъ насмѣшливыхъ начинали ужъ брызгать слезинки дрожи. И говорилъ не то сдерживаясь, не то разгоняясь.

— Ихъ дѣвичеству... о тебѣ, Степа, не говорятъ... ихъ дѣвичеству гдѣ же понять, что съ ними погулять хотѣлось живописцу вдвоемъ... Ни больше, ни меньше: вдвоемъ... Какъ такъ

вдвоемъ? Вдругъ ночью въ чужомъ городишкѣ мужчина съ женщиной... pardon, съ дѣвицей, вдвоемъ. А живописцу какъ-разъ того и хотѣлось: съ ихъ дѣвичествомъ вдвоемъ погулять по городишку. Другія ночи живописцу припомнились. И поплакать живописцу захотѣлось. Душой бѣдной поплакать. Только душой. А ея дѣвичеству страннымъ кажется. Душой плакать живописецъ хочетъ и непремѣнно вдвоемъ съ нею. Вѣдь, не женихъ и не отецъ. Такъ, кажется, по кодексу... Да! Еще братъ... Братъ...

Почуявъ въ тѣлѣ своемъ желаніе упасть, выпрямился на мигъ и уклончивыми прыжками спускался уже по лѣстницѣ, улыбчиво слыша еще грохотъ рукою бунтующей захлопнутой двери.

И распахнулась опять.

И кричалъ Степа:

— Куда? Стой!

Вспомнилъ. Къ поручнямъ подбѣжалъ.

— Maestro! Назадъ, Maestro!

И дождавшись неуспѣха, тѣмъ двумъ говорилъ жалобно:

— Невозможный характеръ. И загордился. Я ужъ лестью пробовалъ.

И не моргающе-внимательными глазами спрашивалъ вотъ уже не веселый Zanetti. И вышла Юлія на узкій, на легкій балконъ шагами женщины, но не дѣвицы.

И ждала, туда, далеко ли, близко ли глядя. И вотъ закричала:

— Стойте! Я съ вами. Ждете?

Голосъ радостный, звонко-летящій. И взглянули другъ на друга тѣ двое, въ комнатѣ. И поняли. И потомъ ужъ говорили безъ праздника лицезрѣнія глазъ.

И прошла-пробѣжала мимо, что-то схвативъ, сорвавъ съ дивана.

И подумалъ Степа Герасимовъ быстрой мыслью:

— Пусть этого не было. Оно не такъ.

И всю ночь не удалось ему посмѣяться надъ глупостью лица своего и думъ. А хотѣлось.

Скоро услышали черезъ пасть ненавистно отверзтую слова голосовъ знакомыхъ. И скоро, такъ скоро смѣялись слова тѣ, ужъ нагло смѣялись надъ обиженною Степиною душою.

Тѣ двое, не сговариваясь, къ пьяцеттѣ шли.

И опять столбы каменные. И опять Campanile сторожащій, гордый. Не погасли фонари еще на бронзовыхъ канделябрахъ. И бродили въ толпѣ международной, и слышали послѣдніе вздохи музыки.

— Такъ-то, Юлія. Здѣсь я и останусь, въ Венеціи.

— Но, Викторъ Макарычъ! Почему—Юлія?

— Только потому, ваше дѣвичество, что такъ мнѣ хочется. Только потому.

Смѣялся. И смѣхъ его будто билъ стекла цвѣтныя о камни.

Помолчали. Не отходила.

— Злой вы. Вотъ что.

— А вы пожалуйтесь Степѣ. Пусть на дуэль меня вызоветъ... Вашу руку, Юлія!

И мимо колокола загудѣвшаго надъ старо-бѣлымъ зданіемъ часовъ повлекъ ее въ темнѣющій проходъ, въ безлюдный.

И не хотѣла, но рука ея лежала тихая на его рукѣ. И цѣловались плечи.

— Куда мы идемъ?

Молчалъ.

— Въ Венеціи останетесь? Какъ? И на зиму?

— Молчалъ. Велъ. Потомъ:

— Посмотри на меня, Юлія.

— Викторъ Макарычъ, я не давала вамъ права... Ни повода...

Остановились. Пыталась освободить руку.

— Но вотъ вы смотрите мнѣ въ глаза. Объ этомъ и просилъ.

Улыбался, какъ бы боль испытывая. Взоры слились предвкушающіе. И сумракъ сказки кругомъ. И тишина. И лицо, жутко улыбающееся приближалъ-склонялъ къ ея лицу. Пытливо медленно. И руку ея отпустилъ. И чуть дрогнула лишь, и не отходила. Близко-близко въ сумракѣ лицо. И поцѣловалъ въ губы. И уже не опускалъ, держа за плечи. И цѣловалъ, какъ пилъ. И въ глаза глядѣлъ, въ сумеречно-близкіе, въ полуоткрытые. Вдругъ глаза тѣ открылись, круглыми стали. И почти ужаснулся, увидѣвъ и щеками почуявъ слезы обильныя, глазами круглыми тѣми рожденныя. И отпустилъ. И отшатнулась. Руки вскинула, къ щекамъ прижала.

— Amor!

Громкимъ шопотомъ шептала-повторяла:

— Amor! Amor!.. Какъ тамъ. Глаза какъ тамъ. Не видѣть! Не видѣть!

И къ Виктору обратившись, повелительно

— Идемъ.

Шли. Не знали, куда идутъ: домой ли, отъ дому ли. И шаги обоихъ зачѣмъ-то спѣшили, гулкіе.

— Не забудь, Юлія, Степѣ Григорьевичу разсказать. И не откладывай. Злоба пройдетъ. Придешь—разбуди. Пусть утромъ

на дуэль нахала вызоветъ. Дуэль. Это хорошо здѣсь. На шпагахъ. Вечеромъ позднимъ. Оба мы въ Римѣ немного практиковались. Красиво будетъ.

Голосъ смѣхомъ гудѣлъ. Смѣхомъ задушеннымъ. И смѣхомъ, душащимъ любовь. Шла-молчала чуть впереди. Будто вела. Подчасъ рукою лѣвою будто отъ чего-то отмахивалась.

— Юлія. Ты меня любишь?

Шла-молчала-вела.

— Можно?

Быстро нагнавъ, руку ея въ свою взялъ.

Не отстранялась. Не говорила. Плечомъ прижался. Плечомъ не отвѣтила. И ничѣмъ. Ступени мостовъ горбатыхъ, то узкихъ, то широкихъ, подъ ногами возникали. Гулко шли - спѣшили двое.

Стала.

— Слушайте, Викторъ Макарычъ. Любовь это или не любовь, вамъ знать не надо. Вамъ. Но отъ сегодня я знаю вашу тайну. Я не сержусь на васъ. Если интересно, знайте это. И не сержусь, потому что тогда... въ ту минуту, тамъ... глаза увидала живые, которыхъ нигдѣ въ живой жизни увидѣть не думала... Да и не хотѣла. Ваша Amor... Не понимая ея, я видѣла ее потомъ закрытыми глазами. И отгоняла призракъ, и онъ не отходилъ. И сердилась. И думала: это потому, что картина не эстетична, безобразна даже. И неотвязна потому, что безобразна. И, конечно, не вѣрила вамъ, какъ и картинѣ не вѣрила. Потомъ... Вы сами не разъ говорили о техническихъ ея недочетахъ. Сегодня я въ васъ повѣрила... Нѣтъ! Сядемъ тамъ. Какая хорошая скамья. Тысячи влюбленныхъ паръ сидѣли. Конечно. И сколькихъ изъ нихъ страшными муками казнилъ совѣтъ тамъ вонъ, въ тюрьмѣ.

Рукою указала. И разсмѣялась. И глубоко пытливо заглянулъ въ глаза ея Викторъ.

— Надъ тѣмъ смѣюсь, что увѣренно туда вонъ указала, а совсѣмъ не знаю, гдѣ мы. Не бойтесь. Обобщеній не будетъ.

На скамьѣ у чьей-то двери сидѣли. И гладилъ рукою своею Викторъ руку Юліи. И не замѣчала, впервые глазами ночными видя далекое тамъ, гдѣ ничего не было вчера.

— Юлія!

Не ему отвѣчая, говорила:

— Вы должны знать, въ чемъ моя мука, мой адъ. Я намекала. Да и такъ... Страшно, когда скопецъ полюбитъ женщину. Вотъ онъ адъ на землѣ. Такъ я люблю искусство. Давно. Давно полюбила. И навсегда, конечно... Ха-ха! Хорошо, что не

при Степѣ это. Обидѣлся бы, оскорбился бы. Дѣвица о скопцахъ говоритъ. А Степа меня любитъ. Но къ чему мнѣ Степа... А въ васъ вѣрю... Нѣтъ обиды. Знайте, что нѣтъ обиды во мнѣ за то... что тамъ... Я глаза увидала. Я картину вашу полюбила. И не ребячій страхъ теперь во мнѣ, не случайный кошмаръ неотвязный. Я начинаю постигать трагедію. Трагедію ли жизни; вашу ли трагедію только... Викторъ Макарычъ, скажите хорошее. Не нужно молчать вамъ сейчасъ. Но бойтесь шутокъ вашихъ. Нѣтъ-нѣтъ. Шута бойтесь, шута бойтесь, который поселился въ вашей душѣ...

— Прежде всего, Юлія, не надо безобразія. Макаровичъ и «вы» это безобразитъ храмъ, который мы строимъ сейчасъ, какъ безобразятся храмы земныхъ религій часто. Не нужно сейчасъ Или ничего не нужно. И я радъ, Юлія. Я радъ.

И сидѣлъ неподвижно, свое высматривая въ ночи, которую хотѣлъ пожелтить фонарь угловой на кронштейнѣ позеленѣвшемъ.

Порадовала душу, въ запретное заглянувшую. Скоро просто сказала:

— Викторъ, ты правъ. Но много ошибокъ. Развѣ то твое тогда не ошибка? Передъ великой правдой, Викторъ...

Не договорила. Рукою ласку руки почуяла. Скоро легко отвѣтила, другую руку свою протянула.

— Цѣлуй руки! Цѣлуй мои руки!

Молчалъ. Скоро потомъ повернулъ ладони дѣвственныя, къ губамъ прижималъ, пилъ, пилъ съ нихъ нѣчто, ему уготованное. И сколь слаще поцѣлуя того недавняго, поцѣлуя долгаго, уста съ устами совокупляющаго, были эти поцѣлуи безотвѣтные, тщетно ищущіе, когда-то въ вѣкахъ пережитые.

И по разу цѣловалъ лѣвую и правую. Лѣвую и правую. И послушныя подходили.

— Викторъ. Покажи свою руку. Правую.

Поцѣлуемъ быстрымъ прикоснулась.

— Юлія. Цѣлуй, если любишь. Это не грѣхъ. А знаешь, какого грѣха бояться надо?

Юлія, помолчавъ, въ Солнце свое ночное глядя:

— Что? Развѣ есть грѣхъ? Грѣхи? Ты вѣришь?

— Есть грѣхъ. Есть грѣхи. Два грѣха вижу. Жизнь, все хорошее, все большое, и все маленькое, все гадкое, что есть жизнь — все это грѣхъ; предъ искусствомъ грѣхъ. Искусство на рубежѣ жизни и смерти. Иного искусства нѣтъ. Неправда. Оно въ милліонахъ экземпляровъ всюду. Но почему оно—искусство? Развѣ это искусство? Съ кѣмъ спорю! Дѣйствительно, люди кого

угодно способны сдѣлать идіотомъ. Юлія, знаешь, вѣдь, о какомъ искусствѣ говорю?

— Я пока говорила о твоей картинѣ.

— Очень лестно. Очень лестно. Моя „Amor“ шедевръ. Пусть такъ...

— Молчите. Со мной можете быть инымъ. Для меня вы король, но не одинокій король, а король, неразлучный съ шутомъ своимъ. Знаете, шутъ звенящій, говорящій веселыя слова; шутъ, который тѣшитъ, который гонитъ мысль о смерти. Но шутъ есть шутъ. Не нужно, чтобъ онъ стоялъ между нами. И я все вамъ прощу... Викторъ, Викторъ! Что ты дѣлаешь! Я говорю тебѣ вы и ты молчишь, Викторъ. Вѣдь, я нашла тебя. Викторъ, гдѣ ты? Гдѣ ты тотъ? Гдѣ ты настоящій?

— Ты родная. Это хорошо. Туда посмотри. Такой пьедесталъ я понимаю! Но я не понимаю, зачѣмъ я знаю, что это монументъ Коллеони. Издали знаю. По снимкамъ знаю. Коллеони. Что онъ мнѣ? А давно люблю. Такъ не надо.

И въ бездну площади близко-далекой вглядываясь черезъ корридоръ узкій, сидѣли на скамьѣ чужого дома. И въ вѣкахъ состарившіеся камни не напоминали о собственности, о томъ, что эти дома чьи-то, что продаются они и покупаются людьми въ сюртукахъ. И въ сумракѣ предлунномъ чорный Коллеони воинъ на спокойномъ конѣ-великанѣ гордился пьедесталомъ своимъ.

— Викторъ! Или я обманулась? Или ты только шутишь? И нѣтъ тебя? Тебя настоящаго? Нигдѣ?

— Поцѣлуй меня, Юлія. Да. Такъ.

И поцѣловались. И пили вѣчность. И земная вѣчность, каменная, условная дружна была съ тою.

— Вѣришь? Въ меня вѣришь?

Взглядомъ долгимъ поласкала.

— Вѣрю, Викторъ.

— А я не вѣрю. Все чаще не вѣрю.

— Въ себя? Въ талантъ?

— Талантъ? Это-то есть, вѣроятно. Но для того, чтобы дѣлать и сдѣлать—одного таланта мало.

— Какъ?

— Упорство нужно. Умѣніе работать. Вотъ Коро въ четыре часа утра вставалъ. Менцель по шестнадцати часовъ въ сутки пишетъ. А моя «Amor»! Я не обманываю себя. Ее за сюжетъ приняли. Вѣдь, слаба живопись-то. Слаба. Ну, да и это еще не все. Упорство бы нашелъ въ себѣ. Не то главное.

Помолчалъ. Глазами ласкающими спрашивала. И тихо Викторъ:

— Цѣль, опредѣленная цѣль нужна. Вотъ Zanetti: обыкновеннѣйшій итальяшка. А лѣтъ за восемь воловьей работы какую технику пріобрѣлъ. А почему? Золото любитъ, блескъ, трескъ. И, вѣдь, добьется. Недаромъ въ Петербургъ ѣдетъ. Графинь да балеринъ писать будетъ. Поговори-ка съ нимъ лѣтъ черезъ пять объ искусствѣ. На что оно ему. Одни салонныя слова останутся.

Замолчалъ. И не дождалась.

— А тебѣ развѣ не хочется денегъ? Много-много денегъ? Потомъ, вѣдь, деньги не однѣ приходятъ. Онѣ приходятъ вслѣдъ за славой.

— Говорить мнѣ подробно о томъ не хочется сейчасъ, но знай, что дѣтство мое и юность такъ прошли, что не могу я цѣлью жизни поставить золото. А слава? Нѣсколько лѣтъ назадъ слава манила. Она жгла меня по ночамъ. Если я и достигъ чего-нибудь теперь, если сколько-нибудь сломалъ свою лѣнь, то только по инерціи толчка тогдашняго. Но жажда славы въ прошломъ. Не лгу. Мнѣ не нужна слава. Вѣдь, для того, чтобъ славу любить, цѣнить, пользоваться ею, нужно людей уважать. Люди славу-то дѣлаютъ, кричатъ, хвалятъ. Современники. А я людей... Нѣтъ, я не презираю ихъ, мнѣ люди противны. Я вотъ въ Венеціи жить буду. А надоѣстъ, въ Индію поѣду, въ глушь, факировъ разыщу, ясновидцевъ. Нужны они мнѣ. А что я со славой тамъ дѣлать буду? Нѣтъ. Русскія души для этого дѣла не подходятъ. Нужно французской обезьяной родиться. Вѣдь, французъ какъ! Къ тридцати пяти годамъ всѣми правдами и неправдами добьется извѣстности, потомъ усы закрутитъ, фракъ напялитъ и бѣгаетъ по парижскимъ гостинымъ дуръ соблазняетъ, репортерамъ турусы на колесахъ разсказываетъ и деньги копитъ. Ну, потомъ виллу купитъ. Что ему! Развѣ что объ Académie мечтать.

Засмѣялась смѣхомъ серебрянымъ.

— Милый мой... Милый мой... Ну, не надо славы. Работай, милый. Ты ужъ второй мѣсяцъ кисти не бралъ.

Голову милую къ плечу его склонила.

— И можетъ быть, долго не возьму. Мнѣ «Amor» создать было нужно. Для себя нужно было. Какъ могъ, сдѣлалъ. А что дальше? Я не знаю, что дальше. То передъ глазами души было. Я видѣлъ, я зналъ. Не вижу я второй картины.

Говорилъ скрипящимъ голосомъ, слова каменныя выбрасывая.

— Викторъ!

— Да! Этюды писать... Это можно, пожалуй. Хочешь, вмѣстѣ на этюды ходить будемъ? Венецію-красавицу впитаемъ въ себя.

— Милый... Завтра же. Вдвоемъ. Милый, скажи мнѣ: когда ты «Amor» писалъ... Та женщина, что въ гробу...

— Юлія пойдемъ. Ну, вотъ мы и заблудились. Ну, гдѣ Canale Grande?

— Тамъ, кажется.

И шли. И не скоро дошли, словами не частыми тоску восторженную колебля въ ночи.

И цѣловались руки.

По корридору темному велъ Юлію. Въ двери пріоткрытой комнаты той, гдѣ тѣ двое ожидали, свѣтъ-огонь несмѣлый увидалъ. Каблуками громче застучалъ, голосомъ смѣющимся сказалъ, на дверь глядя:

— А вы ко мнѣ зайдите, Юлія Львовна. На новоселье, въ мансарду мою. Поздно? Нѣтъ. Посидимъ.

— Я спать. Я не пойду. Завтра днемъ.

Глаза умоляли. Тихо говорила, прислушиваясь стыдливо.

— Сейчасъ пойдете.

Сказалъ голосомъ не сомнѣвающимся, наслаждаясь шорохомъ робкимъ за дверью тамъ.

Молча взглянула-обожгла. И разное было во взглядѣ. За руку взялъ рукою сильной.

— Я вамъ эскизы покажу.

Повелъ наверхъ по лѣстницѣ узкой.

Въ мансардѣ свѣчи зажигалъ. Молчала. Не садилась, въ окно глядя, въ лиловую мглу, въ золоченую, въ свѣтящуюся. Подошелъ. Улыбчивымъ взглядомъ заглянулъ въ глаза сѣрые. Испугалась-ли, застыдилась-ли. Невѣрнымъ голосомъ шептала:

— Эскизы хотѣли показать. Гдѣ? И я пойду. Ночь.

— Да, ночь. А эскизовъ нѣтъ. Какіе же у меня эскизы!

Смѣялись слова, смѣялись красныя губы. Но глаза прожигали, тая думу неотходящую, пронзительную. И лицо помертвѣло блѣдное, страшное. Подчиняясь незримому, за руку Юлію къ диванчику повелъ, къ пестрому. Усадилъ. Отошелъ. Взоры ищуще-утомленные и томительные по комнатѣ мансардной забѣгали. Къ кровати подошелъ. Нагнулся, коврикъ захватилъ, къ диванчику подъ ноги Юліи бросилъ. Вотъ столъ отъ стѣны отодвинулъ. Со вздохомъ рыдающимъ сѣлъ-повалился на коврикъ, руки Юліи въ руки свои взялъ. Испуганною радостію смотрѣла. Ждала словъ. Но всталъ-вскочилъ. Свѣчи переставилъ. Опять у ногъ ея на коврикѣ. Опять поцѣлуи рукъ. Голову на колѣни ея положилъ. И ждала словъ въ мгновеніяхъ ночныхъ и почуяла: похолодѣли руки его, разжались. Глянули очи чужія, гнѣвныя. Поднялся въ медлительномъ раздумьи. Къ окну отошелъ, лиловой мглѣ отдался, золоченой. Не ждала ничего Юлія, на диван

чикѣ сидя, на силуэтъ Виктора глядя. Словъ не было. Хотѣла лишь, страстно хотѣла не быть здѣсь. Но не было силъ встать, уйти. Унесъ бы кто...

Подумала въ томленіи:

— Сказать, сказать нужно. Тогда легко будетъ. Какъ тогда, какъ тамъ. Нѣтъ, ужъ не будетъ. Но тогда уйти можно. Что сказать? Что? Скорѣй!

И смотрѣла на силуэтъ у окна. И недвижимый казался онъ ей каменнымъ. Если слова нужнаго не услышитъ, до утра простоитъ каменный, не оглянется, не придетъ изъ своего далекаго. И страшно стало, и страхъ былъ болью и стыдомъ. И чуялавидѣла, какъ стеклянная стѣна мертваго молчанія встаетъ между ними. И отчаяньемъ мгновеннымъ сильная уже билась стальнымъ клинкомъ въ стекляную стѣну. И звенящіе осколки посыпались, сверкая криками.

Говорила, задыхаясь. И слова рождаемыя не знали каковы будутъ слова грядущія.

— ... Ее ты любишь? Ее любишь? Но она умерла, та, которая изъ гроба смотритъ. Зачѣмъ же цѣловалъ? Или вы догадались, что васъ любитъ дѣвушка? Какъ же пропустить такой случай! Давай помучаю ее... Отвѣчай. Я пойму. Съ тобой женское сердце говоритъ. Отвѣчай.

Ожилъ каменный. По осколкамъ сверкающимъ стѣны разбитой прошелъ.

— Прости.

Руку Юліи поцѣловалъ. И голосомъ издалека повелѣвающимъ:

— Иди теперь. Но я позову.

Хотѣла шептать-ли, закричать-ли. Не сказала. Убѣжала.

А Викторъ усталый опять къ лиловой мглѣ подошелъ. Быстро умирающіе искры-огни надъ каналомъ. И тусклою думой думалъ о томъ, что вотъ первый день въ городѣ на водахъ опустилъ бархатный занавѣсъ свой чорно-лиловый.

Бездумнымъ жестомъ стаканъ взялъ со стола. Налилъ въ стаканъ. Но то была вода. Тоскливо оглянулся.

— Да. Тамъ внизу осталось...

Лобъ бѣлый морщина перерѣзала. Быстро два стакана воды выпилъ. Книгу изъ чемодана досталъ. Одну свѣчу погасилъ. На кровать повалился.

Ночь.

Дивный городъ на водахъ днями новыми чаровалъ и мучилъ. Не глядѣлъ въ глаза Виктора Степа Герасимовъ. Замолчала Юлія. И скоро уѣхала, ни съ кѣмъ не простившись, раннимъ утромъ. Уходилъ на много часовъ веселый Zanetti въ зда-

ніе выставки, еще не открытой. Съ художниками знакомился, съ газетными людьми. Добился того, что «Дѣву» его ниже перевѣсили. И часто, не то искренне, не то завистью клокоча, объяснялъ толпящимся передъ большимъ холстомъ Виктора, что авторъ «Amor» лучшій его другъ, и что отъ русскаго дикаря можно многаго ожидать, если онъ примется за работу.

И часто передъ картиной «Amor» произносилось то робко-сожалѣющее, то насмѣшливое слово:

— Диллетантъ.

Открылась выставка. И съ первыхъ дней «Amor» оказалась въ числѣ полудюжины холстовъ, о которыхъ разсказывали газеты, передъ которыми по-долгу стояли посѣтители съ тихимъ шопотомъ.

Съ темнаго большого холста въ узкой рамѣ глядѣли двѣ пары глазъ, живыхъ — не живыхъ, тянущихъ къ себѣ случайныхъ людей изъ безразличнаго въ загадку. И какъ третья пара глазъ, пламена двухъ свѣчей жолтыхъ.

Подъ сводами едва выписанными, въ сумракѣ безоконченомъ сидитъ кто-то бѣлокудрый. Недвижимый. Круглая спинка кресла тяжелаго, какъ чорный нимбъ вокругъ головы молчащей. За кресломъ близкій гробъ на высокомъ на темно-лиловомъ. И бѣлая въ бѣломъ, въ гробу приподнявшись, руку тому, бѣлокудрому, подала, въ креслѣ недвижимо сидящему. И взялъ руку въ свою руку. И затихли оба, живые — не живые. И другъ другу въ глаза не глядятъ, а глядятъ оба въ одну сторону, впередъ, гдѣ между ними и людьми живыми родилась тайна забытая.

И замолкалъ веселый говоръ безпечно подходившихъ. И смотрѣли въ эти глаза упорные на лицѣ блѣдно-желтомъ и на бѣломъ лицѣ. И порою мертвая въ гробу женщина казалась живою, такъ по-живому, такъ по-людски приподнялась она съ подушки кружевной гроба своего. И тогда мертвымъ казался сидящій въ креслѣ тяжеломъ. Какъ изваяніе Египта недвижимъ онъ. И лицо его, живыми глазами глядящее упорно, какъ воскъ свѣчей тѣхъ; тѣхъ двухъ свѣчей тяжелыхъ, немигающихъ, въ тяжеломъ серебрѣ подсвѣчниковъ у гроба въ изголовьи.

И подходили, и глядѣли люди нарядные, загадку глазъ пили. И отходя, отдыхали.

Раннимъ утромъ послѣ ночи безсонной приходилъ не разъ Викторъ въ залу, гдѣ его любовь. Въ безлюдьи залы, сидя на малиновомъ бархатѣ скамьи, глядѣлъ бездумными глазами, покраснѣвшими отъ сказки ночного вина, глядѣлъ въ тѣ глаза, и въ тѣ глаза, глядѣлъ на тѣ свѣчи, на восковыя. И наемники, прибиравшіе залы къ часу прихода нарядныхъ гостей, боялись

подходить. Пугало сходство лицъ. Какъ двойникъ того, въ чорномъ креслѣ сидящаго, сидѣлъ этотъ, живой, на красномъ бархатѣ выставочной скамьи. И чуть уловимымъ родственнымъ сходствомъ шептало изъ гроба лицо бѣлое.

И по-долгу сидѣлъ, окаменѣвъ передъ своимъ, какъ передъ чужой загадкой. И шатаясь уходилъ въ блескъ лѣтняго дня золотого, надъ водами тихими города-сказки.

— Рано еще. Рано еще.

Шепталъ о томъ, что нѣтъ второй картины предъ очами души. И шепталъ еще о томъ, о другомъ, о живомъ. И шелъ, и пропадалъ за дверьми одиночества. И то не слышалъ ничего, то слышалъ желѣзный скрипъ дверей тѣхъ.

Догорѣли золотые дни Венеціи. Продана была картина. Искреннимъ смѣхомъ смѣялся.

— Оно кстати. Всѣ мы давно Іуды. Давайте сюда ваши итальянскіе сребренники. Мои волжскіе на исходѣ.

Закрыли выставку. Развезли картины по разнымъ путямъ. Повѣсилъ Викторъ на стѣну мансарды большой фотографическій снимокъ своей «Amor». Акварелью кой-гдѣ тронулъ снимокъ. И въ длинные дни опять и опять подходилъ съ кистью на мгновеніе. И въ памяти картину оживляя, прибавлялъ мазокъ скучающею рукою.

Хотѣлось работы. Только осенью сталъ писать этюды. Погасли на мраморахъ краски сверкающія, золотомъ несказаннымъ пронизанныя. Въ темнѣющихъ переходахъ запахло сыростью склеповъ. И сыростью склеповъ сказочной невѣдомой страны шептали этюды Виктора. Такіе уголки выискивалъ, что не сразу венеціанецъ угадалъ-бы, что то родного города лики мучительные.

Зима подошла.

Не уѣзжалъ долго Степа Герасимовъ. Давно пора къ мастеру, въ Римъ. Не уѣзжалъ, лѣниво писалъ этюды, лѣтнею памятью мучительно возсоздавая отошедшаго золотого бога на непослушныхъ холстахъ. Не уѣзжалъ, будто поджидалъ кого-то. Изъ Россіи получалъ черезъ большіе сроки открытки отъ Юліи. Неопредѣленно глухо писала иногда про дивный городъ на водахъ.

Показывалъ иногда Степа Виктору полученную открытку. Но всегда не въ день полученія. Много позже.

Степа съ Викторомъ по недѣлямъ слова не говорили. А дня по два, по три вмѣстѣ. По кабачкамъ тогда ходили, кіанти пили, по мертвымъ каналамъ думали разноликими чорную птицу-змѣю гнали впередъ, все впередъ.

Рѣдкія письма Zanetti изъ Петербурга обоихъ смѣшили.

— Пусть его преуспѣваетъ.

Каждый день новый опустошалъ Венецію. Тоска мглистая, трупная гнала запоздавшихъ людей. На вокзалъ спѣшили, не оглядываясь и молча, какъ изъ зачумленнаго города, туда, гдѣ жизнь понятная и нужная, гдѣ звонки трамваевъ, гдѣ хлопанье бичей, гдѣ нѣтъ домовъ съ заколоченными окнами, гдѣ тѣни отжившаго не встаютъ отъ затхлыхъ водъ нѣмыхъ, отравныхъ.

Подошло письмо изъ Неаполя, отъ стараго богача, купившаго «Amor». Спрашивалъ, написана ли слѣдующая картина «молодого maestro». Гдѣ будетъ выставлена? Когда? Просилъ прислать, если возможно, снимокъ. Пространно сообщалъ отзывы объ «Amor» многочисленныхъ своихъ «друзей, любителей пре краснаго».

Улыбнулся въ мансардѣ своей Викторъ, на кровати лежа, по-русски пачкая башмаками одѣяло. Приподнялся лѣниво. Стуломъ близъ стоящимъ въ полъ постучалъ. Ожидалъ недолго. Вошелъ Степа. Блѣдный, скукой мертвою томящійся. Безъ пиджака, въ перепачканной красками жилеткѣ своей полосатой.

— Что тебѣ?

— Ессо! Читай!

У окна, утратившаго радость недавнюю, читалъ письмо.

— Поздравляю.

— Съ чѣмъ?

— А вотъ. За этимъ, вѣдь, звалъ. А что картины у тебя нѣтъ, это твое дѣло. Да это ничего. Старики и по двадцати лѣтъ картину писали.

— Ну, не часто! Если бы такъ, Рубенсу пришлось бы тысячи три лѣтъ прожить.

— А Ивановъ.

— Брось. Не въ томъ совсѣмъ дѣло, Степа Григорьичъ. Мнѣ вотъ тоже картину писать хочется.

— Садись и пиши.

— Ну, я стоя. Сидя и тебѣ не совѣтую.

Замолчалъ Степа. Въ окно смотритъ глазами, потерявшими правду свою. Туда, гдѣ сіяла недавно сказка. И слышитъ голосъ каменный. И кажется ему, что нарочно, чтобъ злить его, Степу, уничтожить, слова тѣ каменныя падаютъ.

— ...Да. И нужна мнѣ женщина. Безъ женщины картины не напишешь. Вспомни; даже настоящаго распятія безъ женщины нѣтъ. Женщина нужна. Я и вспомнилъ про Юлію. Помнишь Юлію Львовну? Напишу ей. Пусть пріѣдетъ... Ты куда? Стой. Не знаешь еще, какая картина, и уходишь. Какой же ты художникъ? Артистъ долженъ быть...

— Ну, какая картина?

Умышленно громко зѣвнулъ Викторъ, повернувшись на кровати и, слова перепутавъ въ зѣвкѣ, сказалъ:

— Нѣтъ еще картины. Вотъ пріѣдетъ и подумаю.

Къ двери подошелъ Степа.

— Однако, тебѣ только шпоръ не хватаетъ!

И только за дверью сказалъ-прошепталъ Степа Герасимовъ:

— Подлецъ!

— Слушай ты, глупецъ! Я завтра ей письмо пошлю. Если хочешь, напиши что хочешь. Успѣешь.

И повернувшись на кровати, глядѣлъ то туда, гдѣ глаза неживые-живые и свѣчи желтыя, то туда, гдѣ мгла канала безсолнечнаго, забывшаго сказку золотую.

— Это я-то подлецъ? Не вѣрю.

Улыбнулся доброй улыбкой. Всталъ. Заглянулъ надолго во мглу сѣрую, потерявшую юнаго бога на-вѣчно. Хотѣлъ остаться здѣсь, почему-то здѣсь, подъ косымъ потолкомъ. Но пошли ноги. И вотъ она опять, какъ вчера, мертвая улица города на водахъ.

XIV.

Надъ снѣгами, надъ льдами Волги, надъ бѣлыми, кажется Антону явь жизни его сказкою.

Изъ Лазарева выѣхалъ Антонъ въ санкахъ безъ конюха. Лошадка новокупка. Санки старыя, давно въ каретникѣ стояли. Конюхи говорили:

— Зря.

Прибѣжала лошадка къ крутому спуску. Фырчитъ. Итти не хочетъ. Всталъ. Свелъ. Вотъ онъ, монастырь подъ горой. Упраздненный монастырь. Въ церковкѣ службы идутъ по праздникамъ и по канунамъ. Попъ съ дьячкомъ въ деревенькѣ живутъ, версты за три. Въ монастырской оградѣ только старикъ сторожъ. И котъ трехцвѣтный старый при немъ.

На стукъ въ окошко промерзшее вышелъ старикъ, овчинный тулупъ на плечѣ волоча.

Говоритъ-торопится Антонъ. На старика не глядитъ.

— Кто такой? Не признать.

— Здравствуй, дѣдушка. Вотъ дѣло какое: я сейчасъ на станцію. Часа этакъ черезъ два къ тебѣ. Такъ ты самоварчикъ.

Воротникъ дохи разъѣзжей Антонъ поднялъ.

— Кажись, изъ Лазарева баринъ? Не призналъ. Да и то давненько оттудова никто не идетъ, не ѣдетъ. Только вотъ въ храмовой. Свою, значитъ, церкву теплую украсили. Оно и тово...

Иль не изъ Лазарева? Конекъ-то... Да не мало тамъ коней... А самоварчика, баринокъ, у меня нѣту. Да это что... Мигомъ на деревню слетаю. А то въ котелкѣ согрѣю.

— Хорошо, хорошо. Я тебѣ рубль дамъ. Пропусти-ка въ домъ.

— Премного благодарны. Пожалуйте, баринъ. Лошадку прикрутить...

Въ кирпичныхъ старыхъ толстыхъ стѣнахъ темно подъ низкимъ потолкомъ. Оглядѣлся Антонъ. Печь большая. Окно маленькое. На кровати деревянной одежи ворохъ. Тѣсно. Нехорошо пахнетъ. Дверь скрипнула. Старикъ вошелъ.

— Это все? Нѣтъ у тебя больше комнатъ?

— Все. Здѣсь и живемъ. Оно тепло, слава Господу.

— А комнаты нѣтъ еще? Здѣсь, вѣдь, кельи раньше были. И это вотъ тоже келья была?

— Келейка, батюшка баринъ. Келейка. И тамъ вонъ по колидорчику изъ сѣней все келейки. Аль туда охота?

— Покажи.

— Тѣ-то холодны. И порушено все тамъ. А въ эту изволь. Печка моя туда прогрѣваетъ. Хорошая печка. Только складено тамъ кой-что.

Ключами громыхалъ. Изъ сѣней дверь открылась. Вошелъ Антонъ.

— Слушай, дѣдушка. Прибери ты здѣсь, что можно. И чаю. То-есть, чай я захватилъ, и все, что нужно. А ты прибери. И кипятку. И вытопи, что ли. И пыль вотъ. Только окошко на полчасика открой. Я тебѣ три рубля дамъ. Часа черезъ два я. Я не одинъ пріѣду. А можно у тебя... Нѣтъ, потомъ... Такъ я пріѣду со станціи. Пожалуйста, ты здѣсь... Вотъ тебѣ пока цѣлковый.

— Покорно благодарны. Я въ минутую.

Подгонялъ лошадку, на часики поглядывалъ. Сказкой-явью тѣшился, чуть страшась:

— Вдругъ не пріѣдетъ Дорочка?

Но улыбкой сгонялъ страхъ.

Восторженная улыбка чудесною была. Какъ и думы-грезы Антоновы. Чудилось Антону, что онъ не онъ, а братъ Викторъ. Могучій, взбунтовавшійся и враговъ своихъ легко побѣдившій. И привезетъ онъ Дорочку не на нѣсколько часовъ, а навсегда. И монастырекъ упраздненный за спиною его выросталъ въ средневѣковой замокъ. И не въ десяти верстахъ отъ Лазарева замокъ тотъ стоялъ. Мечты о Дорочкѣ влюбленныя подчасъ убиваемы были любованіемъ тѣмъ.

Морозно-бѣлое вокругъ. Безлюдье вокругъ. Съ сосенъ, съ

елокъ тяжелыя, тяжело кричащія птицы чорныя слетаютъ. Но то не русская зима. То сказка внѣвременная, внѣстранная. И по сказкѣ твой бѣлой узоръ темнѣющій плететъ въ ладьѣ въ саняхъ плывущій-мчащійся Антонъ преображенный, могучимъ и побѣднымъ ставшій, какъ чудесный братъ его, Викторъ далекій.

И оглядывается. И видитъ лишь невысокую колокольню монастыря. И пытается замокъ свой увидѣть-нарисовать, гдѣ Дорочку поселитъ онъ на-вѣкъ. Чтобы стѣны зубчатыя, чтобы башни высокія, гранитныя. Но въ мигъ родную зиму каркающую видитъ взоромъ испуганнымъ. И робко дерзающими словами размѣрными шепчетъ тоску-рабость свою Антонъ. Забывъ лошадку притомившуюся подгонять, слова поетъ-говоритъ пытающіяся стать прекраснымъ стихомъ.

Нѣтъ. Онъ не Викторъ. Онъ Антонъ. Но поѣдетъ онъ къ Виктору, туда. И пойдутъ рядомъ, по пути славы.

— А Дорочка?.. Конечно, и Дорочка.

Просвистѣло неблизкое, протяжное. Погналъ. Изъ-за сосенъ снѣжныхъ крыша темно-красная. Снѣгъ смели. Станція.

Воротникъ дохи поднялъ. Шажкомъ подъѣхалъ, всталъ въ хвостѣ поджидающихъ саней. Немного. Менѣе десятка. Лѣнивыми взорами возницы новаго оглядѣли. Изъ саней ковровыхъ помѣщица сосѣдка выглянула!

— Чего въ саняхъ, дура, сидитъ! Есть, вѣдь, комната.

Воротникомъ запахнулся. Зачѣмъ-то нехотя закашлялся.

— Пусть думаютъ, что больной... Дуракъ я...

Посмотрѣли. Надоѣло. Лошадей то ласково, то сердито поругивали, зря похлестывали, потомъ сдерживали.

Пришелъ товарный.

Оглянулась помѣщица и всхрапнула.

— Ишь, толстая. Жарко ей тамъ ждать.

И попятилъ лошадку Антонъ. Теперь скоро уже.

Сумерки наплывали.

Неожиданно подошелъ пассажирскій. Спряталъ въ оленій воротникъ лицо. Выходили, выбѣгали. Разсаживались, скупо говоря съ возницами. Вздохнула-охнула помѣщица толстая, разбуженная кѣмъ-то прибывшимъ.

Шутливо отругиваясь отъ кого-то тамъ, за казеннымъ заборомъ, прошелъ мимо въ форменной одеждѣ...

Антонъ ему:

— Пожалуйста, скажите, какой сегодня день. Вѣдь, вторникъ?

— Обязательно, вторникъ. Какъ-разъ.

— Нѣтъ, я такъ... Въ деревнѣ, знаете, забываешь... Спасибо.

И еще попятилъ лошадку Антонъ, безрадостно-злобно урча:

— Дуракъ... Дуракъ... Ну, назадъ. Ну, что же...

На обезлюдѣвшемъ крыльцѣ встала женская фигурка въ шубкѣ городской. Теплою вуалью лицо закрыто. Потерянно оглядывается.

Вожжей щелкнулъ Антонъ. Еще лошадку попятилъ. Лошадкѣ что-то крикнулъ. Услыхала, головку наклонила та, къ Антоновымъ санкамъ пошла. Мимо идетъ. Шепчетъ ей Антонъ празднично, на нее не глядя:

— Дальше пройди. Догоню.

Робкая маленькая Дорочка идетъ, близорукими глазами сумерки рѣжетъ. Видно: дрожитъ.

Подождалъ. Едва утерпѣлъ, чтобъ не вскачь. Рысцой нагналъ.

— Садись скорѣй. Ну, здравствуй.

Молчала. Но скоро:

— Здравствуй, Антошикъ мой... Вотъ я и пріѣхала. Трудно было. Но я съ тобой, Антошикъ. Дома сказала: къ подругѣ. А куда мы ѣдемъ? Куда ты везешь, милый? Ты, вѣдь, знаешь—туда не поѣду. Нельзя. Куда? Куда? Милый...

И подумай Антонъ:

— Такъ вотъ какъ она меня любитъ! Я ей все... я для нея жизнь... А она...

Но сказалъ:

— Дорочка, я устроилъ. Мы не въ Лазарево. Дорочка, ты меня любишь?

— Конечно, Антошикъ мой, маленькій мой. Вотъ какъ люблю...

Слѣва сидя, пыталась открыть лицо его. Но лѣвою рукою отстранялъ.

— Подожди. Люди.

Но вотъ обѣ руки опустилъ, вожжи отпустилъ.

— Теперь близко, Дорочка.

И охватила руками шею его. И цѣловала въ губы.

— Мой ты. Мой ты.

— Милая Дорочка. Но постой. Сейчасъ доѣдемъ.

— Куда, милый? Ты знаешь...

— Не туда. Все хорошо.

И что-то говорила Дорочка. И думалъ влюбленный, оскорбленный рыцарь, чуждый этой Дорочкѣ, мгновенно чарующей и неизвѣстно любящей ли его, великаго, которому суждено побѣдить міръ. Вмѣстѣ съ Викторомъ? Конечно, вмѣстѣ съ нимъ.

— Антошикъ, куда мы ѣдемъ?

— Да, да. Скоро. Я устроилъ.

И думалъ-шепталъ:

— Боишься? Раисы-мамаши боишься? Великолѣпно! Тоже любовь!.. Викторъ! Витя!

Но не было брата Виктора ни въ немъ, ни около, въ сумеречной снѣжной были. И продолжалъ терзать себя.

— Антошикъ! Ты, Викторъ, позволилъ бы такъ? И въ замокъ ѣду, а замка нѣтъ. И не будетъ. И пусть не будетъ. Викторъ! Викторъ!

— Что, Антошикъ? Да куда же мы?

— Мы сюда, Дорофея Михайловна. Мы въ этотъ монастырь.

Подслушалъ приказъ излалека. Сказалъ. Замолкъ. Прiѣхали.

Высаживая изъ санокъ, прибавилъ, себя ли, ее ли успокаивая:

— Ни меня, ни тебя здѣсь не знаютъ.

— Добро пожаловать, баринъ, Антонъ Макарычъ. Все справилъ. Барышня, здравствуйте. Не сестрица ли будете?..

На крылечкѣ старикъ сторожъ. Шапку снялъ. Кланяется.

Испуганно взглянула на Антона. Глаза отвелъ усмѣшливо. Шепнулъ:

— Не бѣда. Идемъ.

Вошли.

— Акъ, какъ хорошо! И самоваръ...

— Это, Дорочка, келья.

— Такъ точно, барышня. Келейки здѣся раньше-то были. Келейки. А самоварчикъ я у дьячка.

— Дѣдушка. У меня тамъ въ санкахъ кулечекъ. Внеси-ка.

Вышелъ.

— Антошикъ! Онъ знаетъ. Онъ разскажетъ.

— Кому? Что? Узналъ на деревнѣ, что одинъ я въ Лазаревѣ, ну и величаетъ. Тебя не знаетъ.

Не цѣловалъ прижавшуюся дѣвушку. Хмуро въ сумерки заоконныя вглядывался.

— Вотъ онъ, кулекъ. Распаковать прикажете?

— Нѣтъ, нѣтъ. Сами.

Помялся у двери. Вышелъ. Дверь приперъ.

— Вотъ одни мы съ тобой, Антошикъ. Подожди, шубку сниму. Тепло здѣсь. Чай пить будемъ... Милый... Съ морозу... Ну, разсказывай по порядку, что произошло. Все, все. Мнѣ Яша всего не говорилъ. Самъ, говоритъ, онъ разскажетъ... Бѣдный мой... А Раиса мамашѣ...

— Раиса мамашѣ!.. Мамаша Раисѣ!.. Что Раиса мамашѣ?.. Раиса вотъ Дорочкѣ-сестрицѣ не велѣла со мной видѣться. Сейчасъ съ войскомъ своимъ налетитъ, монастырь приступомъ возьметъ и... И милостей своихъ лишитъ...

— Антошикъ...

— Что Антошикъ? Не могу я... Надоѣло! И тамъ Раиса Михайловна, и здѣсь Раиса Михайловна. Не семилѣтній.

— Что ты? Что ты? Вѣдь, я же ничего не сказала. Ну, не будемъ объ этомъ говорить. Ну, успокойся. Какой ты нервный сталъ Антошикъ...

Рукой ласкала руку его. Молчаливо стали пить чай. Вотъ рѣдкія слова. Но не весело. И удивляясь, и сердясь, почуялъ Антонъ зарождающіяся-поднимающіяся слезы. Такъ хотѣлось обнять ее слабѣющею рукой, на грудь ея голову положить и плакать, шептать-выкрикивать слова оскорбленной души. Но въ сумеркахъ заоконныхъ, въ алѣющемъ небѣ далекомъ низкомъ слышалъ крики трубные, приближающіеся. Упреки ли? Призывы ли?

— Силою ли враговъ душа оскорблена твоя? Не слабостію ли твоею?

— Викторъ! Викторъ, сильный, великій братъ! Ты, вѣдь, никогда не плакалъ.

Слышалъ слухомъ души. Ея словами отвѣчалъ.

Всталъ.

— Дорочка. Погуляемъ по монастырю. Скоро совсѣмъ стемнѣетъ.

— А никто насъ не увидитъ?

Не отвѣчалъ. Шубку снялъ съ гвоздя. Помогъ надѣть.

Смутно помня пути монастырскіе, снѣгомъ и предночною мглою быстрою сбиваемый, велъ куда-то. Свободнѣе дышалось. Гордость побѣды близкой нахлынула. Дорочка плечомъ прижималась. Гдѣ-то въ камняхъ стѣны слова подбадривающія прохрипѣли.

Весело стало. Руку ея близкую часто сжимая и свою отдавая ласкѣ той руки, заговорилъ громко, по переходамъ замка своего ведя избранницу свою. Говорилъ, спрашивалъ о грядущихъ дняхъ.

— Какъ же твои курсы, Дорочка? А?

— Ты, вѣдь, знаешь.

Грустно такъ, тихо сказала. И руку не поласкала.

— Что знаю! Знаю, что ничего тутъ невозможнаго нѣтъ. Я осенью въ университетъ. И ты поѣзжай.

— Милый. Нельзя.

— Что нельзя? Ты про деньги? У меня деньги есть Да намъ и безъ тѣхъ денегъ хватитъ. Вмѣстѣ жить будемъ. А то втроемъ съ Яшей. Для экономіи. Яша въ Петербургѣ останется. Впрочемъ, не надо съ Яшей... Хочешь, Дорочка, со мной жить? Всегда. Хочешь вдвоемъ?

— Антошикъ, милый, конечно, хочу. Но нельзя. Нельзя.

— Вотъ смѣшная! Почему нельзя?

— Да совсѣмъ нельзя. Подумай...

И начавъ говорить безъ вѣры въ возможность счастья, гакъ, чтобъ на часъ потѣшить-помучить себя словами, живущими въ счастьи томъ, она, съ веселымъ, съ юнымъ и несомнѣвающимся идя во мракѣ не устрашающемъ, мыслила:

— Конечно, возможно. Конечно, возможно... И мы, вѣдь, любимъ друга друга.

Но хотѣлось еще словъ увѣренныхъ, смѣющихся надъ призраками. И сладко было. И чуть стыдно: племянникъ онъ; онъ мальчикъ. И говорила, боясь слова свои показать убѣдительными, боясь отпугнуть ангеловъ, владѣющихъ ключами чудесъ:

— Совсѣмъ нельзя. Подумай о мамашѣ...

— Это о которой? О Раисѣ Михайловнѣ или о верхней бабушкѣ?

— ...Да, о бабушкѣ. Не пускаетъ она, замужъ выдать хочетъ. Ну, да это... Ну, убѣгу я на курсы. Если и безъ тебя, что Раиса сдѣлаетъ? А? А, вѣдь, у насъ Сережа очень боленъ. Боюсь за Сережу. Плохъ, плохъ... А если съ тобой... Ты, вѣдь, знаешь наши дѣла... И домъ, и все; все, вѣдь...

— Знаю. Брось! Поѣдемъ и все тутъ. Осенью поѣдемъ. На курсы прошеніе готовь.

Чуть склонился. Поцѣловалъ. Правдой ли, обманомъ ли чуемымъ околдованная, поцѣлую отдалась надолго, не по обычному. И стояли на снѣгу во мракѣ галлереи, стѣны которой ужъ не держатъ своего потолка.

— Она моя. Она моя. Смотри, Викторъ, далекій. Въ новую жизнь мы идемъ.

И пили губы сладостное веселіе.

— Потомъ поѣдемъ, Дорочка въ Италію... Къ Виктору. А домой никогда я не вернусь. Съ тобой буду жить. Мы поженимся.

— Антошикъ! Какъ же? Этого нельзя.

Спросилъ, голосомъ показавъ, что не понимаетъ:

— Какъ нельзя?

— Да вѣдь, мы... мы близкая родня. И еще... и еще... я старше тебя, Антошикъ. Знаешь, на сколько лѣтъ старше...

— Ты, Дорочка, глупенькая.

Шапкой снѣгъ смахнулъ съ бѣлокаменной скамьи. Усадилъ. Сѣлъ. Губы къ губамъ приблизилъ. Пили сладостную муку неберущуюся въ-конецъ.

— Смотри, Викторъ! Гдѣ ты, икторъ? Вотъ невѣста моя.

Отдавалась поцѣлуямъ, какъ волнамъ набѣгающимъ размѣренно, нескончаемо. Руки отрывались отъ рукъ и искали, и искали, и не находили. Глазамъ темно. Темно.

— Темно. Пойдемъ домой, Дорочка... Домой?

Разсмѣялся.

— У насъ еще нѣтъ дома, Дорочка... Все равно. Къ старику пойдемъ. Самоваръ. И ты, вѣдь, ѣсть хочешь... Вотъ мы и заблудились. Но это хорошо...

Осмотрѣлся въ привычной тьмѣ. Вспоминалъ, изъ котораго входа вошли сюда, въ круглыя безсводныя стѣны часовни ли погибшей, дворика-ли, башни-ли.

И въ одномъ изъ проходовъ безсводныхъ въ тьмѣ всталъ кто-то на снѣгу. Онъ... онъ... Оглянулся Антонъ на Дорочку. Не видитъ. Молча прокричалъ:

— Викторъ! Викторъ!

Повелъ, шатаясь и спотыкаясь, въ другой проходъ, говоря Дорочкѣ, чтобъ слышала:

— Вотъ мы и заблудились. Вотъ мы и заблудились.

И слышалъ приказывающій голосъ. И страшась, убѣгалъ отъ него, исходящаго изъ того вонъ корридора.

Дошли-добѣжали до огонька за стеклами промерзшими. На крылечкѣ разсмѣялись, поцѣловавшись кратко.

— Ты бы, дѣдушка, чайку попилъ. Я тебѣ сейчасъ наливки.

И, пропустивъ Дорофею, старика задержалъ, за рукавъ ухвативъ. Шепталъ:

— Мы переночуемъ. Можно?

— Отчего нельзя!

— Ш! Ну, довольно. Иди.

Въ шубкѣ своей, въ шапочкѣ Дорочка глядѣла на близкую лампочку глазами круглыми, минутою новою испуганными.

— Дорочка!

— Антошикъ. Зачѣмъ все это? Ничего не будетъ. Вижу. Нельзя, нельзя.

— Опять нельзя! Что перемѣнилось? Что перемѣнилось?

— Поди сюда, Антошикъ мой, милый мой...

И не Антонъ, но будто Викторъ мечтанный подошелъ къ ней. Сильнымъ, рѣшившимся былъ. За плечи взялъ. Поцѣлуемъ новымъ обжегъ-захотѣлъ. На дубовый ларь повлекъ-уложилъ.

Думала-шептала:

— Что это? Что это? Антошикъ! Антошикъ!

И цѣловала страстно. И не давалась.

Дорочка! Дорочка!

Сгоралъ. Мучительно-радостно трепеталъ-спрашивалъ, призывая кого-то. И сгоралъ, сгоралъ, насыщенный любовію. И вотъ второй срокъ. И затихъ, уже обиженный, обожженный морозомъ невзятой жертвы любви. На плечѣ Дорочки любимой затихъ.

И говорила она:

— Кажется, мнѣ пора, Антошикъ Посмотрѣлъ-бы ты на часы. Поѣздъ...

— Поѣздъ? Поѣздъ? Прошелъ твой поѣздъ. До утра ты здѣсь. До семи.

Заметалась. Встать хотѣла. Осилить рукъ его не могла. Жалобно глядѣла-ли, думала-ли, сказала-ли—не знала тогда:

— Антошикъ, милый. Не могу я. Пусти. Домой мнѣ. Есть поѣздъ. Въ одиннадцать пять есть. Въ одиннадцать пять. Проводи. Успѣемъ.

Говорила, не вѣря въ то большое, что было въ ней. Повѣрила и забоялась. Развѣрилась и стало пусто. И такъ же боязливо.

— Въ одиннадцать пять...

— Да, конечно, въ одиннадцать пять идетъ поѣздъ. Но ты останешься до утренняго. Въ семь семь. Да, въ семь семь. И я тебя доставлю на станцію.

— Антошикъ. Мнѣ ночью надо дома быть. Къ ночи. Къ ночи. Тамъ извозчикъ, знаешь. Извозчикъ.

— Какой извозчикъ! Молчи.

— Антошикъ! Антошикъ! Пора мнѣ. Пора.

— Ну, ужъ во всякомъ случаѣ не пора.

Хотѣлъ говорить, какъ говорятъ люди. Не хотѣлъ до конца дослушать голоса.

Остались. Томилась неизбѣжностью, которую нельзя побороть. Нельзя.

И говорилъ Антонъ.

— Нельзя.

И смѣялся.

— Антонъ! Антонъ! Не все ты знаешь. Не все... Милый Антошикъ, пусти. Пора мнѣ.

Оставленный братомъ своимъ, оставленный всѣми людьми, сказалъ-прокричалъ Антонъ; но крикъ его былъ только въ мысляхъ:

— Я люблю тебя, Дорочка.

И вотъ въ явь прошепталъ:

— Я люблю тебя, Дорочка.

И не отвѣтила юности его. И говорила:

— Домой! Домой!

И обнималъ ее, слабый уже, но жаждущій. И говорилъ насильно-ласкающія слова.

И опять не хотѣла пѣть-кричать съ нимъ про великую радость.

Лошадку погонялъ, новокупку. Ночь звѣздная кричала:

— Ласкай свою.

Но не ласкалъ. И казалось ему: не нужно никого ласкать никогда. Всѣ обманщики.

Ѣхалъ, везъ Дорочку. Не замѣчалъ ея руки. Словъ ея не слышалъ.

— Зачѣмъ такъ скоро?

Радъ былъ, что за часъ до поѣзда привезъ Дорочку.

— Пусть поскучаетъ одна. Пусть подумаетъ.

Назадъ поѣхалъ не погоняя. Безъ мыслей былъ. И только тамъ, за рощей, когда монастырь сталъ виденъ, крикнулъ Антонъ:

— Викторъ! Викторъ! Викторъ!

И отвѣтило эхо смутно.

Въ монастырь хотѣлось. Въ пустой. Долго стучалъ. Отворилъ старикъ. Шелъ. Словъ стариковыхъ не понималъ. И своихъ. Посмотрѣлъ. Ушелъ. Погналъ лошадку.

— Въ Лазарево.

Захохотали тучи, клубящіяся въ полночной игрѣ.

XV.

— Безстрашный путешественникъ Доримидонтъ, по прозванію Скупой, отправляется въ послѣднее свое странствованіе.

— Ну, черезъ годикъ на гору опять повезутъ. Только не въ каретѣ.

— Ужъ не простудится тогда.

— Молчите вы. А мнѣ жалко дядю Доримидонта. Добрый онъ.

— Ишь, рѣдкость какая! А зачѣмъ его туда тащатъ? Не пойму. У насъ мѣста мало, что ли?

— Зачѣмъ? Зачѣмъ? А затѣмъ, что комендантъ его коньякомъ лечитъ, а доктора говорятъ чѣмъ то другимъ лечить надо.

— И не потому вовсе. А потому что maman боится, что комендантъ со страху умретъ, если тотъ у насъ въ крѣпости умретъ. И Доримидонтъ по ночамъ кричать сталъ.

— А не вылечатъ?

— Ракъ.

— Жаль, что Яши нѣтъ.

— А что?

— Нѣтъ. Такъ.

Удалялась чорная карета, быстрая, по Набережной. Отъ окна отошли Макаровичи. Украдкой перекрестилась Зиночка.

Ирочка, младшая, на Антошу и Костю влюбленно глядя, умоляла ихъ въ дѣтскую къ ней зайти.

— Поиграть.

И дергалось личико ея. Рыдать хотѣлось.

И пошли тогда дни и ночи сказки послѣдней Доримедонта. Не понималъ, зачѣмъ онъ опять въ родномъ дому на Торговой. Изъ дома Макарова тогда уѣзжать совсѣмъ не хотѣлъ.

— И сны нехорошіе были. Полечиться, говорятъ, надо. Тамъ спокойнѣе, на Торговой. И докторъ жить будетъ. Что докторъ! Какой спокой мнѣ здѣсь въ пустомъ дому? Здѣсь вотъ мнѣ мамаша съ папашей все являются. Слова разныя говорятъ. День туда-сюда. А въ ночи страхи, страхи одолѣваютъ. И что за оказія! Шубу надѣли, въ карету посадили, повезли... И вѣдь безъ молебна. Безъ молебна! Потому, вѣрно, и животъ безпеперечь болитъ. Рѣзь такая... И еще: всѣ мои настойки тамъ остались и, вѣдь, не присылаютъ. Каждый день конторщику говорю. А онъ: докторъ, говоритъ, не велѣлъ! А докторъ, Богъ его знаетъ, чѣмъ лечитъ. У меня настойки по стариннымъ рецептамъ, и всегда отъ живота помогали. А онъ, злодѣй, говоритъ: это у васъ, говоритъ, отъ настоекъ-то и болѣзнь разыгралась.. Ой, рѣзь опять! Батюшки мои! Степанъ Степанычъ, голубчикъ, хоть коньячку рюмочку раздобудь... Разбойники окаянные все припрятали. Заговоръ. Право, заговоръ.

— Припасъ, припасъ я, племянничекъ. Припасъ. Только тише ты. Въ прихожей у меня. Въ пальтѣ у меня. Только тише ты. Не услыхали бы. Обоимъ намъ влетитъ.

Степанъ Степанычъ Нюнинъ, съ краснымъ обрюзгшимъ слюнявымъ лицомъ, трясущійся старикъ, съ племянникомъ чокнулся, хихикая.

Часто приходитъ на Торговую. Безъ дѣла давно. Обтрепанный, грязный. Съ Доримедонтомъ въ дурачки играетъ.

— Заговоръ, племянничекъ. Правильное слово ты сказалъ. Заговоръ. Только тебѣ еще лафа. Меня, вотъ, моя Ольга Ивановна трижды въ сумашедшій домъ запирала... Въ сумашедшій до-о-мъ... Вотъ оно какъ. И капиталъ весь мой тю-тю! И домъ на свое имя перевела. И водочки ни-ни. Когда гдѣ добуду, а когда и нѣтъ. Вотъ оно какъ! Понимаешь, ни капельки. Дуракъ былъ. Довѣренности какія-то ей подписалъ, а теперь, почитай, двадцатый годъ на нищемъ положеніи. Заговоръ. Заговоръ. И съ тобой вотъ теперь тоже. Скрутятъ. Только тебѣ что! Ты при своемъ капиталѣ. Но отнимутъ. Помяни мое слово, отнимутъ.

— Что ты! Что ты, Степанъ Степанычъ! Типунъ тебѣ на языкъ за такія рѣчи. Кто отниметъ ?У меня въ банкѣ. Въ банкѣ у меня, въ государственномъ.

— Знаемъ! У меня тоже и въ государственномъ лежали и не въ государстенномъ. А ну ихъ! Тебѣ сдавать. Только вотъ что. Надоѣло даромъ. И никогда никто безъ денегъ не играетъ. По десяткѣ будемъ играть...

— Что ты! Что ты, Господь съ тобой! Это по десяти рублей игра? Ни въ жизнь! Папаша покойникъ говаривалъ: въ карты играть никакихъ денегъ не хватитъ. Не буду на деньги. Да у тебя и денегъ такихъ нѣтъ. Потомъ, грѣхъ это ближняго своего обыгрывать.

— Ну, какой грѣхъ! А есть у меня деньги, нѣтъ у меня денегъ, того ты знать не можешь. Игрецкое правило какое? Проигралъ—черезъ сутки деньги на бочку. Двадцать четыре часа и больше никакихъ. Хоть цѣлковый, хоть мильонъ, на бочку. А не досталъ — пулю въ лобъ. отъ оно какъ, хи-хи. Знаемъ мы благородныя правила. Съ господами офицерами въ клубѣ въ свое время игрывали. Наслышаны. Сдавай! Сдавай! До ночи играть будемъ. Проиграю—ровно черезъ двадцать четыре часа жди дядю. Сто тысячъ проиграю — сто тысячъ принесу. Цѣлковаго одного до ста тысячъ не доберу — ну, тогда пулю въ лобъ. Бацъ и готово. Вотъ оно какъ, хи-хи-хи. Сдавай по десяткѣ.

— Что ты, что ты, Христосъ съ тобой. Страхи-ужасы какіе хворому человѣку разсказываешь.

Съ перепугу вскочилъ, по столовой горницѣ забѣгалъ, брюки лѣвой рукой подтягивая, правой спѣшно крестясь. По горницѣ согнувшись бѣгалъ по той, гдѣ желѣзный старикъ нѣкогда въ страхѣ семью великую держалъ, въ трепетѣ.

Гордую усмѣшку на пьяномъ лицѣ явилъ Степенъ Степанычъ, поглядывая на перепуганнаго племянника.

— Вотъ оно какъ! Сдавай... А глянь-ка, Доримедоша... Нѣтъ, на портретъ глянь. Гляжу-гляжу — что за чудеса! И похожъ же ты сталъ на него, на отца своего. Двѣ капли воды. Глянь. Глянь. Нѣтъ, такъ вотъ повернись. Постой, я зеркало принесу.

Изъ прихожей зеркало приволокъ. На столикъ къ стѣнѣ поставили.

— Не разбей, Христа ради...

— Да ладно. Стой. Сюда, сюда смотри. Бочкомъ, бочкомъ. Ну не одно лицо? Двѣ капли воды. Ну, и посѣдѣлъ же ты, племянничекъ. Вѣдь, ему, когда портретъ писанъ былъ, за шестьдесятъ, кажись, было. И то, за шестьдесятъ. А взглядъ-то какой. Взглядъ-то! Да, взглядъ у отца твоего, Доримедоша, поорлистѣе твоего. Поорлистѣе, что говорить. А тебѣ, племянничекъ, сколько годовъ? А?

— Что ты! Что ты, Степанъ Степанычъ! Кто годы счи-

таетъ? Живому человѣку годы считать грѣхъ. А, вѣдь, взаправду, на отца я похожъ сталъ. Во мнѣ, вѣдь, много отцовскаго, коли правду говорить. Я, Степанъ Степанычъ, великія дѣла могъ бы творить. Горы бы мнѣ двигать. Только, вотъ, съ молоду я какъ-то заканителился. То да се. Какъ-то оно и не тово. Потомъ хворость эта... И еще: братьямъ дорогу дать хотѣлъ. Что, коли бы я всю силу-мощь свою въ ходъ пустилъ! Какъ папаша дѣлами бы заворочалъ; братьевъ бы и не видать стало. Изъ-за меня-то. А я, Степанъ Степанычъ, добрый человѣкъ. И гордость свою убилъ я. Пусть братьямъ, думаю, слава. А я и такъ проживу съ помощью святыхъ угодниковъ. А гляди! Гляди! Профиль-то! Профиль-то! Словно одинъ человѣкъ. Да я и взглядъ такой могу. Фу! Погоди, глаза скосились...

Обтрепанные, нелѣпые, рядомъ стояли. На портретъ желѣзнаго старика любовались въ его дому опустѣломъ.

— Однако, сдавай. Но уговоръ...

— Что ты! На деньги ни-ни!

— Ну по трешнѣ.

— И не проси.

— Безъ денегъ не буду.

— И не грѣхъ тебѣ? Хворому человѣку...

— На камешки только ребята малые играютъ. А мы съ тобой купцы.

— Какіе мы купцы. Садись, Степанъ Степанычъ, садись. Сдаю.

— Безъ денегъ ни-ни! Зови конторщика опять. Съ нимъ играй. А я тебѣ не подначальный. Я тебѣ какъ-никакъ дядя. И на отца своего вовсе ты не похожъ. Рохля ты. Вотъ оно какъ. Рохля! И воевать тебѣ на печи съ тараканами.

— Не гнѣвайся ты, ради Христа, на хвораго человѣка. И глазъ у тебя въ гнѣвѣ нехорошій какой. Ну, садись. Ну, сдаю. Ну, знаешь что... Ну... ну давай по гривеннику... то-есть по пятаку, по пятаку.

— Пошелъ ты!

— Ну по гривеннику... Нѣтъ! По гривеннику много. Это вѣдь десять разъ и рубль-цѣлковый. Не кобенься ты, хвораго человѣка не мучай. Того гляди докторъ пріѣдетъ — вотъ те и игра!

— Идетъ. По пятаку, такъ по пятаку. Только не игра пятакъ, а карта пятакъ. Со сколькими картами остался, столько и пятаковъ на бочку. Сдавай!

— Это какъ же! А если картъ полны руки?

— А ты такъ, чтобы не полны руки. На то голова человѣку дадена.

— Я такъ что-то и не пойму. Тутъ разсчетъ нуженъ особенный при такой игрѣ.

— Вѣдь, я же буду играть.

— Ты вонъ въ клубѣ игралъ съ генералами.

— То когда было. Да въ клубѣ и не въ тѣ игры играютъ. Сдавай! Не хочешь, прощай, ухожу. Песъ съ тобой.

— Не гнѣвайся ты! Не гнѣвайся! Гнѣвъ къ человѣку хворью прилипаетъ. Не знаешь? А хворому и подавно... Ну, сдаю. Господи благослови! Попробую, да и закаюсь. Только чуръ: подъ руку не говорить, коли на деньги. А то ты все слова разныя подъ руку. И дама пикъ вѣдьма у тебя, и тузъ ударъ какой-то, и хлопоты еще какія-то. Ужъ безъ этого, Степанъ Степанычъ, пожалуйста. Долго ли спутать хвораго человѣка. Напугаешь, я и проиграю.

Играли. Картами перебрасывались.

Хныкалъ, вскакивалъ, бѣгалъ вокругъ стола, брюки рыжія подтягивая, второй сычъ желѣзнаго старика.

— Нѣтъ, ужъ эту игру ты не считай, ради Христа. Шутка ли, полъ-колоды надавалъ. Ошибся я тогда по началу. Мнѣ бы пятокъ, а я козыря пожалѣлъ.

— А ты не жалѣй. Давай тринадцать пятаковъ. Шестьдесятъ пять копеечекъ съ васъ, Доримедонтъ Яковличъ. Шестьдесятъ пять копеечекъ.

— Не дамъ я тебѣ. Не дамъ. Не могу я. Третью игру проигрываю. Не буду на деньги. Безъ денегъ-то я какъ игралъ! Намедни кто кого! А? Кто кого? А съ пятаками съ этими умъ за разумъ...

— Или давай, или запишу.

— Не записывай ты, Христа ради. Не записывай, положи карандашъ. Христосъ тебя знаетъ, что ты тамъ запишешь Брось! Брось карандашъ, говорю. Не мучай ты хвораго человѣка. Долго ли до грѣха. Охъ, батюшки, рѣзь опять. Охъ, мочи нѣтъ. Налей ты мнѣ коньячку, Степанъ Степанычъ. Охъ, разбойники, прости Господи... Лекарства всѣ мои, настоечки отняли.

— Коньячку это можно. Только, гляди, записываю. Записалъ, хи-хи... Записалъ ужъ. Записалъ. И двадцать четыре часа тебѣ сроку. Чуть что—пулю въ лобъ. Я тебѣ и револьверъ приволоку. У сына стащу и приволоку. Придется тебѣ на старости лѣтъ стрѣляться. Пифъ-пафъ! И крышка.

Всталъ, заоралъ:

— Пифъ-пафъ!

— Ой, не пугай. Ой, рѣзь... мочи нѣтъ... Ой, ой... Вотъ на полтинникъ. Подавись, прости Господи. Отстань, не искушай.

— Полтинничекъ? Давай полтинничекъ. Вотъ мы сюда, его въ кармашекъ мы его. А за тобой запишемъ пятиалтынничекъ. Пятнадцать копеечекъ за Доримедонтомъ Яковличемъ числится. Только стрѣляться-то все одно приведется. Что изъ-за шестидесяти пяти, что изъ-за пятнадцати.

— Разорви бумажку! Разорви! Разорви! Вотъ пятиалтынный.

— Давно бы такъ. А только мнѣ все одно. Хочешь сейчасъ плати, хочешь на запись. Между благородными людьми всегда такъ. Только правило: двадцать четыре часа. Двадцать четыре часа, и пулю въ лобъ. Ну, садись, племянничекъ. Садись, сдавай, отыгрывайся.

— Не буду я. Измучилъ ты меня.

— А то по гривнѣ карта? За одинъ разъ отыграешься.

Ходилъ, бѣгалъ согнувшись Доримедонтъ, брюки подтягивая. Передъ образомъ златоокладнымъ въ углу остановился. Крестился долго и кланялся. И боязливо и торжественно молвилъ, къ столу подойдя:

— Ладно. По гривеннику карта. Отыграюсь и съ тебя еще выиграю. Голосъ мнѣ былъ. Только уговоръ: коли проиграю что пока, плачу когда уходить будешь. И не записывай ты, я самъ записывать буду.

— Ладно. Идетъ. Мнѣ хоть завтра плати. Двадцать четыре часа.

— Оставь ты страхи! Оставь страхи. Сиди, молчи, въ карты гляди, а на меня не гляди и не приговаривай.

Играли долго. Изъ конторы внизу народъ разошелся. Семенъ Яковлевичъ къ Доримедонту поднялся. Молча съ обоими поздоровавшись, къ столу сѣлъ. По стакану чаю слуга всѣмъ подалъ. Около Семена Яковлевича полоскательную чашку серебряную поставилъ. Съ холодной водой. Въ воду Семенъ стаканъ ставитъ, въ холодную. Вредно пить чай горячій. Безъ скатерти столъ длинный, длинный, узкій. Тотъ, на которомъ недавно еще обѣды еженедѣльные, многоявственные, сынамъ, дочерямъ и внучатамъ вдова желѣзнаго старика предлагала во славу великаго рода, во славу и въ память великаго старика отошедшаго, тѣни портреты коего и здѣсь, въ столовой горницѣ, и рядомъ, въ тихой гостиной, гдѣ все подъ чехлами спитъ, и тамъ, въ конторѣ, гдѣ дѣла Семеновы съ каждымъ мѣсяцемъ тише.

Не говоритъ Семенъ. Возгласовъ играющихъ двухъ не слышитъ. Въ даль глядящіе глаза печаль смутную неизбѣжную, будто жемчужную ризу иконную видящіе, открыты кругло. И, не замѣчая того, покашливаетъ, головой крутитъ, ложечкой чай студитъ.

— Сема, Сема! Что онъ со мной дѣлаетъ. Опять подъ-руку подговаривалъ, опять обыгралъ.

— Ну, прощай, Доримедоша. Пора мнѣ. А къ тебѣ скоро докторъ. Да ты бы прилегъ.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ? Зачѣмъ? Я, вѣдь, здоровъ, Сема. Совсѣмъ здоровъ. Только пришли ты мнѣ, Христа ради, лекарства мои. У Макара въ дому настоечки мои всѣ остались. Въ буфетной комнатѣ такъ всѣ и остались. Рѣзь въ животѣ.

— Пришлю. Прощай.

Отъ Нюнина отвернувшись, и тому руку тихую подалъ, не пожалъ. Жалъ подобострастно Нюнинъ, слюну изо рта пустивъ на грязный вшивый сюртукъ свой.

— Ну, а теперь и опять выпить не грѣхъ. Только такъ не хочу. Я человѣкъ бѣдный, женой и дѣтками ограбленный. Сегодня есть коньячокъ, а завтра нѣту. Такъ не могу. Ты мнѣ, племянничекъ, по четвертаку за рюмку будешь платить. А настоечки приволоку, ну за настоечку по гривнѣ, что ли.

— Что ты? Что ты?

— Мнѣ что. Не пей. Отъ живота въ одночасье помрешь, коли во время спиртного не выпьешь. Потому—алкоголь.

— Давай-давай-давай! Я запишу. Ну, и мучитель ты. Грѣхъ тебѣ.

— Вотъ и не грѣхъ. Пропалъ бы ты безъ меня. А я завтра тебѣ полбутылочки. На рюмки дома разочту и приволоку.

И приволоку. А не хочешь—не надо. Только помрешь тогда. Тебя сюда зачѣмъ запрятали? А? Какъ полагаешь, племянничекъ? Спроста, думаешь, настойки твои отняли? Спроста тебѣ чужой докторъ какія-то снадобья прописываетъ? А въ сумасшедшій домъ желаешь? Желаешь, хи-хи... Желаешь?

— Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй! Уморишь ты меня... Нельзя хворому человѣку...

— Это не я тебя уморить хочу. Не я. А ты сдавай-ка лучше. Да ты записалъ ли? Два гривенничка. Два гривенничка. Молодчинище! Съ двумя картами умудрился. Этакъ ты мигомъ отыграешься. А два гривенничка запиши.

— Да мы по пятаку начали.

— По пятаку? А голосъ тебѣ былъ. Забылъ? Забылъ? Вотъ грѣхъ-то какой тебѣ зачтется.

— Молчи ты! Молчи ты! Типунъ тебѣ. Мучитель ты. Вотъ ты кто.

Крестился и сдавалъ карты.

Вошелъ слуга.

— Докторъ пріѣхали.

Попрятали карты. По карманамъ и рюмки. Ротъ пополо-

скалъ чаемъ Доримедонтъ. Карамельку мятную сосетъ. Вошелъ докторъ. На Степана Степаныча не взглянулъ. За карамельку пожурилъ ласково.

— Нельзя, нельзя конфектъ. Ну, какъ нашъ животикъ? А на операцію все согласія не даемъ. А?

— Что вы! Что вы! Помилуй Богъ.

— А нужно бы. Ну, мы съ вами завтра поговоримъ. Что-то вы сегодня разстроены. Или сна нѣтъ?

— Слава Богу. Только вотъ рѣзь. И отъ лекарства хуже. Вы ужъ настоечки мои мнѣ верните. Христомъ Богомъ прошу... У Макара...

— Ай-ай-ай...

Скоро уѣхалъ. Продолжали играть въ дурачки. Чай слуга приносилъ не разъ въ стаканахъ. Таясь выпивали по рюмкѣ коньяку.

Заговоръ всѣхъ на смерть его и проигрышъ. Заговоръ и проигрышъ. Два страха бороли душу Доримедонта. Жалкія слова говорилъ, по комнатѣ бѣгалъ, брюки поддергивая. Передъ иконой угольной крестился: слыша молчаніе дома, ждалъ голоса. Стали играть по двугривенному.

Три раза подрядъ выигралъ Доримедонтъ. Не отыгрался еще. Но ликовалъ. Шутилъ-насмѣхался. А красннолицый Степанъ Степанычъ:

— Хи-хи... Вотъ если теперь по полтинничку, и скажемъ, если я съ пятью картами, то ты ужъ шесть гривенъ въ выигрышѣ.

Молился. Долго голоса ждалъ. Степанъ Степанычъ коньячкомъ баловался пока.

— Сдавай, Степанъ Степанычъ!

— Что? Или голосъ?

— По сорока копеекъ.

Играли. Писалъ Доримедонтъ. Черезъ столъ склоняясь, глядѣлъ-провѣрялъ Нюнинъ, хихикая, слюной брызгая.

Когда вошелъ слуга и сказалъ безучастно:

— Степанъ Степанычу уходить пора, время;

На бумажкѣ Доримедонта было написано: 14 рублей 50 копеекъ.

— Ну, голубчикъ, еще полчасика. Что это ты такъ ужъ...

— Не приказано. Время вамъ спать укладываться. Пожалуйте, Степанъ Степанычъ...

— Ну, прощай, племянничекъ, коли такъ. А должокъ? Записать прикажешь? Или отдашь?

— Да у меня записано. Смотри вотъ. Завтра отыграю· Смотри. Записано.

— Видалъ. Не платишь? Ну, я самъ запишу.

Изъ кармана бумажку вынулъ. Писать началъ.

— Да какъ ты? Да что ты? Вѣдь, уговоръ былъ—я пишу. На своей запискѣ. Брось бумажку! Брось бумажку!

— Ты на своей записывай. А я на своей. Ты свою разорвешь—и квитъ мы. А я тогда свою представлю: съ почетнаго гражданина—имя рекъ—слѣдуетъ мнѣ—имя рекъ—четырнадцать рублей пятьдесятъ копеекъ. И двадцать четыре часа. А потомъ, коли что, пифъ-пафъ.

— Сгинь-сгинь-сгинь пропади! Вотъ тебѣ трешница. Порви только! Порви!

— Давай трешницу. Давай. На тебя же изведу, коньячокъ завтра приволоку. Поди въ кармашекъ, трешенка, въ кармашекъ поди. А со счету мы скинемъ. Одиннадцать, стало-быть, съ полтиной. Готовь завтра, какъ приду. А то знаешь, племянничекъ, пожалуй, завтра не приду я. А револьверчикъ тебѣ пришлю. Въ коробочкѣ изъ-подъ конфетъ пришлю. Въ коробочкѣ. Откроешь ты коробочку и пифъ-пафъ! Честь-то и спасена. И я во фракѣ за гробомъ пойду, и рѣчь скажу. Умеръ, дескать, честнымъ человѣкомъ.

— Ой-ой-ой-ой! Возьми подавись,—прости Господи... Да и нѣтъ у меня денегъ такихъ.

Разворачивалъ бумажки газетныя, конверты вытаскивалъ изъ кармановъ. Кредитные рубли считалъ, къ окну отойдя... Только рублевки были. И серебро. Перекладывалъ, считалъ.

— отъ. Уходи. Завтра отыграюсь. Приходи непремѣнно. И принеси. Принеси. Знаешь? Настоечки...

— Да тутъ полутора рублей не хватаетъ. Прощай! Я запишу. Пифъ-пафъ!

— Стой-стой-стой!

Ночью страшные сны. Приходили грабители. Все отобрали, грозились:

— Въ государственный банкъ теперь!..

Просыпался.

— Ну! Въ государственный банкъ!..

Приходили дни и отходили. Проигрывалъ Доримедонтъ Степану Степанычу.

Братъ Семенъ приходилъ ежедневно. А послѣ него докторъ. И говорилъ докторъ про операцію. се настойчивѣе. Открещивался. За животъ хватался, настойки свои вернуть просилъ жалобно. Тридцать два рубля Степану Степанычу проигралъ. Тридцать два рубля днемъ и ночью передъ Доримедонтомъ.

— Отыграть? Или не отыгрывать? И по скольку карта?

Приходили дни и отходили въ ночь.

Хихикающій, красный, слюнявый Нюнинъ Степанъ Степанычъ, приходилъ ежедневно. Безмѣрно радовался: не къ кому было ему ходить. Доримедонта пугалъ, настойку ему продавалъ по рюмкамъ. И съ меньшимъ, чѣмъ за карты томленіемъ, отдавалъ четвертаки и гривенники Доримедонтъ за спиртное.

Уходили дни и приближали Доримедонта къ смерти. И боясь смерти, какъ чорта, не чуялъ шаговъ ея приближающихся. Еженощно думалъ о проигрышѣ. Карты на него ложились, на чутко спящаго, на кричащаго, какъ доски сосновыя.

Во снахъ путались боль и страхъ и любовь уродливая—любовь къ деньгамъ.

Не могъ остановиться. Ужъ сорокъ два рубля проигралъ Степану Степанычу. И на коньякѣ потерялъ да на наливкѣ двѣнадцать рублей.

Осунулось лицо Доримедонта. Ничего онъ не хочетъ, ни выздоровленія, ни счастья.

— Что счастье?—говоритъ Доримедонтъ Нюнину.—Счастья нѣтъ. И не нужно счастья. Я такъ. Я такъ. И безъ счастья можно. Это разные стихотворцы счастье придумали. А намъ съ тобой, Степанъ Степанычъ, на что счастье? А, какъ ты полагаешь? Мнѣ вотъ разъ женщина... Ты не вѣришь, а мнѣ женщина сказала: счастливый ты, то-есть я счастливый. Я много могу, Степанъ Степанычъ. А ты сдавай. Ты проигралъ. Ты проигралъ. Можетъ, я съ Господней помощью и отыграюсь.

Слуга вошелъ.

— Яковъ Макарычъ.

— Яша, Яша, Яша! Неужто пріѣхалъ? Изъ Петербурга Яша пріѣхалъ. Изъ Петербурга.

— Здравствуйте, дядя.

— Мундиръ-то на тебѣ... Мундиръ-то... Я, знаешь, тоже въ такомъ мундирѣ могъ-бы... Заканителился вотъ только... Смотри, Степанъ Степанычъ, это племянникъ мой.

— Какъ ваше здоровье, дядя?

— Здоровье, здоровье... Всѣ про здоровье, а настоекъ моихъ не присылаютъ.

— Это тѣ настойки, что у насъ? Хотите, дядя, я привезу.

— Привези, сдѣлай милость. Какъ не хотѣть! Какъ не хотѣть! Молю-молю... Только не вѣрю я. Всѣ обѣщаетесь. Не привезешь ты.

— Хотите сейчасъ, дядя?

— Христомъ Богомъ молю.

— Сейчасъ привезу!

А Степанъ Степанычъ ему удаляющемуся:

— Наслѣдничекъ. Наслѣдничекъ.

А за Яшей ужъ входная дверь закрылась, хлопнула.

Въ дурачки играли.

И пріѣхалъ Яша.

— Что, быстро я слеталъ? А вы говорили не привезу.

— Миленькій мой! Любименькій! Вѣдь, привезъ... Взаправду привезъ. Смотри, Степанъ Степанычъ, привезъ, вѣдь, Яша. Лекарства мои привезъ.

Руками дрожащими изъ плетушки бутылочки вынималъ, на столъ ставилъ, бумажки газетныя боясь порвать. Суетился, рукой прозрачно жолтой Степана Степаныча отстранялъ пугливо и забывалъ подтягивать сползавшіе брюки.

— Только ужъ я, дядя, все-то захватить побоялся. Десять пузырьковъ самыхъ безобидныхъ получите. А то у васъ на ярлычкахъ страсти разныя понаписаны. Мандрагора какая-то, лаванда тройная, всего и не упомнить. Можетъ, это такъ только а, можетъ, и нельзя. И потомъ: коли все стащить—замѣтятъ. А эти православныя настойки получайте. Но лучше припрячьте все-же. Я такъ разсудилъ: собственность вашу никто утаивать не можетъ, пока вы пользуетесь правами вмѣняемости. Кстати-же, болѣзнь ваша такова, что отъ этихъ снадобьевъ не ухудшится. И уважая права гражданина, не могъ не внять просьбамъ вашимъ, дядя.

— Какъ говоритъ! Слушай, Степанъ Степанычъ, какъ племянникъ мой говоритъ. Прокуроръ! Прокуроръ! Во мгновеніе ока заговоръ разрушилъ. Права униженнаго возстановилъ. А знаешь, Яшенька, знаешь, любименькій, во-время ты припожаловалъ. Я бы, вѣдь, подождалъ-подождалъ, да и настрочилъ бы жалобу господину прокурору.

Выпрямился на минуту Доримедонтъ, поглядывая на портретъ желѣзнаго отца своего, лицомъ справедливый гнѣвъ явить попытался и неумолимость.

— Ну, распѣтушился некстати! Ничего бы ты не написалъ никому.

— Молчи, Степанъ Степанычъ. Не знаешь ты меня. У меня характеръ бойкій. Только сдерживаю я себя, потому— грѣха страшусь. И потомъ еще: рожденъ я подъ планетою Сатурнъ, а Сатурну козелъ соотвѣтствуетъ, и потому на меня всякія напасти. Это понимать надо. Я вотъ тоже разъ... Давно это было. Колдунья одна погубить меня хотѣла. Ну, совсѣмъ-то не погубила. Не дался я. Красавицей-царевной прикинулась и

такое со мной сдѣлала, что и сказать нельзя. Только ни одинъ человѣкъ послѣ того не выжилъ бы. Ну, а я съ помощью угодниковъ оправился... И такимъ на нее, на колдунью, гнѣвомъ воспылалъ, что со свѣту сжить задумалъ. И жалобу пространную написалъ. Ее бы казни лютой предали бы игемоны, только жалобу я не послалъ: на-духу съ протопопомъ Львомъ, царство ему небесное, посовѣтывался. Онъ меня по добротѣ своей отговорилъ. Прости, говоритъ, и клятву съ меня взялъ, что жалобѣ я ходу не дамъ. Вотъ оно какъ, вотъ я каковъ, если во мнѣ гнѣвъ разжечь.

— А что съ тобой колдунья сдѣлала?

— Клятву далъ я на-духу. И не искушай. Знай только, что отъ гибели неминучей звѣзда моя тогда меня спасла:

— Это Сатурнъ?

— Не стану я съ тобой, Степанъ Степанычъ, про эти дѣла говорить... И въ евангеліи сказано... Яшенька, любименькій, спасибо тебѣ голубчикъ. Страхъ ты изъ души моей великій изъялъ. Спать теперь спокойно буду. Рѣзь у меня, Яшенька. Рѣзь въ животѣ, а тутъ заговоръ, и лекарства мои настоящія отобрали, спрятали, аки тати. Спасибо тебѣ. Какъ елеемъ ты по душѣ моей многострадальной. отъ-бы теперь мнѣ у этого разбойника отыграться, и вполнѣ-бы спокой воцарился въ душѣ. Ахъ, Яшенька! Прокуроръ ты. Смотри-любуйся, Степанъ Степанычъ, каковъ племянникъ у меня, Макаровъ-то первенецъ. Ужъ Макаръ орелъ первостатейный, а дѣтки его, можетъ, и его за поясъ заткнутъ. Племяннички-то, племяннички-то. Вотъ ты, Степанъ Степанычъ, книгъ настоящихъ не читалъ. А сказано: минуя сыновъ, ко внукамъ, случается, мощь переходитъ. Сюда повернись, Яша, сюда, сюда. Какъ у дѣда. Какъ у дѣда взглядъ. Орлистый взглядъ. Заворочаютъ дѣлами великими папашины внучата. Пуще отцовъ своихъ, его то-есть сыновъ. Вотъ къ примѣру хоть бы этотъ мундиръ. На что слава Корнутова велика; и съ министрами въ Питерѣ завтракалъ, и звѣздъ нахваталъ всякихъ, захотѣлъ — и викарія нашего смѣстилъ. Велика Корнута сила-мощь, а этакого мундира ему не достать. Это понимать надо. И времена нынѣ, слышно, не тѣ. Заворочаютъ дѣлами папашины внучата. Заворочаютъ. Держись, старики!

Пальцами прищелкнулъ и языкомъ, пуговицы бронзовыя поглаживая на сюртукѣ племянника. А Яша мрачно:

— Заворочаешь тутъ...

И на дядю поглядѣлъ и надеждою, и ненавистью безсильною. А на Степана Степаныча такъ, будто сказалъ-прошипѣлъ:

— Тебя-то чего сюда нелегкая занесла?

А тотъ, хихикая и слюну пустивъ, верещалъ:

— Наслѣдничекъ! Наслѣдничекъ!

— Да. Заворочаешь тутъ...

— А что? А что?

— А то, что развѣ вы папашу нашего не знаете? и всѣхъ нашихъ обстоятельствъ?

— А что? А что?

— А то.

— Это что крутенекъ Макаръ? Что крутенекъ? Это правда, что и говорить. Только отцы, всегда почитай, таковы. Можетъ, такъ оно и лучше. Вотъ намъ при папашѣ покруче еще приходилось.

— А вы бы, дядя, скляночки-то эти убрали-бы. Чего имъ здѣсь стоять. Гдѣ вы тутъ себѣ спальную опредѣлили? я снесу.

На Нюнина косясь въ плетушку бутылочки складывалъ.

— И то, и то припрятать. Ахъ, прокуроръ ты, Яшенька. Право слово, прокуроръ. А спаленка моя наверху. Тамъ-же, гдѣ и при папашѣ спалъ я. На антресоляхъ. И шкапчикъ у меня тамъ. Въ шкапчикъ мы всѣ бутылочки и покладемъ. Такъ-то оно ладно будетъ. Не разбей, Яшенька, ради Христа, не кокни. Степанъ Степанычъ, бумажки ты разгладь пока, да въ сторонку. Мы сейчасъ. Эту вотъ бутылочку, Яшенька, я ужъ самъ понесу. Самъ я. А ты плетушечку. Вотъ такъ. Вотъ такъ. Пойдемъ со Христомъ. Въ шкапчикъ и попрячемъ. Дальше положишь—ближе возьмешь. Такъ-то.

По лѣстницѣ по темной, по крутой поднимаясь, племянникъ Доримедонту:

— Нѣтъ, дядя. Вы не правы. Какое тутъ сравненіе возможно! Вы вотъ всѣ на полную волю вышли когда? Папашѣ моему тогда, кажется, и двадцати одного года не было. А остальные и съ младенчества на волѣ росли. Ну вы только съ дядей Семой постарше. Но вы и то въ разсчетъ возьмите: разница образованія чего-нибудь да стоитъ. Вы слушайте! Вѣдь, если папаша мой капиталъ свой получилъ на двадцать первомъ году, а прошелъ онъ всего три класса гимназіи, такъ выходитъ, если ужъ сравнивать, что какъ бы мнѣ, къ примѣру, на тринадцатомъ году мильонъ. А у меня и сейчасъ ни гроша. А я университетъ кончаю. И, можетъ, и черезъ двадцать лѣтъ ни гроша.

— Ахъ, прокуроръ! Одно слово: прокуроръ.

— Нѣтъ вы дальше послушайте, коли сравнивать вамъ охота. Сами же вы параллель провели. Вашъ отецъ, а нашъ дѣдъ капиталъ наживалъ. Такъ я говорю? Вы скажите, такъ я говорю?

— Такъ, такъ... Параллель говорить?

Бутылочки въ шкапчикъ ставили въ комнаткѣ, лампадкой озаренной; лампадкой передъ иконами окладными. Двѣ кровати стоятъ. На одной постель Доримедонтова. Другая такъ стоитъ, желѣзный скелетъ. Семенова кровать. Вынести не удосужились.

— Дѣдъ капиталъ наживалъ, и до нѣкоторой степени въ правѣ былъ сыновьямъ своимъ не довѣрять. Вы человѣкъ честный, дядя, лгать не станете. Вѣдь, народъ былъ все ненадежный?

— Что и говорить! Что и говорить! Однако, Семенъ голова. Ну и отецъ твой орелъ.

— Но, вѣдь, дѣдъ-то всѣмъ оставилъ! Поровну. И агнцамъ, и козлищамъ.

— Ахъ, прокуроръ! И козлищамъ. Именно, именно. Были и козлища. Премудрость.

— А вы слушайте, дядя. Дѣдъ былъ человѣкъ недюжинный. Рядовой человѣкъ тринадцати мильоновъ не наживетъ. Такъ почему же онъ въ завѣщанiи всѣмъ поровну? А? Почему онъ, скажемъ, одному дядѣ Семену всего не отписалъ, или, если въ папашу моего тоже вѣрилъ, то не двумъ имъ только? А всѣмъ поровну. И козлищамъ? Почему, я васъ спрашиваю? А?

— Загвоздка. Вотъ именно: почему? Не придумаю. Да, и козлищамъ. Поровну. Поровну. И мнѣ вотъ тоже... А почему? Ты то развѣ знаешь почему? Можетъ, папашѣ голосъ съ небеси...

— Нѣтъ, не голосъ. А потому, что вашъ папаша умный былъ человѣкъ. Коли бы онъ наслѣдника себѣ достойнаго искалъ, настояшаго наслѣдника, онъ бы ни дядѣ Семѣ ни копейки, ни моему папашенькѣ, ни козлищамъ,.. А взялъ бы онъ, да Рожнову Агафангелу все и отписалъ-бы. А то еще лучше— Ротшильду. У того бы изъ этихъ мильоновъ мильярдъ бы выросъ. А не по три процентика съ половиночкой. А онъ сыновьямъ поровну. И козлищамъ. Почему? Почему и зачѣмъ? Я васъ спрашиваю.

— А и вправду, почему и зачѣмъ? Не томи ты хвораго человѣка. Скажи, коли знаешь. Ты ученъ не по-нашенски. Разволновалъ ты меня папашей.

— А потому, что онъ роду своему всему завѣщалъ. Роду! Роду, а не сыновьямъ своимъ только. Почемъ знаю, думалъ онъ, вашъ-то папаша; можетъ, у козлища моего агнцы народятся? А? Вотъ у агнцовъ-то тогда и окажется капиталъ. И дѣло они мое продолжатъ и прославятъ имя. Внуки то-есть. А сыновьямъ бы онъ однимъ ни копейки. Разпрашивалъ я. Все узналъ. Не-

бось онъ васъ всѣхъ въ чорномъ тѣлѣ держалъ и къ дѣлу не подпускалъ. Роду, роду всему своему завѣщалъ. Роду!

— Премудрость. Вотъ что она, наука-то! Какъ на ладонкѣ ты все мнѣ разложилъ. Именно такъ. А то бы хоть и Ротшильду, правда твоя. Онъ, отецъ-то, насъ и костылемъ, бывало... И къ дѣлу ни-ни... Роду, роду своему...

— Роду. А что изъ этого слѣдуетъ?

— А что?

— А то, что если бы папаша вашъ изъ гроба теперь всталъ, то опять бы онъ кой-кого костылемъ!

— Это меня-то, что ли...

— Нѣтъ, дядя. Не васъ только. Но и васъ бы по головкѣ не погладилъ. Вѣдь, коли роду, всему роду, то встань онъ изъ гроба сейчасъ—что сказалъ бы онъ? А?

— А что сказалъ бы? Истомилъ ты меня, Яшенька, спуталъ. Въ мысляхъ у меня смятеніе. И страхи-ужасы. Изъ гроба всталъ...

— А сказалъ бы онъ такъ: я всему роду своему, а вы что тутъ дѣлаете! Почему внуковъ моихъ не видать? А? Или внуки мои малолѣтки еще? А? Или, можетъ, слабоумные они? А? Или малограмотны? А? Почему вы, коли сами дѣлъ настоящихъ не дѣлаете, внуковъ къ дѣлу не подпускаете? Вѣдь, внуки они мнѣ, мой то-есть родъ. Внукамъ и правнукамъ завѣщалъ. Роду моему, всему роду грядущему. А то бы я Ротшильду. Ротшильду! Или въ казну, что ли.

— Прокуроръ! Прокуроръ! Въ казну, говоришь?

— А вы слушайте. И созвалъ бы вашъ папаша, изъ гроба вставши, внуковъ своихъ. Меня бы позвалъ, Витю, Антошу. И сказалъ бы намъ: Здраствуйте, господа! это вы мои внуки? Мы. А кто вы такіе, то-есть, что вы знаете и что вообще за люди? А вотъ мы какіе люди: одинъ изъ насъ университетъ завтра кончаетъ и на другой факультетъ думаетъ поступить; второй тоже ученъ и въ своемъ дѣлѣ силенъ настолько, что въ заграничныхъ газетахъ про него пишутъ; ну, третій тоже въ университетъ ѣдетъ; ну, остальные, младшіе, растутъ, учатся, не хуже насъ будутъ. Такъ! сказалъ бы дѣдъ; молодцы вы; а много ли изъ моихъ милльоновъ, роду моему мною накопленныхъ, сыновья мои вамъ, внуки мои милые, предоставили, чтобъ могли вы примѣнить къ дѣлу силы свои и знаніе? Мнѣ, дѣдушка, семьдесятъ пять цѣлковыхъ на прокормъ сынокъ твой жалуетъ. Это я ему. Антоша отвѣтилъ бы: Ну, и мнѣ тоже. А Витя бы сказалъ: А мнѣ ни копеечки, дѣдушка; у чужихъ людей зарабатываю великимъ искусствомъ своимъ. Вотъ оно какъ. Тогда бы дѣдушка прослезился. А поплакавъ спросилъ бы насъ: А

какъ папашенька вашъ дѣла мои продолжаетъ? Да какъ! Лошадокъ покупаетъ, клумбы разводитъ, фонтаны разные; Ну, дворецъ себѣ выстроилъ. Вотъ тогда бы дѣдушка за костыль-то и схватился бы. Да во славу Божію разъ! разъ! разъ!

— Воистину, воистину. Ахъ, Яшенка... Какъ же теперь быть...

— Изъ гроба-то всталъ, страшный-престрашный, да разъ! разъ! разъ!

— Ой-ой-ой! Страсти-ужасы...

По спальной горенкѣ забѣгалъ согнувшись и накрещиваясь быстро.

Яша на кровати его сидя, ногою помахивалъ, думалъ:

— Къ главному бы по ловчѣе подступить. Налаживается.

И подушку дядину рукою мялъ, боясь какъ бы справедливый гнѣвъ не покинулъ его, прокурора, на высшей точкѣ рѣчи его.

— И всѣмъ вамъ отъ дѣда влетѣло бы.

— Господи, Боже мой!.. И мнѣ, Яшенька?

— Пожалуй, вамъ, дядя, покрѣпче всѣхъ Это, Доримедонтъ, не плохо,—дѣдъ бы вамъ сказалъ,—что ты на пустыя затѣи да на ордена съ медалями родовыхъ капиталовъ не тратишь. Но этимъ самымъ ты—дѣдъ-бы сказалъ—сугубо грѣшенъ. И за Корнутовы грѣхи грѣшенъ, и за Макаровы, и за Шебаршинскіе даже.

— Какъ такъ? Какъ такъ? Ужъ если на то пошло, то старшій то вѣдь Семенъ. Съ него спросится. На судилищѣ-то...

— То особь-статья. А ты, Доримедонтъ—это дѣдъ бы сказалъ, и за ордена эти дурацкіе грѣшенъ, и за лошадничество, и за бронзовыя рѣшотки вокругъ огородовъ, и за все! И сугубо! Сугубо! И не сынъ ты мнѣ! И я тебя прок...

Всталъ Яша. Руку простеръ. Слова не досказалъ, давъ время дядѣ закричать:

— Ой ой ой! Не надо! За что? За что?

Гудѣлъ Яшинъ голосъ. Рука простертая не дрожала. Замогильный голосъ и пуговицы бронзовыя, лампадкой трепещущей озаренныя, пугали Доримедонта неистово.

— За то, что завѣщанія у тебя нѣтъ. А всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Въ случаѣ чего куда мильоны твои пойдутъ? На дѣло? Нѣтъ! Не на дѣло, а на Корнутовы ордена, на Макаровыхъ коняшекъ съ фонтанами, а то и въ Шербаршинскій кабачокъ. Макаръ съ Корнутомъ мильоны мои, отцовскіе, на бирюльки тратятъ. И тѣмъ самымъ они дѣлу моему убійцы. А ты, Доримедонтъ, убійцамъ ножъ изъ подъ полы передаешь. А потому за соучастіе, за подстрекательство въ Сибирь на вѣчныя време-

на... то-есть тамъ, на страшномъ судѣ... А я, отецъ твой, тебя про...

Зашатался Доримедонтъ. Предъ иконами на колѣни палъ. Ницъ распростерся, страшась на огонекъ лампадный глядѣть, на трепещущій.

Лобъ платкомъ вытеръ Яша. Улыбнулся доброй улыбкой. Ждалъ. Вотъ обезпокоенный къ дядѣ подошелъ къ недвижимому. Къ плечу притронулся.

— Съ нами Богъ! Съ нами Богъ!

— Это я, дядя. Успокойтесь.

На кровать усадилъ. Водой напоилъ. Дрожалъ Доримедонтъ частой дрожью.

— Батюшки мои! Яшенька, что же это такое. Не думалъ, не гадалъ...

— Вы ужъ, дядя, простите, что напугалъ. Только я не виноватъ... На меня вдохновеніе... духъ накатилъ. Голосъ я съ небеси слышалъ и только передавалъ. А спрашивали вы сами. Стало быть, вамъ голосъ.

— Мнѣ, мнѣ, Яшенька. Мнѣ многогрѣшному. Неужто-жъ смерть моя близится...

— Ну, причемъ тутъ смерть! А ужъ если на то пошло, то голосъ вамъ черезъ меня не пустячки говорилъ. Завѣщаніе-то слѣдовало-бы. Конечно, въ завѣщаніи какъ сами пожелаете.

— Какіе ужъ тутъ пустячки, Яшенька. Да что тутъ думать. Разумно ты говорилъ. Хоть-бы и голосу тебѣ не было, разумны слова твои. Какъ бы папашу покойника слышалъ я. И голосъ похожъ. Такъ оно все и есть. Вижу я теперь. И папаша за внуковъ своихъ на насъ гнѣвается теперь. Безпремѣнно гнѣвается. И нужно-бы мнѣ племянникамъ... Нужно-бы... Только ужъ, Яшенька, не гнѣвайся ты на меня, на хворого, не могу я завѣщаніе... Не могу. Не разъ въ нощи видѣніе было. Голосъ. Не пиши, говоритъ, завѣщанія. Напишешь, въ тотъ-же часъ помрешь. И еще вотъ говоритъ: портретовъ съ себя снимать не давай. Тоже въ одночасье, говоритъ...

— Семенъ Яковличъ пришли. Въ столовую пожалуйте.

То голосъ снизу.

Зашепталъ Яша спѣшно.

— Предразсудки, дядя. Предразсудки. Только вы не подумайте чего. Я, вѣдь, для вашего же спокойствія. Человѣку нѣтъ спокойствія, коли онъ долгъ свой сознаъ и долга того не выполнилъ.

— Ахъ, Яшенька, умница ты. И люблю я тебя. И хоть мудры слова твои, а разстроилъ ты меня въ конецъ. Дума от-

нынѣ эта самая замучаетъ меня, загложетъ. Внизъ идти надо, къ Семену.

— А вотъ вы, пока что, дядѣ Семѣ послѣднюю волю свою и разскажите... То-есть думу свою... Думу-то эту самую.

— Такъ, такъ. Это ты вѣрно. Брату старшему сказать, оно и полегчаетъ. А отъ словъ ничего не станется. Это не бумагу писать гербовую. Такъ, такъ. Спасибо тебѣ, племянничекъ, что надоумилъ. Эхъ племяннички, племяннички! Кому-же какъ не вамъ. Молодцы вы, племяннички. Орлы, орлы.

По ступенямъ въ темнотѣ осторожно спускались.

— Да, Яшенька любименькій, что я тебя попросить хочу... Въ субботу Ирочки, сестрички твоей, рожденіе праздновали. Ну, на меня часъ тогда жалостливый нашелъ. Послалъ я ей съ садовникомъ яичко. Яичко у меня хорошенькое было, точеное. А въ яичко я четвертачокъ положилъ. А четвертачокъ старинный. У орла на немъ крылышки этакъ внизъ. И сталъ я съ той поры пуще этому разбойнику, Степану Степанычу, проигрывать. И такъ полагаю, что тотъ четвертачокъ счастливый былъ. Такъ ты мнѣ, Яшенька, его привези ужъ, сдѣлай милость. Мнѣ не жалко. А только счастливый. А если ей четвертачокъ нуженъ, такъ пусть ей мамашенька, Раиса Михайловна, другой дастъ. А яичка ты у нея не отнимай. Пусть играетъ: мнѣ не жалко.

— Хорошо, дядя. Привезу.

XVI.

Опять засверкало, запѣло венеціанское лѣто. Днями чаруетъ золотыми; а въ золотѣ и голубое, и бѣлое. Ночами дурманитъ сказочными; а въ сказкѣ лодки чорныя, каналы и дворцы.

— Да, Викторъ. Здѣсь не страшно въ небо глядѣть И не стыдно. Почему такъ мало красоты на землѣ! Почему живемъ некрасиво! Вся земля, всѣ города земли и городки, и села могли-бы быть по крайней мѣрѣ не уродливы. Подумать только! Сколько труда ежедневнаго земля въ себя беретъ. И вотъ даже въ Италіи, въ прекраснѣйшей странѣ, едва ли не одинъ городъ цѣльной красоты—это Венеція! Можетъ быть, мысли твои впитала я, Викторъ, но и теперь, и всегда онѣ и мои. Но, Викторъ, больно мнѣ. Страшно мнѣ за людей. Вѣдь, пишутъ, спорятъ, кричатъ. И вотъ живутъ, уродствами всякими окруженные. Вѣдь, можемъ! Можемъ! Лѣтъ въ сто всѣ города могли-бы сдѣлать мы прекрасными. Но почему? Эти столѣтія идутъ, а все не то. Почему? Почему, Викторъ? Особенно въ свое вѣрить хочется, въ руское. Вѣдь, сколько у насъ людей идейныхъ...

— Скучно, Юлія. Вотъ болтаешь ты, и нѣтъ праздника глазамъ твоимъ. И мнѣ мѣшаешь. Ну, вотъ и совсѣмъ помѣшала. Отвѣтить захотѣлось. Спрашиваешь: почему? Видала ты что нибудь безобразнѣе русскаго города? Не видала? Ну, и я не видѣлъ. А въ каждомъ безобразномъ русскомъ городишкѣ всѣ способные на что-нибудь люди лѣтъ съ шестнадцати только и думаютъ о томъ, какъ-бы такъ сдѣлать, чтобъ всѣ города на землѣ были прекрасны и жизнь всѣхъ людей, непремѣнно всѣхъ, тоже прекрасна чтобъ была. И что-же дѣлаютъ такіе строители жизни? Ходятъ они другъ къ другу по гнилымъ мосткамъ съ закопченнымъ фонаремъ. И получаютъ свое удовольствіе въ спорахъ, кто скорѣй земной шаръ въ порядокъ приведетъ: Вася или Ваня. И по чьей системѣ. Вася къ Ванѣ, Ваня къ Васѣ въ-гости ходятъ лѣтъ, этакъ, до тридцати. Чаю они за этотъ срокъ выпьютъ столько, что въ городишкѣ сыри и гнили еще прибавится. Ну, мостки тоже совсѣмъ протопчутъ. Тутъ, глядь, жениться пора. Другъ къ другу Вася и Ваня въ гости не идутъ; некогда; да и не пройти: мостки провалились, грязь по колѣно. А тамъ новые Васи да Вани подрастаютъ.

Взоръ свой отъ взора засмѣявшагося отвела, потупилась. Руку за бортъ гондолы опустила, струями теплыми играетъ. Обиженныя слова·

— Не лги, Викторъ. И не оскорбляй родину. Родина—святыня.

— Родина, родина... Ну ее! И противна мнѣ эта уѣздная философія. Или опять про миссію Россіи?

— Да. Да. Про великую миссію Россіи. И какъ-бы ни оскорблялъ ты Россію, она тебѣ мать. И если ты сдѣлаешь свое большое, ты во имя ея сдѣлаешь. И если себя прославишь, ее прославишь.

— Скучно. Родина! Мать! Вотъ я отъ матери и отъ отца ушелъ. И не жалѣю. И никакихъ раскаяній блуднаго сына не испытываю. Приведется свинымъ кормомъ питаться, и тогда не возвращусь. А возвращусь — подлецъ буду. И къ чорту тогда меня. А вотъ что. Если русскіе люди вредны сантиментальностью своей и кисляйствомъ, то русскіе евреи подавно. Вотъ хоть тебя взять...

— Викторъ!

— Что? Невыгодное вы племя. Видѣлъ многихъ, и не хотѣлъ-бы быть въ вашей шкурѣ. Хотя, полагаю, сладилъ-бы...

— Не стыдно тебѣ? Не грѣхъ? Ты про что?

— Про то, что хорошій еврей изъ каждыхъ сутокъ своей жизни теряетъ по нѣскодько часовъ на думы о томъ, что онъ еврей. А такъ какъ тема эта, во всякомъ случаѣ, второго сорта,

то хорошимъ евреемъ быть невыгодно. Такъ-же, какъ хорошимъ русскимъ, хорошимъ нѣмцемъ. Невыгодно для роста болѣе вѣчныхъ идей. У васъ-же эта невыгода особенно ярко сказывается. Живи я пять тысячъ лѣтъ, я, пожалуй, согласился-бы быть хорошимъ евреемъ или хорошимъ русскимъ. А такъ какъ смерть моя поближе, то отказываюсь. Некогда.

Боль обиды перемогла.

— Неужели въ тебѣ, правда, нѣтъ любви къ родинѣ? Безсознательнаго влеченія?

— Мало развѣ въ насъ глупо-дѣтскаго прячется? Бороться надо. И это не наше дѣтское даже. Это отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Бороться! Искоренить! А въ борьбѣ этой помощь надо брать хотя-бы изъ сравненія переживаемаго времени съ вѣками протекшими и грядущими. Изъ-за пустяковъ другъ друга на кострахъ жгли. Читаемъ и ужасаемся. А сами поступаемъ такъ, что правнуки, глядя на послѣдствія нашихъ пустяковъ, ужасаться будутъ и скажутъ про насъ, то-есть - про васъ: дикари. Нѣтъ спасибо! Пустячки свои сами жуйте. А мнѣ дай Богъ успѣть себя понять. Себя, по существу вѣчнаго, но сознавшаго, къ сожалѣнію близость часа смертнаго.

Улыбнулся, скосивъ глаза на струю подъ весломъ жемчужную. Медлительно:

— ...Да. Къ сожалѣнію понявшаго смерть. Впрочемъ, жалѣть и раскаиваться—этого мнѣ еще не хочется. Венеція со всѣми ея ужасами пытокъ и тюремъ, ядовъ и кинжаловъ глазамъ моимъ пріятнѣе какого-нибудь грязнаго поселка духоборовъ. А въ душѣ моей я строю такую же Венецію. И не мнѣ разрушать ее. И не мнѣ осуждать ее или сожалѣть о ней. Basta!

Молчали. И отводила взоръ отъ взора Виктора. И думала:

— Да, такъ. Конечно, правъ онъ.

И тотчасъ.

— Нѣтъ. Не правъ. Не правъ.

И когда подплывала гондола къ дому тому, гдѣ жили они, сказала, въ глаза Виктора стараясь заглянуть сквозь тьму:

— Жестокій ты.

Въ мансардныхъ комнатахъ, въ двухъ, одну изъ которыхъ можно почесть за мастерскую, зажегъ Викторъ всѣ свѣчи, всѣ лампы. Изрѣдка вѣтерокъ-дыханіе по кошачьи огоньками играло ночными.

Передъ картиной неоконченной, упиравшейся и въ полъ, и въ потолокъ, сидѣлъ Викторъ ночной. Со стола рюмку поднималъ. Пилъ коньякъ. Отходила, подходила Юлія полураздѣтая.

Спать хотѣла. И обидно ей быдо, что не смотритъ на нее Викторъ. И молчала. Вотъ сказалъ:

— Недоволенъ картиной. Рано. Вторая картина...

— Недоволенъ? А первой доволенъ?

— Да.

— Говорятъ: эта лучше. Всѣ, кто видѣлъ. И не кончена еще. Ложись спать, Викторъ, милый. Завтра раньше встанешь. Самъ говорилъ: здѣсь послѣ полудня нельзя.

— Зато послѣ четырехъ можно. Да не въ этомъ дѣло. Ты вотъ хозяйствомъ занялась. А не надо. Ты спать. А я не спать. И говорю тебѣ объ этомъ—тоже нехорошо. И что ты здѣсь— тоже не хорошо. Нужно быть человѣку одному. Впитывать нужно крупинки мудрости всѣхъ людей, а жить человѣку одному. Одному. И это моя ошибка, Юлія, что я съ той живу. Не надо. Не надо вмѣстѣ. Никому не надо.

Насторожилась обиженная женщина. На ту спину глядя, на согбенную врага своего любимаго, сказала. А хотѣла кинуться и растерзать.

— Зачѣмъ же призвалъ меня? Самъ ты хотѣлъ меня. Самъ хотѣлъ.

— Неужели ничего больше не скажешь?

— Нѣтъ, скажу! Скажу: живи одинъ.

— И только? Даже Степа Герасимовъ сказалъ бы больше. Онъ понялъ бы, что вотъ кто-то сидитъ передъ недоконченной картиной своей. Степа понялъ бы и спросилъ бы, робко спросилъ бы: вотъ здѣсь такъ у тебя, вотъ здѣсь, вотъ здѣсь, такъ и останется? А я бы ему отвѣтилъ: вотъ здѣсь у меня такъ и останется, а вотъ здѣсь у меня такъ не останется. Это Степа. Это не ты. Не ты.

Пилъ. И наливалъ опять въ рюмку. И не видѣла конца. И картину зловѣщую обѣгалъ взоръ ея. Картину Виктора «Vita nostra». Но сказала:

— Ты скоро будешь опять одинъ.

— Это хорошо.

Не знала, что сказать. А молчаніе ее томило.

— Картина! Смотри на мою картину! Я хочу, чтобъ ты смотрѣла на мою картину!

— Викторъ, милый, спать... Ну смотрю. Смотрю. Ну, хороша. Вѣдь, говорили мы. Но, вѣдь, надо же ее окончить. А ты, Викторъ...

— Знаю.

— И еще, милый мой: не пора ли тебѣ уѣхать отсюда. Красиво, великолѣпно. Но людей нѣтъ. Туристы. Только со мной говоришь. И усталъ ты здѣсь за зиму. Одиночество погубитъ

тебя. Осень скоро. И въ Римъ. Въ Римъ. Или въ Парижъ. Даже въ Петербургъ. Даже въ Москву! Останусь я съ тобой или не останусь — уѣзжай. Не губи себя, Викторъ. Нельзя здѣсь, въ этой мертвой красотѣ, въ безумной. Посмотри. Здѣсь живутъ по недѣлѣ, ну, по мѣсяцу. И убѣгаютъ. Посмотри, здѣсь родившіеся бѣгутъ отсюда, чуть лишнюю тысячу лиръ скопятъ. Посмотри на Большой каналъ: дворцы родовой аристократіи пустые стоятъ. Бѣгутъ! Бѣгутъ отсюда! И понимаю. Первые дни успокаиваетъ она, эта тишина. А вскорѣ... Помню въ прошломъ году, къ осени... Да если бы я здѣсь зиму прожила... Викторъ! Измучила меня Венеція твоя. Гробъ повапленный. И за тебя я измучилась. И ты за годъ мертвый сталъ. Еще болѣе мертвый. И ты, и ты завтра станешь гробъ повапленный. Гробъ повапленный. Бѣги отсюда. Бѣжимъ, бѣжимъ вмѣстѣ, если хочешь, чтобъ я съ тобой.

Говорила криками струнъ обрывающихся, на него, на тусклаго глядя взорами, просящими жизни. И видя, что вотъ засверкали глаза его жизнью ли молодою, чѣмъ ли инымъ, все чаще, все рѣзче струны криковъ своихъ обрывала, тѣшила душу измученную.

И городомъ-гробомъ измучена душа ея была. И тѣмъ еще, что вотъ изумлена горемъ-счастьемъ своимъ, давно жданной неожиданностью, праздникомъ муки крестной тѣла женскаго. Но крѣпки еще струны. И сама обрывала струны души. И видѣла-слышала въ миги тѣ душа Юліи бунтующей, видѣла-слышала шорохъ-ли струнъ давно порванныхъ души Виктора, шипъ-ли змѣй ползущихъ вкругъ него. И палъ на картину неоконченную взоръ Юліи и вотъ на мигъ увидѣла гробъ тотъ, гробъ первой картины. И не глядя уже никуда, отворачиваясь отъ стѣнъ, а стѣны такъ близки, кричала-говорила, обрывая звонко струны:

— Суждено тебѣ, Викторъ, стать великимъ. Вижу. Или повѣрила только. Но для меня это такъ. Какъ и для тебя, конечно. Сколько лѣтъ тебѣ? Двадцать три? Двадцать пять? Или немного больше? Ты живешь какъ старикъ. И я не пощажу тебя; живешь, какъ пьяный старикъ. Смотришь вотъ на меня и, знаю, думаешь: геній. Пусть. Пусть. Не знаю. Но пусть. Тогда не геніальный старикъ, а геніальный мертвецъ. Настоящіе старики тѣ, чьи бороды сѣды, настоящіе старики тѣ, чья молодость была молодость, тѣ, которыя видятъ дѣтей и внуковъ, тѣ старцы добры въ своей мудрости. Имъ что! Викторъ! Викторъ! Ты въ смерть идешь. Не говорила-бы такъ. Но съ тобой живу. Вижу. На свѣтѣ не такъ все, какъ ты видишь. Стой-стой! Выискивай изъ жизни что хочешь для своихъ картинъ. Но жизнь-то ты долженъ знать. Не опытомъ говорю. Нѣтъ его. Я тебя вижу, я тебя

знаю теперь, какъ себя. Самъ же ты подпустилъ тогда. И требую... Ну, прошу! Уѣдемъ отсюда. Куда хочешь... Отсюда...

Глядѣлъ въ ея глаза, въ прячущіеся. Сердился, устремясь въ картину свою. Аккомпаниментъ рѣчей женскихъ, страдающе мятущихся, любъ былъ.

— Молодецъ, Юлія! Bravissimo! Давно бы такъ... А картина... Картина... Рано еще такую картину. Вотъ ты здѣсь на холстѣ. Но, вѣдь, не ты. Не женщина даже. Такъ, натурщица. Рано. Рано. Потому—не старикъ убѣленный. Потому... Да. Рано.

И въ креслѣ раскачиваясь, глазами то сна просящими, то бунта, вглядывался въ женское тѣло нагое, къ стѣнѣ каменной прикованное, отъ стѣны тщетными усиліями рвущееся. И въ напряженно извивающихся рукахъ и ногахъ бѣлыхъ муки тѣла прекраснаго, для иного плѣна рожденнаго. На тѣлѣ бѣломъ, на тѣлѣ юномъ ковы желѣзныя страшны нѣмотою своею и безучастностью. Ковы, сотворенныя кѣмъ-то, давно ушедшимъ. А лицо женщины-дѣвы въ высь дольнюю устремлено; глаза огнисто-синіе и лицо бѣлое, нынѣ озаренное близкимъ полымемъ. А пылаютъ ея волосы. Столбомъ змѣящимся волосы надъ лицомъ вдохновенно страдающимъ поднялись. И мука глазъ вдохновенныхъ, та-ли только мука тѣла прикованнаго къ стѣнѣ, и хотѣла-бы она подняться, полетѣть-оторваться, сіяя какъ комета пылающей головой своей вдохновенной; или мука глазъ огнисто-синихъ—мука огненной пытки. И горятъ не сгораютъ огненные волосы. И только это полымя освѣщаетъ страну ту, гдѣ приковалъ ее кто-то и ушелъ, сдѣлавъ дѣло свое. Безъ этого живого полымя была бы въ странѣ той тьма чорная. Отъ стѣны оторваться хочетъ-томится. У стѣны у каменной бьется. А въ стѣнѣ буквы выбиты, знаки титаньей рукой: V I T A N O S T R A.

— А знаешь, Юлія. Нельзя эту картину оканчивать. Не надо. Нельзя. Хаосъ нуженъ. Хаосъ. Да. Но и такъ оставить нельзя. Хаосъ, да не тотъ. Да. Рано за это взялся. Надо было подождать. Пусть у старика сѣдые волосы... Рука вѣрная. Творить какъ міръ творился. Остановись, когда захочешь. Когда по замыслу пора. И равно незавершонно все, и равно совершенно. Рано, рано. Натурщицу рано, женщину — не женщину, не любовь. О, моя Amor! О, моя Amor! Я былъ святой тогда. А когда святъ человѣкъ, хаосъ криковъ его не можетъ быть безобразнымъ. Пока святъ и вѣритъ въ святыню. Вѣришь и всѣ вѣрятъ. Ну не всѣ, такъ созвучныя души. А коли ты не мастеръ, а щенокъ, то ты дальше лирики ни-ни! Такъ-то, натурщица моя милая.

Смѣялся ли, плакалъ ли, словами подчасъ захлебывался. Дергалось лицо.

Боялась подойти. И обидно было, что вотъ говоритъ онъ, а

не на ея слова отвѣчаетъ, изъ души вытекшія. И робко она, и противъ воли она:

— Викторъ! Викторъ! Зачѣмъ обижаешь? Что сдѣлала тебѣ?

— А! Венеція надоѣла? Хорошо. Уѣдемъ, уѣдемъ. Въ Римъ. Или въ Парижъ? Можно и въ Парижъ. Надо же мнѣ доучиться. А то мажешь-мажешь... Вотъ Степа Герасимовъ паинька. Въ Римѣ изъ мастерской не выходитъ. Пишетъ: и вечеромъ работаетъ. Углемъ.

— Викторъ...

— Что? Спать? И спать можно. Пораньше встать. Паинькой, паинькой быть надо. Вѣдь, наше дѣло живописное какое! Намъ да піанистамъ работа прежде всего. Практика, практика. Ну, а остальное приложится. Такъ-то, Юлія Львовна. Такъ, значитъ, спать? А коньячокъ допить можно бѣдному живописцу? Я пока раздѣваюсь. Пока раздѣваюсь. Не задержу. А это, что вчера вы мнѣ, Юлія Львовна говорили, это, простите, чушь. Этюдовъ здѣшнихъ подхорашивать къ выставкѣ не стану. Этюдъ — онъ и есть этюдъ. И притомъ это для дурачковъ. Вотъ Питерскихъ два журнала читаю. Такъ вотъ тамъ стихи. Стихотворцы-то изъ маленькихъ, такъ оно и видно, кто куда на лѣто поѣхалъ. Одинъ подлецъ все Чорное море восхваляетъ, камни тамъ прибрежные и всякое такое. А другой... Вотъ ужъ и забылъ. А въ Римъ—это можно. А картины новой нѣтъ у меня. Такой картины, чтобъ безъ придумки. Такой, чтобъ сама, и такой, чтобъ по вся дни. По вся дни. Спать... А знаешь Юлія, живопись искусство развращающее.

А засыпая и ласкаясь, шепталъ подчасъ и вскрикивалъ:

— Надя.. Надя моя!

И по лицу Юліи текли слезы. И когда подушка сырою стала, не спала еще. Глазами меркнущими безъ надежды искала когото, здѣсь вотъ во тьмѣ пропавшаго.

XVII.

Въ ночь на Казанскую тепло было на Волгѣ. Въ дому Макаровомъ гости-шуты передъ ужиномъ бродили изъ залы на балконъ. Хозяинъ на балконѣ. А Корнутъ и Семенъ, боясь простуды, въ залѣ. Съ ними у самовара и Раиса. Въ залѣ коньякъ, а на балконѣ хозяинъ. И тамъ, и тамъ шутамъ быть надо.

Младшіе Макаровичи въ Лазаревѣ. Въ деревнѣ, какъ называютъ они это лѣтнее.

— На дачѣ.

Такъ говорятъ про то въ городѣ. И слуги дома.

А Яша и Антоша здѣсь. Антоша, чтобъ къ Дорочкѣ поближе. А Яша:

— Чортъ меня знаетъ къ чему я здѣсь толкусь. Въ Лазаревѣ хорошо. Въ Лазаревѣ самъ себѣ господинъ, а тѣмъ всѣмъ и баринъ. А вызвалъ комендантъ на день—вторую недѣлю живу. Такъ-то Антоша. Быть мнѣ, кажется, вторымъ Доримедонтомъ. По крайней мѣрѣ, понимать я его начинаю.

Яковъ съ Антономъ по комнатамъ бродятъ, ужина ждутъ. Нельзя имъ не явиться къ ужину.

Закричалъ Макаръ съ балкона:

— Эй! Горитъ...

Прибѣжали. Смотрѣли наверхъ, куда указывалъ Макаръ. Изъ-подъ крыши дома Макарова, у парапета, дымокъ ползъ. Вѣтерокъ слабый, прерывистый. То сюда, то туда дымокъ.

— Въ пожарную скорѣе! Гони! Гони! И на чердакъ, люди! Кишку привернуть! Кишку тащи!

Къ суетнѣ живой прислушиваясь, по мраморнымъ плитамъ балкона бѣгалъ. И наверхъ кричалъ показавшимся на крышѣ людямъ, и внизъ, дворнѣ, выбѣжавшей изъ воротъ. И не испугомъ, но оживленіемъ, какъ-бы радостью новизны кричало круглое Макарово лицо.

А въ залѣ Семенъ дрожащій, глаза круглые на лицѣ побѣлѣвшемъ въ потолокъ высокій устремивъ, шепталъ, по залѣ громадной бѣгая:

— Господи помилуй! Господи помилуй...

— Ты чего на потолокъ смотришь? Сейчасъ, думаешь, все повалится?

Допилъ вино свое Корнутъ; позвонилъ; вбѣжавшему лакею на пустую бутылку указалъ и, предвкушая долгую музыку криковъ и суетни, приготовился сладко дремать; голову на руку склонилъ. И еще Семену лѣниво-насмѣшливо:

— Ты-бы коньячку выпилъ.

Ничего Семенъ не отвѣтилъ. Боится онъ Корнута. Страненъ Корнутъ за послѣднее время.

— Не въ себѣ. Заговаривается. Регаліи безъ нужды носитъ. Забота нежданная. Страшное чудится. Господи пронеси!

Раисѣ Михайловнѣ Семенъ говоритъ-шепчетъ что-то.

— Да, да.

На потолокъ поглядываетъ, къ топоту ногъ тамъ далеко вверху прислушиваясь.

— Прощайте Раиса Михайловна. Поѣду домой я. Вредно это мнѣ. Сердце у меня, знаете... Прощайте, господа.

— Уѣзжайте, Семенъ Яковличъ. Уѣзжайте съ Богомъ. Карету Семену Яковличу.

— А вы-бы въ садъ. Въ садъ. Оно лучше.

— Куда? Глава фирмы на своемъ посту долженъ быть. Предначертанія его превосходительства... А сгоритъ, на то страховка. Въ культурномъ государствѣ живемъ.

И задремалъ Корнутъ сладко, успѣвъ ручкой махнуть убѣгающему Семену.

— Иди ужъ...

Герваріусъ сначала затрусившій, принялся хохотать, чуткій сонъ господина своего ублажая; и старовѣра Дѣткина за полы сюртука ухватилъ.

Суетня по дому. Какіе-то люди нежданные черезъ залу пробѣгали.

— Макаръ Яковличъ! Макаръ Яковличъ! Уйдите съ балкона. Упадетъ—убьетъ... Въ садъ идемъ. Ну, въ домъ идите.

Отогналъ Раису. Внизъ въ собравшуюся толпу небольшую кричитъ:

— Эй, вы тамъ! Чего зѣваете! Театръ вамъ здѣсь? Или помогать, или прочь отсюда! Дворники, эй! Во дворъ ихъ гони! На машину, на машину! Качать! Качать! А кто не хочетъ—въ шею его, въ шею! Къ чорту, къ чорту!

Вырвалось плямя узкимъ языкомъ, длиннымъ, чорный дымъ высоко отбросивъ. Топоры стучали неистово. Слесарь дома Макарова съ первыхъ минутъ принялъ власть надъ слугами. Покрикивалъ то весело, то грозно; брантсбойтъ сверкающій въ пасть алую направлялъ, дымящуюся одежду свою часто поливая.

За часъ нѣсколько звеньевъ крыши разобрали. Повисли чорныя гудяще звякающія полосы желѣза. Плямя задушенное огоньками дымными шипящими тщетно разбѣжаться отъ зоркихъ глазъ пыталось.

Сразу съ двухъ концовъ Набережной грохотъ колесъ многихъ, желѣзооковныхъ. И гудки нагло властные. Толстому кучеру быстро передалъ брантсбойтъ свой слесарь закопченый, по балкѣ къ парапету добрался. Перегнулся. Кричитъ. И голосъ властный:

— Макаръ Яковличъ! А, Макаръ Яковличъ!

— Чего тебѣ? А?

— Извольте не пускать тѣхъ вонъ разбойниковъ! Ворота запереть! Ворота запереть прикажите!

— Что? Что? Какъ, чортъ тебя возьми... Въ умѣ ты? Какъ такъ?..

— А такъ, что эти архаровцы первымъ дѣломъ стекла перебьютъ... Порубятъ безъ толку незнамо что. А что отъ топоровъ ихнихъ уйдетъ, то водой перепортятъ. Имъ только ка-

зармы заливать. А эндакій домъ, какъ нашъ, они отдѣлаютъ такъ, что не узнать. Похуже пожара. А намъ, Макаръ Яковличъ, и работы-то всей на полчаса осталось. Сбили ужъ полымя-то. И чего они къ шапочному разбору катятъ...

— А справитесь вы тамъ?

— Справимся, ей-ей. Какъ передъ истиннымъ.

Перекрикивались надъ близкимъ грохотомъ мчащихся въ атаку съ двухъ сторонъ коней.

Секунды раздумья. И прыгнулъ Макаръ къ поручнямъ балкона.

— Эй! Эй! Запирай ворота! Запирай тотчасъ!

Медленно, безъ скрипа катясь по рельсамъ желѣзнымъ, обѣ створки воротъ литыхъ затворились. Щелкнулъ замокъ.

— Въ домъ не пущу! Не пущу! Стойте здѣсь, ждите, коли ужъ опоздали. Черезъ часъ сами не справимся — тогда милости просимъ... Эй! Эй! Ѳеоктистъ! Черезъ часъ, чтобъ и дыму не было! Справитесь—сто рублей вамъ. Черезъ часъ! Слышишь, что-ль? По часамъ замѣчаю.

— Покорно благодаримъ.

Охрипшій крикъ слесаря изъ-за высокаго парапета.

Черезъ часъ сладко похрапывалъ Корнутъ за запоздавшимъ ужиномъ, слыша близкую бурю рѣчей Макаровыхъ.

А буря та была и гнѣвлива, и ликующа.

Яша хмурый старался взорами встрѣтиться со взорами Антоши и означительно мигалъ. Какъ только можно стало, всталъ, простился Яша, Антошу увлекъ.

За дверьми:

— Уфъ! Слышалъ? Не могу я. Пойдемъ! Нѣтъ, не ко мнѣ. По-верху maman обходъ сдѣлаетъ черезъ полъ часа. Внизъ!

Въ комнатѣ львиной, на диванѣ катаясь,

— О, какъ я золъ! О, какъ я золъ!—кричалъ Яша.

У стола своего сидя, на брата старшаго не глядя, своимъ какимъ-то новымъ, тусклымъ горемъ полный, помимо пламени свѣчей глядѣлъ Антонъ въ далекое. Въ далекомъ видѣлъ Виктора, далекой любовью сгоралъ.

— Ты то́ пойми, Антоша, ты то́ пойми, что уйти, отстраниться отъ этого я не могу, психологически не могу. Долженъ я все это видѣть, все это слышать. Тянетъ меня, какъ какого-нибудь честнаго солдата на защиту родины. Все думается: уберегу лишнюю сотню тысячъ, вырву изъ бездны, отговорю, докажу. Отговоришь его! Слышалъ сегодня? Ужъ телеграмму Знобишину послалъ. И опять я какъ мальчишка. Цыкнули на меня—и молчокъ. А все maman. Я-бы ему доказалъ. Желѣзныя стропила! Да знаешь-ли, во сколько эта затѣя влетитъ! На такой домъ!

Съ флигелями! Съ конюшней! О, какъ я золъ!.. Ай-ай, Антоша! Что я подумалъ.... Лазарево! Лазарево! Понимаешь? Что, какъ онъ и въ Лазаревѣ желѣзныя стропила? Конечно! Конечно! Глаза его вспомнилъ. При мнѣ онъ только не сказалъ. Рѣшилъ онъ! Навѣрно, рѣшилъ! О, какъ я золъ! Доказать! Разбить въ пухъ и прахъ. Антоша! Пойми ты, что значитъ желѣзныя стропила въ Лазаревѣ! Вѣдь, тамъ чортъ знаетъ сколько тысячъ квадратныхъ сажень крышъ. И все новое еще. И все ломать. О! О! А Лазарево не городъ. Туда какъ въ яму. Какія хочешь стропила, а случись продавать, никто рубля не прибавитъ. Расцѣнка простая. Какъ въ яму, какъ въ яму! А онъ: какъ Исаакіевскій соборъ! А онъ: чтобъ до второго пришествія! Охъ! ужъ это мнѣ второе пришествіе. Антоша! Слушай ты, Антоша! Антошка! Рѣшилъ, вѣдь, онъ... Пойми: и въ Лазаревѣ рѣшилъ. Знаю я его. По глазамъ... по глазамъ видно. А, вѣдь, въ Лазаревѣ только что стройки прекратились. Только-что. Нечего больше и негдѣ. А тутъ... О, проклятый пожаръ! Хоть-бы весь домъ сгорѣлъ, меньше было-бы убытку. Антошка! Чего молчишь? Вѣдь, общее это наше!.. Стой-стой! Идея. Замѣтилъ ты, какъ онъ ликовалъ? Замѣтилъ? А теперь сопоставь съ тѣмъ съ третьеводняшнимъ, со словами maman: къ Доримедонту Яковлевичу больше не ѣзди; докторъ не велѣлъ безпокоить. Да! Безъ тебя это было. Я думалъ: спроста. Анъ не спроста! Доримедонтъ Семену о племянникахъ съ моихъ словъ. А Семенъ, значитъ, maman. Ну, а maman... То-то комендантъ такимъ героемъ... Весной еще проговаривался, что зарвался съ Лазаревымъ. И, вѣдь, словно именинникъ онъ сегодня за ужиномъ. Понимаю! Помогъ ему пожаръ. Вѣдь, безъ построекъ настоящихъ онъ который мѣсяцъ томится. Тутъ подкрасить, тамъ подмазать. Не того ему надо. Ему на полъ - мильона надо! Для пищеваренія. Онъ, можетъ, давно уже эти дурацкія стропилы надумалъ. Только какъ ни съ того, ни съ сего домъ ломать? А тутъ этотъ идіотскій случай. А Доримедонтовы мильоны онъ какъ у себя въ карманѣ ощущаетъ. Поскорѣй бы ихъ пристроить понелѣпѣе! Антоша! Пропало наше дѣло, Антоша! Какъ на ладони вижу. И тамъ и здѣсь трещитъ. Не кисни ты! Не кисни хоть сейчасъ. Золъ я. Кусаться хочется. Пуще не зли. Очнись! Гдѣ у тебя ликеръ какой-то? Вчера угощалъ. Все равно сна нѣтъ. Съ вами тутъ полунощникомъ сдѣлаешься. Какъ Корнутъ. А замѣтилъ ты: съ Корнутомъ неладное творится. И мнѣ въ ярмаркѣ разсказывали про какую-то француженку. И про разныя дебоширства. Въ орденахъ къ намъ пріѣзжаетъ. Ну, и семейка! Я дядю Семена такъ, легонько, спрашивалъ. А что? говоритъ. Ты про что? говоритъ. Такъ ни съ чѣмъ и отошелъ. О! О! Хитеръ тоже Семенъ. Maman да онъ. Пожалуй, скорѣй

съ комендантомъ сладишь. Конечно, если-бы онъ одинъ. Но въ томъ и бѣда, что умѣютъ же они на него влiять. Оба. Сколько разъ замѣчалъ. И никто больше не умѣетъ. Никто.

А Антонъ уже ликеръ изъ библiотечнаго шкапа принесъ. И двѣ рюмки. Быстро такъ. И брату налилъ. И себѣ. Свою ужъ выпилъ. Налилъ еще.

— Пей, Яша. Вкусно.

— Ладно. Выпью. А ты что это, Антоша, будто пить привыкаешь? Тогда вотъ тоже. А?

— А что же? Хотѣлъ бы привыкнуть по настоящему. Полюбить то-есть. Это не плохо. Люди глупые — плохо. А это неплохо. Только не могу я. Четыре раза пробовалъ чтобъ до пьяна. Не выходитъ. Тошно. И еще скучнѣе потомъ. То-есть еще тоскливѣе. А хотѣлъ бы я умѣть пить, какъ Корнутъ.

— Многообѣщающее желанiе. Такъ-таки какъ Корнутъ?

— А что же? Корнутъ счастливѣе ихъ всѣхъ. И потомъ дай ты Корнуту хоть какое-нибудь образованiе...Да нѣтъ. Не хочется мнѣ про то говорить.

— Про что про то?

— Про нашихъ.

— Про какихъ про нашихъ?

— Да про всѣхъ. Говорю-ли, думаю-ли долго потомъ будто пухъ въ головѣ. Будто открылъ кто-то черепъ, мозгъ вынулъ и пуху наложилъ. Противно. И твое про коменданта противно. Другимъ жить надо.

— А ты чѣмъ живешь?

— ...Такъ.

— Книгами, что-ли? Такъ и я книгами жилъ и живу. То-есть не книгами, а съ книгами. Такъ правильнѣе будетъ. Въ тихую минуту книги. Вотъ человѣкъ одинъ, а хочется ему чортъ знаетъ кого—книги. Въ здравомъ разсудкѣ и твердой памяти рѣшилъ человѣкъ предпринять что-нибудь, требующ ее спецiальныхъ знанiй—книги! Вотъ что книги. Для жизни книги. Для жизни! Куда же онѣ еще? А если жизнь для книгъ, если жизнь для искусства, скажемъ, то это... это чортъ знаетъ что. И не профана рѣчь слышишь. Самъ комендантъ, судiя нелицепрiятный не разъ кричалъ про меня: высокообразованный.

— А мнѣ вотъ въ университетъ не хочется, Яша.

— Почему? Да что же ты дѣлать будешь? Гимназiю кончилъ. Я въ твою пору только о томъ и думалъ.

— Такъ. Скучно. А тамъ въ университетѣ люди. Много людей. Не могу я людей. Въ гимназiи тоже мука была. Я одинъ люблю. Одинъ. Ну, такъ, какъ сейчасъ, это можно. Вдвоемъ.

Я вотъ книгу читаю, и люблю, и понимаю. А почему? Напусти сюда тридцать человѣкъ—не то будетъ.

Всталъ Яша съ дивана. Руку правую простеръ. Запѣлъ нелѣпо:

— А-ри-сто-кра-тизмъ.

Выпилъ Антонъ, свою рюмку поставилъ.

— Скучно. И съ тобой скучно.

Издалека, издалека Антошинъ взоръ вошелъ въ львиную комнату его. Тамъ, гдѣ былъ онъ, тамъ, гдѣ плавалъ-леталъ, было лучше. Но такъ хорошо здѣсь. Такъ хорошо мечтать. О себѣ мечтать и о Дорочкѣ.

— А? Что?

— Да пойми, что нужно намъ еще и еще на Доримедонта насѣсть. И скорѣй. Скорѣй! И съ тобой вдвоемъ. Понимаешь, вдвоемъ. Психологически одинъ я не могу. Не могу. О, зачѣмъ я не сдѣланъ изъ желѣза, или, по крайней мѣрѣ, изъ того, изъ чего сдѣланъ дядя Семенъ!

Сидѣли въ львиной комнатѣ. Черезъ полчаса Яковъ говорилъ Антону:

— Дурацкій твой ликеръ пей и не мѣшай мнѣ дѣло цѣлать. А на тебя надѣюсь. Вмѣстѣ на Торговую поѣдемъ. Завтра послѣ обѣда поѣдемъ. Addio! Спать мнѣ. Спать мнѣ пора. Да! Давно сказать хотѣлъ. Открылъ бы ты этотъ шкапъ несгораемый. Комендантъ говоритъ: пустой онъ и ключъ потерянъ. А, можетъ, онъ тысячъ сто туда засунулъ да и позабылъ. Четверть вѣка онъ здѣсь не былъ. Поковыряй-ка отъ скуки. Поковыряй-ка. А то слесаря позови. Но тихимъ манеромъ. Мы сто тысячъ-то и подѣлимъ. Такъ-то. Поковыряй. А если вмѣсто ста тысячъ скелетъ на тебя выпрыгнетъ, тоже не плохо. Къ настроенію твоему подойдетъ. Стихи напишешь. Addio! О, какъ я золъ!..

Со свѣчей пробирался Яша на-верхъ, къ себѣ. Злоба, жолтая злоба передъ нимъ облакомъ-ли, ядромъ-ли отъ Царь-пушки катилась. Ногой гналъ. И легко шло передъ нимъ.

Кровь въ мозгъ ударяла. Улыбкой злою усмѣхнулся. И шелъ по темному дому, по спящему. Вдругъ испугался. Схватился за голову. Въ комнату свою вошелъ-вбѣжалъ.

— О-О! что они со мной дѣлаютъ! До чего довели... До какихъ мыслей...

XVIII.

Смерть, смерть въ дому подъ Егоріемъ. Не какъ въ купеческій домъ въ настоящій, въ крѣпкій вошла. Не съ постнымъ ли-

цомъ важно-строгимъ, не въ бѣломъ одѣяніи, не со свѣчей въ изголовьи отходящаго встала слушать чинныя слова молитвъ бѣлоризныхъ слугъ божіихъ.

Обезьяной гримасничающей, глазастой по угламъ бѣгаетъ, перепугами бабьими тѣшитъ чорное нутро свое пустое.

Вдова, старуха Горюнова, рыхлая, истомленная бродитъ-ползаетъ по комнатамъ домика. Глазами въ глаза смерти нехристіанской неподобающей заглянетъ, ужаснется, креститься начнетъ.

И смерть-обезьяну украдкой перекреститъ. А та и не покорежится. Хихикаетъ, лапой животъ чешетъ.

Ходитъ-бродитъ вдова, объ двери, объ комоды боками задѣваетъ. Дорофеюшка затихшая, дочка заплаканная навстрѣчу. Голосомъ строгимъ дочка:

— Мамаша! Сегодня же, сейчасъ же сюда перенести его кровать. Необходимо, мамаша. Дышать ему тамъ нечѣмъ. Не комната, ящикъ какой-то. И докторъ говорилъ.

— Не томи ты меня, Дорофеюшка. Въ гостиную! Кто кровать въ гостиную ставитъ!

— Мамаша! Сережа умираетъ.

— Безъ покаянія умираетъ. Безъ покаянія. Церковь заступницу усердную отринувъ рукой грѣшной. Предъ людьми сынъ меня опозорилъ навѣкъ. И душу свою погубитъ. Погубилъ ужъ! Погубилъ ужъ!

— Тише, мамаша. Уснулъ онъ. И не о томъ рѣчь. Ужъ если не могли мы его въ свое время въ Крымъ отвезти, такъ должны мы ему дать хоть умереть-то спокойно. По утрамъ тамъ продохнуть нечѣмъ. Ночью въ жару мечется. И солнце тамъ къ вечеру только. Къ чему уперлись? Почему не сюда?

— Да какъ же въ гостиную? Не томи ты меня, Дорофея. И не отъ комнатъ же люди умираютъ. И что мать учишь! Отъ него въ тебѣ духъ этотъ противорѣчивый, несуразный. Отъ него, прости Господи. Отъ Сергѣя богоотступника! Опозорилъ, навѣкъ опозорилъ...

Жосткимъ шопотомъ Дорочка и глазами сощуренными ненависть и презрѣніе явивъ:

— Предъ кѣмъ опозорилъ? Что говорите? Вся Россія на васъ смотритъ, что ли! Стыдитесь. Гостиная! Гостиная! Что мы, балы даемъ? Или Раису благодѣтельницу принять негдѣ будетъ? Да? Да? Такъ пусть не ходитъ. Не нужно ея здѣсь. Не нужно! Не нужно! Сережа послѣ визитовъ ея въ слезахъ бьется. Въ слезахъ... Не переноситъ онъ ея. Не терпитъ словъ ея лживыхъ.

— Дорофея!

— Что Дорофея? Не боюсь я васъ больше. И гадки вы мнѣ. Гадки! Понимаете, гадки! Гадки! Не въ гостиной вашей тутъ дѣло, а вообще... Всѣмъ ханжествомъ своимъ гадки, всей рабской повадкой.

— Дорофея! Матери?..

— Да. Матери. Молчала раньше. Годы молчала. Теперь, передъ лицомъ братниной смерти выслушайте. И знайте вы, и знайте—умретъ Сергѣй, дня въ домѣ вашемъ не останусь. Для брата могла... Для брата... А васъ... А васъ и Раиса благодѣтельница утѣшитъ... И прокормитъ. А я уйду... Убѣгу. Нищая убѣгу. И куска хлѣба не попрошу. Не попрекнете...

Зарыдала вдругъ, голову и руки обѣ на столъ уронивъ, на преддиванный, на скатерть его гарусную.

Радовалась смерть глазастая, поджидающая, изъ угла глядя. И только она видѣла какъ черезъ комнату шагами медленными прошелъ призракъ-старикъ высокій, дородный, въ сюртукѣ прижизненномъ долгополомъ. Прошолъ, голову сѣдую склонивъ и глаза рукою прикрывъ.

А видя слезы внезапныя дочери, вдова слова свои гнѣвливыя православныя, материнскія проглотила; на диванѣ сидя, глазами мигала часто; безсильно руки свѣсила и будто ниже и толще стала.

Дорофея лицо слезящееся покраснѣвшее тихо подняла. Въ никуда глядя глазами круглыми, какъ окнами тюрьмы башенной, заговорила себѣ-ли, матери-ли голосомъ полуживымъ, какъ колоколомъ надтреснутымъ, зазвонила надъ пустынею:

— Вотъ умретъ Сергѣй. Черезъ недѣлю умретъ. А, можетъ, завтра. Двадцать семь лѣтъ. Что-жъ, довольно. Счастье видѣлъ, что ли? Работать мечталъ. Тогда на статистику эту въ болота поѣхалъ. Ужъ тогда кровью кашлялъ. Таился. А эта тогда: ну, и слава Богу, мамаша; за умъ взялся Сергѣй. Не все ему на нашей шеѣ сидѣть... О! Молчите вы... молчите, не говорите вашихъ словъ. Что сказать можете? Молчите! Молчите! И не вамъ я говорю. Я стѣнамъ этимъ, можетъ, говорю. Я думаю. Вслухъ думаю. Молчите... Ну, слава Богу, мамаша. Слава Богу. Гимназію онъ не кончилъ, недоучка онъ, такъ всякой работѣ долженъ быть радъ... Недоучка. Хоть бы поинтересовалась узнать... О, рабы! Ученѣе полицмейстера человѣка представить себѣ не могутъ. Слаще свѣжей икры утѣхъ нѣтъ. Да есть! Есть и послаще. Душу человѣческую сломать. Загрязнить, опоганить, коли не ломается. О! Что она съ душой моей сдѣлала!.. Съ душой моей. И неблагодарная я. И развратница! Развратница! Развратница! Потаскушка! Она чистое во мнѣ убила. Чистое, святое. Коли есть грѣхъ, вотъ онъ грѣхъ непрощаемый. Такъ вотъ она ка-

кимъ ядомъ тѣхъ поливаетъ. И деньги Макара Яковлевича. Безъ Макаровыхъ денегъ я бы, потаскушка и нищенка, неграмотная бы осталась. Не видать бы мнѣ гимназіи какъ ушей своихъ. А тутъ! А тутъ мать родная... Такъ ее, Раисочка! Что это они всѣ изъ повиновенія выходятъ. И виданное ли это дѣло? А я-то думала они такъ. А она какія письма! Эпитемію бы. Эпитемію... Деньги Макаровы, развратница, потаскушка, эпитемія, мать, Богъ, попы, гимназія, нищенка, губернаторъ, двадцать четыре часа. Да что вы съ душой моей сдѣлали! Съ душой! Съ живой душой! Вы гадовъ въ душу мнѣ напустили. Гадовъ чорныхъ какихъ-то и вонючихъ... Умирай, Сергѣй. Умирай! Хочешь, и я съ тобой умру. Тихонечко помремъ тамъ въ комнаткѣ твоей. Въ гостиную не пойдемъ. Въ гостиной Раиса. Гостиная! Гостиная! Ха-ха-ха, гостиная, ха-ха-ха. На конторкѣ калачикомъ свернусь и помру. На конторкѣ... ха-ха-ха... Безъ покаянія на конторкѣ...

И захохотала истерикой давно надвигавшейся и кулачками въ столъ била, и стучала затылкомъ о спинку кресла.

За стѣнами кашель мокрый, кашель долгій изъ груди раздавленной гниль, за часы сна накопившуюся, выплевываетъ.

— До-роч-ка! А, До-роч-ка!

Голосъ безъ звона жизни.

Голосъ-духъ, заглянувшій въ новую родину, гдѣ нѣтъ звуковъ и гдѣ слѣды шаговъ чьихъ-то бѣлы, бѣлы.

— Зоветъ!

XIX.

— Это можно. Такъ и быть пошалю. Овчинка выдѣлки стоитъ. Maman пойметъ. Она пойметъ. А мѣрили вы съ Дорочкой? Пройдетъ ли?

— Едва-едва.

— А успѣемъ до панихиды то?

— Спѣшить надо.

Яковъ и Антонъ вышли изъ воротъ Макарова дома и зашагали, глядя на близкую колокольню бѣлую Егорія.

— И знаешь, Яша, что я думаю. Вѣдь, если онъ сейчасъ можетъ мыслить или слышать что-ли, онъ порадуется.

— Конечно, порадуется. Я бы самъ радъ былъ, коли бы со мной такую штуку устроили, хотя бы вотъ и въ нашемъ богоспасаемомъ домѣ... Но и чушь же я говорю. Совсѣмъ я, Антоша, чумной какой-то сталъ изъ-за всѣхъ этихъ непріятностей. Вредно мнѣ подолгу въ вашемъ сумасшедшемъ домѣ околачиваться. О,

характеръ проклятый! А Серг҇ѣя непремѣнно. Непремѣнно. Пусть maman попрыгаетъ, да и та тоже.

— А чуть что, мы сейчасъ: послѣдняя воля. Это ужъ Дорочка на себя беретъ.

Замолчали, каждый думами своими полный. Въ лѣтнемъ утрѣ гулко шаги ногъ молодыхъ стучали по твердой, по прямой дорожкѣ нагорной. Справа, внизу, великая рѣка свѣжестью тихорадостной дышала.

Колокольню Егорія обогнули. Молча, чинно вошли въ раствoренныя двери домика Горюновыхъ. Въ притворѣ смерти, на храмовой праздникъ ея пришедшихъ какихъ-то старухъ безликихъ въ темныхъ сѣняхъ чуть не задавили.

Тихо, уже привычно по чину слезящаяся вдова Михайлы Филипыча всхлипнула громко, внучатъ завидѣвши. Мысли ея, птицы давно напуганныя, птицы старыя съ крылами, съ ногами поломанными, на краяхъ гроба разсѣлись, несвязное бормочутъ:

— Гробикъ-то бѣлый, глазетовый. А покровъ-то! Покровъ золотой. Раиса дочка-благодѣтельница на покровъ не поскупилась. Изъ покрова того отецъ протопопъ съ отцомъ діакономъ ризы праздничныя пошьютъ. Такого покрова и на самомъ не было. А тоже тогда похороны! Сынокъ-отъ! Сынокъ-отъ! Ликъ-отъ восковой во гробѣ! И святостію отъ его вѣетъ. Молитвы-то, материны-то молитвы. Съ церковію-заступницей помирили. И все чинъ-чиномъ. Въ гостиной горницѣ прибранной гробикъ глазетовый. Подъ иконой златоокладной въ красномъ углу. Внученки! Внученки пришли! Горю матернину соболѣзнуютъ. Раиса-то, дочка-то примѣрная, сынковъ наставляетъ.

И затрепетали птицы на краю гроба, перья свои старыя пороняли.

Дорочка бѣлолицая, очами безсонными сквозь стѣны глядящая, съ племянниками сошлась. Шепчутся. Изъ Сережиной комнатки Григорій, мрачно-спокойный, товарищъ Сережинъ и другъ, вышелъ. Шептались. Другъ друга подбодряли.

— Столъ у меня тамъ готовъ. И все уже вынесъ лишнее-то: Цвѣты бѣлые. Много. Это ужъ она. Приступимъ?

— Да, пока народу лишняго нѣтъ. Иди, Дорочка, къ ней, къ бабушкѣ. Да не сплошай.

— А снесете?

— Я сильный. Я въ головахъ одинъ. Яковъ Макарычъ съ Антошей тамъ. Приступимъ. Полотенца—вотъ они.

Лица строгія, блѣдныя. Рѣшимость въ глазахъ у всѣхъ, у четырехъ.

И произошло страшное, дикое, въ чорную дыру отчаянія повергшее вдову Михайлы Филипыча. Дочь Дорофея подошла.

— Послѣдняя воля... Приказалъ... Не можемъ ослушаться.

Слова какъ камни въ темя. А глаза дочери-послѣдыша прожигаютъ.

А тѣ трое подошли. Полотенца на плечи закинувши, подняли. Понесли. Понесли гробъ съ Сергѣемъ. Понесли гробъ глазетовый. И съ золотымъ покровомъ. По полу волочится.

Птицы съ гроба на земь попадали, головы себѣ поразбивали. Въ кресло-ли пала, на полъ-ли, не знаетъ старуха.

А одна птичка, на коврѣ біясь, головку разбитую приподняла—какъ у гусенка головка—и пропищала:

— Такого позору еще не бывало... Послѣдніе дни... Послѣдніе дни...

Въ маленькой комнаткѣ въ Сережиной, въ той гдѣ Михайло Филипповичъ деньги считая, письма пиша и счета, протеръ правой рукой край конторки своей ясеневой, въ той комнаткѣ однооконной на прочный столъ гробъ поставили. У двери заворачивать трудно было. Испугъ на лицахъ молодыхъ. Покровъ оправили. Поклонъ земной племянники. И Григорій на правое колѣно опустился. Безъ уговору. Поднялись. Вздохнули облегченно. И улыбнулись свѣтлыми улыбками. И каждый подумалъ:

— Коли зналъ бы, что такъ оно мучительно, ни за что бы...

И довольные, гордые комнатку Сережину теперь оглядывали. Какъ хорошо. Будто склепикъ маленькій подхрамный. И не новый склепикъ будто, а давнишній, полюбленный. По темнымъ стѣнамъ цвѣты бѣлые гирляндами. То Дорочка. Изъ мебели только конторка. Тяжела очень. Нашумѣть Григорій побоялся. И кресло одно оставилъ. Рѣшилъ:

— Коли ужъ конторка, такъ пусть и кресло въ другомъ углу.

Межъ гробомъ и стѣнами продольными едва пройти. Коверъ сверху Дорочка принесла. Вдвое сложили. Разложили. Мягко. Къ окну головой Сережа лежитъ. Надъ окномъ икону большую повѣсили. Дорочка говорила Григорію:

— Такъ надо. Такъ надо.

И не спорилъ.

Портреты писателей любимыхъ такъ въ комнаткѣ Сережиной и оставили. И въ рамочкахъ и безъ рамочекъ. По стѣнамъ изъ цвѣтовъ смотрятъ лица строгія, умудренныя. Но молодыхъ лицъ не мало. Не успѣвшихъ старости вкусить примиряющей. И тѣ родные всѣ. Грудью родины вскормленные.

— Любилъ онъ Россію,—Яша сказалъ, на стѣну глядя;—а

по мнѣ хоть бы и не было ея, не заплакалъ бы. А такихъ русскихъ, какъ онъ, какъ Сергѣй, жалко. До слезъ жалко.

Тѣ слова сказалъ, чтобъ не стыдно было платкомъ глаза отереть.

Вошла Дорочка. Испуганно на гробъ уставилась. Будто не того ожидала, быстро до двери идя. Постояла. Ницъ не пала. Можетъ быть, потому, что много-много разъ она предъ гробомъ тѣмъ преклонялась уже. Къ Антошѣ подошла. Антошу къ окну отвела. Шепчетъ ему быстро, на тѣхъ на двоихъ поглядывая.

А Антонъ громко:

— Ты развѣ чего другого ждала! На то шли. Поздно теперь. А посмотри-ка, какъ хорошо! Какъ хорошо... Цвѣтовъ нѣтъ больше? И чего это мы съ тобой, Яша, изъ саду не захватили?..

А Дорочка:

— Есть! Есть цвѣты! Тамъ. Столько-же! Столько-же еще. Чего-же вы, Григорій Иванычъ...

Цвѣты бѣлые въ гробъ полагали, цвѣты бѣлые и по ковру тускло-пестрому, цвѣты бѣлые и на конторку, и на окно. Въ открытое окно лѣто Волжское, дыша, цвѣты подчасъ цѣловало. И шевелились тогда лепестки. Подчасъ гудѣло протяжно на Волгѣ, на далеко-близкой. И глядя на цвѣты цѣлуемые, улыбались другъ другу четверо. Улыбались лицами, слезъ жаркихъ просящими. И было такъ, что чаще Яша стоялъ возлѣ Григорія мрачнаго, а Антоша возлѣ Дорочки. И всѣ у гроба. У гроба подъ покровомъ золотымъ. У гроба, изъ котораго подъ вѣками тяжело закрытыми чудился имъ ласковый, добрый-добрый взглядъ глазъ Сережиныхъ. И были всѣ четверо заговорщиками. И спящаго атамана оберегали они въ хижинѣ его.

Минуты-ли протекли, часы-ли. Старухи безликія церковныя, затискавъ другъ друга до синяковъ въ дверяхъ прихожей, нашептались, наахались. Но вотъ самая корявая, самая горбатая старушонка помялась, пожалась, тихонько-легонько да и на крыльцо. Негодованіемъ наполнясь старушонки останныя:

— Ахти! Ахти!

Шептали.

Но недолго въ сѣняхъ толкались. Одна за другой выкатились.

— Не часто дѣла такія! Благодѣтельницамъ разсказать. Ту подлюку горбатую упредить. У Горюновыхъ-то! У Горюновыхъ-то что дѣется. А на панафиду поспѣемъ. Не на первую, такъ на вторую. Да придутъ-ли попы-то...

Минуты-ли протекли, часы-ли. Въ комнаткѣ Сережиной—

прибѣжалъ-ли кто, услыхали-ли издалека—извѣстно стало тѣмъ четверымъ:

— Раиса Михайловна!

Переглянулись мрачно. Безъ уговору, безъ словъ даже другъ отъ друга отошли, потоптались у гроба. Но вотъ у стѣны всѣ стали, у стѣны, что противъ двери, у стѣны, гдѣ недавно кровать смертная Сережина стояла. У стѣны въ рядъ стали четверо. И гробъ ихъ отъ двери отдѣляетъ. Другъ на друга еще взглянули заговорщики. Но нѣтъ измѣны. Кто-то руки на груди сложилъ. И вотъ всѣ ужъ. Спиной къ стѣнѣ, руки на груди. Поверхъ гроба смотрятъ. На дверь открытую. А за дверью той комнатка, и еще комнатка, спальней называется, а тамъ и гостиная. Но не по прямой. Не видно. Стоятъ, молчатъ четверо. Локтями другъ друга чуятъ.

Крикъ-ли, стонъ-ли тамъ, въ гостиной. Почудилось-ли? Но слова. Да, ясно слова разговора быстраго. Шолковыя юбки зашуршали. Ближе. Ближе. Четверо, спинами къ стѣнѣ прижавшись, локтями другъ друга чуя, словомъ не обмолвились, на дверь смотрятъ черезъ гробъ милый. Идетъ. Платье траурное. Голову подняла высоко. Рука правая за цѣпочку золотую ухватилась за тонкую, витую. Вошла, чуть замедливъ шаги. Глазами близорукими не вдругъ все разглядѣла. Стала у гроба. Менѣе двухъ шаговъ отъ двери гробъ. Секунда раздумья-ли, грусти-ли, борьбы-ли. На колѣни опустилась. Долго, какъ тѣмъ четверымъ показалось, съ колѣнъ не вставала, имъ отъ ихъ стѣны не видимая. Поднялась. Къ вѣнчику Сережиному раздумчиво приложилась, безпокойнымъ взглядомъ стѣну обыскала. Успокоенно на икону, чуть поблескивающую, взоры устремила. Крестилась. А тѣ, четверо, смотрѣли на нее, на Раису. А она ихъ какъ-бы не замѣчала. Еще поклонъ земной, чинный. Этотъ уже Богу, а не брату. И тихо вышла. И юбки шолковыя чуть шуршали.

Меньше чѣмъ черезъ полчаса панихида. Не отходя отъ Сережи, тѣ четверо не видали взоровъ недоумѣнныхъ, не слыхали мудрыхъ словъ Раисиныхъ, тотчасъ порядокъ водворившихъ.

— Послѣдняя воля. Мамаша, вы забыли аналой туда. Прикажите.

Пѣлись хорошія слова. Только протопопъ старый у гроба стоялъ. Дьяконъ чуть позади, въ дверяхъ. Хоръ изъ пяти человѣкъ, тамъ уже, въ комнатѣ въ смежной.

Думалъ Антонъ:

— Какъ хорошо дымъ вьется, вьется и въ окно. Туда улетѣть, туда улетѣть хочетъ.

Не замѣчалъ Антонъ какъ текли слезы по лицу его. Дорочку онъ не забылъ. Онъ любилъ Дорочку.

— Но не до меня теперь ей.

Стояла Раиса Михайловна, ни разу глазъ не поднявъ ни на кого изъ тѣхъ, четверыхъ. Въ креслѣ, изъ гостиной принесенномъ, сидѣла-лежала мать ея, вдова Михайлы Филиипповича. Далеко, за спинами пѣвчихъ, кресло то поставили.

Четверо заговорщиковъ молились, не молились-ли. Каждый по-своему. Тихаго Сережу вспоминали. Понынѣ былъ онъ для нихъ, какъ живой. Больше живой, чѣмъ тогда, недавно, когда слушали, часто нехотя, его рѣчи вдохновенныя. И когда пѣли вѣчную память, Яша подумалъ:

— Оно, конечно, чепуха. Но Россія... Россія... Это идея. Слѣдовало бы разработать. Ахъ, чортъ! Ужъ, навѣрно, разработано.

А когда взоръ его останавливался на восковой маскѣ дяди Сережи, думалъ-шепталъ Яша:

— Какъ Антонъ. Какъ Антонъ истеричный. Что мнѣ Сережа. Раза по три въ годъ видалъ. Этой стоитъ. Этой свинью подложить стоитъ. А дальше что? Лиризмъ этотъ оставьте, Яковъ Макарычъ.

И стоялъ у стѣны, какъ солдатъ. И губой пытался ноздри прикрыть.

— Чтобъ не лѣзъ ладанъ этотъ. А maman, тихая, добрая нынче. Знаемъ мы эту тихость.

Но жолтый ликъ Сережи спокойный, величавый, ему и всѣмъ шепталъ-кричалъ:

— Только дрязги свои вы оставьте. Остальное приложится вамъ.

— Да! Оставишь тутъ. Это не коменданта-ли въ спокойствіи оставить! Дудки!

И крестился, и кланялся, когда всѣ кланялись. У стѣны рядомъ и Антонъ стоялъ Но Антонъ думалъ, что онъ только съ Дорочкой рядомъ.

— Нѣтъ людей предъ лицомъ смерти. Она можетъ и я могу. А тѣхъ людей нѣтъ. Ихъ нѣтъ. Ихъ нѣтъ. Викторъ всѣхъ-бы ихъ разогналъ. Викторъ!

А Дорочка видѣла лишь дымныя облака ладанныя. Чуть представляла, но не вѣрила, что эти вотъ облака, какъ облака небесныя.

— А, можетъ, здѣсь душа его? Помолюсь-ка я.

А Антонъ сегодня вѣрилъ. Онъ вѣрилъ и зналъ, что душа Сережина здѣсь, съ ними. Нынѣ съ ними. Тихая, хорошая душа. Добрая.

Григорій молчалъ какъ всѣ. Но безъ словъ напутственныхъ, безъ мечтаній любилъ Григорій. И для него лишь умеръ Сергѣй.

Умеръ — не отошелъ. Умеръ — пропалъ. Былъ, жилъ и нѣтъ Сергѣя.

— Привыкай, разумъ. Въ пламени жизни, кипящей по законамъ жестокимъ, закаляйся, закаляйся и не плачь, не жалѣй. Пожалѣешь, заплачешь, клинка изъ тебя жизнь не выкуетъ. Въ клинкѣ сила. Въ стали, прокипѣвшей огнемъ нестерпимымъ, и вотъ охлажденной. Холодная сталь! Холодная сталь! Помни, Григорій! Помни! И чтобъ глаза твои сухи были.

Зиночка, дочка покорная, отъ братьевъ взоры отводила, къ матери поближе, матери почаще на глаза попадаться. Свѣчку матери подавала. А чуть та взглянетъ на нее, а то и не взглянетъ еще, а какъ бы взглянуть въ ея сторону соберется только, Зиночка вся къ ней и покорно-печальными глазами:

— Что, мамаша?

Не огорчаетъ Раису Михайловну, Зиночка невѣста.

— Рыба противная!

То Ирочка про Зиночку шепчетъ, чуть позадь сестры старшей стоя, воскомъ свѣчи нервно играя. Ребенокъ послѣдній Макара и Раисы.

— Вотъ дядя Сережа умеръ. Дядя Сережа—онъ хорошій. Пусть-бы лучше дядя Корнутъ умеръ. Тѣ шептали: уморили дядю Сережу. Подслушала. Уморили? Отравили? Кто? Разберу, добьюсь. И всѣхъ васъ въ Сибирь!

И на злого, нелюдимаго Костю покосилась; на брата, за шкапъ прячущагося.

— А вдругъ Коська его отравилъ! Я тебя, Коська, дома исщиплю...

XX.

Томился страхами ночными. А ночь за ночью все чернѣе. Лампадку богову волны чернильныя захлестываютъ. Отецъ желѣзный, изъ гроба вставши, приходитъ. Говоритъ-ли, упрекаетъ, ликъ-ли грозный являетъ лишь. Но страшно. И боль тогда. Во мракъ комнатки антресольной войдетъ, постоитъ, и вотъ ужъ— боль-рѣзь непереносная. Въ животѣ, внизу. Кричать! Кричать! Но стонъ лишь. Липко-мокрый отъ поту, уплываетъ, пропадаетъ въ спирали чорной, въ яму спускающейся стремительно.

Шли ночи. Шли дни и отраду невнятную приносили Доримедонту. Въ дурачки играть не всякій ужъ день хотѣлось.

— Вотъ поди-жъ ты! Нынѣ и днемъ меня думы одолѣваютъ. Не къ добру.

Подъ утро однажды такъ просто, такъ безъ загадки увидалъ, узналъ:

— Умираю.

И за Семеномъ послалъ.

И даже какъ-бы страха не было. Будто вотъ жизнь одна кончается, другая начинается. Будто до сегодня мальчишкой былъ, а завтра взрослый человѣкъ. Или будто въ домъ другой переѣхать надо. Но того страха, что всегда при переѣздахъ, уже нѣтъ. Въ свой домъ будто надо.

Но Когда Семенъ прибылъ, не то ужъ было. По комнатѣ метался, за попомъ гналъ, то за докторомъ. Говорилъ невнятное. Про деньги, про племянниковъ опять.

— Да нѣтъ! Не то! не то! Ты не подумай, что духовную я. Полегчало ужъ... полегчало. Страхъ-то... Страхъ-то... Да ты не уходи...

И много разъ по утрамъ такъ. Но успѣлъ, однако, Семену много наговорить. Бывало, что и внятно говорилъ, волю свою высказывалъ.

— И не зря я. Не сталъ бы зря. А видѣнія мнѣ въ ночи. Папаша. Самъ папаша.

Вскорѣ сталъ слезливъ очень. Часами какъ ребенокъ плакалъ въ уголку гдѣ-нибудь. На лѣстницѣ плакать полюбилъ. На ступенькѣ гдѣ-нибудь среди лѣстницы темной сядетъ и плачетъ, плачетъ. И темноты пересталъ бояться.

Вотъ слегъ. Но раздѣть не удавалось. Въ пиджакѣ, въ брюкахъ, въ штиблетахъ на кровати лежалъ, пледомъ укрывшись.

— Какъ можно! Какъ можно! Вдругъ нужно куда-нибудь. Да мало-ли что... Вотъ пожаръ...

Въ сосѣдней комнатѣ докторъ ночевалъ ужъ. И на дню раза три пріѣзжалъ. Бралъ за то съ Семена сто рублей въ сутки. Степанъ Степанычъ какъ-то про тѣ сто рублей проговорился. Расплакался Доримедонтъ. За Семеномъ послалъ.

— Да нѣтъ. Что ты; что ты, Доримедоша. По цѣлковому я ему плачу.

— Слыщь, Степанъ Степанычъ! По цѣлковому! Я тебѣ, Сема, отдамъ. Потомъ отдамъ.

Въ комнатахъ воздухъ тяжелый. Степанъ Степанычу то ни по чемъ. У кровати сидитъ, картами съ умирающимъ перекидывается. Путать въ картахъ сталъ Доримедонтъ.

— Что ты, что ты... Я своимъ козыремъ ее.

— Какимъ своимъ козыремъ? Не въ свои козыри мы. Въ дурачки мы.

— Какъ! Мои козыри пики. Потому пики Сатурну соотвѣтствуютъ. Мои всегда пики.

Отъ лекарствъ, боль утоляющихъ, подолгу въ забвеніе впадалъ. Скоро сталъ лишь о карточномъ своемъ долгѣ говорить· И то говорилъ, плакалъ, что сто сорокъ рублей, а то, что сто сорокъ тысячъ.

Чорные часы подошли. Безъ солнца мысли, безъ звѣздочекъ грезы.

Поздней осенью умеръ Доримедонтъ.

За недѣлю до смерти брата Семенъ изъ конторы на три часа ранѣе срока ушелъ, домой больной пріѣхалъ. Слегъ. Накануне Доримедонтовой смерти Раиса Михайловна къ Семену въ домъ его, на Московскую, ѣздила.

Когда прискакалъ вѣстникъ смерти съ Торговой на Набережную, Раиса Михайловна опять на Московской была.

— Доримедонтъ Яковлевичъ скончались.

Макаръ отъ стола въ столовой горницѣ отскочилъ, чернильницу опрокинулъ книгой приходо-расходной.

— Какъ? Какъ? Что? Кто сказалъ? Кто сказалъ?

Въ спальню побѣжалъ, руку къ сердцу прижавъ, жалобнымъ голосомъ крича:

— Раиса Михайловна! Раиса Михайловна! Да гдѣ же вы...

Вспомнилъ, что уѣхала къ Семену. Вспомнилъ, что Семенъ хвораетъ. Порокъ сердца у Семена. Порокъ сердца.

— Ой, въ сердцѣ колетъ! Ой, сердце! Да гдѣ же вы! Раиса Михайловна! Раиса Михайловна!

Во всѣ звонки у кровати своей позвонилъ, на кровать повалился. Стонетъ.

Лакей въ дверяхъ. Макаръ ему голосомъ хриплымъ:

— За Раисой Михайловной послать... Скорѣй... И за докторомъ. Стой! Стой! Пока что, Зину ко мнѣ. Живо!

Стоналъ. Лежалъ не шевелился. Въ потолокъ смотрѣлъ. Рука правая за рубашкой удары сердца считаетъ.

Зиночка, робко-поспѣшная, вошла. Глазами спросила, а потомъ и шопотомъ:

— Что съ вами, папаша?

— Ой-ой! Сердце... Расхворался я. Лекарства мнѣ.

— Какого, папаша?

— Какого-какого! Поищи тамъ. Знаешь, чай...

Пошла Зиночка въ моленную. Тамъ Раиса Михайловна и шкапчикъ съ лекарствами завела давно. Аптека — называется шкапчикъ тотъ.

— Ахъ, сколько натащила! Ахъ, сколько! Неужели-жъ я такъ захворалъ! Ой-ой, сердце... Не умереть бы мнѣ, Зиночка... Какія такія лекарства у тебя?

— Валерьяновы вотъ капли, лавровишенныя, ландышевыя:

— Какихъ же ты мнѣ?

— Выпейте лавровишенныхъ. Безопасно.

— Ну лей. Да ты считай! Считай!

— Вотъ двадцать.

— Да ужъ пить ли... Знаешь что: сейчасъ докторъ пріѣдетъ. Онъ разберетъ. А ты мнѣ пока что коньячку принеси. Въ столовой, на буфетѣ. Въ граненномъ, знаешь?

— Знаю, папаша. Сейчасъ.

Пилъ коньякъ глотками маленькими. Жалко ему себя стало очень. Тихимъ, не своимъ голосомъ говорилъ:

— Дай-ка мнѣ зеркало. Ой-ой! Блѣдный я какой... Вѣдь, блѣдный? Блѣдный?

— Не очень, папаша.

— Какъ не очень? Отцу плохо, а она:—не очень! Отецъ вамъ все, а она:—не очень... Мы при отцѣ...

Забылъ, вскочилъ со своего саркофага. Забѣгалъ. Вспомнилъ. Легъ, за лѣвый бокъ ухватившись. И такъ ему жалко себя стало, такъ жалко. Будто обидѣли, бросили. И захотѣлось съ дочерью поговорить, тихо поговорить. Говорилъ, коньякъ отхлебывая глотками маленькими. Говорилъ, а голосъ громче все.

— Дѣти должны объ отцѣ заботиться. Мы при отцѣ вотъ... А вы что? Ты вотъ за-мужъ. Не иди ты за-мужъ. Я, конечно, не какъ въ старину. Принуждать не буду. Только глупости все это...: за-мужъ. Ну, сначала оно по молодости лѣтъ занятно. То, се, пятое, десятое... поцѣлуи тамъ, слова глупыя и все такое. Самъ молодъ былъ. Да во время за умъ взялся. Давно увидѣлъ: человѣкъ долженъ работать. Счастье человѣка въ работѣ. Тогда покой, тогда глупости на умъ не идутъ. Вотъ я писемъ однихъ сегодня пятнадцать штукъ написалъ. А ложусь когда? Послѣ ужина вы всѣ спать, а отецъ опять за дѣло. А вы всѣ отца не жалѣете. Ну, къ чему ты за-мужъ? Къ чему? И какой онъ женихъ! Мнѣ, конечно, плевать на то, что бѣденъ онъ. Не мнѣ съ нимъ жить. Только, вѣдь, онъ, шарлатанъ, на деньги зарится. Только денегъ онъ никакихъ не получитъ. Есть у тебя приданое отъ бабушки твоей. Это твое. Хоть и напрасно она, ну, да это ея дѣло. Твои деньги, разъ на твое имя положены. И хоть сейчасъ всѣ двадцать тысячъ выбери и хоть подсолнуховъ на нихъ накупи. Или шарлатану этому, голодранцу, кальсоновъ что-ли. Мнѣ что. Только больше, вѣдь, я вамъ денегъ не дамъ. А шарлатанъ твой, поди, не вѣритъ, думаетъ: дамъ. А зачѣмъ же я дамъ? Нѣтъ! Посуди сама: зачѣмъ же я дамъ? Живете вы всѣ у меня, какъ принцы во дворцѣ. Такъ что ли мы при отцѣ жили? Думаешь, такъ? Нѣтъ, не такъ. Дудки-съ! Не такъ! А коли вы отъ такой жизни рыло воротите... то-есть

я хотѣлъ сказать: какъ васъ ни корми, въ лѣсъ смотрите, то и чортъ съ вами... то-есть я-то чѣмъ тогда виноватъ! И, конечно, ни копейки...

— Да мнѣ не нужно денегъ, папаша.

Поблѣднѣвшая стояла, взоры опустивъ. Въ рукахъ платочекъ мяла.

— Да ты чего? Чего? Не разстраивай отца. Вотъ сердце у меня опять. Ты сядь. Ты сядь. Ахъ, кажется, опять кольнуло... Ахъ, не умереть бы мнѣ. Пульсъ посчитай. Пульсъ посчитай, что ли... И что это Раиса Михайловна... Да! Да! Слыхала? Доримедонтъ? Про Доримедонта слыхала? Правда это? Правда? Господи помилуй... Господи помилуй... Упокой душу. Упокой душу. Вотъ, вѣдь, докторишки проклятые. И чему учатъ ихъ. Вотъ, вѣдь, если скажемъ, строю я. Такъ я ужъ насквозь знаю, какъ и что. И у меня такъ, здорово-живешь, домъ не повалится... И Семенъ вотъ захворалъ... Не очень, вѣдь, Семенъ захворалъ? Не помретъ Семенъ? Да что молчишь? Легко, думаешь, отцу? Братъ умеръ. А она—за-мужъ... Поди-ка лучше помолись. Поди помолись. Туда, туда въ моленную. Раиса Михайловна вотъ молится. И Богъ ей счастье даетъ.

Пріѣхалъ докторъ. Вслѣдъ Раиса Михайловна. А по дому уже вѣсть о смерти Доримедонтовой давно расползлась.

Въ львиную комнату Яша вбѣжалъ. Лицо красное, губы дергаются. Вбѣжалъ. Закричалъ:

— Умеръ!

Антонъ голову чуть отъ книги поднялъ. Давно ужъ бѣгъ брата по лѣстницѣ заслышалъ. Не по ковру бѣжалъ Яша, по мрамору. И черезъ много ступеней прыгалъ.

Теперь голову лѣниво поднялъ Антонъ.

— А гдѣ же онъ, который пощечинъ тебѣ надавалъ и за тобой гнался пятнадцать верстъ?

— Что городишь? Какой такой онъ?

— А ты посмотри на себя въ зеркало. Можетъ, припомнишь.

Яша къ зеркалу подошелъ. Какъ бы не могъ ослушаться.

— Тьфу! Да! Физіономія у меня. Но въ сторону это, въ сторону! Умеръ, говорю. А ты что не спрашиваешь, кто умеръ?

— Доримедонтъ.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Да ты.

— Нѣтъ. Раньше меня? Раньше меня?

— Никто. Ты первый.

— Врешь. Я сказалъ только, что вотъ умеръ. А кто умеръ не сказалъ.

— Ну, догадаться не трудно. Если бы самъ ты умеръ, меньше бы испугался. Стало бытъ, умеръ Доримедонтъ.

— Стало быть, умеръ. А тебѣ такъ-таки все равно? Знаешь, поступай-ка ты въ актеры.

— Да. Все равно. То-есть то мнѣ безразлично, про что думаешь. А думаешь ты про деньги. Про Доримедонтовы мильоны. И не потому я такъ, что совсѣмъ ужъ въ этихъ дѣлахъ ничего не смыслю. Я даже могу сказать, сколько у Доримедонта денегъ. Ушелъ ты отъ меня какъ-то, наговоривъ свое. А мнѣ скучно стало. Вспомнилъ правило процентовъ. И высчиталъ. Пять мильоновъ. Немножко больше, немножко меньше.

— И врешь. Почти семь.

— Какъ такъ? Да! Ну, стало быть, процентъ не тотъ. Не моя вина. Самъ же ты говорилъ, что у Семена...

— Что Семенъ! Я къ самому архангелу проникъ... Или какъ его... къ Рожнову! Къ старцу, къ старцу. Не сплошь тихи дѣла у Семена. А Доримедонтъ про свои деньги вралъ, что у него въ государственномъ.

— То-есть не онъ вралъ, а ему врали. Такъ по моему.

— Ба! Какъ это я не догадался! Конечно, такъ. Конечно, такъ. Да ты, Антоша, прикидываешься только, что коммерція тебя не интересуетъ... Стой, стой! Не затѣмъ шелъ. Вѣдь умеръ! Умеръ!

— А ты на диванъ. Успокойся. И всѣ, вѣдь, со дня на день ждали. Не сюрпризъ.

— Пойми, что, кажется, все сорвалось. Все! Все! И пойми, то хуже всего: хуже всего-то, что она не таится даже. Насъ съ тобой за семилѣтокъ считаетъ... Ну, меня одного что ли? Maman опять у Семена. Ну, когда она туда ѣздила? Когда? Вѣдь, я себя вотъ этакимъ помню, когда она насъ туда съ Викторомъ возила. А когда одинъ онъ, безъ Настасьи, безъ этой,—ни, ни! А тутъ заѣздила. Зря. Зря? Нѣтъ, не зря. И явное это пренебреженіе меня вотъ какъ злитъ! Вотъ какъ! Вотъ какъ! Я знаю maman. Я знаю. Во-первыхъ, ей, конечно, надо переговорить объ этомъ объ устномъ завѣщаніи. А во-вторыхъ, а во-вторыхъ, и это главное, показать мнѣ... мнѣ, мнѣ, мнѣ показать и доказать, что я щенокъ, цюцикъ, чортъ знаетъ что еще въ сравненіи съ ней, съ Раисой Михайловной.

— Но, вѣдь, дядя Семенъ боленъ. А комендантъ не ѣдетъ. Онъ же, вѣроятно, ее и посылаетъ.

— Пошлешь ее! Для уничиженія это. Вотъ никогда не ѣзжу. Никогда! А сыновьямъ насолить—тогда пожалуйста. Смотрите и знайте, что ѣду къ главѣ фирмы, дабы уничтожить неразумное словесное завѣщаніе Доримедонта. О, какъ я знаю ее!

— А, можетъ, и не знаешь совсѣмъ.

— Я-то! Я-то! Но вотъ въ чемъ дѣло. Рѣшилъ я дать генеральное сраженіе. Даже такъ, чтобъ все на карту. Игра того стоитъ. Но нужно мобилизовать. Понимаешь: мобилизовать всѣ силы. Съ тѣмъ и бѣжалъ. Осѣнило ли меня, но подумалъ я о Викторѣ. Викторъ! Викторъ! Понимаешь ли ты, Антоша, что такое Викторъ въ этомъ дѣлѣ? Визиты maman на Московскую, еще разъ говорю, понятны мнѣ до... до противности. И, значитъ, крышка. Захочетъ—сдѣлаетъ. И то прими въ расчетъ еще, что не только мы съ тобой изъ повиновенія ея выходимъ совсѣмъ, если завѣщаніе Доримедонта въ силѣ, а и Костя. Костя потомъ, конечно. Не надо бы ему: мальчишка, а носъ деретъ, ну да, вѣдь, Доримедонтъ безъ тонкостей: племянникамъ. И все тутъ. Да, теперь о Викторѣ. Что мы съ тобой сдѣлать можемъ, если и на крайности пойдемъ? И на какія такія крайности? Вотъ она со мной третій мѣсяцъ почти не говоритъ изъ-за Сережинаго гроба. Чувствую, что изъ-за Сережинаго гроба. Чувствую. А къ объясненіямъ не подпускаетъ. Кстати, какъ это ты устроился? Такой скандалъ тогда, и ничего. И для maman теперь я главный жупелъ. Мнѣ, вѣдь, невыгодно, въ концѣ - концовъ. Невыгодно, пойми ты! Да, о Витѣ. Итакъ, что можемъ сдѣлать мы съ тобой? Ничего. Принявъ во вниманіе, что ты просто кисляй, даже не кисляй, а пиѳія. Да, да, ты пиѳія. Тебя, только тебя можно застать въ любой часъ на мѣстѣ. На твоемъ треножникѣ о четырехъ ногахъ. Но о Викторѣ. О Викторѣ. Пріѣзжаетъ, понимаешь, господинъ. Не Витя какой-то, а господинъ. Не какъ я, не какъ ты. А настоящій господинъ. Останавливается, конечно, въ гостинницѣ. И изъ гостинницы шлетъ адвоката. Гостиница это разъ. Адвокатъ это два. Но, вѣдь, нужно же какъ-нибудь и то посчитать, что сынъ онъ. Сынъ. Положимъ, котируется это у насъ не высоко, но все же. Понимаешь о Викторѣ?

Изъ раздумій Антошиныхъ братъ Викторъ въ комнату львиную выплылъ. Антону сказалъ:

— Ну ихъ.

Антонъ Яшѣ сказалъ тоже:

— Ну ихъ.

— Что бормочешь? Что бормочешь?

— Я такъ. Къ чему, говорю, все это...

— А! ты такъ? Ты такъ? Измучилъ ты меня. Измучилъ своимъ безразличіемъ. И, вѣдь, напускное это. Напускное. Я психологъ, и вижу. И ты, вѣдь, на меня очень похожъ. Я вотъ тебя съ полуслова всегда... а ты меня. И были бы мы совсѣмъ одинаковые; только я вотъ искрененъ, какъ стекло я прозраченъ, а ты, а ты актеръ. И такой ты актеръ, что самъ ты для

себя и актеръ, и театръ, и публика. Онанистъ ты нравственный. Вотъ ты кто. Такъ и знай. И во всемъ ты такъ. Тогда вотъ тоже, великое твое здѣсь сидѣніе... Не говорилъ тебѣ, а я, вѣдь, все въ-скорости тогда разузналъ... то-есть и не разузнавалъ, а само. Какая ужъ тутъ Шильонская тайна, когда верхняя бабушка съ монахинями болтаетъ. Ну, что тогда было? Что? Вѣдь, напустилъ! Напустилъ. А напустивши на себя, на подмостки свои влѣзши, можетъ, и по настоящему несчастенъ былъ. Я тебя вотъ какъ знаю...

— Про то оставимъ. А про Доримедонта вотъ что. Ну, какой же ты психологъ, коли только на свой аршинъ! Люди разнымъ живутъ. А тутъ такъ и просто разница вкусовъ только. Скучно мнѣ, Яша. И много я тутъ передумалъ. Ну, и о деньгахъ думалъ. Вотъ, хоть бы наши деньги, то-есть не наши съ тобой, а эти мильоны... Вѣдь, это проклятіе какое-то. Проклятіе. Вотъ, гляди: книги лежатъ. Въ разныя времена въ разныхъ странахъ люди ихъ писали. И хорошіе люди. Большіе люди. Идеями различными горѣли. Ну, и страданіями различными. Вѣдь, люди же они, авторы-то. Люди настоящіе. И тѣ еще люди, о которыхъ преданія только. Такъ вотъ, книги раскрой. Разное найдешь. Ну, и про деньги кое-гдѣ найдешь. Но кое-гдѣ, говорю. Кое-гдѣ. Можетъ быть, на сто страницъ одна. А, вѣдь, отражаютъ же онѣ жизнь, книги-то. Съ этимъ спорить не станешь. Жизнь—она богата. И совсѣмъ не деньгами богата. Вотъ Земля, планета наша, богата. Но не золотомъ же только. Да, жизнь. А это что? Проклятіе, говорю. Проклятіе. О чемъ говорятъ, думаютъ? Деньги. Ты вотъ о чемъ? Деньги. Вотъ вечерами у окна сяду, безъ лампы. Чужіе люди идутъ. И если кто про домъ что скажетъ, то непремѣнно слово мильонъ тутъ же. Или про коменданта что. И то же. И улыбочка какая-то при этомъ на лицѣ. Точно какую-то гадкую тайну другу другу сообщаютъ. Или насмѣхаются. Мы, молъ, идемъ, и ничего, люди какъ люди, а тамъ за стѣнами этими милліонеры. Мы настоящіе, счастливые, а тамъ милліонеры. И мимо торопятся, въ свою жизнь. Ну, про коменданта это понимаю. Онъ деньгами живъ. Такъ, вѣдь, нѣтъ. Безсчетное число разъ на улицѣ, въ театрѣ, на пароходѣ слова я эти дурацкія, шопотныя слова слышалъ за спиной своей. Я-то тутъ причемъ? Макара Яковлича сынокъ... Проклятіе — оно ядовитое. Вѣдь, чуть не до вчерашняго дня тѣшили меня слова тѣ шопотныя. Мильоны... Да я проклялъ ихъ. Меня ими кто-то проклясть хотѣлъ. А я самъ проклялъ. И слово далъ.

Чуть раскипѣвшись, опять затихъ, взоры отъ Яши отвелъ въ свое, въ пустое.

— ... Да. Слово далъ.

— Какое слово?

Яша на диванѣ развалясь нахмуренный.

— Такое слово, чтобъ никогда о деньгахъ не думать. А не то что ужъ ихъ за главное почитать. И... и кару себѣ опредѣлилъ за запретную мысль.

— Какую кару? Сто поклоновъ? Бичеваніе?

— Не скажу, какую кару. Только едва ли скоро привется карать себя. Искренно противны мнѣ деньги.

— Гм. Такъ. Ну, и пусть. Хотя не очень вѣрю. Но можешь же ты съ братомъ посовѣтоваться. Не могу я одинъ во вражьемъ станѣ. Психологически невозможно. О Викторѣ говорю. О Викторѣ. Объ итальянскомъ господинѣ.

— Это чтобъ онъ сюда? Изъ-за Доримедонтовыхъ денегъ? Да что ты! Конечно, не поѣдетъ.

— Почему не поѣдетъ? Письмо ему. Телеграмму.

— Ужъ если я слово далъ и слово свое сдержу, то онъ, Викторъ...

Тихо улыбнулся Антонъ и взоры въ даль мглистую послалъ, въ высь-ли.

— Или думаешь такой же онъ кисляй, какъ ты? Нѣтъ! Ты планъ мой оцѣни. Свѣтлый мой планъ. Кто какъ не Викторъ намъ поможетъ! Викторъ. Конечно, Викторъ. Одинъ Викторъ. Всѣ козыри у него. Слушай! Виктору терять нечего. Слѣдовательно, можетъ онъ разныя страшныя слова. Судомъ грозить можетъ. И зачѣмъ же только грозить? Чуть что и процессъ на всю Россію. Лучшіе адвокаты пойдутъ безъ денегъ за долю съ выигрыша. Да что объ этомъ! Далѣе. Викторъ—лицо самостоятельное. Гдѣ-то тамъ онъ имя имѣетъ. Ему, навѣрно, эти самыя итальянскія синьорины цвѣты подносятъ, серенады тамъ какія-то и все прочее. И такой господинъ въ родномъ своемъ городѣ. Въ гостиницѣ. Понимаешь: гостиница. Хорошій номеръ. А въ другомъ номерѣ адвокатъ изъ Питера. Два адвоката. Три адвоката! Общественное мнѣніе за него, конечно, за господина въ гостиницѣ... Идея! Идея! Слушай! Пусть онъ свои картины сюда тащитъ. Выставка въ залахъ дворянскаго клуба. Афиши. Въ газетахъ разныя разности. Будетъ онъ этакимъ именинникомъ по нашему богоспасаемому граду разгуливать. А тутъ слухъ пойдетъ о процессѣ. Адвокаты его къ Семену, къ коменданту, къ Корнуту. Или такъ, молъ, или этакъ. Выбирайте. Намъ все равно. И чинно такъ все, спокойно. И всѣ во фракахъ. А именинникъ въ гостиницѣ. Ахъ, какая прелесть! Терроръ! Терроръ! Да я отъ своей бѣдности тысячи рублей не пожалѣлъ бы, чтобъ эту трагикомедію поглядѣть. Что молчишь! Хвали меня за мою выдумку.

Чего улыбаешься? Вѣдь, не ты придумалъ. Это меня отчаяніе вдохновило. Понимаешь: геніальность отчаянія. Бери перо! Бери перо! Давай письмо сочинять.

А Антонъ смѣялся тихимъ смѣхомъ. Глазами свѣтлыми, вотъ, наконецъ, веселыми на Яшу глядитъ.

— Это Викторъ-то? Викторъ будетъ этимъ твоимъ придуманнымъ шутомъ?

— Шутомъ? При чемъ шутъ?.. Но идея! Ты мнѣ подсказалъ. И, положительно, выдумка моя геніальная. Не шутомъ, но веселымъ человѣкомъ, человѣкомъ, понимающимъ шутку надо быть для этой миссіи. А Викторъ таковъ. Викторъ на жизнь легко смотритъ. Изъ дому убѣжать, о братьяхъ забыть, объ отцѣ съ матерью я умалчиваю, картины въ заморскихъ странахъ красить, отъ синьоринъ разныхъ орхидеи — это ему все такъ, наплевать. Викторъ на жизнь легко смотритъ. Такого и надо. Такого и надо! Ему что? Процессъ, говорите? Извольте. Вотъ вамъ процессъ. Въ полчаса рѣшитъ и прикатитъ. Вотъ я, къ примѣру. Искренно тебѣ скажу: не могъ бы я процессъ противъ коменданта повести. И не изъ страха только, что вотъ если проиграю, такъ мнѣ тогда крышка, это въ смыслѣ грядущихъ благъ. Нѣтъ. Не потому только. Честное слово, не потому только. Характеръ такой. Психилогически не могу. Тутъ надо быть веселымъ человѣкомъ. Веселымъ человѣкомъ, легкимъ, легкимъ, на жизнь легко глядящимъ. Чтобъ орхидеи разныя, шампанское, тарарабумбія и наплевать на все. О, за Виктора, за эту идею мою, всѣ свои ошибки въ этомъ Доримедонтовомъ дѣлѣ прощаю себѣ. Бери перо! Бери перо! Вдохновеніе у меня. Вдохновеніе. Лови минуту экстаза!

Вдругъ испугался Яша. Съ дивана привсталъ. На брата круглыми глазами глядитъ.

— Да что ты? Что съ тобой? Фу, чортъ... Институтка истеричная. Замолчи, говорю. Ба! Актеръ... Подмостки... Только, вѣдь, не къ случаю совсѣмъ. Ну, да все равно. Браво! Bravissimo! Только довольно. Къ дѣлу. Къ дѣлу.

Антонъ блѣдный всталъ-вскочилъ. У окна уже стоялъ. Хохотомъ необычнымъ, хохотомъ слезнымъ звенѣли слова. И рвались нити словъ, и Антонъ то туда, за окно, взглядывалъ, въ мглу, то въ ладоняхъ лицо пряталъ. И почти страшно было Яшѣ видѣть въ мглистомъ прямоугольникѣ окна предвечерняго темный силуэтъ брата.

— Викторъ слово далъ. Великое слово. И Викторъ святой теперь. Страданіями души святость купилъ. А не шутъ. До идеи, до своей идеи, до своей надо крестной дорогой идти. Одному идти. Идти и плакать. А не шутъ. Бичевать тебя не хотятъ—

самъ себя бичуй. Бичуй и плачь, и иди. Викторъ на горѣ уже. Олимпъ тогда гора высокая, когда онъ—Голгофа. Тамъ не орхидеи растутъ. У Брыкаловой орхидеи. У шутовъ орхидеи. Сораспнись Христу, тогда на Олимпъ. Викторъ тамъ. И не тебѣ я говорю. Можешь не слушать. Amor! Amor, а не синьорина съ орхидеей. За Викторомъ на его гору идти, а не Виктора звать сюда, въ болото. Грязь. Лягушкамъ жить. Викторъ въ болото полѣзетъ! Викторъ грязныя дѣлишки улаживать будетъ! Викторъ нимбъ свой шутовскимъ колпакомъ прикроетъ, чтобъ Яшѣ угодить!

Тогда ужъ чуть палъ пафосъ Антоши. А началъ онъ говорить не такъ, какъ-бы возражалъ рѣчамъ Яшинымъ, а какъ-бы разсказывая любимому другу или любимому врагу поэму свою, которая во краю угла.

Къ тому сроку не плакалъ ужъ и не смѣялся голосъ Антоши.

— ... Да если-бы Виктору деньги нужны были, мильоны эти, собралъ-бы онъ силы свои, всѣ силы и разбогатѣлъ-бы. Мало развѣ въ Америкѣ милліардеровъ. Викторъ слово далъ. Въ одну душу нельзя насовать цѣлый магазинъ идей. Святость—она ничего не боится, но должна оберегать себя отъ всего. Отъ всего чужого. Виктору не Доримедонтовы мильоны нужны. И ничьи мильоны. У человѣка идея. А идея—что такое идея? Когда въ душѣ идея, ничего туда больше не втиснешь. А втиснешь, такъ то гвоздь будетъ, разрушающій гармонію...

Обрадовался Яша тому, что тотъ тише сталъ. И не жутко ужъ.

— Стало быть, по твоему, Викторъ сюда не поѣдетъ? Если даже письмо ему обстоятельное и рѣшительное?

— Смѣшно. Конечно нѣтъ.

— Давай пари.

— Для меня это—дважды-два. Тогда, говорятъ, не честно.

— Мнѣ мое тоже дважды-два. Тогда честно. Идетъ? На что?

Антоша шагами усталыми до кресла своего дошелъ. Стыдясь-ли брата, боясь-ли убить чару недавнюю, взоры отводилъ отъ взоровъ Яши. И свѣчи зажегъ передъ собой. Въ подсвѣчникахъ изъ горнаго хрусталя двѣ свѣчи.

— Идетъ, что-ли? На что хочешь.

Яша успокоенный голосомъ пренебрежительнымъ. А Антонъ ему, между свѣчъ глядя туда куда-то, какъ между двухъ огней маячныхъ корабль свой правя:

— Смѣшно мнѣ это. Но и скучно. Понимаешь? Скучно.

— Тебѣ не это только скучно. Просто ты играешь роль

мизантропа. А актеромъ задѣлаться тебѣ ни въ какомъ случаѣ не мѣшаетъ. Есть въ тебѣ. Это-то въ тебѣ есть. А стихи брось. Ахъ, къ чорту, къ чорту все это!.. Утѣшь ты брата. Сочини письмо. То-есть вмѣстѣ давай сочинять.

— Давай сочинять.

Вскочилъ опять Яша съ дивана. Думалъ на-скоро:

— Шутитъ? Или убѣдилъ я его? Актеръ! Актеръ ничтожный, вотъ что!

И сказалъ весело:

— Приступимъ. А пари?

— Не пріѣдетъ. Но давай писать.

Закурилъ Яша папиросу. Шагалъ.

— Потоньше это надо. А вступленіе такъ, по моему, чтобъ ошарашить.

Антонъ съ перомъ въ рукѣ передъ столомъ своимъ любимымъ на бѣлую бумагу глядитъ.

— Конечно, такъ. Мнѣ надо быть искусителемъ. Викторъ великій, Викторъ далекій, прости. Напишемъ мы сейчасъ тебѣ— я напишу. Подлое письмо напишемъ—знай, я подлецъ. И мнѣ нужно, Викторъ, первое письмо тебѣ написать. И пусть первое письмо будетъ подлое письмо. Не нужно тебѣ понимать, каковъ я. Я знаю, каковъ ты. И довольно мнѣ. И я такимъ буду, какъ ты. И я на гору взойду. Но рано мнѣ. А нынѣ вызываю. Слушай, двойникъ мой, лучшій я. Долженъ я быть искусителемъ твоимъ. Приди, прилети сюда въ нашу грязь, въ нашъ смрадъ. Приди! Прилети! Но не придешь. Не прилетишь.

И громко сказалъ, спокойно:

— Ну, Яша!

Сочиняли. Львы глядѣли со стѣнъ спокойные на Яшу метавшагося. Спѣшилъ, выкрикивалъ.

— Такъ! Такъ! Именно такъ: мѣсяцъ твоего здѣсь пребыванія сдѣлаетъ и тебя и насъ богатыми людьми. Теперь про нравственную обязанность потоньше, поглубже. Стропилы, кобылы разныя да ордена съ одной стороны, съ другой—мильоны въ рукахъ культурныхъ, гуманныхъ и молодыхъ людей. Вотъ на это-то приналягъ. Эту вотъ идею итальянскому господину въ блескѣ преподнести, въ искрометности высшаго долга! Помогай, Антоша! поцвѣтистѣе...

Пять большихъ страницъ исписали. Яша бережно въ карманъ положилъ.

— Бѣгу на почту. Самъ. Заказнымъ. Да. Посланіе разительное. Да если онъ не пріѣдетъ... Бѣгу! Бѣгу! Addio!

Антонъ внезапно улыбнулся, какъ-бы далекое вспомнивъ.

— Постой минутку.

— Что?
— А вотъ это.
На дверцу шкапа желѣзнаго Антонъ указалъ.
— Какъ? Открылъ?
— Открылъ.
— И что?
— Вотъ.
Пачку писемъ Яшѣ подалъ. Ленточкой перевязаны.
— Письма? Гм... Легомысленные конвертики. Читалъ?
— Такъ... Кое-гдѣ посмотрѣлъ. Срокъ давности миновалъ. Счелъ возможнымъ. Да и не серьезное.
— Дай мнѣ. Можно? Да и по праву мои они. Я идею подалъ шкапъ открыть.
— Коменданту надо-бы отдать
— Я и отдамъ.
— Бери, конечно. Я съ нимъ говорить теперь не хочу.
— Беру. Спасибо. Можетъ, толкъ выйдетъ. И только это тамъ? Больше ничего?
— Больше ничего.
— О, сумасшедшій домъ! Не знаютъ, для чего несгораемые шкапы дѣлаются. Бѣгу! Бѣгу!
Антонъ солгалъ, сказавъ брату, что въ несгораемомъ шкапу нашелъ только эту пачку писемъ. На верхней полкѣ нашелъ онъ еще маленькую шкатулочку краснаго дерева, и ключикъ серебряный въ замкѣ.
Теперь, когда затихли шаги Яшины, досталъ опять шкатулочку Антонъ. Съ улыбкой раздумчивой, тихой, на столъ поставилъ. Затихъ. Думами въ глубокое ушелъ. И вотъ повернулъ ключикъ и поднялъ крышку безшумную, какъ часто уже за два дня дѣлалъ.

XXI.

Запорошило домикъ маленькій на Гребешкѣ. Весь померзъ садикъ милый. Розановъ кусточки выживутъ-ли. Саженцы березки да липки—ихъ ужъ вывернуло.
— На юру живемъ, на юру. Всѣхъ вѣтровъ къ себѣ въ гости зовемъ. Недаромъ Гребешокъ называется.
Осень-ли поздняя. Зима-ли ранняя.
Василій Васильичъ Горюновъ, сто лѣтъ ему скоро минетъ, въ домикѣ томъ, на Гребешкѣ, живетъ. Слѣпъ ужъ Василій Васильичъ. Но и нынѣ разумъ его не покинулъ. Застила тьма свѣтъ Божій. Но благо, но благо. Вечеръ жизни безъ солнца

пусть, чтобъ утро новое солнцемъ новымъ засіяло. Развѣ мало куда стрекалъ конь неразумный, конь юности, конь зрѣлости, конь старости. Нынѣ дряхлость по закону давно уже.

Такъ и живетъ Василій Васильичъ Горюновъ, живетъ— никому не мѣшаетъ. Недвижимъ.

Ждетъ онъ гостей нынѣ. Сѣдъ, недвижимъ. Ждетъ гостей, въ креслѣ сидитъ въ глубокомъ. Старушка бѣленькая похаживаетъ вкругъ стола, ложками, чашками чинно позваниваетъ. Да и не старушка вовсе. И семидесяти годовъ не насчитаетъ.

Въ горенкѣ чистой тишина пѣсни поетъ, къ шагамъ старушки бѣленькой прислушивается улыбчиво. А бѣленькая туда-сюда ходитъ. Прибираетъ, охорашиваетъ.

Брякнуло тамъ, у калитки. Еще. Вотъ трижды.

— Поди-ка, мать.

Вышла. Привела. По чину съ Васильемъ Васильичемъ повидались. Рябошапка да Рвиборода гостьми. Сѣденькіе ужъ оба. Слова лишняго не сказавъ съ хозяиномъ, на лавку сѣли. Къ снѣди не прикасаются. Въ безсловіи ждутъ. А старушка бѣленькая вышла. И опять брякнула трижды щеколда желѣзная въ морозныхъ вихряхъ. И открылась-хлопнула. И шаги. Съ хозяиномъ древнимъ повидался по чину Савелій Михайловъ Горюновъ. И съ тѣми двумя. Къ столу сѣлъ. Бесѣду тихую повелъ. Тѣ двое отвѣчаютъ, на лавкѣ сидя. Но ждутъ. Не всѣ. Такъ и въ окно предночное поглядываютъ трое. Такъ и хозяинъ древній молчитъ.

Брякнуло трижды. И трое вошли. Старикъ—не старикъ. Волосы сѣды всѣ и борода не коротка. Взоръ же и чинно угрюмъ, но и не все нашелъ еще: бѣгаетъ, ищетъ подчасъ, одежда человѣка того не то городская, не то мужичья. Но по зимнему ужъ одѣтъ. И то былъ Вячеславъ Яковличъ, четверть вѣка позадь сего принявшій муку ссылки отъ людей знаемыхъ въ холодный край далекій, гдѣ работы много, но работа та не радуетъ; гдѣ и людей всегда много предъ глазами, но отъ людей тѣхъ уйти хочется, а уйти некуда. А двое молодыхъ, что съ нимъ вошли, то его, Вячеслава Яковлича, сыны: Павелъ и Петръ. Тихи, чинны взоры внуковъ желѣзнаго старика. Вошли юноши—на хозяина слѣпого съ почтеніемъ великимъ глядѣли. Повидались всѣ по чину и сѣли—на отца юноши поглядываютъ. Лица розовыя, просящія жизни. У старшаго, у Павла, усики таковы и пушокъ на бородѣ, что не примѣтить нельзя.

А старецъ Василій Васильичъ слѣпой съ Вячеславомъ ужъ въ бесѣду вступилъ. Голосомъ шелестящимъ Василій Васильичъ слова людямъ отдаетъ понемногу. Будто ангелъ тихій, къ Ва-

силью Васильичу приставленный, слова ему приноситъ. Одно передастъ, за другимъ полетитъ.

— Душу свою восторгни паки. Сосудомъ чистымъ Господь Исусъ тебя избралъ. Не опогань себя, говорю. Для того звалъ И ихъ всѣхъ звалъ для того. Къ Господу отойду въ скорости. Одному бы тебѣ сказалъ, грѣхъ бы на душу взялъ. Господь бы призвалъ меня, а къ тебѣ бы, Вячеславъ, врагъ человѣческій подступилъ бы, сказалъ бы, искушая: вотъ нѣтъ его, кто говорилъ тебѣ законъ Господень; иди теперь по пути моему, сыновъ своихъ пошли по злато новопредставшаго Доримедона. И по слабости человѣчьей въ годахъ младыхъ могъ бы потѣшить ты врага. Сказалъ бы себѣ: у Господа онъ теперь, это я-то. Кто слышалъ? Пойду-ка паки по путямъ зла. А годы младые. Не даромъ поется: не знаю, какъ и быти, чѣмъ коня смирити; чѣмъ коня смирити, въ рукахъ вождей нѣту. Про годы неразумія то поется, про годы младые. Посему ихъ призвалъ и тебѣ наказалъ съ сынами быть. Не слыша голоса моего тѣлеснаго, къ рѣчамъ врага ухо преклонишь, а совѣсть зазритъ. На людяхъ говорено. И сыны твои—вотъ они. Злата бѣги. Въ емъ скверна. И пока не пріуплакалась душа, врагъ округъ ходитъ. А ты, Вячеславъ, памятуй: сосудъ чистый въ тебѣ и въ сынахъ твоихъ Господь себѣ готовитъ. Испытанія велія тебѣ сызмалолѣтства твоего посланы. Возблагодари Господа и не грѣши. По человѣчьей возможности. А тебѣ бы и мыслить о семъ не надлежало. Давно ужъ въ вѣрѣ правой. Церковью Господа грѣхи миновалые покрыты. Али церковь забылъ? А забылъ, что кому церковь не мать, тому Богъ не отецъ?

Сѣдому Вячеславу понуренному такъ сказалъ Василій Васильичъ. Ангелъ къ старцу приставленный спѣшилъ летѣть, слова приносить издалека. Полчаса съ небольшимъ Василья Васильича рѣчь слушали гости, недвижно, безсловно сидѣвшіе. Кончилъ. Ни слова не сказали ему. Да онъ и не ждалъ. Недолго еще посидѣлъ въ креслѣ своемъ. И ту бѣленькую старую кликнулъ, чтобъ провела.

— Я на покой. А вы маленько тутъ посидите. Чаекъ вотъ. Побесѣдуйте, миленькіе.

Изъ-за перегородки бѣленькая вышла. Руку правую онъ на плечо ей положилъ. Повела.

— И правильны слова его, да и неправильны.

То Савелій сказалъ раздумчиво, некраткое молчаніе оборвавъ. Вячеславъ сказалъ:

— А что?

И голову сѣдую поднялъ-вскинулъ. И сыны его въ глаза ему заглянули оба.

— А то, что по человѣчеству если разсудить, такъ денегъ тѣхъ для сыновъ твоихъ поискать не грѣхъ. А даже и такъ какъ бы не вышло, что грѣхъ-то не тамъ, гдѣ онъ увидалъ, а что если дѣло то оставить, такъ вотъ онъ грѣхъ-то и выйдетъ.

— Какъ такъ?

И Рвиборода заслышавъ возгласъ Рябошапки, вскинулся тоже:

— Какъ такъ?

А Вячеславъ и сыны его взорами лишь спрашивали. Савелій тогда:

— Вячеслава Яковлича дѣти въ страхѣ растутъ. При нихъ скажу—не соблазнъ. Я хоть отъ вѣры вашей, можетъ, и далекъ, да призвалъ же Василій Васильичъ меня на бесѣду. По совѣсти долженъ я.

Рябошапка, старичокъ бойкій, сѣденькую бородку трепля, Савелія рѣчь оборвалъ:

— Совѣсть, говоришь? Не въ укоръ будь сказано, Савелій Михайлычъ, совѣсть-то твоя какъ бы и двуликая. Вотъ ты, много годовъ тому, изъ міру ушелъ, рясу надѣлъ по вашему закону. Совѣсть у тебя, стало, одна была о ту пору. Безъ году недѣлю на горѣ Аѳонстей во спáсеньи пребывалъ, рясу скинулъ, въ міръ опять, да и поженился. Новую, стало, совѣсть нашелъ.

Рвиборода отозвался:

— Новую, стало, совѣсть.

— Ну, въ томъ дѣлѣ не мы его съ Господомъ разсудимъ. А только не мало отцовъ изъ пустыни въ міръ шли. Спáсенье—оно...

— Знаемъ. Знаемъ.

То Рябошапка и Рвиборода на Вячеславову рѣчь тихую. А Савелій чуть обиженный:

— Не надо бы и договаривать мнѣ, коли такъ, но для тебя лишь, Вячеславъ Яковличъ скажу. Мысль моя такова. Знаю: судъ мірской, гражданскій судъ претитъ Василію Васильичу. Ну, и тебѣ тоже. Давно ужъ ты иной законъ во краю угла поставилъ. А въ Доримедонтовомъ дѣлѣ безъ суда гражданскаго не шагнешь. Только, вотъ вѣдь, что; мало развѣ изъ купечества по старой вѣрѣ ни шатки, ни валки, а мильонами ворочаютъ подчасъ ой какъ зазорно. А вы лепты ихъ принимаете съ поклонами. Для дѣла, говорите, для великаго, оно не грѣхъ. А тѣ мильонщики по суду, да и не по суду, случается, сиротъ нагишомъ пускаютъ. А старцы ваши: перемелется, молъ, въ чистый хлѣбъ Господенъ. А тутъ, въ Доримедонтовомъ этомъ дѣлѣ и зазору

не вижу. Открыто все и ясно. Оно, конечно, если тѣ адвоката, и тебѣ адвоката брать настоящаго. Но то ужъ какъ водится, по мірскому. Я тутъ, въ Доримедонтовомъ дѣлѣ, сторона. А въ томъ дѣлѣ, знаешь про что говорю, и я слово сказать могу. Вспомни-ка разговорецъ московскій на Вражкѣ. Этихъ вотъ тамъ не было. Что Глѣбъ про деньги говорилъ? А кто поддакивалъ! Не ты? Да и просто это какъ орѣхъ. Меня ты знаешь. И люблю я тебя. Въ случаѣ — упрешься, тѣмъ на тебя не наговорю. А безъ меня да безъ кой-кого еще тамъ и не узнаютъ, что ты Доримедонту этому братъ родной, а сыновья твои племянники его. Тѣ самые племянники, изъ-за которыхъ шумъ теперь. Не узнаютъ, если даже на всю Россію дѣло прогремитъ. Такъ-то. А по совѣсти, слѣдовало бы, пожалуй, довести до свѣдѣнія. Деньги-то, вѣдь, вотъ какъ въ Москвѣ нужны. А про тебя скажу: трещинка въ тебѣ есть такая вредная. Раскололся ты. Два у тебя Бога. И не знаешь ты, какой настоящій. И одинъ Богъ—старая эта вѣра ваша, а другой Богъ — наше дѣло. Про Москву говорю, про Глѣба и про все. Могила ты. Да и всѣ вы могилы. Этого отъ васъ не отнять. И тѣмъ вы золото, не люди въ дѣлѣ въ нашемъ. А только ужъ это ваше... Идете вы будто прямо, и вдругъ стопъ. Какъ въ стѣну упретесь. Помнишь, чай, студенты тѣ двое: этимъ, кричатъ, старовѣрамъ неизвѣстно еще что нужно. И въ дѣлѣ освобожденія они какія-то свои тайныя цѣли преслѣдуютъ. И что имъ важнѣе, не разберешь. И, дѣйствительно, вѣдь не по людски. Ну, хоть сегодняшнее взять. Ну, кто бы изъ московскихъ этакое судилище затѣялъ! Я про Василья Васильевича дурного слова не скажу. Уважать привыкъ. Но, вѣдь, про наше дѣдо, про московское, онъ что знаетъ? Онъ и этихъ вотъ призвалъ только зато, что старой вѣры. Вѣдь, случай только помогъ, что лишнихъ сегодня среди насъ нѣтъ. Вотъ онъ объ одномъ говоритъ, а деньги намъ нужны на другое. Да, ну ужъ, куда ни шло. Совѣтъ старца мудраго выслушать не вредно. Но, вѣдь, и то пойми, Вячеславъ Яковличъ, что коли бы онъ все про насъ зналъ, гдѣ мы и какъ работаемъ, другое бы онъ, можетъ, сказалъ сегодня. А ему сразу и не объяснишь всего. Да и то взять: человѣку девяносто семь лѣтъ. А вотъ я по глазамъ твоимъ вижу: принялъ ты рѣшеніе уже. И знаю, что скажешь.

А Вячеславъ уже жестомъ руки порвалъ рѣчь Савелія Горюнова. По московской своей привычкѣ всталъ порывно, лѣвую руку въ доску стола, правою сѣдые волосы со лба откинулъ. И впились взорами сыны Вячеслава во взоры отца заискрившіеся.

— Молчи, Савелій Михайлычъ. Вотъ ты малость старше меня, хоть сѣдины и нѣту. А сѣдина, братъ, даромъ не дается.

Но училъ ты меня, и выслушалъ я. Теперь ты послушай. А учу-ли, не учу-ли, самъ какъ хочешь пойми. Что я рѣшеніе принялъ, въ томъ правда твоя. И что знаешь каково рѣшеніе то, и въ томъ правда твоя. Да. Суда противъ братьевъ Доримедонтовыхъ не поведу именемъ сыновей своихъ. И имъ путь тотъ заказываю. И вѣра наша, можетъ, не причемъ тутъ еще. Вотъ старца Василья Васильича приказъ выслушалъ, родственничка твоего, и понялъ, что не нужно того вовсе, о чемъ еще вчера помышлялъ, не корысти, конечно, ради. Но если бы не сыновья, если бы не ихъ именемъ, можетъ, и преступилъ бы приказъ старца, можетъ, и судъ бы затѣялъ, чтобы деньги туда, въ Москву. Но сыновья. Павелъ вотъ совершеннолѣтній уже. Дѣло это Доримедонтово почитаю нечистымъ дѣломъ. При кончинѣ его не былъ, словъ этихъ самыхъ Доримедонтовыхъ не слышалъ. Семенъ ничего не скажетъ, коли и говорено ему было. Знаю Семена. А на судѣ адвокаты будутъ говорить со словъ Макаровичей, а тѣ спрячутся. Ну, развѣ еще этотъ пропащій человѣкъ показывать будетъ, Степанъ Нюнинъ. Но неизвѣстно еще кто его купитъ. За четвертной билетъ. Дѣло, говорю, нечистое. Хорошо, какъ проиграемъ въ судѣ. Сыновьямъ моимъ тогда только урокъ. А коли выиграемъ! Слушай. Если дѣло наше великое, если работа наша въ Москвѣ съ Глѣбомъ и съ тѣми и нужна на что-нибудь, и чѣмъ нибудь свята, то только тѣмъ развѣ, что дѣтямъ нашимъ жить легче станетъ. Дѣтямъ, говорю. Имъ путь расчищаемъ. Нашего вѣку не такъ ужъ много... А дѣти, чтобъ новое да легкое принять, должны честны быть. А коли баловнями они да подлецами еще наканунѣ великаго дѣла окажутся, не нужно мнѣ тогда ни борьбы, ни плодовъ ея. Коли вспомнишь, то-же и въ Москвѣ говаривалъ. Не къ этому только случаю. Ну, присудитъ судъ сыновьямъ моимъ деньги не малыя. Ну, по слову отца отдадутъ куда укажу. А если Павелъ вотъ отдать не захочетъ, что я принуждать его чтоли долженъ!..

Павелъ привсталъ. Дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Папа...

Вячеславъ рукой махнулъ только и брови сѣдыя на глаза опустилъ.

— Нѣтъ, говорю, не дѣло это. Самъ около денегъ въ годахъ младыхъ былъ. И знаю ядъ этотъ. Вотъ отъ нихъ, отъ сыновей ничего не таю, ибо для дѣтей же мы и для грядущихъ родовъ. Грѣшенъ былъ очень и гадокъ, хуже звѣря лѣсного. Господь помогъ. По мѣрѣ силъ чуть лучше сталъ. И тихость въ душѣ Не упрекну сыновей. Сыновья любятъ меня и чтутъ, какъ должно. И пусть на пытку ведутъ—не выдадутъ, слова не вы-

молвятъ, коли скажу: держись! И хорошо это. И сыновьямъ говорю: спасибо, и вѣрю. А почему? Вотъ они, сыновья мои. Спрашивай самъ, почему такъ. Да ужъ скажу. Потому что вѣрятъ они въ отца и въ правоту дѣла нашего вѣрятъ. А коли бы я съ ихъ малолѣтства по судамъ таскался, дабы разные чужіе мильоны себѣ оттягивать, то ли бы было? Ну, Савелій Михайлычъ, разсуди-ка. По моему, не то бы. Не было бы у меня сыновъ любимыхъ, ни сыновъ любящихъ. Въ Москвѣ вотъ у Глѣба вы про завтрашнее блаженство слушаете. Глѣбъ умница. Но, вѣдь, онъ какъ перстъ. Въ человѣкѣ сила, но въ томъ ошибка его, что съ семьей онъ ужъ никакъ не считается. Оно и понятно, коли семьи-то нѣтъ. Его понимаю. Но тѣ, другіе... но ты самъ, Савелій Михайлычъ! Вѣдь, дѣти у тебя. Кому понять, какъ не тебѣ. А тѣ всѣ... Вѣдь, подчасъ въ дѣло не вѣрю. Сами безперечь: семья—ячейка. И о семьѣ народовъ даже. А, вѣдь, многихъ нашихъ жены и не догадываются, что мужья ихъ съ нами. Семья! Не могу я семьѣ своей яму рыть. Въ той ямѣ и себя похоронить долженъ. Когда въ Московское вступалъ и Павлу, и Петру все тотчасъ разъяснилъ. А малолѣтки были. По моему выходило такъ, что долженъ я то сдѣлать. Увѣровалъ и дѣтей научи. Въ томъ сила. А тамъ таятся. И не вѣрю. Московскій Николай красно говоритъ, а не вѣрю. Одинъ сынъ у него въ кадетскомъ корпусѣ, а о другомъ самъ ничего не знаетъ. У матери, говоритъ. Помню я московскіе крики: сантиментальный старикъ. Не то я говорилъ, да то же. И вотъ. Семью хочу сохранить, дѣтей моихъ, чтобъ ихъ дѣти, а мои внуки, на меня вину не взвели. Деньги—ядъ великій. Сегодня одно для нихъ сдѣлаешь, завтра еще похуже. И нѣтъ моего согласія на это Доримедонтово дѣло.

Говорилъ стоя. Сѣлъ теперь. На сыновъ, лицами сіяющихъ глядитъ.

Молчаніе.

— Какъ хочешь Вячеславъ Яковличъ, только деньги тамъ очень нужны. А теперь прощайте.

Сказалъ Савелій. И пошелъ къ двери.

XXII.

Страхъ смертный яму чорную у ногъ Виктора вырылъ.

Въ вихряхъ чорныхъ, и сонныхъ, и внятныхъ, мчался, кружился Викторъ душою больною. И падалъ въ бездну межзвѣздную, и разбивался о Ничто. И думалъ, все думалъ о смерти своей, и ночью и днемъ. И думы гналъ. И спрашивать себя боялся, и съ Юліей говорить.

Любовь плачущая, съ первыхъ дней обиженная, любовь къ Юліи пригнала изъ Рима на краткій срокъ Степу Герасимова. И часто, и надолго оставлялъ ихъ вдвоемъ Викторъ. Въ свое уходилъ, въ новое, въ чорное.

Bita Nostra въ Парижъ давно послана, ранней еще осенью. Тогда еще вслѣдъ за картиной въ Парижъ ѣхать собирался. Но часъ за часомъ яма глубже подъ ногами и чернѣе. И будто отойти нельзя. И будто вотъ она здѣсь, въ Венеціи, яма та чорная, бездонная, не въ небо, не въ адъ вырытая, но въ пустоту...

Палитра съ красками закаменѣвшими въ углу, близъ дивана, на грудѣ холстиковъ пыльныхъ. И не глядитъ туда забоявшійся. Изрѣдка по ночамъ при лампѣ углемъ рисуетъ рожи страшныя и краснымъ карандашомъ потомъ подсвѣчиваетъ. И ангеловъ ночныхъ рисуетъ съ крылами опущенными, или съ крылами, лики закрывающими. Молчитъ. И по долгу трезвъ совсѣмъ бываетъ. Это онъ забываетъ пить вино. Но когда пьетъ, пьетъ до конца. Съ виномъ пьетъ поэму чорную. И машетъ она крыльями безшумными, и нѣмымъ ртомъ Горгоны окаменѣвшей пѣсни дикія поетъ. А дики онѣ простотой своей и страшны, ужасны онѣ несказочностью своей.

И боялся помыслить, осознать, что вотъ лишь о чорной ямѣ думаетъ. И въ глаза людей не глядѣлъ, чтобъ не прочитали поэмы хаоса.

Степа Герасимовъ въ простотѣ своей догадывался:

— Ревностью мучается. Да, вѣдь, что. Я честный. Нужно сказать ему.

Но сказалъ не ему, а Юліи.

Засмѣялась Юлія, похудѣвшая лицомъ и глаза свои являющая уже давно немигающе упорными.

— Ревность? Любить надо, чтобъ ревновать. Любить! Любить! А развѣ такіе любятъ?

И невольно договорила:

— Викторъ боленъ. Уговорить надо полечится... Или хоть отсюда уѣхать что-ли.

Однажды ночью рѣшился Викторъ съ собою поговорить, себя спросить, себѣ отвѣтить. Лампа свѣтила желтоватымъ. На столѣ крылья ангела трепетали. Углы комнаты черны были, а полъ невѣренъ, волнистъ.

— Такъ оно. Такъ. Надю забылъ. Измѣнилъ Надѣ мертвой. И смерть въ меня дунула. Смерть. Такъ и надо. Такъ и надо. Надю любилъ живую,—и все любилъ. Надю умирающую любилъ—страданіе любилъ. Мертвую ее любилъ—тайну любилъ. Познавалъ и любилъ. Но вотъ теперь... Такъ и надо! Страшно,

и ни къ чему все. Страшно, и пустота. И гибнетъ человѣкъ... Знаете ли вы, какъ гибнетъ человѣкъ?

Съ собою говорилъ, тѣнью радости обрадованный:

— Вотъ уяснить рѣшился. Критика разума. Всѣ, вѣдь, умрутъ, а живутъ же они. И работаютъ. И я жилъ. А зналъ же, что умру.

Но яма чорная — вотъ она близко. Ближе, чѣмъ все. Яма вырытая въ пустоту.

— Надя! Надя!

Но не вѣрилъ крику своему, крику любви угасающей.

— Я ударилъ тебя. Я кнутомъ ударилъ тебя по лицу. И наслала ты черноту въ мою жизнь, пустую черноту. Была факеломъ донынѣ. Факеломъ обжигающимъ. Но свѣтила, вела. Зачѣмъ мстишь? Зачѣмъ мстишь. Зачѣмъ въ яму чорную загнала? Въ пустую яму? А. Да, да! Или и ты тогда это пережила... Тамъ... Надя, Надя, явись опять. Уходишь. Уходишь. Зачѣмъ уходишь? Въ тебѣ спасеніе мое. Тобою жизнь началъ.

И круглыми глазами глядѣлъ на Amor свою, подбѣжавъ туда. И не думалъ о томъ, что слышны его крики въ той комнатѣ, гдѣ Степа съ Юліей сидятъ, къ ужину его ждутъ.

XXIII.

Съ Волги предзимней, съ Волги, саломъ подернувшейся, пришло письмо въ Венецію. Письмо, писанное въ львиной комнатѣ.

Въ Венеціи день солнечный былъ. Всѣ трое въ комнатѣ Юліи сидѣли. Юлія и Степа говорили о томъ, куда бы обѣдать пойти. Слова улыбающіяся говорили безъ легкости и радовались улыбкамъ Виктора.

— Вотъ онъ сегодня хорошій какой!

Письмо Викторъ прочиталъ. Захохоталъ. Юліи перебросилъ.

— Нѣтъ, ты вслухъ. Вслухъ. Вникай, Степа.

Читала. Степа Герасимовъ недовѣрчиво на Виктора косился. Про семью Виктора, про родныхъ его мало онъ зналъ очень. Не разсказывалъ Викторъ. И Юлія не говорила. Узнавъ не отъ Виктора, послѣ той ночи первой, уже въ Россіи, думала!

— Зачѣмъ же буду говорить, коли онъ молчитъ.

... «Итакъ ждемъ тебя, милый Витя. Тебѣ ,навѣрно, самому нужны деньги. А если и не нужны сейчасъ, то потомъ пригодятся. А мы очень ждемъ тебя. Вонми же просьбѣ нашей».

Это ужъ Яшина приписка.

Смѣялся Викторъ громко. Юлія улыбалась, подчасъ стараясь

смѣхомъ явнымъ развеселившагося Виктора въ настроеніи его удержать. Степа Герасимовъ туда-сюда подглядывалъ, спрашивая:

— Мильоны? Почему мильоны?

А Викторъ хохочущій:

— Вонми! Вонми! И какъ это я забылъ совсѣмъ, что тамъ гдѣ-то братцы мои проживаютъ. И еще вотъ Доримидонтъ. И почему только Яковъ и Антонъ? Коли на то пошло, еще тамъ долженъ быть. И двѣ сестры...

Тѣнь по лицу пробѣжала. Будто кто лампу ртутную въ комнату внесъ. Смолкъ. Въ свое ушелъ. Слова Юліи вокругъ него забѣгали; слова щекочущія. Вернуть хотѣла веселость. Степа помогъ. Вопросы искренне недоумѣвающіе. Лицо милое?

— Стало-быть ѣхать?

Викторъ сказалъ. И не внятно было: шутитъ? На родину ѣхать хочетъ? Юлія почуяла что-то. Какъ по дощечкѣ опасливо пошла, слова осторожныя заговорила.

— ...Можно бы поѣхать. Въ Россію давно пора. Не сегодня-завтра великое тамъ начнется. Ты вотъ газетъ не читаешь. А даже стыдно подчасъ, что въ такое время за-границей. Будто изъ трусости. Въ Петербургъ бы. Ну, мимоѣздомъ и туда. Съ братьями повидаешься.

— А кстати и финансовый вопросъ разрѣшить?

— Это какъ хочешь.

— А что? Пора? Какъ наши сребренники? Знаешь, Степа, я, кажется, у Юліи на содержаніи. Мои-то всѣ вышли. Или еще не всѣ? Сколько, кстати, Юлія, у насъ денегъ? Всего? Меньше мильона?

— Поменьше.

— А много поменьше?

— Много поменьше.

— А до Россіи доѣхать хватитъ? Или изъ Парижа ждать? Только, вѣдь, тамъ проблематично. У этихъ Отверженныхъ рѣдко продается.

— Хватитъ. Хватитъ до Россіи доѣхать. И до Австраліи хватитъ. Поѣдемъ, право.

Смѣялась.

— Стало быть, пошантажировать этого Доримедонта... Фу! Что я! Доримедонтъ умеръ. Тѣхъ, другихъ пошантажировать. Идея. Благой совѣтъ. А потомъ въ Петербургъ революцію дѣлать?

Степа Герасимовъ заговорилъ горячо. Подумалось ему: Юлію Викторъ обижаетъ.

— Какой шантажъ? Какой шантажъ? Вотъ что. Твоихъ дѣлъ денежныхъ до сегодня не зналъ. А по письму только по этому. Какой шантажъ! Это право твое. Да нѣтъ, не право только, обязанность.

Письмо взялъ. Читалъ. Не разъ взоръ съ бумаги поднималъ, спрашивалъ поясненій. Отвѣчала, какъ могла Юлія. Викторъ къ окну подошелъ задумчивый. Въ небо солнцевое, будто въ мглу сумеречную, вглядывался глазами круглыми, вотъ опять увидѣвшими яму смерти. Дочиталъ письмо Степа, слова Юліи дослушалъ тихія, лобъ потеръ. Къ Виктору подошелъ. Руку ему на плечо.

— И будешь ты просто дуракъ, если не поѣдешь. Вѣдь ясно, какъ на ладони все. А что ты другу до сегодня ни слова, о томъ послѣ поговоримъ.

— Какой другъ? Почему другъ?

— Какъ—почему? Другъ я тебѣ. Люблю тебя.

— Не надо друзей. Другъ это стыдно и гадко. Не можетъ быть человѣкъ одинъ, страшно ему, тогда другъ. А любишь ты не меня, а Юлію. А о друзьяхъ вотъ что. Друзья это такая же гадость, какъ русскіе клопы. Валяется этакій толстый хамъ на диванѣ, пятерней себя ласково скребетъ. Радуется, подлецъ, что не одинъ онъ; то тамъ, то здѣсь его клопики покусываютъ. Это, молъ, они меня любятъ; ну, и я ихъ люблю. Фу, гадость! Не надо клоповъ... то-есть друзей. Человѣку одному быть нужно.

Испугу болѣе, чѣмъ обиды было въ глазахъ Степы, когда онъ бормоталъ:

— Ты ужъ того... Ты ужъ это не слишкомъ ли...

Вдругъ—и для себя не неожиданно-ли—сплюнулъ и рѣшительными шагами къ двери:

— Прощай, коли такъ... Прощайте, Юлія Львовна. Не могу я.

— Сиди, Степа. Что ты какъ чайникъ на плитѣ! И не за клоповъ ты обидѣлся. Тебѣ тò непріятно, что про Юлію я сказалъ. И какіе люди пошли! Дрянь, а не люди. Походя лгутъ. И себѣ и всѣмъ. Любишь, и люби на здоровье. Не грѣхъ. А хоть бы и грѣхъ. Нужно только, чтобъ красиво.

За ручку двери держась, Степа на спину Виктора поглядывалъ, все еще у окна стоявшаго. И видѣлъ Степа взгляды просящіе Юліи:

— Останьтесь. Останься.

Степа Виктору:

— Чтобъ красиво? А ты красивъ? Красивъ думаешь?

— Я хоть не лгу. Вотъ на Волгу на эту ѣхать... Я такъ и говорю: ѣду шантажировать родственныхъ толстосумовъ. А ты—обязанность гражданина. Она вотъ тоже юлитъ какъ-то. А что, право, не махнуть ли въ Россію? А, Степа?

— Я съ Юліей Львовной согласенъ. Оно стыдно вдали отъ родины теперь быть.

— Ну что-жъ. Поѣдемъ всѣ въ Россію. Все равно тоска. Я родственниковъ шантажировать, вы революцію дѣлать.

— Не любишь ты Россію. И нехорошо это. А съ недавнихъ поръ и грѣшно.

— А ты любишь?

— Что за вопросъ!

— Именно: Россію любишь? Страну Россію?

— Страну Россію. Да чего ты!

Викторъ въ комнату лицомъ обернулся. Весело смѣялось лицо блѣдное, но и чуть грустно.

— Ну и врешь, Степа. Оба вы врете.

— Да какъ ты смѣешь! Это святое. Шутокъ тутъ не нужно.

— Врете, говорю. Нельзя любить Россію, какъ страну, по той причинѣ, что страны такой нѣтъ.

И помолчалъ, серьезно ужъ глядя на тѣхъ двухъ. Степа сѣлъ-упалъ на диванъ. А Викторъ:

— Да. Къ сожалѣнію нѣтъ такой страны. Есть государство Россія, есть географическая величина, есть военная сила— Россія, ну, финансовая сила... что хотите еще. А страна Россія... Нѣтъ такой страны. А какъ любить то, чего нѣтъ!

— Наконецъ-то ты опредѣленно сошелъ съ ума. Впрочемъ объяснитесь, Викторъ Макарычъ. Васъ слушаютъ.

Плечомъ о косякъ окна туманнаго опершись, ровнымъ голосомъ, чуть грустнымъ, говорилъ Викторъ:

— Страну понимаю какъ результатъ накопленія дѣлъ рукъ человѣческихъ. Рукъ одного народа. И накопленія вѣкового. Многовѣковаго. Въ старину вотъ романскій городъ страной былъ. Часто одинъ замокъ былъ страной. Накопляли люди красоту. Подчасъ лживую съ нашей точки зрѣнія красоту, но красоту и силу. И правнукъ сидѣлъ подъ сводами, прадѣдомъ выведенными, на его скамьѣ рѣзной сидѣлъ и книгу прадѣдомъ изученную читалъ, и помѣтки его на поляхъ видѣлъ. И мечъ дѣдовскій бралъ, и кровавыя пятна его цѣловалъ. Накопленіе вѣковое, накопленіе и каменная стѣна вокругъ, вотъ что есть страна. Тогда воздухъ другой. Выросшій въ стѣнахъ тѣхъ человѣкъ инымъ воздухомъ дышать не можетъ. Да и понятно. Онъ камень не какъ камень любитъ. Въ камнѣ идея. Въ вещахъ идея. Идея и экономія силъ. Дѣдъ стѣны дома вывелъ. Отецъ обогрѣлъ ихъ. Я украшаю эти стѣны. И сыну моему не трудно любить ихъ, камни эти, эти вещи. И для внука моего онѣ ужъ не мертвыя вещи, а живая легенда. Изъ зáмковъ, изъ городовъ долговѣчныхъ исторія дѣлаетъ настоящую страну. И сыны той страны любятъ зримыя, осязаемыя сказки прошлаго. Любятъ, понимаютъ и учатся. И въ чужомъ воздухѣ имъ

трудно. Прошу замѣтить: не о высшихъ классахъ только говорю. Или вы не видите, какъ здѣшняя бѣднота итальянская любитъ свою святую красоту. Помнишь, во Флоренціи тотъ маленькій пожаръ. Загасили тогда. Помнишь, старухи нищенки плакали? И, вѣдь, не церковь горѣла. А что старухамъ тѣмъ! Да. Сынамъ такой страны чужой воздухъ—не воздухъ. Тутъ и поэзія: поэзія дивной сказки; тутъ и ариѳметика: не долженъ я изъ краткой жизни тратить много лѣтъ на дѣланіе того, что уже сдѣлано. Не будете же вы спорить, что съ этой точки зрѣнія одна Венеція болѣе страна, чѣмъ какая-нибудь эскимосія. Ну, если ты эскимосъ, и любишь свою эскимосію, такъ ты не страну любишь, потому что страны такой нѣтъ, а родину любишь. Родину. Оленей любишь, сѣверное сіяніе, ну климатъ, если ужъ вкусъ у тебя такой. Слова у васъ очень дешевы. Страна! То край, а то страна. Нарымскій край, Чукотскій носъ—не страны же это. И пампасы не страна. И замѣть: пока не говорю ни о соціальныхъ условіяхъ, ни о государственныхъ. Пусть завтра Италію завоюетъ кто-нибудь. На сотни лѣтъ Италія—Италіей останется. А Чукотскій носъ пока—Чукотскій носъ. Да, Россія! Начнемъ съ ариѳметики, что ли. Живутъ люди и умираютъ, свой срокъ проживши. И за тотъ срокъ должны они, какъ кочевники, на-ново все себѣ сдѣлать. Правнукъ въ люлькѣ прадѣда не спитъ. И домъ-ли, изба-ли—ничего ему не поютъ. Я пока о народѣ говорю. Каждые пятнадцать-двадцать лѣтъ все сгораетъ; по статистикѣ это. Если не два-три раза жилье себѣ за жизнь выстроитъ, это ужъ счастье. Какъ прадѣдъ жилъ? А Богъ его знаетъ какъ. Вѣрно такъ же, какъ я. На погорѣломъ мѣстѣ жилье себѣ выстроилъ и жилъ. Тутъ ужъ тебѣ не накопленіе, не святыя стѣны. Тутъ кочевье. То-есть психологія кочевья. А кочевье не страна. Это Алеутія, это эскимосія, это чортъ знаетъ что, но ужъ не страна. Нѣтъ. И скамья новая, и букварь новый. И начинаю я жизнь съ того и такъ же, какъ прадѣдъ мой начиналъ. Ну, и кончаю жизнь такъ же. Устное преданіе... А откуда любовь возьмется? Ну, у васъ-то любовь берется очень просто. Есть такой ящичекъ въ душѣ. Написано: любовь къ родинѣ. У тѣхъ онъ полонъ, а у васъ пустъ. Давай наполнимъ. Развѣ трудно! Коли нѣтъ ничего, мы березки туда положимъ. Березки, хорошенькія такія деревца, и русскія. Ну, климатъ еще русскій туда же. Ну, что же еще? Впрочемъ это уже поэзія, а не ариѳметика. Ладно. Пусть поэзія. Пусть будетъ поэзія. Ну, Москва. А лобное мѣсто видалъ? Рѣшоткой его огородили и изъ года въ годъ ремонтируютъ и разными колерами красятъ. Поэзія это? Да? Поэзія? Страна! Помнишь, сказано: три праведника, и

пощажу. Ну, найди-ка хоть три города. А если и есть уголки, то тамъ жизнь умерла. Монастыри вотъ. Усадьбы. Изъ нихъ страны не сдѣлаешь. Страны, которую любить можно, страны, сыномъ которой себя почитаешь. А березки любилъ. Искренне любилъ и небо русское. И вспоминалъ. Каюсь. Какъ эскимосъ сѣверное сіяніе любитъ. А теперь не хочу такъ. А въ Россію поѣдемъ. Что-жъ. И къ алеутамъ съѣздить не мѣшаетъ. Ѣдемъ въ Россію, господа. Завтра ѣдемъ!.. Да-да-да. Степа оппонировать хочетъ.

Смѣялся. Но позволилъ тучѣ близкой на лицо его лечь. И туча свинцовая приласкала лицо его. А Степа Герасимовъ, раза три взглянувъ на Юлію, ничѣмъ не отвѣчающую, говорилъ:

— Да, да. Ты правъ. Но ты совсѣмъ не правъ, если иначе посмотрѣть. Идеи русскихъ людей, лучшихъ русскихъ людей...

— Стой! Позволю прервать тебя. Люди, идеи не дѣлаютъ страну. Пусть хоть на Чукотскомъ носѣ поселятся завтра художники, мыслители, поэты всѣхъ странъ. Не будетъ Чукотскій носъ страной изъ-за того. Черезъ пятьсотъ лѣтъ, можетъ быть. Но то новый вопросъ. Идеи. Идеи. Идеи не просятъ, чтобъ имъ географическія карты показывали. Люди, имѣющіе идею, да къ чему имъ страна, родина, тѣмъ людямъ! Степа, какъ думаешь: для чего великое творится?

Боясь насмѣшки, молчалъ Степа. Молчала и Юлія. А Викторъ тогда:

— Чтобъ жить, чтобъ жить намъ можно было... Для того исторія. Для того исторія дѣла свои творитъ. Пусть поганыя дѣла, пусть омерзительныя, но въ ней хочу жить, въ исторіи странъ. Тамъ смерть не смерть. Тамъ прадѣдъ правнуку руку подаетъ. Тамъ скамья рѣзная, тамъ своды. О, переплетъ кожаный вѣковой! А не букварь-однодневка.

Боясь чего-то, что знала она, Юлія сказала:

— Конечно, такъ. Все это такъ. Господа, пойдемте ужинать. Ну, по здѣшнему обѣдать, что ли. Пора.

И шли. И ворчалъ Степа Герасимовъ. Не хотѣлось ему разлюблять Россію.

— Ну, а въ Россію ѣдемъ, что-ли? Поѣдешь съ нами?

— Поѣдемъ.

Это Степа сказалъ. И не зналъ, зачѣмъ сказалъ.

— Пошантажирую я тамъ, а вы революцію сдѣлаете.

Степа Герасимовъ молчалъ. Шли въ кафэ Бауэра. Успѣла сказать Степѣ Юлія:

— Уговорите. Пожалуйста, уговорите ѣхать.

Отвѣчалъ шопотно:

— Конечно. Какъ могу.

Въ ресторанѣ Викторъ пилъ. Говорилъ:

— Вы тѣло полюбите! Тѣло! Тѣло человѣчье! А потомъ душу. Что вамъ душа. Красоты не понимаете. Красоты!

Музыка мандолинистовъ, простая и стройная, помѣшала. Потомъ Юлія сказала:

— Поѣдемъ, Викторъ, въ Россію.

— Конечно, поѣдемъ.

И Степа сказалъ:

— Ѣдешь что ли, Викторъ? Тогда и я поѣду.

XXIV.

Пріѣхавъ въ родной городъ испугался. Страхомъ чорнымъ окутался весь.

— Успокойся. Успокойся... Викторъ, что съ тобой? Что съ тобой, родной? Вотъ вчера веселый былъ. Ну, можно Степану Григорьевичу къ тебѣ? Поговорите... Ну, я доктора позову.

Но на диванѣ бился въ безсловныхъ рыданіяхъ, подчасъ рукой отмахиваясь. Сжимая пальцы, съ лицомъ блѣднымъ ходила Юлія по комнаткѣ гостиничной, на дверь опасливо поглядывала.

Врача не впустилъ. Часы шли томительные. Выплакались слезы ужаса бурнаго. Затихъ. Подозвалъ. Подошла обрадованная.

— Подушку дай... И холодно.

Лежалъ, поблѣднѣвшій и похудѣвшій. Тихій, какъ выздоравливающій, съ улыбкой-гримасой на губахъ дергающихся. Руку Юліи въ свою руку взялъ. И зашепталъ-застоналъ:

— Страшно мнѣ... Страшно.

Уговаривала, ласкала. Умоляла сказать все, все, что мучитъ.

Шепталъ лишь, руки ея схватывая:

— Страшно... Страшно мнѣ...

Догадывалась:

— Викторъ, это городъ твой родной тебя напугалъ? Скажи. Воспоминанія тяжолыя? Да? Такъ бываетъ. Знаю. Скажи, тебѣ легче будетъ. Хочешь, уѣдемъ? Скажи. Въ Петербургъ тебя увезу.

— Не то. Страшно, страшно мнѣ.

Къ вечеру будто успокоился.

— Почитай.

Читала Метаморфозы Овидія.

— Нѣтъ. Дальше. Не надо про Горгону.

А черезъ полчаса:

— Одинъ я хочу. Можетъ быть, усну. Къ Степѣ пойди.

— Я лучше съ тобой, Викторъ.

— Нѣтъ, одинъ я.

Нерѣшительно вышла. Въ сосѣдней комнаткѣ сидѣла, то къ тишинѣ чутко прислушивалась, то Степѣ голосомъ шопотнымъ опасенія свои повѣщала.

А Викторъ въ яму чорную глядѣлъ очами, тайной страшной обожженными, опаленными холоднымъ-холоднымъ огнемъ пустоты. Страхъ дикій въ мозгу гудѣлъ. Стѣны чужія, голыя стѣны общаго дома томили, насмѣхались. Людей живыхъ хотѣлось видѣть, слышать близко-близко. Но не звалъ людей. Губами дрожащими шепталъ лишь:

— Надя... А, Надя? Надя, зачѣмъ? За что, Надя?

И замолчалъ, дрожа подъ пледомъ теплымъ. И ждалъ въ тишинѣ.

— А! Молчишь? Ты молчишь? Да... Наказуешь...

Всталъ, крадучись, боясь шумѣть. Будто здѣсь рядомъ врагъ спящій.

— ...Наказуешь... Наказуешь...

Зубами улыбка бѣлая стучала. Къ окну подошелъ безшумно. Тамъ, на площади, гдѣ огни вечерніе только-что зажглись, церковка старинная колоколомъ призывнымъ загудѣла ударно. Не слышалъ. У окна къ чемодану наклонился. Открылъ. Какъ воръ боящійся вещи вынималъ руками невѣрными, на коверъ возлѣ складывалъ.

— Наказуешь! Наказуешь!

Будто заклинанія шепталъ. Все искалъ.

— А!

Слезы полились. Силы таяли. На коверъ сѣлъ. Въ нутро чемодана смотрѣлъ. А оттуда въ глаза ему Amor. Какъ изъ ямы. Какъ изъ той ямы. Слабость дрожащую поборолъ. Вынулъ картонъ толстый.

— Прости... Прости...

И къ мокрому лицу, мукой чорной побѣленному, то лицо прижалъ. То лицо, такое маленькое.

— Прости, поцѣлуй. Прости, поцѣлуй. И дай жить. Жить!

И дрожали губы, съ холоднаго, съ плоскаго лица ядъ страха смертнаго пили.

— А! Наказуешь! Не хочешь! Не хочешь! Ты не хочешь...

Бросилъ картонъ. И къ чемодану опять. Опять ищетъ, заклинанія, вотъ уже грозныя, шепча. И нашелъ. И то былъ револьверъ. Смѣясь тихо, заливчато, по новому, кошкой къ двери прыгнулъ, задвижкой щелкнулъ. И назадъ прыгнулъ. У окна, надъ «Amor» лежащей всталъ. Въ лицо маленькое вглядывается, въ лицо будто смѣющееся надъ нимъ изъ ямы, изъ ямы чорной,

бездонной, изъ ямы, подъ ногами его разверзающейся. Потому и маленькое оно, лицо то, долгіе вѣка любимое.

— А! Смѣяться? Смѣяться? Ты такъ? Ты такъ? Ты этого хочешь? Этого хочешь? Такъ нѣтъ! Такъ нѣтъ. Сперва тебя. Сперва тебя.

Въ лицо маленькое, въ лицо изъ ямы бездонной хохочущее, цѣлится. Чорный револьверъ въ рукѣ бѣлой не дрожитъ, по лицу бѣлому слезы текутъ незамѣчаемыя.

И ударилъ выстрѣлъ. И выпалъ револьверъ чорный. И сквозь волны бѣлыя новой пустоты увидѣлъ еще Викторъ пробитое лицо обожаемое. Звѣрь ползучій, свистящій, лапой липкой сердце Виктора сжалъ. На коверъ палъ Викторъ. Сначала какъ-бы надъ ямой склониться хотѣлъ. Но повалился. Лицомъ о коверъ ударился. И все пропало для сознанія его. Не слышалъ, какъ Юлія кричала:

— Застрѣлился! Онъ застрѣлился!

Не слышалъ, какъ дверь слабыми руками рвала. Не слышалъ, какъ по корридору потомъ бѣгала, крича и воя.

Пришли-подбѣжали къ двери запертой чужіе люди. Звякнувъ, отскочила мѣдная задвижка.

Недвижимо лежалъ Викторъ. И подняли и на кровать положили. И разстегивалъ и обрывалъ пуговицы Степа Герасимовъ, ища смертельную рану. Пришелъ врачъ.

— Глубокій обморокъ.

Осмотрѣли револьверъ и вещи изъ чемодана выложенныя. Увидѣвъ пробитую «Amor», что-то вмигъ поняла Юлія. И вскрикнула.

И то лицо, уцѣлѣвшее на картинѣ, но опаленное, лицо рядомъ съ пробитымъ лицомъ, улыбкой явнаго безумія глянуло въ глаза Юліи.

И отъ чужихъ спрятала на-смерть раненую «Amor». И отошла со Степой. И шептались долго.

Врачъ ложкой разжалъ стиснутые зубы Виктора и лилъ лекарство.

Происшествіе объяснялъ такъ:

— Хотѣлъ застрѣлиться. Промахнулся. Крайне нервная организація. Впалъ въ обморочное состояніе. Къ тому же виномъ отъ него пахнетъ. А револьверъ, конечно, припрятать.

Передъ лицами испуганными гостиничныхъ слугъ давно дверь Степа захлопнулъ. И долго послѣ того, какъ у кровати Виктора тѣ трое знали что случилось и каждый по своему объяснялъ то, по корридорамъ гостиницы, вверху, внизу, шопотно носился первый крикъ Юліи:

— Застрѣлился! Застрѣлился!

Кто-то услужливый побѣжалъ. И менѣе чѣмъ черезъ полчаса во дворѣ Макарова дома уже шептало, уже о стѣны крѣпкія билось:

— Застрѣлился. Застрѣлился.

Изъ гостиницы то былъ второй вѣстникъ за тотъ день. Первый, утромъ еще, загадочно какъ-то подмигивая, сообщалъ дворнѣ:

— Вашъ-то, изъ за-границы, у насъ остановился. Я и паспортъ въ полицію носилъ.

Въ львиной комнатѣ, внизу, полный думъ-мечтаній о Викторѣ, сидѣлъ Антонъ, слушалъ торжествующія Яшины рѣчи. Много часовъ Яша здѣсь. Рѣчи тѣ терзаютъ душу Антона. Хочетъ одинъ быть, хочетъ понять, узнать, въ тиши побесѣдовать съ тѣнью любимаго, всегда далекаго, но вотъ нынѣ зачѣмъ-то прибывшаго брата Виктора. А Яша говоритъ, говоритъ, по комнатѣ ходитъ, жестами размашисто восторгъ свой поясняетъ.

Когда хлопнула дверь въ корридоръ, та дверь съ пружиной, Яша выяснялъ вопросъ:

— Идти намъ къ Виктору, въ гостиницу, или выждать событій? Это важно. Пойми, какъ это важно. Вѣдь, если мы пойдемъ, и узнаетъ о томъ maman, а потомъ все это съ адвокатами разыграется...

Но въ библіотекѣ шаги спѣшащіе; туфли старухины. И еще звуки какіе-то; будто плачъ задушенный. Вошла-вбѣжала Татьяна Ивановна. Старыя слезы говорить мѣшали. Но скоро поняли смыслъ страшной вѣсти. Съ полуоткрытымъ ртомъ Яша посреди комнаты стоялъ, подъ крыльями голубя золочонаго.

Кровь въ голову кинулась. По красному лицу рукой провелъ.

— Врете вы, Татьяна Ивановна! Врете! Понимаете, не можетъ этого быть. Бѣжимъ, Антоша! Разузнаемъ... Да не можетъ быть. За этимъ человѣкъ тысячи верстъ не поѣдетъ. Это и тамъ бы могъ. Вранье. Явное вранье... Однако, бѣжимъ. Надо же узнать... Да не ревите вы, Татьяна Ивановна.

Съ лица блѣднаго - бѣлаго страдающая душа Антона черезъ круглые глаза смотрѣла въ край мглистый. Улыбка-загадка на безкровныхъ губахъ сказала-прошептала слова:

— Иди, Яша. Я сейчасъ.

И Татьяна Ивановна не хотѣла, да ушла. Одинъ.

— Такъ вотъ что! Вотъ зачѣмъ онъ сюда.

Думы вихрями въ стѣнахъ летали, въ жолто - красныхъ. И вылетали туда, въ мглу жемчужную. Казался и понятнымъ, и неизбѣжнымъ ужасъ вѣсти внезапной, вѣсти вечерней.

— Да, такъ. Конечно, такъ. Душа его прекрасная, душа

дерзнувшая, растерзана давно. И не разъ онъ этого хотѣлъ. Не разъ. О, какъ часто. Ужъ если я...

Неудержимо рука потянулась къ ящику стола. Шкатулочку краснаго дерева, милую, съ ключикомъ серебрянымъ вынулъ. Поставилъ.

— Конечно такъ... И величайшее дерзновеніе, на которое смертный рѣшиться можетъ... Создать себя по образу великихъ безсмертныхъ и въ покой единый отойти душой, не мирящейся со скверною здѣшней... И людямъ безжалостнымъ, дикарямъ урокъ жестокій. Это поймутъ. Это-то поймутъ. Этого не понять нельзя... И красота великая. Тихая красота. И та еще пойметъ все иначе, чѣмъ понимала. Предстанетъ ей міръ инымъ... Дорочка милая. Маленькая Дорочка. Маленькая, маленькая... Но обиженная. Викторъ, великій Викторъ, прости мнѣ сомнѣнія сегодняшнія. Думалъ о тебѣ... Нѣтъ, я не зналъ тебя. Я гадкій, я маленькій. Не суждено на твою гору взойти. Но этотъ день твой, Викторъ, пусть онъ и мой день. Все продумалъ. И увидѣлъ: слабъ и ничтоженъ. И пусть. Ты отъ великой силы и отъ тоски великой, а я отъ великой моей слабости... Но тоска, тоска моя, Викторъ... Ты видишь теперь... Видишь Видишь!

Шепталъ-ли, думалъ-ли. Шкатулочку красную серебрянымъ ключикомъ отомкнулъ. Въ алой бархатной постели игрушка-револьверъ. Перламутръ, позолота на немъ.

— А почему сегодня? Почему здѣсь ты рѣшилъ? На родной землѣ хотѣлъ? Или хотѣлъ, чтобъ эти, эти почувствовали больнѣе? Твоя тайна, твоя. Или на мигъ душа великая ослабѣла, и прельстился ты тѣмъ, что здѣсь вотъ писали мы тебѣ? Искусился на мигъ, и, понявъ грѣхъ свой, не простилъ себя... Не простилъ и покаралъ? Великія души такъ, такъ и должны. Но твоя тайна. Твоя тайна... О, Викторъ великій... Пусть, какъ жизнь твоя, конецъ твой прекрасенъ. Пусть не приблизился я къ вершинѣ твоей. Не могу я ждать. Идти силъ нѣтъ. Вчера еще, можетъ-быть, могъ... Но безъ тебя, Викторъ, безъ тебя... Страшно мнѣ одному... Страшно и пусто.

Кричалъ-ли, шепталъ-ли, думалъ-ли. Слезы текли по щекамъ бѣлымъ. Взявъ въ правую руку перламутромъ, позолотой, гравировкой украшенное, всталъ, пошелъ, на кровать легъ. Сладостныя, привычныя мечты о Дорочкѣ подушка прохладная навѣваетъ. Викторъ гордый, мощный, издалека пришелъ, у кровати всталъ. Руку простеръ повелительно. Закрылъ глаза Антонъ. И услышалъ негромкій ударъ револьвера старой системы Лефошэ.

Жгучая боль въ лѣвомъ боку у сердца. И неожиданный запахъ гари.

А въ ту пору въ третьемъ этажѣ громаднаго дома злая воющая истерика, колотила-трепала Ирочку, младшую дочку Раисы Михайловны, дѣвицу подрастающую.

XXV.

Останными слезами плакала Дорочка въ дому опустѣломъ подъ сѣнью бѣлой колокольни Егорія. За срокъ Сережинаго умиранія отъ комнаты своей милой мезонинной отвыкла. Все внизу. Все около брата. Умеръ. А теперь новое горе, горе нежданное. Антонъ милый умираетъ. Легкое прострѣлилъ. И пулю долго вынуть не удавалось.

— Нѣтъ, не выживетъ. Мальчикъ, милый, зачѣмъ?

По лѣсенкѣ всходила по скрипучей, чтобъ отъ матери подалѣе. И чтобъ тамъ побыть, тамъ поплакать, гдѣ Антошикъ такъ недавно-давно съ ней сиживалъ, гдѣ хорошія слова говорены были. Приходила. И на стулъ садилась у окна, гдѣ занавѣска кисейная, гдѣ вѣтки мерзлыя стекла царапаютъ, и на кроватку садилась. Тихо-тихо, мертво. И комнатка не жилая ужъ. Книжки порастащены. Сама-ли унесла, другой-ли кто, не помнитъ. Чернила высохли давно въ чернильницѣ. И пыль. Пыль на всемъ. Хозяйство въ дому разладилось.

И посидитъ въ комнаткѣ мезонинной Дорочка, и поплачетъ. Поплачетъ, а самой не плакать, а выть хочется. По-волчьи выть и на стѣны кидаться.

— Мальчикъ мой... Мальчикъ мой милый...

И бѣжитъ внизъ по лѣсенкѣ. И, рыдающая, мать свою старую видитъ, лицо ея на-вѣкъ испуганное. И не можетъ слышать словъ ея, не то успокоительныхъ, не то укоряющихъ. И уши ладонями зажавъ, бредетъ черезъ гостиную противную въ комнатку Сережину. И тутъ тяжко. Руки матери старой порядокъ новый, порядокъ чужой навели въ комнаткѣ Сережиной, въ склепикѣ томъ маленькомъ. Иконы въ углу развѣшаны. Кроват Сережина стоитъ. И конторка. А книгъ нѣтъ, и вещицъ любимыхъ. Портреты со стѣнъ сняты; тѣ, что безъ рамокъ были. А тѣ, что подъ стекломъ, въ рамкахъ, оставлены, но кисеей завѣшаны.

— Чтобъ не пылилось! Чтобъ не пылилось! О, дурацкая кисея.

И хотѣлось сорвать это все чужое, и ничего не хотѣлось. И садилась въ кресло. И садилась на кроват Сережину, на доски кровати желѣзной, покрытыя старымъ одѣяломъ. Матрасъ убрали.

Гудѣло горе въ головѣ Дорочки. И полусознавала, что не то только плохо, что вотъ горе. А то хуже еще, что въ душѣ ея что-то противное гнѣздится. И что скоро-скоро вся душа ея противная станетъ, грязная, пустая, какъ этотъ глупый ненужный домъ, зачѣмъ-то хранящій кой-гдѣ слѣды когда-то кому-то нужной жизни.

И плакала о себѣ, и плакала о Сережѣ, и плакала-горевала объ Антонѣ.

И казалось ей часто:

— Сережа умеръ. Умерла и я. Намъ что нужно?.. А вотъ Антошикъ... Тому помочь надо. Спасти.

И поднималась спѣшно. И шла. И въ гостиной встрѣчала старуху-мать, откуда-то куда-то бредущую.

— Дорофеюшка! Не терзай ты моего сердца. Извела ты меня въ конецъ...

И бродили обѣ по дому, искали будто чего-то. И не находили.

Рядомъ съ комнаткой Сережиной еще комнатка. Тамъ за срокъ болѣзни его часто спала Дорочка. Чтобъ ближе. И туда заходила теперь, заносила свое горе и туда. И въ комнатку эту входя, сразу на кровать кидалась, въ подушку лицо пряча. И слушала рыданія свои. А хотѣлось услышать милый голосъ живого Антона. И сквозь слезы бесѣдовала съ нимъ, лица своего стѣнамъ комнаты пустой не показывая.

— Мальчикъ мой милый. Родной мой. Не могу я пойти къ тебѣ. Подлая я. Слабая, какъ насѣкомое какое. Взять-бы мнѣ тебя тогда, спрятать-бы, не отдавать.... Я виновата. Я, я. Одинъ лежишь... Тѣ только... И Раиса. Больно тебѣ, мальчикъ, больно? Скажи, родной. Поцѣлую я тебя. Всего поцѣлую. Вотъ такъ. Вотъ такъ.

И срывалась; и шатаясь, на стулья натыкаясь, шла-бѣжала куда-то прочь, будто къ Антошику спѣшила. И на старуху-мать опять натыкалась. И будто въ ней одной преграду видя, вопила сквозь рыданія:

— Вы все! Это вы все! Вотъ Антошикъ умираетъ, а я не могу туда. Это вы съ Раисой такъ устроили. Родня тоже! Звѣри, не люди! Что? Не нужно мнѣ словъ вашихъ. Не нужно!

И къ ушамъ ладони прижавъ, убѣгала, казня себя.

— Я-то? Я-то какова? Дура слабая и подлая. Который годъ на курсы уѣхать не могу. Да! Сережа боленъ былъ, Сережа. Такъ, вѣдь, то для другихъ говорилось, чтобъ не такъ ужъ стыдно. Поѣхала-бы, коли могла. И Сережа самъ просилъ. Сережа! На Сережу теперь можно. А Антошикъ? Къ нему вотъ не иду. Не смѣю! Раисы боюсь. Сестры Раисы! Милліонерка! Да.

И не смѣю. Умирать будетъ, позоветъ мальчикъ милый, и не пойду, не посмѣю. Подлая я. Подлая... И отсюда вотъ уйти обѣщалась, какъ только Сережа умретъ. Ушла? Далеко ушла? Это что мать-то просила? Умоляла? Да. Если бы это только, кто-бы куда поѣхалъ!.. Мальчикъ мой милый... Антошикъ мой. Гадкая я. Гадкая. И подлая.

Заходилъ Григорій Иванычъ, тотъ товарищъ Сережинъ. На-дняхъ еще былъ. Но больше не идетъ. Сказалъ тогда:

— Такъ, Дорофея Михайловна, жить нельзя. Жизнь намъ каверзы разныя ежедневно по своему усмотрѣнію устраиваетъ. Это ея дѣло. А мы должны свое дѣло дѣлать. А смерть близкаго человѣка, если желаете знать, это наименьшее изъ золъ. Съ момента рожденія двухъ людей оба должны знать, что одинъ изъ нихъ умретъ немного раньше. Вотъ и все. А успѣть сдѣлать кое-что, хотя-бы и до тридцати лѣтъ, это въ нашей власти. А теперь и горизонты расширяются. Я вотъ въ работу иду. Живъ-бы былъ Сергѣй, оба мы завтра одно-бы дѣло дѣлали. Только онъ-бы для своего фетиша, а я такъ. А тамъ, въ вѣкахъ, это одно на-одно сойдется. Не какъ поэтъ объ вѣкахъ говорю. А такъ надо. А вы, Дорофея Михайловна, или за насъ, или противъ насъ. А такъ зря киснуть нынче нельзя. Объ Антонѣ, объ этомъ тоже слышалъ. Милый мальчикъ, милый. Только не нашего поля ягода. А вы, Дорофея Михайловна, подумайте. Вы не ребенокъ. А надолго ребенкомъ оставаться ой какъ опасно.

Но бродила теперь по дому. И плакала. И шепталась съ Антошикомъ. И съ каждымъ днемъ шептаніе ея болѣе похоже становилось на причитанія церковныхъ старухъ.

Страдала Дорочка. Тягучіе дни.

Однажды передъ вечеромъ привелъ Яша Виктора.

Такъ было: Яша послѣ Антонова выстрѣла не разъ въ гостиницу къ Виктору заходилъ. И легко стало: внизу Антонъ больной лежитъ, наверху съ Ирочкой неизвѣстно что дѣлается. Не до Яши. Въ первый разъ тогда не допустили Яшу къ Виктору. Но Юлія вышла. Говорили. Знакомились. Другъ другу не понравились... Но успокоила. Домой пришелъ—узналъ. На другой день въ гостиницу опять. Сказали, что въ столовой. Пошелъ въ столовую. Увидѣвъ брата, Викторъ засмѣялся. И долго его разглядывалъ явно. И говорилъ много, разспрашивалъ. Узнавъ про Антона,—а Юлія ему еще не говорила, хотя и знала—Викторъ забвенно сказалъ:

— Антоша? Да. Навѣрно, милый мальчикъ. Нехорошо. Это нехорошо.

Робко подступилъ Яша къ цѣли пріѣзда Викторова. Но

какъ-то такъ повелъ тотъ бесѣду, что не о томъ вовсе говорили. И не объ Антонѣ.

Уходя Яша думалъ:

— Голова! Этотъ устроитъ. И не спроста все. О, Антошка, какъ я на тебя золъ!

На-завтра опять пришелъ Яша въ гостиницу. И хоть засталъ брата въ номерѣ, повлекъ его тотъ въ столовую.

— Такъ вы тутъ и живете? Ай, ай! Скучно, вѣдь. Вотъ и Антонъ со скуки... Ну, какъ вашъ Доримедонтъ?

Разсказывалъ Яша обстоятельно. Викторъ безъ словъ смѣялся часто. А Юлія отъ смѣха того то блѣднѣла, то взоръ отводила въ стѣны гостиничнаго зала. Тутъ же и Степа Герасимовъ сидѣлъ. Молчалъ.

— Племянникамъ? Племянникамъ? Занятно, Степа? Степа, слышишь? А мы затѣмъ и пріѣхали.

И смѣялся Викторъ. И мало грусти было на лицѣ его, когда онъ говорилъ:

— Антоша,—это жаль. Не нужно, не нужно этого. Ну, да поправится. Пусть живетъ. Пусть живетъ.

И сдѣлалъ Юліи знакъ. И сказала что-то Яшѣ. И увела.

И опять приходилъ Яша. И все пытался спросить о главномъ, и не смѣлъ.

— Можетъ быть, тайные планы имѣетъ. Вотъ здѣсь онъ, то полъ-дѣла уже.

Въ тотъ день пришелъ Яша и сказалъ:

— У бабушки я былъ вчера. У верхней. Дорочка стала какая-то странная.

— Дорочка? Дорочка? Это моя тетка, кажется? А что она вообще дѣлаетъ?

— Да вотъ теперь плачетъ.

И разсказалъ Яша, что зналъ.

А Викторъ сказалъ:

— Дорочка. Дорочка... Пойдемъ къ Дорочкѣ.

— Какъ же ты?.. Ты, вѣдь, инкогнито.

— Это интересно. И, быть можетъ, это нужно. А вы здѣсь. Вы здѣсь. Мы вдвоемъ, мы съ Яшей.

Ушли. И скоро тамъ.

Яша Виктора ввелъ. Сказалъ входя:

— Братъ мой—Викторъ.

На звонокъ давно ужъ вышедшая дивилась старуха:

— Быть не можетъ. Внучонокъ!

Но увидѣвъ взоръ Яшинъ, вспомнила что-то свое, хотя и не о томъ Яша думалъ.

Гдѣ-то тамъ, за деревянными стѣнами, Дорочка, слыша гостей, мыла лицо спѣшно.

Викторъ былъ веселый сегодня. И, увидѣвъ Дорочку, сказалъ-крикнулъ:

— Здравствуйте, здравствуйте! Такъ это вы, Дорочка?

— Здравствуйте.

— Милая Дорочка, вы плакали. Вы и сейчасъ плачете. Кто-же не плачетъ? Всѣ плачемъ. Всѣ плачемъ. Люди мы. И нужно намъ плакать. Оба давайте плакать. Оба. Вы меня не знаете, Дорочка. Это потому, что забыли. Но вы не любите меня только потому, только потому, что я не успѣлъ еще васъ полюбить. Право такъ. Ну, поцѣлуемся. Вотъ такъ. Вотъ такъ. Я уже полюбилъ васъ, Дорочка.

И цѣловалъ ее горюющую. И смотрѣлъ на то братъ Яша. И еще смотрѣла и не видѣла верхняя бабушка.

Въ гостиной сидѣли вкругъ стола преддиваннаго.

— Что это я? Зачѣмъ «вы» говоримъ? Помню, на «ты» были. Давно это было. Ахъ, давно. А что, Дорочка, совсѣмъ ты меня забыла? Если-бъ на улицѣ увидала, не узнала-бы? Давно. Да, Дорочка. Тетя Дорочка...

Говорилъ раздумчиво. Послѣднія слова не ей, себѣ сказалъ. Глядѣлъ на Дорочку, какъ въ окно съ цвѣтными стеклами. А за окномъ тѣмъ дѣтство, нынѣ забвенное. А Дорочка отвѣтила, чуть чего-то застыдившись:

— Нѣтъ. Не узнала бы. Но глаза ваши... твои глаза на Антошины похожи. И ротъ. Ну, голосъ, конечно. Но волосы... Развѣ у тебя всегда такіе свѣтлые волосы были?

И дрожалъ голосъ, и влажными глазами глядѣла на пушистые, не коротко стриженные волосы Виктора.

— Да! Антоша... Что вы тутъ съ Антономъ сдѣлали? Не уберегли мальчика. Нехорошо. Нехорошо. Грѣхъ. Тѣ бездѣльники его тамъ замучили. А тебѣ-бы его пожалѣть, приголубить. Такъ-то. А еще тетя! А очень плохъ Антонъ? Я пойду къ Антону.

Говорилъ быстро, нить словъ обрывая. Взоры по стѣнамъ комнаты бѣгали. Слезы по щекамъ Дорочки потекли. Не замѣтилъ.

— Ба! Обои тѣ же. Честное слово, вспоминаю эти пукеты. Бабушка, какой это стиль? Это empire по вашему? Ха-ха... А жаль, что у васъ Сережа умеръ. Мнѣ вотъ Яша разсказывалъ. Лѣчить надо было. Лѣчить. Я Сережу помню. Въ немъ даже душа была, что по здѣшнему климату большая рѣдкость. Проклятая мѣстность эта ваша Россія. Изводятъ здѣсь люди сами себя и другъ друга и весь животъ свой... или какъ это по ва-

шему. Уѣду я. Дорочка, поѣдемъ со мной. Къ Антону вотъ пойти надо. Идея! Я портретъ его напишу... Умирающій. И уѣду. Какъ же, Дорочка?

Но Дорочка плакала. Не замѣтилъ Викторъ страннаго молчанія комнаты. Съ кресла всталъ. На диванъ пересѣлъ, съ Дорочкой рядомъ. Руку ея въ свою руку взялъ.

— Плачешь? Плачешь?.. И слезы-то въ этой мѣстности не таковы, какъ надо. Я, Дорочка, тоже плакалъ. Тамъ плакалъ. Ну, и здѣсь тоже. Здѣсь хуже. Коли плакать, такъ нужно, чтобы слезы душу возвышали, чтобъ человѣка закаляли. А русскія слезы, особенно женскія русскія слезы — это что такое! Просто таетъ человѣкъ. Таетъ, уменьшается, совсѣмъ маленькимъ станетъ, вотъ такимъ, вотъ такимъ. И потомъ со скуки помираетъ. Дорочка! Я тебя увезу. Идея! Тутъ у васъ революція затѣвается. Начинаю понимать. Конечно! Конечно! Тамъ дико. Вдругъ передъ базиликой баррикада. Во всѣ дворцы по бомбѣ. Трахъ и къ чорту. Дико! Дико! А здѣсь... Да, конечно. Вмѣсто того, чтобы плакать и киснуть, и другъ друга подсиживать... Положительно, молодцы. Улусы эти, вигвамы, огороды разные... Благословляю. Положительно, начинаю понимать. А то у васъ тутъ меряченье разовьется. Пукеты вотъ. Развѣ старина это? Просто грязные обои. Бабушка, вы ужъ извините, чуть что, и къ вамъ бомбочку. У меня Степа есть. Страшный человѣкъ. Для того въ эти степи пріѣхалъ. Я ему скажу. Трахъ! И готово. Ну, васъ мы предупредимъ. Вы погулять въ тотъ день пойдите... Ну, вотъ молодецъ, Дорочка. И не надо плакать. Довольно. Ну ихъ, эти русскія слезы. Ну, а теперь къ Антону. Къ Антону хочу. Яша, одѣвайся. И Дорочка пойдетъ. До свиданья, бабушка. А Дорочку оттуда я къ себѣ, въ гостиницу. Ей здѣсь скучно. Какъ вошла, увидѣлъ: такъ скучно, такъ скучно... Хуже, чѣмъ мухѣ въ вареньѣ. Весь вечеръ у меня Дорочка. Чай будемъ пить. Съ ромомъ чай. У меня тамъ Юлія. Она тоже бомбистъ. До свиданья, бабушка.

Порывно всталъ, съ бабушкой прощался почтительно, но не глядя въ перепуганное мигающее лицо ея.

Непонятное въ душѣ Дорочкиной смятеніе приходъ этого человѣка разбушевалъ. Глаза родные, родные, ласковые, то прямо въ душу глядящіе, то сразу пропадающіе въ своемъ какомъ-то мірѣ, далекомъ и недоступномъ. А слова... Голосомъ, до жути похожимъ на голосъ Антона, только болѣе мужественнымъ голосомъ, слова странныя говоритъ, будто въ разныхъ книгахъ сразу читаетъ.

— Красивый какой. Простой. Только, видно, и у него горе свое. Тайное горе. Перемогаетъ на людяхъ. Не боится никого. Къ

Антошику собирается. И, вѣдь, пойдетъ! Пойдетъ! Утѣшитъ милаго мальчика. А мы здѣсь...

Порывъ безудержнаго стыда; стыда всѣхъ минувшихъ дней. Встала. Съ подзеркальника шапочку взяла свою бѣлую пушистую. Мысли зашептали.

— Съ нимъ пойду. Съ нимъ можно. Въ обиду не дастъ. Раиса потомъ... Да что потомъ? Сейчасъ меня мальчикъ мой милый ждетъ. Вотъ-то порадуется. И Викторъ... Сколько лѣтъ о Викторѣ мечталъ. Къ тебѣ иду, мальчикъ милый... Пусть потомъ Раиса со свѣту сживетъ. Да нѣтъ. Руки коротки. Въ Петербургъ!.. Только ты выздоровѣй, милый, милый... А Виктора пустятъ ли?

— Дорофеюшка, куда ты это, матушка, сбираешься?

— Такъ. Гулять. Ихъ вотъ провожу.

Дивился Яша, вокругъ себя глядя. Но здѣсь говорить не хотѣлъ. Рѣшилъ по пути сказать. А въ Дорочкѣ голосокъ маленькій все настойчивѣе шепчетъ:

— Тамъ видно будетъ. До дому дойду, а тамъ видно будетъ.

Провожаемые невнятнымъ бормотаньемъ вдовы Горюновой, вышли всѣ трое. За уголъ завернули, чтобъ на Набережную выйти. Мимо оконъ низкихъ идутъ. Форточка открылась. Голосъ испуганный, жалкій изъ домика:

— И впрямь не вздумай, Дорофеюшка, туда иттить. Господь тебя сохрани...

— Не безпокойтесь, бабушка. Сохранитъ. Онъ такихъ любитъ. Душа у нея хорошая. Только увезу. Увезу! Addio!

Шли. Яша, шаги замедляя, говорилъ голосомъ срывающимся:

— Какъ же такъ ты пойдешь? А maman? Да она тебя, представь, просто-на-просто не пуститъ. И потомъ вотъ что: ее ты видѣть хочешь? Или къ Антошѣ тѣмъ ходомъ? Тогда не сейчасъ. Она къ нему часто заходитъ. А черезъ полчаса обѣдъ. Тогда свободно.

Остановился Викторъ. Тростью по тротуару заснѣженному постукивая, сказалъ размѣренно:

— Къ брату иду. Умирающаго брата видѣть хочу. Говорить съ нимъ. Можетъ быть, надо ему слово такое сказать. Слово. Слово сказать и у него спросить про одно. А отъ тѣхъ таиться не желаю. Но и видѣть ихъ также. Какъ выйдетъ. Мнѣ все равно. Къ брату иду. Это случай, что братъ умирающій въ томъ вонъ домѣ лежитъ. Не пустятъ, говоришь? Кто меня не пустить можетъ? Антонъ меня ждетъ. И Дорочку. Дорочка, тебѣ все равно откуда и какъ идти?

— Если его одного увижу, могу. Ну, чтобъ вы еще. А если Раиса, не знаю, пойду ли. То-есть не увѣрена въ себѣ.

Чуть потупившись говорила просто, откровенно. Какъ только съ Антономъ говорила тогда, тогда.

— Ну, о чемъ же говорить! Веди, Яша, со двора.

— Только чтобъ навѣрняка безъ maman, обѣда, говорю, дождаться надо. Полчаса погуляйте, ну, чуть больше. А я пойду. Мнѣ нельзя. И Антошѣ скажу. Вѣдь, слѣдуетъ Антошу предупредить?

— Какъ хочешь.

— Нѣтъ. Предупреди, Яша.

То Дорочка. А Яша:

— Только какъ же, господа! Такой велколиѣпный выпадъ и вдругъ въ-пустую... Вы тамъ оба, а maman и не почувствуетъ! Впрочемъ, что я. Быть того не можетъ. Не таковъ домъ, не таковы люди. Непремѣнно что-нибудь выйдетъ. Надо, надо ей урокъ... Нѣтъ худа безъ добра, нѣтъ худа безъ добра.

И любованіе ожиданіемъ и чуть испугъ въ голосѣ Яшиномъ.

Не доходя до дому разстались. Яша въ ворота побѣжалъ.

— Чуть можно будетъ, я къ вамъ внизъ.

А тѣ двое мимо Макарова дома прошли къ виднѣвшемуся саду городскому, по горѣ спускающемуся къ побѣлѣвшей Волгѣ. Подъ руку взявъ, велъ Дорочку Викторъ. И довѣрчиво плечомъ склонялась, и слушала, на миги краткіе въ глаза его заглядывая. О Венеціи любимой говорилъ. И черезъ слова вдумчиво строгія прыгали шутки-загадки, плачуще-смѣющіяся. Дивилась Дорочка тому, что такъ легко ей съ нимъ и хорошо, съ нимъ, издалека залетѣвшимъ. Только взглядъ подчасъ такимъ чужимъ казался, чужимъ-ничьимъ и жуткимъ. Зато какой хорошій, милый взглядъ, когда самъ взгляда ищетъ. Въ саду сказала рядомъ на скамьѣ сидящему.

— Я Антошика очень-очень люблю. И такъ мнѣ больно. Зачѣмъ? Зачѣмъ онъ?

— Зачѣмъ? Вамъ здѣсь виднѣе. Но если выживетъ, это хорошо. На пользу.

Взглядомъ спросила. Можетъ быть и пожатіемъ руки.

— А потому-что трагедія съ молоду это хорошо. И не всякому дается благодать эта. А тутъ ужъ настоящая трагедія. Выстрѣлъ... Выстрѣлить въ живое это тяжело. Это голгофа. А ты его какъ женщина любишь?

Заревно-краснымъ стало лицо ея. Такъ неожиданно, такъ просто сказалъ. Молчала, потупившись. И чувствовала, что выдаетъ тайну, и не могла затушить полымя лица своего, какъ

и полымя въ душѣ изстрадавшейся. Но обиды не было. А тотъ опять. И ласково, хоть чуть съ упрекомъ, и не помучивъ ее взглядомъ:

— Стало быть, твой грѣхъ. Если умретъ, твой грѣхъ. Онъ тебя любитъ?

Будто не она отвѣтила шопотно:

— Да.

Далекая мысль, неосознанная: то не человѣкъ спросилъ, но судьба.

— Впрочемъ, къ чему спрашиваю. Въ подобныхъ случаяхъ безъ взаимности не бываетъ. А тебя полюбить можно. Ты хорошая. И на сестру свою непохожа. Испортили только тебя. Всѣхъ васъ здѣсь искалѣчили. Если калѣчить такъ съ пользой. А такъ что! Да, Дорочка. Твой грѣхъ. Молись, чтобъ не умеръ. Тяжело будетъ. Вижу, все вижу. Изъ-запустяковъ, вѣдь? Изъ-за пустяковъ? Жупелъ? Да? Вѣдь, могла спасти? Могла? Женщина любящая и любимая все можетъ... А хорошій садъ. Я забылъ совсѣмъ. А тамъ нѣтъ деревьевъ. Ну, въ giardino... Но туда я не любилъ ходить. Да, любящая и любимая. Непремѣнно: и любимая. Тогда сила. А вы въ землю, въ землю хороните. Хоронить нужно. Нужно хоронить, когда судьба. Плачь и хорони. Плачь и убей даже, и похорони, если судьба. А такъ, такъ, изъ-за мамаши съ папашей, изъ-за четвертаковой книжонки или чортъ знаетъ изъ-за чего еще — это грѣхъ. Ему вотъ хорошо, Антону. Трагедія. Мальчикъ, но трагедія. И святъ душой. А ты вотъ вышла тогда въ гостиную съ пукетами, и видно, все видно по лицу. Скажи: неужели ты у него не была еще за эти дни? Онъ, вѣдь, это въ день моего пріѣзда? Да-да. Такъ не была?

И еще разъ отвѣтила, какъ вопрошающей судьбѣ:

— Нѣтъ.

— Да. Знаю. Помню, помню. Горюновы въ крѣпость ни-ни. Они бѣдные. И такъ вы и живете? И все это въ-серьезъ? Донынѣ неизмѣнно? И вообще ни разу не была тамъ? Съ моего тогда отъѣзда?

Совсѣмъ ужъ не трудно было Дорочкѣ отвѣтить:

— Ни разу.

— А сейчасъ пойдешь? Если боишься, если чувства гадкія, здѣшнія ваши, рабскія, пожалуй, и не иди лучше. Одинъ я.

— Пойду. И спасибо тебѣ.

Руку пожала порывно. Посмотрѣлъ взглядомъ недолгимъ, безвопроснымъ. Помолчали. Слушали сказку скучающихъ деревьевъ, гудящихъ:

— Снѣгъ, снѣгъ нашъ теплый, бѣлый, зачѣмъ срываешь вѣтеръ? Зачѣмъ уносишь? Не бори насъ. Зимой отдыхать хочется.

— Да. Скучно здѣсь у васъ. Не тоска. Не тоска. Скука. Ты что хоть въ Москву не ѣдешь? Денегъ нѣтъ?

— Я въ Петербургъ поѣду.

— Когда?

— Скоро... Нѣтъ! Нѣтъ! Какъ Антошикъ. Выздоровѣетъ и поѣду?

Легко сказалось.

— На курсы или революцію дѣлать?

— На курсы давно хотѣлось. А для того, думаю, слаба я. На то дѣло какіе закаленные пойдутъ! Григорій Иванычъ говорилъ... Ставрополева, Григорія Иваныча не помнишь? Сережинъ пріятель...

— Лохматый? И лѣвой рукой вотъ такъ? Помню, помню. Свирѣпый юноша. Впрочемъ, теперь ему... Да. Онъ чуть постарше меня. Такъ что же онъ у васъ? Робеспьеръ?

— Григорій сильный человѣкъ. Ты вотъ обо мнѣ спросилъ. Онъ сильный, а я слабая.

И улыбнулась говоря. А Викторъ въ далекое, въ свое заглянувъ на мгновеніе:

— Умретъ Антонъ, сильная будешь. Вижу. Россія такими, какъ ты сильна. Такими какъ ты, если умретъ Антонъ. Это полюбить надо. А не программа. Полюбить, какъ человѣчью душу. Тогда можно. Тогда ничего не жалко. По моему, женщинамъ бы надо революцію дѣлать. Дорочкамъ вотъ такимъ милымъ, у которыхъ Антошики умираютъ. А мужчины—мужчины, они...

За руку схватилась. Почти прокричала въ саду гудящемъ:

— Не надо. Ради Бога не надо такъ объ Антошикѣ!

— Чужими смертями живемъ. Что ужъ тутъ. Но, можетъ, онъ и не такъ плохъ. Пойдемъ. Вотъ я брата Антона полюбилъ.

Часы вынулъ. Посмотрѣлъ. Повторилъ:

— Пойдемъ, пожалуй.

Встала. И сама его руку рукой искала. Въ морозномъ, въ ранне-вечернемъ шли.

— Витя... Викторъ... Мнѣ совсѣмъ не страшно. И уже жалко мнѣ, что мы Раисы не встрѣтимъ. Сразу бы! Сразу бы все!

— Насколько всѣхъ васъ понимаю, Антону это было бы не такъ занятно.

Къ рукѣ Виктора прижалось плечо. Благодарила молча.

Когда входили въ ворота, отвѣтила еще разъ Дорочка:

— Нѣтъ. Не боюсь. Зачѣмъ спрашиваешь? Съ тобой не страшно. Но мнѣ стыдно, что не раньше.

Съ улыбкой тихой шелъ Викторъ по плитамъ тѣмъ мимо стѣнъ высокихъ. Замедлялъ шагъ, растравить хотѣлъ раны. Но зажили.

Во дворѣ дворники-ли, кто-ли шапки сняли. Пытался Викторъ думать о прошломъ, о здѣшнемъ. Въ мглѣ жемчужной будто обрывки книжки дѣтской носятся. Со двора на крыльцо взошли. Дверь открылъ, Дорочку пропустилъ. И опять рядомъ. Велъ. Въ свою комнату, въ львиную комнату велъ. Корридоръ темный прошли. А въ корридорѣ томъ Дорочкѣ страшно стало. Мраморный полъ передней. Гулкіе шаги. Библіотека.

— Къ тебѣ можно, Антонъ?

— Кто? Кто? Правда?

Похудѣвшій, лицо свое блѣдно-жолтое отдавалъ Антонъ нежданнымъ поцѣлуямъ Дорочки ворвавшейся. Но скоро увидѣлъ Виктора.

— Это Викторъ?

Спросилъ робко, не вѣря. И не его спросилъ, а Дорочку.

— Я—Викторъ. Здравствуй, Антонъ.

Два шага шагнулъ. Руку подалъ. Потную руку пожалъ, въ глаза брата долгимъ взглядомъ глядя, необрывнымъ.

На Дорочку не смотрѣлъ ужъ, на Виктора только Антонъ. Глаза влюбленные, чуду едва вѣрящіе.

Но что чудо! Много чудесъ за эти дни глаза Антона перевидали. Изъ надземнаго міра близкаго подступили къ нему тѣ легкіе, чарующіе, возлѣ живущіе, какъ сквозь стекло жизнь видящіе. Слова шопотныя душѣ говорили, совсѣмъ не страшныя слова—загадки напѣвныя. Но далекій міръ, бѣлый-бѣлый, вѣчностью гордою молчащій, невнятенъ былъ и страшенъ. И легкіе, чающіе, изъ близкаго слетающіе, душу разверстую приготовляли къ чуду и утѣшали.

Но казалось Антону: жемчужные, тихіе, сами еще къ тайнѣ, міромъ правящей, не допущены. Сны, трепещущіе сны ночные, дневныхъ часовъ въ комнатѣ львиной.

Вотъ на Виктора глядитъ Антонъ. Въ глаза его глядитъ, съ подушекъ приподнявшись. Яша сказалъ тогда, на другой день, у постели потерявшійся сидя, на брата дерзнувшаго глядѣть боясь; сказалъ, что въ гостиницѣ все благополучно: случайный выстрѣлъ; напутали. Но Антонъ ужъ въ снахъ жемчужныхъ плылъ. И безразлично ему было: такъ ли то, или не такъ. И сегодня за полчаса предупрежденный, промолчалъ. Про Виктора, про Дорочку повѣрилъ ли? Но приходъ обоихъ живыхъ и говорящихъ, и прикасающихся поразилъ, потрясъ, какъ колокольный звонъ въ песчаной пустынѣ.

— Здравствуй, Викторъ... Пришелъ ты...
— Антонъ, тебѣ тяжело?
— Мнѣ хорошо.
— Жалѣешь о томъ?

Помолчалъ Антонъ. Думалъ. Понялъ. Брови темныя сдвинулись. На подушки откинулся и не сказалъ. Викторъ на кровать сѣлъ у ногъ лежащаго. Дорочка у изголовья стоя, на мокрый лобъ Антона руку положила. Викторъ комнату оглядѣлъ взоромъ улыбчивымъ. Свою когда-то комнату. Молчаніе каменное. И шопота маятника нѣтъ, звѣря мѣднаго, себя лишь любящаго, всюду проникающаго. Услышалъ Викторъ тихія слова. Дорочка вздрогнула, руку съ потнаго лба приняла:

— Нѣтъ. Не жалѣю. Пусть умру сильнымъ. Довольно я слабымъ былъ...

Началъ говорить и задыхался. Лицо его, желтоватое, похудѣвшее, съ чорнымъ пушкомъ усовъ, съ бровями близко сдвинутыми старѣе тѣхъ двухъ лицъ казалось.

— И страху нѣтъ... Я понялъ. И буду ли жить, или нѣтъ, я ужъ сильный теперь. Вѣдь, правда, Викторъ: жизни и смерти отдѣльно нѣтъ?

Викторъ, дивясь и вспоминая забытое что-то свое, сказалъ голосомъ зазвенѣвшимъ;

— Конечно, нѣтъ. Одно сквозь другое видится. А вселенная—жизнь и смерть—нераздѣльна.

— Ты это въ творчествѣ нашелъ. И давно. А я вчера... нѣтъ, не вчера... не помню... недавно. И не въ творчествѣ... а вотъ въ этомъ.

— Я, Антонъ, въ творчествѣ ничего не нашелъ. Душа плачетъ, душа кричитъ—тогда творчество. А плачъ да крикъ—это развѣ: н а ш е л ъ? Нашелъ это ужъ дважды-два. А творчество и дважды-два враги. Творчество — это мука сомнѣнія. Правда, нѣкоторые умѣютъ иначе.

Захмурилось, но вдругъ посвѣтлѣло лицо Антона.

— Да, да! Понимаю. Но это какъ лѣстница. Великое сомнѣніе, мука крестная на мгновеніе ли, на годы ли, и создалъ. И вотъ ступень. И еще. Потомъ еще. А наверху — н а ш е л ъ.

Старшій братъ засмѣялся ребячьимъ смѣхомъ.

— Найду и сяду на послѣдней ступенькѣ. И ручки сложу, и замолчу. А то можно... Только скучно это...

— Что можно?

— Кличъ кликнуть. Приходите, молъ. Нашелъ, и поучать хочу со ступеньки. Только творчествомъ живя, любя его превыше мѣры, этого, пожалуй, не сдѣлать. Впрочемъ, старикомъ не былъ...

— Викторъ, я тебя спросить хотѣлъ. Ахъ, опять забылъ... Подожди, подожди...

Заволновался очень. Рукою руку сжималъ свою. Пальцы хрустнули. Бормоталъ:

— Это, что-ли? Ну, да. Кажется, это. Я про Доримедонта... Ты по письму? Ты за этимъ пріѣхалъ развѣ? Яша говоритъ...

— Ха-ха! Это пошантажировать родственниковъ? Слѣдовало-бы. Только я-то, пожалуй, Яшенькѣ безполезенъ окажусь. Я—какъ-то уже такъ вышло—о большихъ деньгахъ давно не думаю. А пока мнѣ на жилище хватаетъ. И на краски. Ну, и на коньякъ. Впрочемъ, нужно Юлію спросить. У меня Юлія... А Яшенька сдрефилъ. Ему-бы самому. Онъ о томъ только и думаетъ. Видно, хотя подчасъ таится. А если ужъ дума гвоздемъ, это сила. Онъ мнѣ про гостиницу и про разное. Ну, и переѣхалъ-бы самъ въ гостиницу. Съ тѣми, съ родственничками, только Яшѣ и драться. У тѣхъ по гвоздю въ головѣ, ну, и у Яшеньки гвоздь... Да! Можно адвокатовъ, говоритъ. Да гдѣ мнѣ съ ними возиться! А если Яшенькѣ для комплекта мое имя нужно, пожалуйста. У тебя есть бумага? Давай, сейчасъ на полсотни листовъ распишусь съ полнымъ званіемъ. А вы тутъ вписывайте, что нужно. И по судамъ. Хоть до парламента доведите... То-есть, не то. Парламента у васъ еще нѣтъ. Ну, да вотъ революція будетъ...

Слушая, тихимъ смѣхомъ смѣялся Антонъ; смѣхомъ радостнымъ. Вдругъ серьезенъ сталъ. И заспѣшилъ.

— Постой! Постой! Вспомнилъ. Не то совсѣмъ спросить хотѣлъ. А это такъ только. Вспомнилъ! Слушай! Можно убить? Можетъ человѣкъ убить? Что убить, кого убить — все равно. Другого, себя... но убить. Лишить жизни. Академическій вопросъ. Можетъ человѣкъ разрѣшить себѣ, сказать: это право мое?

Чуть поблѣднѣлъ Викторъ. И всталъ, и заходилъ по комнатѣ, можетъ быть, для того, чтобъ лица его не видѣли. Но недолго. Стоялъ уже у кровати. И улыбчивыми глазами на Антона и на Дорочку глядя говорилъ:

— Право? Право мы оставимъ. Исторія, географія, законъ Божій, все, кромѣ чистописанія, учатъ насъ, что право — это временно, что право—это мода. На какихъ-то тамъ островахъ старухъ подушками душатъ. И старухи сами обижаются, если ихъ не хотятъ душить во-время. Въ Европѣ дуэль, война, казнь по суду, ну, еще французская эта глупость: «Убей ее», ну, въ Америкѣ судъ Линча—все это что доказываетъ? А то, что органически человѣкъ совсѣмъ не-прочь убить. И очень это ему всегда хочется. И достаточно самой прозрачной лжи, укрывшись за которую онъ ужъ объ этихъ самыхъ угрызеніяхъ совѣсти не

безпокоится. Выводъ ясенъ. А, между прочимъ, ясно и то, что право тутъ не при чемъ... Что большинству людей очень нужно въ извѣстную эпоху, то тотчасъ становится правомъ. И дѣло въ шляпѣ. Но общество, толпа, по существу своему — хамъ и вся аргументація ихъ хамская. Исторія какъ фонъ хороша и неизбѣжна. Какъ фонъ. Ну и общество тоже. Къ философіи улицы, къ хамской философіи прислушиваться не резонъ. Такъ, гудитъ, и пусть гудитъ. Иногда красиво даже. Пусть тамъ, въ толпѣ и убиваютъ. И всегда убивать будутъ. Потому—стадный инстинктъ. Но человѣкъ, кромѣ того, что скотъ, онъ еще въ потенціи своей геній. Геній же созидаетъ. И чѣмъ чище выкристализовалась въ немъ геніальность, тѣмъ за труднѣйшія дѣла берется. Какъ бы инстинктивно знаетъ, что безъ него не сдѣлаютъ. Кой чортъ было бы, если бы Микель-Анджело плетни вкругъ огородовъ ставилъ И безъ него поставятъ. А убиваніе это самое и того проще. Плетень хоть кому-нибудь плесть придется. А убить человѣка и природа можетъ. Что и дѣлаетъ великолѣпно. Сфинксъ въ пустынѣ самъ собой не выростетъ, поэма сама не напишется. Ну, и твори, строй, пиши. А убивать... Фи. Подожди нѣсколько лѣтъ и само собой сдѣлается. Да развѣ подобаетъ сколько-нибудь не маленькому человѣку дѣлать то, что и безъ него сдѣлается! Нѣтъ...

Не договорилъ. Повернулся быстро. Къ окну подошелъ. Смотрѣлъ въ далекое, въ бѣлѣющее. Низкій берегъ Волги виденъ былъ. Церковки рѣдкія, на бѣломъ бѣлыя. Смотрѣлъ. И много разъ чуть поворачивался къ тѣмъ двумъ. Чуть. Будто вздрагивалъ. Хотѣлъ сказать еще, но въ даль глядѣлъ заволжскую. И чувствовалъ, что смотрятъ на него четыре глаза.

Когда отъ окна отвернулся, увидѣлъ: Дорочка подъ потолокъ на голубя золоченаго глядитъ. Но тотчасъ взоры ихъ— волна съ волной—слились. Быстро къ Антону подошелъ, руку ему протянувъ.

— Прощай теперь. А я къ тебѣ приду. Каждый день приходить буду. И портретъ твой напишу—можно? Ты не бойся, двигаться можешь сколько хочешь. Хоть прыгай.

Смѣялся. Въ слова брата не вслушивался.

— Нѣтъ, нельзя тебѣ больше. Нельзя. Завтра. И съ Дорочкой опять? Ну, хорошо, хорошо. Съ Дорочкой.

Грустящій, простился Антонъ. Руки братьевъ на долгое мгновеніе другъ друга чуятъ. Съ Дорочкой Антонъ поцѣловался опять. Но не тѣмъ ужъ беззвучно-долгимъ поцѣлуемъ встрѣчи. Прозвучалъ поцѣлуй прощальный, и сорокой, птицей пестрой, полетѣлъ, о стѣну ударился, о потолокъ низкій. Сорока пе-

страя маленькою-маленькою стала, въ барельефахъ бьется, не знаетъ, какъ вылетѣть отсюда.

Ушли. Изъ библіотеки голосъ Виктора:

— Если нужно что, ты за нами Яшеньку пошли. Прощай, милый.

Слушалъ шаги удаляющіеся.

Жемчужное страшнымъ стало. Облака розовыя, голубыя съ тучами чорными мѣшались. Съ земли поднимались тучи, Но все хорошо, хорошо. Дверь ударила. Та, далекая. Ушли.

— Хорошо. Какъ хорошо! Только какъ же? Сказалъ онъ: ты за нами пошли Яшу. За нами. Куда? Развѣ Дорочка у Виктора? Почему за нами? Хорошо все. Хорошо. Викторъ былъ. Самъ Викторъ. Говорилъ. А если я убилъ? Нужно подумать. И завтра ему скажу. И Дорочка пришла. Какъ она пришла сюда? Да! Конечно, она ужъ у Виктора. Отъ бабушки не пришла бы. Милые, милые... Ну, завтра.

Хотѣлъ видѣть сны жемчужные, тѣмъ тихимъ, робкимъ, чающимъ разсказать про сегодня. Разсказать и послушать, что попоютъ.

Тѣ двое вышли изъ воротъ.

— Милый, милый мальчикъ. Люби его, Дорочка.

— Я люблю Антошика.

Но тотчасъ такъ сдѣлалось, что плечо къ плечу. И велъ ее Викторъ. И молчала. И ждала и боялась. И вспоминала, каясь.

— Куда? Конечно, ко мнѣ. Чай съ ромомъ и Юлія тамъ у меня.

XXVI.

— Оставьте! Оставьте меня всѣ! Одна я хочу. Одна. Навсегда одна. Чего вамъ нужно, Степанъ Григорьичъ? Чего вамъ нужно?

— Юлія Львовна, выслушайте. Вѣдь, ночь. Четыре часа теперь. Ну, три. Поѣзда нѣтъ. Поѣздъ днемъ. Куда вы?

— Прочь отсюда! Прочь! Все равно, куда. Уѣхать хочу. Уѣхать мнѣ отъ него нужно. И сейчасъ. Сейчасъ. Или вы не слышали. Или скажете, что можно мнѣ здѣсь остаться? Съ нимъ? Съ нимъ? Да? И съ... той? Да?

— Она ушла...

— А вы хотѣли, чтобъ ночевать съ нимъ осталась! Подождите, завтра, можетъ, и останется.

— Успокойтесь же. Сами вы знаете: боленъ онъ. Не въ себѣ онъ.

— А она? Эта тетушка его бѣленькая, тихонькая, тоже не въ себѣ? Да что она обо мнѣ думаетъ? Кто я? Кто? Кто я здѣсь? Натурщица? Манекенъ?

— Юлія Львовна...

— Что? Что вамъ отъ меня нужно? Толкомъ, толкомъ говорите, что, по-вашему, я дѣлать должна. Смотрѣть, какъ она ему отдается? Да?

Ее, мечущуюся по комнатѣ, остановилъ, за обѣ руки взялъ.

— Не то. Да, уѣзжайте. Ваше право. Но я хотѣлъ... Мнѣ нужно... и не могу я... И я съ вами. Я люблю васъ. Давно люблю. И вы знаете. Вы не можете не знать. И теперь вижу: сама судьба насъ другъ къ другу толкаетъ.

— Ха-ха... Что вы о женщинѣ думаете, Степанъ Григорьичъ! Отъ одного къ другому женщина должна переходить? Изъ рукъ въ руки? И такъ, чтобъ дня не пропало, да? Великолѣпно! Назначеніе женщины... А третій кто будетъ? Ужъ приготовьте, чтобъ мнѣ не искать, когда вы меня бросите.

Смѣялась надрывно, руки свои вырвавъ изъ рукъ Степы. А онъ, затихшій, къ окну отошелъ.

Лицо свве доброе, обиженно слезящееся, чорной ночи отдалъ безъогненной, на площади пустынной поселившейся. Тоска чужого города. Тоска обиды, рожденной словами жестокими, словами женщины любимой и вотъ чужой. Слезы безрадостныя, звенящія, ночныя минуты. И бьющія слова женщины.

Черезъ часъ, безсловный, стоялъ у подъѣзда. Чемоданъ въ чьи-то руки передавалъ. Бездумными глазами смотрѣлъ на отъѣзжающую пролетку извозчичью, безтолково дребезжащую въ ночи.

Когда, злой и на что-то рѣшившійся, внезапно властной рукой постучалъ въ дверь Викторовой комнаты, тотчасъ услышалъ веселый голосъ:

— Войдите!

Подъ яркой лампой сидѣлъ у стола Викторъ. Полулисты Ватмана на столѣ и на полу.

— А, ты! Ждалъ. Что это въ твоей комнатѣ за собесѣдованіе ночное? Давно слышу. Ссорились съ Юліей?

— Юлія Львовна уѣхала.

— Куда?

— Не то существенно, а то, что она уѣхала отъ подлеца. Не уѣхала даже, убѣжала. Темной ночью убѣжала, сама не знаетъ куда, только бы подальше. Пришелъ сказать тебѣ, что ты подлецъ.

— Ну, это-то ты мнѣ ужъ сообщалъ. А уѣхала? Правда? Что же ты не отговорилъ? Глупо это. Вамъ бы только человѣка изводить. У меня сегодня душа поетъ. А вы съ Юліей мѣщан-

скія сценки разыгрываете. Уѣхала! Догадываюсь о мотивахъ. Ревность? Опять ревность? И ты тоже? Тигръ африканскій... Костромской Отелло... Глаза вытаращилъ. Слова разныя. Что ты понимаешь! Садись ужъ, коли пришелъ. Вотъ коньякъ. А то убирайся къ чорту!

— Но...

— Что но? Я сегодня умирающему брату слово сказалъ. А другого человѣка, мертваго ужъ человѣка, къ жизни, можетъ, вернулъ. И самъ воскресенію тому порадовался. Чудо увидѣлъ и тихость нашелъ. Да. И цѣловалъ. И еще цѣловать стану. Жизни, жизни хочу. Чуда праздника души. А господинъ Герасимовъ парламентеромъ отъ Юліи. И защитникомъ поруганныхъ правъ. У, примитива ничтожная! Чего глаза таращишь!

Хотѣлъ кричать на Виктора Степа, обвинять его. Хотѣлъ уйти, въ свою комнату уйти, на кроватъ броситься и плакать, шептать слова укоризны той женщинѣ обидѣвшей. Но стоялъ недалеко отъ двери. И вотъ, истомленный, опустился на ближній стулъ. Гнѣвъ отлетѣлъ.

— Не любитъ. Никогда не полюбитъ. Его любитъ. Его. Уѣхала, но любитъ. Позоветъ онъ, и воротится.

Тихая улыбка, безмысленная, на пожелтѣвшемъ лицѣ запѣла пѣсенку дѣтскую. Голосъ гнѣвливый, Виктора голосъ, будто музыкой желанной сталъ.

— Ревность? Ревность? Какая-то дурочка при царѣ Горохѣ со скуки ревность выдумала. А они повѣрили! Шаблонъ вамъ нуженъ во всемъ. Съ сегодняшняго дня мнѣ Дорочка нужна. Понимаешь, глупая ты рыба! Нужна, и я ей нуженъ. И пусть твоя Юлія по трафарету узоры свои разводитъ, не стану оттого я убійцей пѣсни моей новой. Пѣсни! Понимаешь ли ты, что душа пѣть можетъ и должна пѣть. Должна. Жить я хочу. Жить! Я отъ смерти убѣжалъ сегодня. Я дверь нашелъ. Изъ склепа дверь. Кто смѣетъ сказать мнѣ: назадъ иди! И не одинъ склепъ. И тамъ, можетъ, дверь открылась. А твоя Юлія... Ты-то что за ней не побѣжалъ?.. Я душу убитую полюбилъ. Въ живую душу такіе же вотъ скучные глупцы, какъ ты, стрѣлу загнали, шершавую стрѣлу осиновую. Вынуть стрѣлу. Рану залѣчить. И праздникъ. А теперь послѣ этихъ вашихъ завываній по кодексу, дороже мнѣ она стала. Уѣду отсюда, завтра. Въ Римъ уѣду, ее возьму. А ты здѣсь оставайся съ дикарями. И та пусть съ тобой. Художникъ! Артистъ! Нянькам вамъ въ пріютѣ быть, дѣтишкамъ фартучки подвязывать. И учить васъ не надо. Отроду въ васъ сомнѣній не было, что хорошо, что плохо.

Нескоро еще разошлись. Сосѣдъ сонный въ стѣну два

раза стучалъ. Степа сидѣлъ, смотрѣлъ то въ лицо Виктора, и казалось оно ему прекраснымъ, то въ-никуда. Страшно ужъ было уйти въ одиночество наемной комнаты. Слова Виктора казались понятными, не враждебными. Молчалъ и дивился себѣ.

XXVII.

Въ дому своемъ на Московской чахнетъ Семенъ. Въ семь утра просыпается привычки ради. Карета неотмѣняемая во дворѣ ждетъ. Но слуга сѣдой въ девятомъ часу къ окну залы подходитъ, обувью мягкой скользя. Во дворъ смотритъ, осанкой важной радуя амуровъ стародавнихъ дворянскаго дома, по плафону летающихъ. Сквозь стекло смотритъ чинный лакей старый, тускло помнящій иную жизнь дома, и вверхъ взглянетъ, на небо: погоду наблюдаетъ. И внизъ взглянетъ: нѣтъ ли непорядка какого въ барскомъ дворѣ. И долго такъ лицо свое бритое черезъ стекло показываетъ кучеру бородатому, на козлахъ зябнущему. А потомъ примется древній Евстафій на градусникъ смотрѣть, очки надѣнетъ, голову поднимая, опуская, вглядывается. И опять взоромъ строгимъ и властнымъ жизнь двора оглядываетъ. И вдругъ, будто только-что увидѣлъ карету чорную парную, машетъ рукой быстро кучеру бородатому. И шепчетъ въ залѣ подъ плафономъ голубымъ.

— Раскладывай! Раскладывай! Въ контору нынѣ не поѣдетъ.

И шопотъ старика гнѣвенъ. И наслаждается Евстафій неулыбающійся, глядя на коней, карету въ сарай поворачивающихъ. А пуще тѣшитъ его красная рожа бородатаго Геннадія, хлещущаго коней. И шепчетъ, оправляя кисею гардины:

— Почванишься ты у меня. Я тебя, холуй, завтра и до десяти поморожу. Такъ-то.

А Семенъ въ далекой спальной комнатѣ своей, въ маленькой комнатѣ объ одно окно, на кровати сидя, правой рукой лѣвую у кисти захвативъ, удары пульса считаетъ. И глядитъ глазами круглыми на секундную стрѣлку часовъ карманныхъ.

— Скоро ли докторъ?.. Евстафій! Евстафій! И куда онъ всегда уйдетъ!.. Поспать бы еще развѣ...

На иконы взоръ упалъ. Иконы близко, въ томъ вонъ углу. Орѣховаго дерева кіотъ. Изъ спальни изъ той сюда перенесенъ. Давно. Тогда еще. Изъ спальни.

Помолился. Лицомъ дергающимся акаѳистъ пропѣлъ, акаѳистъ тихій, силамъ вышнимъ хвалебный. Почуялъ: зачтена мука.

Не на колѣняхъ больше.

— Скоро ли докторъ? Скоро ли докторъ?

Но идетъ изъ комнатки своей. Быстро идетъ.

— Посмотрѣть...

Но лѣстница. Трудно. Тамъ. Тамъ.

— Евстафій! Евстафій!

Черезъ залу пройти нужно. Тутъ и Евстафій.

— Кликать изволили, Семенъ Яковличъ?

— Руку дай. Проводи.

Шли двое. Древній старѣющаго велъ, хвораго. Подчасъ спотыкались. Оба разомъ, кто-то кого-то поддержать стремился. Шесть комнатъ прошли. Предъ дверьми седьмой остановились. И только началъ Семенъ свое говорить, Евстафій башмаками мягкими три шага назадъ. Вступилъ Семенъ въ святилище свое. А Евстафій изблизка шопотомъ, царапающимъ стѣны дома:

— Секретъ тоже. Почитай, каждый день сюда. Знаемъ. Отъ меня, вишь, таится... Камердинеръ — онъ все знать долженъ... А тебѣ, Прасковья Ипатьевна, я покажу, гдѣ раки зимуютъ. Повертишься ты у меня. Повертишься! Экономка! Экономка! Знаемъ мы, какъ экономки-то летаютъ.

Семенъ прошелъ. Дверь заперъ ключомъ. Слабый, слабый Семенъ. И такъ легко было ему, слабому, пасть у кровати громадной, ожидающей, ожидающей тщетно.

Издавна привыкъ Семенъ Яковлевичъ заходить въ парадную спальню свою, въ пустующую. Большой покой трехоконный, нежилою роскошью ветшающей гордый, принимаетъ въ себя Семена вотъ ужъ годы не какъ господина и барина своего, а какъ чужестранца заѣзжаго.

— Поглядѣть пожаловалъ? Ну, гляди ужъ, гляди...

Амуры золоченные, степенно играя другъ съ другомъ, на хозяина дома сего и не поглядятъ. И нельзя имъ занавѣсей балдахинныхъ изъ рукъ выпустить.

У кровати широкой, пунцовымъ линялымъ покрытой, палъ на колѣни Семенъ хворый. Палъ, руки на одѣяло возложилъ, трепещущія, бѣлыя. А лицо въ ладони. И плачетъ лицо, чуя холодъ кровати той. Подъ потолкомъ этимъ, гдѣ въ перьяхъ птицъ райскихъ позолота мутнѣе уже, привыкъ плакать Семенъ. Душа его плачетъ здѣсь. А порой и не душа; глаза лишь. Но нынѣ на колѣни палъ и, недостойный, руки возложилъ, какъ на алтарь. Странное въ душѣ пѣлось, смутное.

— Раба Божія Анастасія, прими прощеніе позднее. Но покайся. Покайся, блудная! Раиса премудрая, Раиса недостижимая, утѣшь несчастнаго добрымъ словомъ, ласковымъ...

Шептала душа, размечталась молитвенно. Надолго шопотомъ тѣмъ хотѣла болѣзнь тѣла утишить. Но змѣи ли зашипѣли невидимыя, вѣтеръ ли откуда-то холодный по комнатѣ пролетѣлъ. Задрожавъ и руки въ карманы пряча, всталъ Семенъ Яковлевичъ. До двери добрелъ, и трудно было рукѣ слабой ключъ повернуть въ замкѣ. Евстафій тутъ. И повелъ. А хозяинъ ему строго:

— Тамъ въ углу паутина. У окна. Самому вездѣ мнѣ, что ли?

Дошли до той комнатки внизу, со столовой рядомъ, гдѣ Семенъ привыкъ сперва лишь послѣ обѣда отдыхать. А потомъ незамѣтно, вещь за вещью, часъ за часомъ дня, все туда перенеслось, вся жизнь Семенова домашняя. Дошелъ хозяинъ. На кровать сѣвъ, сказалъ Евстафію:

— Халатъ бы мнѣ нужно, Евстафій. Посмотрѣлъ бы ты по шкапамъ. Нашелъ бы.

И секунды не думалъ бритый важный старикъ:

— Халатъ? Да какой же халатъ! Халату у насъ, Семенъ Яковличъ, и въ заводѣ не было. Не то што...

— Ну, такъ ты того, закажи, что ли.

— Это можно.

Младшій лакей вошелъ.

— Господинъ докторъ.

Подошвами шаркая, ушелъ Евстафій. Черезъ столовую. Черезъ буфетную. Идетъ-ворчитъ:

— Паутина! Знаемъ мы, какая паутина! Тоже! Будто порядокъ наблюдать туда ходитъ... Знаемъ. А тоже, паутина...

— Что, Евстафій Карпычъ?

То буфетчикъ, старикъ тоже.

— Паутина, говорю. Паутину омести! Ишь, сколько тамъ вонъ, надъ буфетомъ-то.

— Да какая-жъ тамъ паутина? Не видать.

— Не видать! Не видать! Сей же часъ пусть Мишка лѣстницу тащитъ. Лодырничать бы вамъ только... Порядокъ тоже! Въ бэль-этажъ поди, на мой порядокъ полюбуйся. Что въ залѣ, скажемъ, что въ гостиныхъ, что въ спальнѣ парадной...

По корридору не свѣтлому въ свои двѣ комнатки пошелъ. Супругѣ-старушкѣ:

— Самоварчикъ!

И въ кресло сѣлъ, въ кожаное, въ протертое, канареекъ слушать, подремывая расмышлять о смыслѣ жизни и о подлостяхъ, экономкою ему, Евстафію Карпычу, чинимыхъ.

Отъ Семена докторъ ушелъ. На кровати сидитъ Семенъ, кулаками въ одѣяло упирается. Вспоминаетъ:

— Дѣлами отнюдь не заниматься. Не волноваться ничѣмъ. Лучше всего уѣхать... хотя бы въ Ниццу. Покой главное... Покой и перемѣна. При вашемъ сердцѣ ото всего уйти надо, сей же часъ бѣжать отъ всего, что волнуетъ, мучитъ...

Всталъ Семенъ. Послѣ визита доктора всегда бодрѣе бывалъ. Въ кресло къ столу сѣлъ. Ворохъ писемъ, въ конторѣ уже вскрытыхъ, и съ помѣтками, и не вскрытыхъ еще. И письма конторы. И счета банковскіе. Рука привычная отъ неспѣшнаго спѣшное отбираетъ. Пишетъ. А глаза круглые въ неизбѣжное глядятъ, въ близко вставшее, какъ стѣна.

— Дѣла бросить... А кто присмотритъ. Агафангелъ Иванычъ отъ дѣлъ отошелъ. Охъ, какъ старъ. А кто же? Тѣ? Нѣтъ въ конторѣ человѣка. Честные есть, а головы нѣтъ. И чтобы зналъ все искони.

Будто изъ стѣны кто головою крысиною выглянулъ, обои разодравъ.

— А Раиса?

Но глава фирмы желѣзной слова того будто и не слышалъ. Брови чуть видныя опустились. И позвонилъ Семенъ. Вошедшему Мишкѣ, только-что щеткой надъ буфетомъ махавшему сказалъ, не глядя:

— Карету за Агафангеломъ Иванычемъ послать. Очень-де къ Семену Яковлевичу просятъ. Да пусть лучше самъ Евстафій съѣздитъ. Скажи, что надо.

Ушелъ тотъ. А Семенова рука дрожала ужъ, перомъ водя. Въ разныя стороны думы-грезы-упреки заметались. Будто выбѣжали звѣри изъ разрушенной клѣтки. А раньше всѣ вмѣстѣ жили. И терпѣли.

— ... Могла бы, могла бы Раиса... Но женщина... Что скажутъ? И еще... Нѣтъ. Плохо дѣла пошли. Такъ плохо, такъ плохо... Уѣду — что скажутъ? Убѣжалъ, скажутъ. Заграницу убѣжалъ. Кредитъ падетъ... Вотъ въ позапрошломъ бы году... Тогда другое. А эти пріиски... Дай Богъ, чтобъ Агафангелъ Иванычъ пріѣхалъ. Дай Богъ... Уѣхать! Какъ уѣдешь? А эта Доримедонтова воля... Грѣхъ... Грѣхъ... Она говоритъ: не грѣхъ. Во спасенье говоритъ. Ложь во спасенье. И по закону. Настасья гдѣ теперь? Сынъ ѣдетъ... Нынѣ здѣсь, обѣщалъ. Сынъ. Наслѣдникъ. Офицеръ тотъ... Корнетъ что ли... Агафангелъ Иваныча бы.

И съ перомъ забыто-зажатымъ въ рукѣ пошелъ, на кровать повалился.

— Сколько лѣтъ Никандру? Сколько? Мнѣ вотъ...

Бѣлые дома улицей страшной надвинулись, давили. Бѣлые дома. И были то и банки, и конторы, и барскіе особняки. И въ

каждый домъ входилъ Семенъ и выходилъ. И было страшно, потому что это такъ и потому еще, что видѣлась ему чорная яма какая-то, близкая. Ступишь вотъ сюда и упадешь-пропадешь.

И голову на подушку Семенъ. И не думаетъ. По улицѣ по бѣлой движется тѣло-ли его, душа ли, сонъ ли. Въ домы людей заходить надо, говорить вездѣ что-то. И томитъ то, терзаетъ. Отдохнуть бы.

Агафангелъ Иванычъ прибылъ. Дрема Семенова разсѣялась, напуганная. Древній, свистя вздохами короткими и головой тряся, сидѣлъ Агафангелъ Иванычъ передъ Семеномъ. Одинъ на другого черезъ столъ глядѣли. Наставникъ, отживающій срокъ свой, и нѣкогда послушный ученикъ.

— Внучку замужъ выдаю. Вторую внучку. За человѣка хорошаго. Такъ-то. Слышалъ, чай?

Отойдя отъ дѣлъ желѣзной фирмы, Рожновъ древній сталъ Семену при рѣдкихъ встрѣчахъ ихъ «ты» говорить.

— Потому какъ нынѣ я человѣкъ вольный. А тебѣ въ отцы гожусь.

— Про внучку слышалъ, Агафангелъ Иванычъ. Ну, слава Богу. О дѣлахъ съ вами посовѣтоваться хочу.

— Что дѣла! Дѣла не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣгутъ. Мы и такъ покалякаемъ. Вели-ка ты мнѣ чайку собрать. Старика чайкомъ угости. Да съ вареньицемъ.

Смѣшокъ затаенный и добрый, и хитрый свистѣлъ въ горлѣ старика. Улыбался старикъ. Не сдавался, на дѣло не поворачивалъ. Смѣшливо калякалъ про всякое. Чай подали.

— И чтой-то ты, Семенъ Яковличъ, Доримедонтово дѣло по всей землѣ раззвонилъ...

— Какъ я? Какъ я?

— Ну ужъ ты ли, не ты ли, а фирмѣ глава ты. Стало, и въ отвѣтѣ не кто иной.

Передъ Семеномъ хворымъ, сгорбленнымъ слабостію многодневною, величался Рожновъ, лицо морщинистое свое съ глазками красными, чуть зрячими, являлъ добрымъ на часъ и веселымъ.

— Потому какъ это возможно, чтобъ люди вкривь да вкось судачили? У насъ при папашенькѣ твоемъ, царство небесное, такъ не полагалось...

— Не при чемъ я тутъ, Агафангелъ Иванычъ. И болѣю я. Изъ дому съ тѣхъ поръ не выѣзжалъ.

— Не полагалось... У насъ такъ не полагалось. У насъ какъ? Коли о какомъ дѣлѣ нашемъ въ городу знать не надлежало, мы вѣстей за ворота не выпускали. А коли по городу каки слухи забѣгали, шу-шу, да шу-шу,то, стало, сами мы отъ

того не прочь. Люди-то будто супротивъ насъ шушукаются, а это мы ихъ будто какъ за ниточку дергаемъ. А тутъ что? У тебя каковъ разсчетъ въ дѣлѣ этомъ, въ Доримедонтовомъ-то? А? Что-то мнѣ невдомекъ. Вотъ, говоришь, изъ дому носу не кажешь. И знаю, что не кажешь. И съ тѣхъ самыхъ поръ. Можетъ, и ранѣ чуть. А людскому-то глазу такъ оказываетъ, будто съ самаго того дня, въ-аккуратъ...

— Раньше я заболѣлъ. Второй мѣсяцъ болѣю. Докторъ вотъ заграницу шлетъ.

— Болѣешь. Знаю, что болѣешь. Я вотъ тоже не больно здоровъ. А вѣсточку отъ тебя получилъ и прикатилъ. И препожаловалъ. Такъ-то. Въ городу-то шушукаются, а тебя-то и не видать нигдѣ. И, слышно, и къ себѣ не пускаешь, и на похоронахъ братниныхъ не былъ. Толки-то, они и тово, и тово, пуще да больше. А ниточки-то и нѣтъ никакой. Ниточки то, говорю, не примѣтилъ я, хе-хе. Ну, конечно, дѣло это почитай-что и не торговое. Ну, да все жъ таки. Не дѣлены съ нимъ были... для людей-то, для людей-то... И пріиски эти. Тутъ одно къ одному. Ты вотъ тутъ сидишь, а болтать-то и свободно всѣмъ, кому не лѣнь. Коли, къ примѣру, мнѣ бы сплетки плести охота была, что бы я подумалъ, а подумавши-то и раззвонилъ бы? А? Я бы такъ подумалъ: съ пріисками этими несуразными запутался онъ въ конецъ. А тутъ братъ умри да и оставь капиталы свои молодшимъ родственничкамъ; изъ фирмы, значитъ, прочь. Про Доримедонта-то Яковлича я бы сплелъ, что онъ голова, и такъ завѣщалъ не спроста, а пронюхавши, что фирмы-то дѣла тово, и спасти, значитъ, грошики свои пожелалъ... Отъ пріисковъ-то, значитъ. А тутъ что за оказія! Семенъ-то Яковличъ, глава-то фирмы, въ дому заперся, носу не кажетъ. А тутъ одно къ одному, и братецъ, Макаръ Яковличъ, тоже попріутихъ, а по городу толки-кривотолки; завѣщаніе, молъ, изорвали. Къ чему, бы кажется? А тутъ бы я про пріиски-то и вспомнилъ бы. Ба! Дѣла-то у него и вовсе, молъ, плохи, коли на то пошелъ. Оно, конечно, можетъ, у братца завѣщаніе безъ нотаріуса, и дѣло то—Божье дѣло, не торговое. Ну, а все жъ таки. Дыру, значитъ, заткнуть хочетъ. Кусокъ, правда, не маленькій; круглымъ счетомъ, такъ говорить будемъ, мильончиковъ пять. Ну, да и пріиска не мелочная тоже лавочка. Можетъ, тамъ и двадцатью не заткнешь, дыру-то. А за дѣло взялись больно ужъ шито-крыто, никому ни слова. И поразмыслилъ бы я... это если бы я сплетки-то плелъ... дай ка спущу, пока что, акціи эти самыя. Ну, за восемьдесять пять, такъ за восемьдесять пять, гдѣ наша не пропадала. Чего бы похуже не было... Судъ да дѣло, того-гляди. А главное-то въ томъ, что ниточки никакой усмотрѣть нельзя.

у ниточки нѣтъ, стало растерялся человѣкъ, запутался. А въ торговомъ дѣлѣ какъ? На трясинѣ человѣка увидалъ, бѣги отъ того человѣка. Трясина-то—экъ сколь въ ей мѣста. Кого хошь засосетъ. Не то что золотомъ, булыжниками не засыплешь. Такъ-то.

На-распѣвъ слова свои говорилъ, короткими вздохами свистя и изрѣдка шумно чай съ блюдца схлебывая. Испуганный Семенъ круглыми глазами, часто моргающими, въ глазки красные старца смотрѣлъ. Но взора не поймалъ. Говорить хотѣлъ, закричать хотѣлъ про то, что не такъ все это. Но, потъ холодный на тѣлѣ чуя, молчалъ, ждалъ; напуганный ловилъ все новые страхи. И заколотилась кровь въ вискахъ. Часто-часто. И откинулся. И въ потолокъ глядѣлъ. Это тогда ужъ, когда тотъ рѣчь свою кончалъ.

— А ты чего? Али впрямь, такъ ужъ нездоровится?

— Я, Агафангелъ Иванычъ, Доримедонтово это дѣло не для выгоды какой.. Другое тутъ... Да и завѣщанія никакого писаннаго не было... А что слова-то его... Сами вы помните Доримедонта...

— Кто говоритъ! Кто про то говоритъ! И не свои я опаски молвилъ. Я тебѣ сплетки, сплетки... Самъ-то я никуда нынѣ, ну а все жъ таки доходитъ. Я про ниточку. Про ниточку я. Ниточки, говорю, не видать. А безъ ниточки оно и не тово... Не ладно. Коли бы я помоложе былъ, годочковъ этакъ на пятнадцать...

— Агафангелъ Иванычъ! О дѣлахъ мнѣ съ вами поговорить надо.

— А мы о чемъ? Не о дѣлахъ нешто калякаемъ. Э-эхъ! Пріиска? Про пріиска я съ тобой ни-ни. Дѣла того не знаю, тамъ не бывалъ. Ты тамъ тоже не бывалъ, а знаешь. Ну, и знай. А по векселямъ вотъ тебѣ не платятъ — про то знаю. И по моему счету сумма не малая. И такая даже сумма, что откуда бѣда бо̀льшая, отъ пріисковъ ли, отъ векселей ли, сразу не разобрать.

— Да. Много, Агафангелъ Иванычъ, пропадаетъ.

— Пропадаетъ? А у насъ съ папашенькой твоимъ не пропадало. А почему? Нынѣ больно ужъ бумагѣ гербовой вѣрить стали А мы не бумагѣ, человѣку вѣрили. Мы какъ! Намъ что бумажки лоскутокъ, что бумага гербовая—все едино. Но глазъ имѣть надо. Глазъ былъ у папашеньки твоего. Былъ. Помню, человѣкъ къ намъ пришелъ. Кредитъ у него былъ тогда. Десять, говоритъ, тысячъ. Изволь, говоритъ. Процентъ извѣстный. Только беретъ тотъ деньги, да не сосчитавши въ карманъ суетъ. Постой, постой, это папашенька твой; дай-ка сюда на минутку.

Далъ тотъ. Нѣтъ, говоритъ, не будетъ тебѣ денегъ. Почему? Потому, говоритъ не посчиталъ, значитъ не отдашь. Такъ-то.

— Да. Помню. Вы разсказывали.

— Помню, помню! Не больно помнишь, коли такое подошло. Отца бы помнилъ, не то бы было. Ну, протестуй векселято. Много получишь! Новое завели, бумагѣ вѣрите, не человѣку, бумагу вамъ всѣмъ замѣсто денегъ и суютъ. Акціи вотъ эти самыя... Оно, конечно, и мы не лыкомъ шиты. Понимать можемъ. Только каждому дѣлу свои люди нужны. Въ ту пору, что говорить, и мы съ папашенькой твоимъ по-новому малость дѣло повели. Ну, да, вѣдь, что съ меня и спрашивать нынѣ...

Надолго засвистѣлъ Рожновъ, рукою правой сѣдины свои взлохмативъ и на бородѣ и тамъ позади за лысиною. Потъ хотѣлъ со лба отереть. И вотъ грузно поникъ надъ чашкой перевернутой. Спать захотѣлъ. И тщетно Семенъ напуганный старался словами торопливыми боящимися пробудить старика ветхаго. И о векселяхъ говорилъ, и о новомъ своемъ замыслѣ. Про Доримедонтово дѣло даже слово, какъ на рыбу удочку, закинулъ. Спалъ, свистѣлъ древній, пальцы красные въ малиновомъ вареньи нѣжилъ.

Долго послѣ напуганный Семенъ слова разныя шепталъ въ разныхъ комнатахъ своего дома. Искалъ разгадки, искалъ пробужденія отъ сна своего. Молчали стѣны, молчали стулья, столы. Но чуть смѣялись. И лишь за спиной Семена. Лишь за спиной его. Брелъ ослабѣвшій, смертно-больной. Брелъ опять туда. Туда.

Въ корридорѣ темномъ настигъ Семена лакей. Сказалъ:

— Никандръ Семенычъ пріѣхали.

— Хорошо.

Сказалъ Семенъ. И изъ тьмы крикнулъ:

— Пусть въ столовую!

Ушелъ. Въ тотъ день не повидались отецъ съ сыномъ.

XXVIII.

Во тьмѣ сверкающими словами Виктора и своими думами заколдованная Дорофея сидѣла въ комнатѣ гостиничной. Слышала слова и не слышала. Подчасъ думала, что летитъ птицей ли малой, идеей ли большой. Куда летитъ? И спрашивала себя. И снова Виктора слыша, отвѣчала:

— Что будетъ! Что будетъ! Не могу я такъ. Не могу.

Кричала душой разраненной. Кричала тому ли умирающему,

себѣ ли. Но не Виктору. Нѣтъ, не Виктору, здѣсь вотъ сидящему, руку ея схватившему. А Викторъ говорилъ:

— Дорочка! Дорочка! Бѣдная, милая...

И была въ словахъ его негромкихъ сила. Но не то слышали Дорочкины уши. Говорилъ-пѣлъ Антонъ. Антошикъ, Антошикъ душѣ ея привѣтъ посылалъ.

— Умирающему любовь нужна. Какъ? Умирающему? Нѣтъ, нѣтъ! Пусть не свершится! Люблю! Люблю!

Любила, вѣрила, не вѣрила, и новой любви отдавалась безвольно. Спала ли? Шептала:

— Ты хорошій. Ты все поймешь.

Но взоры Дорочки со взорами Виктора встрѣтиться-столкнуться боялись въ этотъ день. Тогда, впервые здѣсь, въ стѣнахъ чужихъ, съ нимъ легко было и плакать и улыбаться. Но не сегодня. И стыдъ губъ не обжигалъ. Нынѣ не то Викторъ, внезапно найденный, близкій такой и родной, въ глазахъ своихъ зажегъ огонь страшный. Вотъ слова его подчасъ плачутъ, по ней плачутъ, а чуется, будто звѣрь лѣсной въ комнату забѣжалъ, близко гдѣ-то тутъ притаился-высматриваетъ, зубами щелкнуть боится, когтями о полъ царапнуть. Слушаетъ, не слушаетъ, страхомъ новымъ полнится Дорофея, слова про горе свое говоритъ жалобныя. И не вѣритъ и не смѣетъ уйти-убѣжать отъ нарастающаго страха. А тогда, впервые здѣсь, когда отъ Антошика пришли, тогда—о, какая грусть сладкая, какая благостная чистота слезъ тогда.

— Дорочка, какъ радъ я, что тебя нашелъ. Дорочка, маленькая, тихая, вотъ и молчишь ты, а мнѣ хорошо, спокойно. Будто слова утѣшенія слышу. Тихія слова и властныя. Церковныя слова. Усталъ я, Дорочка. Дорочка, ты мнѣ родная стала, совсѣмъ-совсѣмъ родная. Или оттого, что и впрямь родные мы, по крови родные.

Чуяла-ждала: вотъ поцѣлуетъ. Близкое дыханіе. И страшилась. И сердце сжималось. А тогда цѣловалъ-утѣшалъ, и сладко было и тихо.

— Гдѣ Юлія Львовна? Почему не идетъ? Я знаю: она на меня обидѣлась.

— Она уѣхала, Дорочка.

— Куда уѣхала?

— Въ Петербургъ. Дѣло есть.

— Правда? Почему не сказалъ?

— Вотъ говорю. Дѣло большое. Можетъ быть, даже вопросъ жизни. Давно ужъ надо было. А тутъ послѣдній срокъ. Ну, и поѣхала.

— Надолго?

— А тебѣ что? Дѣло уладитъ, вопросъ разрѣшитъ одинъ, и возвратится. Только не сюда ужъ. Къ тому сроку я не здѣсь ужъ буду.

— Ты уѣзжаешь?

— Да. Я съ тобой уѣду.

Все глазъ на Виктора не поднимала, въ полъ глядѣла. А сказалъ, взглянула—будто чужой человѣкъ въ комнату незамѣтно вошелъ, сидѣлъ-молчалъ и вдругъ слово сказалъ. И глядѣла Дорофея въ глаза Виктора. И не отпускалъ ея взоровъ изъ жуткой сказки, изъ золотистой. И когда, приблизивъ лицо блѣдное, медленно-медленно, онъ поцѣловалъ ее въ губы поцѣлуемъ увѣренно-краснымъ, но тихимъ, почуяла Дорофея, душѣ своей шепнуть чуть успѣла:

— Идетъ! Идетъ! Онъ идетъ!

И хотѣла уйти-убѣжать. Но и не хотѣла. Взоры потупила. Поцѣлуй Дорочкинъ Викторъ пилъ. И вспомнилъ далекіе тѣ поцѣлуи ночные; у луннаго моря теплаго, тамъ. И ужаса ждалъ. И не подошелъ ужасъ. Улыбкою тихой, счастливой лицо засіяло. И властный, и гордый, цѣловалъ молчащую. А она душѣ ли своей шептала, Богу ли своему:

— Я люблю его. Я люблю его. Это Антошикъ мой. Мальчикъ мой умирающій. Я твоя, я твоя, мальчикъ мой. Нѣтъ, не ты это, не ты. Не онъ. Не онъ. Кто пришелъ? Кто пришелъ?

Молчанію комнаты отвѣтилъ Викторъ:

— Дорочка, ты меня успокоила. Ты мнѣ счастье дашь. Это тебя я искалъ послѣ того моего горя... Ну, не надо, не надо. Не смотри такъ. Нѣтъ во мнѣ горя. Не будетъ горя. И твое горе убьемъ мы. И твое горе. И знаю я: ты меня любишь. А мнѣ ты нужна, какъ жизнь нужна, какъ жизнь. Родная ты. Родная. Одному мнѣ нельзя. Нельзя! Дорочка, скажи, что любишь. Скажи. Тотчасъ скажи.

Вотъ уже взглядомъ не испуганнымъ, но видящимъ неизбѣжность, посмотрѣла въ глаза человѣка, такъ неожиданно вошедшаго въ ея жизнь. И когда кто-то прошепталъ въ комнатѣ:

— Его обмануть—себя обмануть, не надрывно, вдумчиво и медлительно сказала она:

— Ты дорогъ мнѣ. Я рада, Викторъ, что нашла тебя. Ты меня думать научилъ по-новому. Не жила я, Викторъ. Хорошо что ты пришелъ. Викторъ, ты мнѣ такъ же дорогъ сталъ, какъ и... тотъ... какъ Антошикъ мой...

— Антонъ хорошій. Я его люблю.

Подъ словами ли этими простыми, любовь ея не обидѣвшими, успокоенная, подъ облакомъ ли заревымъ, здѣсь возник-

шимъ, тихо-хорошо Дорочка голову склонила, чуть Викторъ рукой ее захотѣлъ обнять.

Но стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

— Викторъ Макарычъ, это я.

— Степа? Ты такъ—просто? Или тебѣ что надо?

— Уѣзжаю сегодня. Хотѣлъ тебѣ слово сказать.

— Слово? Входи. Ты въ Петербургъ, что ли? У него, Дорочка, тоже въ Петербургѣ дѣло. Какъ? Заперто? Сейчасъ.

Вошелъ Степанъ Герасимовъ. Съ Дорочкой поздоровался почтительно, но въ глаза не заглянувъ.

— Вы позволите?

Виктора въ корридоръ увелъ. Въ пустой номеръ вошли. На подоконникъ сѣлъ Степа. Голосомъ тихимъ говорилъ, обрывающимся. Глазами, сна просящими, на площадь бѣлую глядѣлъ, не видя.

— Уѣду сейчасъ. Въ академіи тамъ работать буду. Ну, это можетъ, для виду только. Какъ дѣло повернется. Не хотѣлъ говорить съ тобой совсѣмъ. Душа у меня болитъ. Но себя переломилъ. Немало мы съ тобой тамъ переговорили. Ну, и пережили. И долгомъ посчиталъ сказать тебѣ. Бросай все. Дѣлу руки нужны. И жизни. На словахъ ты и то и се, и космополитъ, и безчувственный. Но едва ли ужъ очень-то въ тебѣ ошибаюсь. Такіе даже лучше для дѣла. Полумѣры такимъ противны. Сегодня вотъ съ двумя человѣками говорилъ. Одного ты знаешь: Ставрополевъ Григорій. Повидайся. Адреса дастъ. Черезъ недѣлю и онъ ѣдетъ. Съ нимъ бы и тебѣ. Что такъ-то... Мнѣ вотъ какъ тяжело, а рѣшилъ, и жизнь увидалъ опять. И тебя знаю. Чѣмъ стрѣляться и другими еще глупостями забавляться, лучше въ жизни въ настоящей покипѣть. И дѣло великое. Долгъ призываетъ. Каждый человѣкъ на счету. И мнѣ вотъ долгъ велѣлъ это все сказать тебѣ. А за то, за все виню тебя и презираю. Но не о томъ сейчасъ рѣчь.

Въ сторону той комнаты рукой махнулъ. А Викторъ:

— Ладно. Что ты въ этомъ понимаешь? Я тебя тоже презираю. За то хотя бы, что о людяхъ и ихъ поступкахъ судишь по какому-то старому календарю. Но Господь съ тобой. Я тебя люблю. А про это... Какъ же такъ? Этотъ вашъ спортъ, какъ и всякій спортъ, дѣло пріятное и полезное. Но если я надумалъ картину писать? А вы мнѣ бомбы и прокламаціи... И мольбертъ на баррикаду потащите. Или сбиры меня захотятъ повѣсить. Какая ужъ тутъ картина! А мы вотъ какъ сдѣлаемъ. Поѣзжай ты въ столицу и правительственнымъ министрамъ заяви и своимъ Робеспьерамъ, что вотъ такой-то, молъ, пріятель

мой ѣдетъ и будетъ картину писать, и, пока онъ картины не кончитъ, чтобъ не смѣть его вѣшать ни на фонарѣ, ни оффиціально. Заявишь, поѣду. А то я лучше въ Римъ. Какой мнѣ разсчетъ... А картина, скажи, называться будетъ: «Радость жизни».

— Шутъ! Прощай. Мнѣ пора. Нужно мнѣ было сказать тебѣ, и сказалъ. Дальнѣйшее—не мое дѣло. Прощай.

— Коли хочешь, поцѣлуемся.

Сбѣгавшему по ковру лѣстницы Степѣ Викторъ кричалъ;

— Не забудь, не перепутай тамъ. «Радость жизни». «Радость жизни».

И вошелъ въ комнату свою, гдѣ Дорочка ждала, предчувствіемъ жуткимъ томя душу свою робѣющую.

— Дорочка, ѣдемъ въ Петербургъ!

— Викторъ...

— Въ Римъ, въ Парижъ, въ Петербургъ. Выбирай. Три города.

— Викторъ. Зачѣмъ надо мной смѣяться...

— Дорочка, что ты! И опять лицо такое... Не здѣсь же мнѣ жить, Дорочка. А тебѣ давно пора.

Сѣлъ рядомъ. Быстро обѣ руки ея взялъ.

— Ахъ, какъ люди жизнь себѣ портятъ! Дни свои, скупо имъ отпущенные, нелѣпой скучной краской мажутъ. Знаешь, охрой такой дурацкой, какъ ваши здѣшніе заборы. Заборъ... Да, заборъ. Доску поставитъ сосновую, кистью вотъ этакой мазнетъ, отойдетъ, полюбуется. И радъ. Хорошо-то какъ! Вотъ и еще день одинъ готовъ. И слава Создателю. Нѣтъ. Я картину хочу. Я, Дорочка, картину задумалъ. Степѣ вотъ сейчасъ говорилъ. А Степа молодецъ. Степѣ не хочется ни за грошъ пропадать. Въ Петербургъ Степа поѣхалъ. Только я картину. Я картину. Пора. И ты мнѣ нужна. Нужна... Дорочка, хороши русскія души. У Степы нѣтъ таланта, но работникъ онъ неутомимый. И знаетъ, кажется, про то. А сейчасъ про дѣло общее говорилъ, про то, про завтрашнее. И весь тамъ ужъ онъ. И будто кисти въ руки не бралъ. Ну, обмануть себя чуть старается. Другое у него въ Петербургѣ тоже. Но кто себя не обманываетъ! А Zanetti... ты не знаешь, товарищъ одинъ, потомъ разскажу... Онъ бы не могъ. Дорочка, Дорочка, я картину писать хочу.

Обѣ руки ея цѣловалъ. Молчала. Глядѣть въ глаза его не боялась грустными глазами своими, окошками сѣвернаго неба, гдѣ Богъ, карающій и милующій людей своихъ.

— Но я боюсь. Безъ тебя боюсь, Дорочка. Душу твою нашелъ. И нужна мнѣ.

За минуту до словъ тѣхъ улыбался весело. Птица страха, изъ далекаго пролетая, крыломъ чорнымъ задѣла. Тѣнью ли крыла лишь... Склонился Викторъ, въ ладоняхъ Дорочкиныхъ лицо свое пряталъ, чтобъ не видѣла, какъ мгновенія шутятъ, издѣваясь надъ десятилѣтіями. Частой дрожью дрожалъ, на диванѣ сидя, сгорбившись, и все ниже, тяжелѣе голову склоняя... И облачкомъ розовымъ, подплывающимъ, мысль была:

— Дорочкины руки... Дорочкины руки...

Неслышно плакалъ уже. Дорочкины руки задрожавшія чуяли теплоту внезапныхъ слезъ. А вокругъ золотоволосой головы Виктора чорные клочья тѣни птичьяго того крыла летали, вихремъ шепча свистящимъ:

— Не нуженъ ты никому. Бросила та, убѣжала. И этотъ за ней. А братъ умираетъ. И ты умрешь. Брата убилъ. Ты брата убилъ. А ту не убилъ, не убилъ. Жива твоя Amor. И мститъ.

Свистѣли клочья чорной тѣни. И мозгъ уставшаго человѣка привычными словами пытался запечатлѣть ужасъ запредѣльности, на мигъ близкой.

Въ трепетаніи мучительномъ сидѣла Дорофея, боялась захотѣть оторваться отъ тягостной сказки. Вотъ рыданіе заслышала, какъ далекій набатъ ночной. Вспоминала ли смутно невозвратимо утерянное, въ грядущее ли вглядывалась. Сказала-прошептала:

— Мальчикъ мой милый...

И тихо руку одну освободила, и отъ слезъ его влажною рукою своею по волосамъ его мягкимъ проводила.

— Мальчикъ мой. Мальчикъ мой. Успокойся.

И поднялъ лицо, слезъ не стыдящееся, но разсвѣтно порозовѣвшее и согнавшее письмена старости мгновенной.

— Дорочка, ты не уйдешь... Не уйдешь...

Спрашивалъ ли, приказывалъ ли.

— Здѣсь я. Здѣсь я, милый. Съ тобой.

Гордостью неосознанной звучали слова. Хитрый кто-то шепталъ въ комнатѣ гостиничной:

— Такъ, такъ. Успокой его, утѣшь его, гордаго, никого не боящагося. Ему, артисту, прозрѣвающему тайну, дай счастье. Ты можешь. Одна ты можешь.

Шорохомъ невнятнымъ шепталъ голосъ хитраго, притаившагося.

Въ поцѣлуѣ, несшемъ долгую забвенность чужого великаго міра, соединились губы.

Потомъ, когда родились слова, онъ сказалъ:

— Тебя будто всегда зналъ. Съ тобой легко. Съ тобой

не стыдно. Чужого въ тебѣ нѣтъ ничего. Чужое—это такъ страшно и... и грѣшно. Гдѣ ты была? Гдѣ пряталась? Почему только вчера родилась?.. Въ мой міръ родилась...

— Милый...

И пила съ его губъ красныхъ свою гордость новую. И прятался - спасался отъ чорнаго крыла, гдѣ-то близко витавшаго.

И когда еще разъ нужно было родиться словамъ, сказалъ и не боялся, что слова прозвучатъ ложью:

— Благодарю небо за то, что послало мнѣ тебя. Но еще и еще благодарю жизнь за то, что она отдаетъ тебя мнѣ уже страдавшею.

По-зимнему быстрыя сумерки лиловымъ снѣговымъ отблескомъ, какъ пѣніемъ хоровымъ, звонко-далекимъ, наполнили комнату, замыли, выдули грязь жизни чужихъ людей, въ скитаніяхъ своихъ преклонявшихъ головы въ стѣнахъ этихъ. Какъ въ храмѣ, гдѣ лишь храмовыя грезы жили, на колѣни сталъ Викторъ предъ нею, сидящей. Руки цѣловалъ и колѣни ея. И вотъ обнималъ. Обнималъ. А она, неподвижная, руками своими его шеи не обвивая, губами не цѣлуя, отдавалась властно влетѣвшей радости жизни и этой новой своей гордости. Цѣловалъ. Цѣловалъ-радовалъ.

За стеклами, на площади снѣжной, надъ церковкою построенія царя Ивана ударилъ колоколъ зовущій. Подождалъ. И ударилъ еще. И чаще, чаще.

Да идутъ люди русскіе славить Господа Бога православнаго въ предночномъ служеніи таинственномъ, да утишатъ гнѣвъ правый. Чаще, чаще звоны чистые. Много серебра положено было въ колоколъ старый мѣдно-литый. Чаще, чаще. Волна въ волну.

Не слышалъ Викторъ. А Дорочка всколыхнулась вся. Тоска годовъ одноликихъ, неизбывная тоска, то лѣтняя, то зимняя; то въ комнаткѣ мезонинной, то тамъ, внизу, у кровати мертваго Сережи. Кошмаръ всталъ дикій, привычный уже. Вспоминая брата Сережу, не могла увидѣть живого его лица. Какъ тогда, въ гробу, такимъ видѣлся. А мѣсяцы, дни болѣзни его помнила, и мертваго брата видѣла часто, на кровати подъ одѣяломъ лежащаго, надрывно кашляющаго, словами ли, чѣмъ ли ее зовущаго. Подходила, и не отвѣчалъ мертвый. Сейчасъ, звонъ вечерній слыша, будто тоску звона высокой колокольни Егорія слышала. Будто сонъ краткій минулъ, въ стѣнахъ родного дома ненавистнаго ее порадовавъ. Звонъ, звонъ вечерній ежедневный звонъ Егорія, всю глубину ямы тоски ея измѣрившій, вотъ онъ опять ввечеру. И заползали тѣни одиночества внизу, у стѣнъ,

и задвигалась, шурша, тѣнь матери. Слова и шорохи буденные тамошніе ожили здѣсь, куда только-что праздникъ сказки входилъ.

И дрожала. И озиралась. И, чуя отдающуюся волю, крѣпче, радостнѣе, забвеннѣе цѣловалъ Викторъ новое свое. А тамъ звонятъ, звонятъ, для нея звонятъ. Не вытерпѣла, затряслась вся, руками шею его обвила, губами и глаза его цѣловала, и шептала:

— Возьми... Унеси... Не могу больше...

И потомъ, когда темно и хорошо стало, и тихо:

— Викторъ, Викторъ. Счастье мое...

— Дорочка, счастье мое... Улыбка моя тихая...

Въ томленіяхъ послѣднихъ дней видѣла, слышала разное, и не изумилась, свои же такія слова теперь слыша:

— Викторъ мой... Мальчикъ мой... Антошикъ мой бѣдный.

На подушкѣ, недавно прохладной, голова русая лежала. Косы чуть расплетшіяся, тихія. Глаза закрытые, но видящіе тайну. А губы закрыться не хотятъ. Не въ раю-ли блаженство кипящее? Не въ раю ли засыпающая тихость?

XXIX.

Злой, какъ звѣрь, и, какъ звѣрь, всего боящійся, сидѣлъ Викторъ на вокзалѣ. Съ утра здѣсь.

— А Ставрополевъ обманулъ. Ну, да подъѣдетъ. А что въ томъ...

Вспоминалъ недавнее. И ужасомъ холоднымъ и мокрымъ была память.

— Зачѣмъ же ѣду туда? Этотъ вотъ посыльный билетъ возьметъ, и поѣду. За Юліей поѣду? За Юліей?

И чуть радовала улыбка надснѣжнаго солнца, въ большія окна свѣтившаго.

— Да, да.

Это онъ лакею.

— И такъ уѣхать? И съ этимъ всезнающимъ? Вдвоемъ? Да чортъ бы его побралъ со всѣми его идеями...

Видя снующихъ мимо людей, мучительно вспоминалъ свое недавнее. Въ этомъ глупомъ вокзалѣ, между поломъ и потолкомъ его возникала комнатка маленькая. И видѣлъ онъ ее и изнутри и снаружи. Да, тесомъ обшитыя бревна. Да, вотъ все. И комнатка та, комнатка мезонинная. Туда провели къ ней, къ Дорочкѣ. Не хотѣла впустить. Не нужно, кричитъ. Старуха эта, бабушка, тутъ же гдѣ-то. Ну, ушла старуха. И впустила

Дорочка. Праздника нѣтъ. Праздника нѣтъ. Плачетъ Дорочка, плачетъ, скучная. И слова ея странныя

Антошику измѣнила. И слезы, слезы. Поѣдемъ? Нѣтъ, я здѣсь. Зачѣмъ здѣсь? Антошикъ здѣсь. А я? А ты поѣдешь. Но я тебя хочу, съ тобою хочу... А я никуда не уйду...

— А я въ гостиницу заѣзжалъ. Что же вы это такъ?

— Здравствуйте, Григорій Иванычъ. Вина хотите? Но пора и обѣдать. Давайте по здѣшней привычкѣ водку пить.

— А зачѣмъ же вообще пить?

— Такъ надо.

Помолчали. Когда рюмки налиты были, сказалъ Викторъ:

— За анархію!

— Зачѣмъ же такъ сразу. Я васъ не понимаю.

— А вы чего хотите?

— Видя передъ собой лицо, мнѣ рекомендованное, считаю себя въ правѣ на этотъ вопросъ не отвѣчать.

— Хорошо. Хорошо. Но къ чему же злиться? Я вотъ и самъ золъ черезчуръ. И хочу за анархію. Сегодня за анархію. Ну-съ!

— За анархію нѣтъ. За анархизмъ, какъ за научную теорію, извольте.

— Ладно ужъ. Только вотъ въ душѣ моей сегодня анархія и никакой научной теоріи.

— Сегодня лишь?

И Ставрополевъ посмотрѣлъ въ окно, скрывая неудержную мгновенную усмѣшку. Викторъ грустно-вдумчиво отвѣтилъ:

— Да, сегодня. Ну, и завтра тоже. И послѣзавтра. И надолго ужъ.

— Что такъ?

— Людей не понимаю. Живыхъ людей. И сегодня ясно-ясно стало, что никто никого не понимаетъ. Слова слышитъ человѣкъ отъ живого человѣка, и дѣдовскій лексиконъ разворачиваетъ. Что, молъ, это значитъ? А вотъ, дескать, что... И по лексикону же отвѣтствуетъ. Скучно это и противно.

— И потому да-здравствуетъ анархія?

— И потому душа плачетъ. Но слезъ ей мало. И кричать ей хочется, кричать! Коли кричать хочется, какая ужъ тутъ теорія...

— Да-а. Но вотъ что хочу спросить васъ. Родственница ваша, Дорофея Михайловна, какое на васъ впечатлѣніе производитъ? Ранѣе еще, когда еще Сергѣй живъ былъ, надѣялся я на нее; за человѣка сильнаго считалъ... ну, не за очень сильнаго, а все же... А теперь... Вообще, какъ думаете, очахнетъ она или

на-вѣкъ душа у нея расплакалась... или какъ это по-вашему... Вы видѣлись, вѣдь, съ ней, съ Дорофеей-то Михайловной...

Поблѣднѣлъ Викторъ. Глаза отвелъ. И дума мгновенная:

— Знаетъ? Все знаетъ? Или случайно?

Но за окномъ галки чорныя по грязному снѣгу скачутъ. Но локомотивъ хрипло закричалъ близко гдѣ-то. Люди некрасивые въ одежахъ тяжолыхъ снуютъ мимо, руки красныя трутъ. Скука, тяжелая скука. Будто небо низкое, дымное надъ пожарищемъ.

— Знаетъ? Не знаетъ? Не все ли равно?

А Ставрополевъ сказалъ, на часы взглянувъ:

— Да. Нескоро еще поѣздъ... А про Дорофею-то Михайловну такъ ничего и не скажете? Не замѣтили? Оно, конечно не такъ ужъ интересно. Но все же картина симптоматическая О русскихъ душахъ говорю. И о моментѣ. Несуразно ужъ очень.

— Это про то, что на міровыхъ часахъ полдень, адмиральскій часъ бьетъ, и граждане часы свои кто впередъ, кто назадъ переводить должны?

— Да, вродѣ того. Но вы сказали: должны, Оно, конечно должны. Всѣ должны. Но, кромѣ того, просто легче изъ сумерекъ своихъ затхлыхъ въ полдень солнечный перейти, когда колоколъ гудитъ.

— Колоколъ гудитъ? Колоколъ? Ну, россійскій-то колоколъ не очень весело гудитъ. И не къ веселому зоветъ. Увѣренные въ побѣдѣ не такъ въ походъ собираются. Полдень солнечный? Полдень солнечный? Солнце красное? Знаемъ мы, отчего оно красное. И разницы тутъ мало, свое ли сердце на огнѣ муки крестной сжигать, толпами ли на костеръ всходить... А Дорофея Михайловна сейчасъ болѣе чѣмъ когда либо ваша. Не сейчасъ, такъ завтра. Скоро. Скоро... А не моя. Не моя.

Это сказалъ ужъ галкамъ чорнымъ, поющимъ скуку. Туда, за мутное стекло, сказалъ.

Торопливо подошли трое новыхъ къ столу. Опустивъ брови, всѣмъ имъ тремъ руки пожалъ Ставрополевъ, лицомъ изобразивъ недоумѣніе. Даже плечами дернулъ. А тѣ трое узелки, чемоданчики свои къ стѣнкѣ сложили, стулья къ столу придвинули, сѣли.

На Виктора косясь молчатъ. Ждутъ. Взглядами бойкими Ставрополеву:

— Знакомь, что-ли.

Ставрополевъ кулакомъ въ столъ ударилъ, но видя лакея приближающагося, Виктору голосомъ громкимъ:

— А не ошибаетесь? Не полагаете-ли, что кисляйство это—

явленіе въ данный моментъ совсѣмъ ужъ не случайное, что боятся предстоящаго и сугубо киснутъ? Не программно, конечно. Сама природа подсказываетъ. И не ошибиться-бы намъ въ людяхъ. А?

Лакей отошелъ. Къ тремъ новымъ лицо обративъ, сразу раскраснѣвшееся, Ставрополевъ прохрипѣлъ:

— Такъ вы сегодня собрались? Сегодня? Мальчишки несуразные! Или говорено не было, что я сегодня? И всѣ трое неразлучники. Великолѣпно! И трехъ имъ мало. Они впятеромъ захотѣли. Стадомъ изъ города въ городъ перебираться привыкли... Стадомъ. Такъ отвыкайте, миленькіе. Отвыкайте. Пора. Пора-съ!

Кто-то изъ трехъ сказалъ:

— Но, вѣдь, теперь еще...

— Что теперь еще? Если сегодня ты разгильдяй, откуда въ тебѣ завтра другое возьмется? А вы ужъ не до самаго ли Петербурга съ нами хотите?

— Мы въ Питеръ...

— Въ Питеръ! Въ Питеръ! Ужъ коли съ поклажей явились, до Москвы ѣдемъ. А тамъ день переждать. Переждать и раздѣлиться. Хоть по разнымъ вагонамъ, что ли. Ишь, вѣдь, тоже! Такъ тройкой и прутъ. И къ столику...

— Да, вѣдь, и вы, Григорій Иванычъ, не одинъ... И разговариваете вотъ на-людяхъ...

— Что? Что? Вы на себя взгляните. И одёжа ваша, и поклажа у всѣхъ у трехъ, и рожи сугубо конспиративныя. Да если такъ вы по Россіи разъѣзжать будете... Я знаю... Я знаю, гдѣ какъ говорить и что. Вотъ хоть при здѣшнемъ резонансѣ. И съ нимъ вотъ, съ Викторомъ Макарычемъ, я, пока что, любыя слова громогласно. Люди водку пьютъ. И багажъ у него. И разные мы. Разойдемся, и нѣтъ насъ. А вы что? Вы бандой норовите. Бандой! Ну, будетъ. Назадъ теперь поздно. До Москвы ѣдемъ. Но въ разныхъ вагонахъ. Знакомьтесь, что ли.

Три руки пожалъ Викторъ.

— Варевичъ.

— Анкудиновъ.

— Кудрявый.

Обиженные встрѣчей, стали трое серьезное говорить, дѣльное, но скучно, но не улыбаясь, но безъ своихъ словъ. Будто книжку читали, другъ другу ее передавая, страницами жесткими шурша.

По грязному снѣгу скачущія галки не боялись подъѣзжающихъ саней. А грязныя стекла большого окна безучастно мертво пропукали слова скучной сказки, такой простой, такой

ужасной въ простотѣ своей. А здѣсь, рядомъ говорящіяся слова...

— Нѣтъ! Жизни, жизни! Жизни и вѣры! Но нѣтъ! Зачѣмъ жизни, когда жизнь такая...

Не слыша отвѣта, не зналъ, говорилъ-ли съ кѣмъ, безсловно-ли грезилъ-тосковалъ. Сквозь гулъ словъ перебивныхъ, какъ сквозь мутное стекло, пришла Дорочка. Сквозь стекло прошла, стекла не расколовъ. Плакала. Платьице на ней простенькое. Это домашнее платьице. И волосы не такъ вьются. Пришла не живая, грезная. Слова жалобы тихой:

— Почто обидѣлъ? Жила бы я, тебя не зная. Богу бы моему молилась. Грозному Богу, но милостивому. И счастіе далъ бы возможное за смиреніе мое, за тихость. Антошикъ умеръ бы. Поплакала бы я слезами чистыми. И чистую себя отдала бы я тому, кто назвалъ бы меня женою своей. Не скоро, не скоро, но отдала бы... Въ грезахъ не вѣкъ же жить. Почто чистоту отнялъ...

Скрипнулъ зубами Викторъ. Кулакомъ въ столъ ударивъ, захрипѣлъ:

— О, пошлость!

Смолкъ-оборвался говоръ. Взоры враждебные жгутъ. То потупляются, то жгутъ. Спрашивали обрывно.

— Да. Да... Вся жизнь пошлость. Подъ солнцемъ яркимъ легко себя обманывать и другихъ. А когда фонари тусклые надъ грязнымъ снѣгомъ, когда скука наипривычнѣйшее чувство, тогда тогда... И это вотъ все ваше, если не стало еще пошлостью, то завтра станетъ. Боюсь, что такъ. Очень ужъ долго. Сколько стариковъ умерло, шепча съ вѣрой: завтра! Да. Привыкли. Давно привыкли. Тѣ къ своему, мы къ своему. Порядокъ установился. А въ такомъ дѣлѣ порядокъ, привычка—смерть. Или ужъ черезчуръ велика эта мѣстность. И потому на путяхъ ея хаосъ и смерть...

— Какая мѣстность?

— Да Россія-же.

Григорій Иванычъ угрюмо молчалъ, лѣвой рукой будто листы книги скучной перебрасывая. А тѣ трое принялись свое молодое, честное, полное вѣры и силы говорить перебивно. Викторъ изъ мглы скучной, дымной душу свою вызывалъ. Не шла изъ мглы. На крыльяхъ совиныхъ тяжело летѣли-трепыхались часы дня. Вошелъ-вбѣжалъ Яша.

— Какъ? Уѣзжаешь? Мнѣ въ гостиницѣ сказали...

— Уѣзжаю.

— Но куда? Но зачѣмъ? Вѣдь, ненадолго? Можетъ быть, по нашему дѣлу ѣдешь?

— Да ты садись. И чего шепчешься? Знакомься. А я въ Петербургъ.

— Ненадолго? Ненадолго?

— Да вотъ... Радость жизни... Радость жизни...

Грустно и некрасиво улыбнулся.

— Какая радость жизни? Въ гостиницу бѣжалъ тебѣ сказать: Семенъ совсѣмъ плохъ.

— Семенъ? Какой? Дядя?

— Да. Дядя Семенъ. Очень-очень плохъ. Намъ теперь, какъ разъ теперь предпринять многое надо. Maman... Ахъ, зачѣмъ ты уѣзжаешь? Зачѣмъ? Зачѣмъ?.. И Антонъ боленъ. Антонъ совсѣмъ боленъ. Сегодня безъ памяти...

Говорилъ-спѣшилъ, ловя моменты громкаго разговора вокругъ стола. Перепугъ на лицѣ красномъ. Шинель съ плечъ скинулъ безъ мысли о томъ. А шинель ту Яша у отца выпросилъ. Не привыкли еще къ ней плечи. Въ глаза Виктора заглядываетъ, все болѣе страшась явной скуки безразличной, которая въ нихъ на него глядитъ.

— Какъ же такъ... Какъ же такъ... Не сговорились. И вотъ уѣзжаешь. А Семенъ... Ахъ, какъ maman меня пугаетъ. Туда все ѣздитъ. Да! Не знаешь? Никандръ пріѣхалъ. Офицеръ. Видѣлъ я его. Штучка аховая! Не спроста прикатилъ. А векселей у него, говорятъ... Витя, милый, останься. Не могу я одинъ. Психологически не могу. Руки опускаются. Ты бы дня за два сказалъ. Я бы съ тобой. Вырвался бы какъ-нибудь. Я бы жеребца въ Петербургѣ купилъ самаго чистокровнаго. Куда ни шло. А въ дорогѣ бы переговорили. Рѣшить надо. Рѣшить и рѣшиться. Боже мой, Боже мой... Къ намъ Знобишинъ пріѣхалъ. Завтра въ Лазарево. И меня съ нимъ посылаютъ. Витя, останься. Голубчикъ, останься.

— Какъ же я останусь, когда въ Петербургѣ радость жизни меня ждетъ.

Викторъ сказалъ спокойнымъ ровнымъ голосомъ. И испугало то Яшу. Будто забытое что вспомнилъ, Виктора за локоть схватилъ и шопотно:

— Антонъ тебя ждетъ. Каждый день ждетъ. И каждый часъ.

— Антонъ? Антонъ? Да, Антонъ умретъ. Къ Антону я долженъ пойти. Но къ Антону я съ Дорочкой. Съ Дорочкой.

— Такъ ты съ Дорочкой. И непремѣнно съ ней. Такъ лучше еще. И скорѣе. И не разъ. Такъ нужно. Такъ нужно. А то тогда почти ничего не вышло. Полчаса посидѣли, maman ничего не знаетъ. То-есть, слышала, конечно; но не понять, повѣрила ли, нѣтъ ли. Молчитъ. Ко мнѣ не приставала даже. Хлопоты въ дому. Все вверхъ дномъ. Еще тебѣ придти нужно.

Еще и еще. И съ Дорочкой, съ Дорочкой. Пусть восчувствуетъ. Пусть!.. А Антонъ такъ ждетъ. Спрашиваетъ все. Каждый день.

— Къ Антону съ Дорочкой. Только съ Дорочкой. А Дорочка не пойдетъ. Дорочки нѣтъ больше. Будетъ, будетъ Дорочка. Но потомъ... А теперь нѣтъ.

Будто понимая, Яша вскрикнулъ:

— Такъ ты одинъ. Хоть одинъ. Все равно... Ну, для брата. Для меня. То-есть для Антона. Ужъ такъ ждетъ...

Испугавшись внезапно громкаго своего голоса, поглядѣлъ на чужихъ людей. И тѣ замолчали и на него глядятъ. Часы надъ дубовымъ буфетомъ, надъ большимъ, звонить начали. Взглянулъ Яша.

— Ахъ, опоздаю! Ты гдѣ въ Петербургѣ остановишься? Не знаешь? Я тебѣ до востребованія. И ты мнѣ лучше до востребованія. Впрочемъ, наоборотъ. Лучше въ крѣпость. Въ крѣпость телеграммы. Телеграмму за телеграммой. Но лучше Антону. Нѣтъ, мнѣ, мнѣ. Антонъ боленъ. Но мнѣ неудобно... Ахъ, я напишу тебѣ, какъ и что. Сегодня же ночью напишу. Прощай. До свиданья лучше. До скораго. А то остался бы... И все-то наоборотъ, все-то наоборотъ у насъ дѣлается.

Кому-то пожалъ руку, кому-то не пожалъ. Побрелъ, волоча шинель по грязному полу. Шаговъ на двадцать отойдя, возвратился неувѣренно.

— Остался бы ты... Ну, для брата...

А Викторъ ему:

— А какъ же радость жизни? Понимаешь, радость жизни...

Тусклымъ взоромъ оглядѣвъ толпу людей, повернулся и быстро пошелъ Яша. Но тотчасъ обратно. Постоялъ отъ стола вдалекѣ. Помолчалъ. Видно было: хотѣлъ сказать нужное. Но сказалъ задумчиво:

— Извини, не провожаю. Пора мнѣ... Да, да! Съ письмами съ тѣми, что въ шкапу желѣзномъ, ничего не вышло занятнаго. Камендантъ разсмѣялся; куда ихъ мнѣ, говоритъ. А свои помѣтки увидалъ, на письмахъ помѣтки были, сколько денегъ онъ ей; на счетахъ подсчиталъ, записалъ; а теперь, говоритъ, выкинь эту дрянь.

— Ты про какія письма?

— Я развѣ не говорилъ?

— Не говорилъ.

— Ну, значитъ, мысли у меня путаются. Такъ я разстроенъ, такъ разстроенъ...

Махнулъ рукой и въ-развалку пошолъ торопливо. И затерялся съ широкой шинелью своей въ толкучкѣ темныхъ одеждъ.

Говоръ аккомпаниментный. Вопросы, на которые такъ хотѣ-

лось отвѣтить дерзостью. Но молчалъ Викторъ. Дорочка не приходила больше. И золъ былъ.

— Дорочка. Дорочка. Крестъ ли это, или скучное слово скучной жизни?

И откуда-то вдругъ прокрался невѣдомый врагъ-человѣкъ. Смутный за Дорочкину честь возсталъ. Говорилъ:

— Къ барьеру!

И долго, для людей здѣшнихъ молча, бесѣдовалъ съ этимъ невѣдомымъ Викторъ. И говорилъ честно, открыто. И тотъ ему свое честное говорилъ. И пошелъ въ лѣсъ утренній и дожидался. И дождался человѣка. И кто-то отмѣривалъ шагами. И заряжали пистолеты. И сюртуки чорные на фонѣ сосенъ заснѣженныхъ были такъ понятны и красивы. Но кратко отвѣчалъ Викторъ и новымъ тремъ знакомымъ. Но тотчасъ забывалъ. Тяжелые часы-совы здѣшніе всѣ пролетѣли. Носильщики подошли. Варевичъ, Анкудиновъ, Кудрявый первыми ушли. Въ третьемъ классѣ поѣдутъ.

— А Виктору Макарычу отсюда въ третьемъ нельзя. Ну, и я съ нимъ во второмъ. До Москвы. И не вздумайте вы въ нашъ вагонъ въ-гости А ты, Кудрявый, знаю тебя, на станціяхъ пиво пить не выбѣгай. А въ Москвѣ самъ я васъ на вокзалѣ разыщу.

Вагонная ночь. То привычнымъ безродиннымъ стучащая, то нагло веселящаяся:

— Въ никуда. Въ никуда.

Нежданный сонъ. Душно тяжолый. Не приходила и тѣмъ дразнила издалека Дорочка.

День подмосковный морозный радовался. Григоріемъ Иванычемъ разбуженный, въ окно поглядѣлъ Викторъ надолго. Пошелъ, умылся, пришелъ. На утренняго, на свѣжаго человѣка любо глядѣть Виктору. Новое. Что-то новое. Должно же быть новое. Сколько верстъ ночь съѣла. Женщины нѣтъ, и молчалъ, Григорію Иванычу не отвѣчалъ, въ окно глядя. Да Григорій Иванычъ и не прилипаетъ. Снѣгъ бѣлый. Домики. Улицы вотъ. Улицы, у вагона обрывающіяся. Начали подушки въ пледы завертывать. Пледы въ ремни. Остановка. Но скоро сдвинулся вагонъ. И еще такъ. И еще. Москва.

Входя въ столовую вокзала Викторъ сказалъ:

— Стойте!

И взялъ руку Ставрополева.

— Что?

Близко отъ нихъ за составленными рядомъ столами сидѣла шумящая компанія. Длинноволосый человѣкъ въ церковной шубѣ разсказывалъ что-то, сидящіе за столами хохотали. Человѣкъ

десять. Много бутылокъ передъ ними. Два лакея стоятъ, ждутъ, не отходятъ.

— Видите этого горбуна? Вонъ того, что женщину тискаетъ?

Григорій Иванычъ сказалъ:

— Ну, вижу.

— Пойдемъ къ нимъ.

— Да вы въ умѣ?

— Это мой дядя. Пойдемъ. Но, чуръ, не говорить. Я смолчу. Онъ не узнаетъ. У меня горба нѣтъ.

Упирался. Подошли.

— Корнутъ Яковличъ, здравствуйте! Мы съ вами давно знакомы.

Чуть поднявъ тяжолыя вѣки, Корнутъ сказалъ:

— Милости прошу.

И прикоснулся къ рукѣ Виктора. И крикнулъ дамѣ, возлѣ него сидѣвшей и по-французски ему что-то зашептавшей:

— Молчать!

Потомъ опять къ Виктору.

— А вы кто такіе? Она вотъ пристаетъ. А мнѣ все равно.

Глаза Корнута, на Виктора смотрѣвшіе, красные, потерявшіе пенснэ, какъ двѣ круглыя дыры были. Какъ двѣ круглыя дыры, просверленныя въ свинцовомъ ящикѣ.

— Мы художники. Нѣтъ-нѣтъ, мы кофе пить будемъ. У насъ утро. Кофе на двоихъ.

— Дать имъ кофе... Художники вы? Художники... Я люблю художниковъ. Э-э... вотъ кстати. Можете вы мнѣ изобразить мученика Доримедонта? Только надо мнѣ Доримедонта съ бородой и не позже будущаго воскресенія. Церковь у меня при богадѣльнѣ. И въ честь родни всѣ у меня тамъ братья изображены... то-есть, э-э, святые... Ну, и священномученикъ Корнутъ. А съ Доримедонтомъ исторія. Въ Санктъ-Петербургѣ я заказывалъ. Ну, все, какъ надо. А Доримедонта прислали бритаго. Ко мнѣ въ церковь его преосвященство пріѣхалъ, э-е, осмотрѣть, значитъ, передъ освященіемъ храма. Какъ, говоритъ, и почему, э-э, мученикъ Доримедонтъ у васъ, Корнутъ Яковлевичъ, бритый написанъ и въ этакомъ, говоритъ, неподобающемъ одѣяніи? Я, говоритъ его преосвященство, разрѣшить того не могу. Ну, я тогда телеграмму въ Санктъ-Петербургъ. Почему бритый и въ неподобающемъ одѣяніи? А изъ Санктъ-Петербурга телеграмма: былъ, пишутъ, Доримедонтъ мученикъ сенаторомъ, а сенаторы всѣ бритые были. А одѣяніе, пишутъ, то тога сенаторская. Я къ его преосвященству. Такъ и такъ. А

его преосвященство: нѣтъ, говоритъ; это, говоритъ, вольнодумство. Былъ сенаторомъ, но вверженъ бысть въ тюрьму. И усѣченъ мечемъ. А въ тюрьмѣ, говоритъ, у него борода отросла. А потому, говоритъ, не разрѣшаю. Тогда еще время было, успѣлъ бы я въ Санктъ-Петербургѣ новаго заказать. Но вотъ, э-э... Изъ-за нея дѣла запустилъ. Двадцать пять, говоритъ, тысячъ, и меньше, говоритъ, не согласна. А за что француженкѣ всякой двадцать пять тысячъ? Я ей ужъ пять даю... такъ ужъ, э-э, на бѣдность. Нѣтъ, говоритъ, vingt cinq. Пятый день изъ Москвы не могу выѣхать. А тамъ меня невѣста ждетъ. И все налажено. Э... Э... И нянька вотъ еще расхворалась. Животъ у нея. Профессора къ ней. А профессоръ говоритъ: нянькѣ, говоритъ, пироговъ нельзя. А эта чертовка — vingt cinq, и грозится за мной ѣхать и всякіе скандалы. Ну, я съ ней слажу. Я слажу. Только у меня въ воскресенье освѣщеніе храма, а вмѣсто мученика Доримедонта пустое мѣсто. И нуженъ мнѣ къ воскресенью Доримедонтъ съ бородой и въ подобающемъ одѣяніи. Размѣръ два съ половиной и полтора, и верхъ полуциркульный. А заплачу, если его преосвященству понравится, пятьсотъ. Такъ за всѣ платилъ.

Говорилъ Корнутъ Яковлевичъ важный, голову рукой подперевъ. А шолковая шляпа высокая на затылкѣ. Вся небольшая компанія слушала молча. Дьяконъ тяжело сопѣлъ. Француженка, глядя въ круглое зеркальце, пудрила носъ. Нотаріусъ тихо похрапывалъ на диванѣ, подложивъ подъ щеку букетъ жолтыхъ розъ.

Остальные, стараясь не стучать бутылками, наливали и пили, и опять наливали:

— Съ бородой? Это мы можемъ. Можемъ, вѣдь, Григорій Иванычъ? И къ воскресенью успѣемъ. Деньги нужны. Фамилія? Фамилія Ставрополевъ, Григорій Иванычъ Ставрополевъ. Это вотъ онъ. А я у него помощникомъ.

XXX.

Въ грезахъ смертныхъ комнаты львиной, въ грезахъ тихихъ жизнь свою молодую разглядывалъ Антонъ, какъ женщину бѣлую и чужую. Какъ чуду дивился, годы простоявшему за дверьми, близко; какъ чуду, нынѣ лишь къ нему вошедшему. Не разрывая страницъ новой сказки, приходила мать. Сидѣла безсловно по получасу и болѣе. Въ Антонову сказку вглядывалась, и въ свою, такъ трудно читаемую. И страшны были вопросы жизни, и страшнѣе были ея отвѣты. И когда чувствовала, что вотъ не сдержитъ слезъ, уходила изъ комнаты сына Раиса Михайловна.

И не по мраморной лѣстницѣ шла, а туда, въ корридоръ темный. И, дойдя до комнатки экономки Татьяны Ивановны старой, поспѣшно дверь отворяла, на кровать старухину садилась и плакала. Скупы были слезы и не рождалось успокоеніе, когда умирали онѣ. А не на стулъ, но на кровать садилась, чтобъ со двора въ окно мимоидущій не увидѣлъ. Въ окно съ желѣзной рѣшеткой. И если въ такой часъ въ комнатѣ своей случалось быть Татьянѣ Ивановнѣ, то и она плакала, сморкаясь громко. И безъ слова уходила Раиса Михайловна; уходила подъ другіе потолки своего дома, гдѣ опять не сказать ей ни слова изъ той сказки страшной, нынѣ явленной.

А къ Антону приходилъ Викторъ далекій, за руку ведя Дорочку. Передъ кроватью вставалъ, а Дорочка тамъ, въ изголовьи. И хорошо Антону, но скоро страшно. Молчатъ оба. Спрашиваетъ онъ ихъ, они молчатъ. И разрывались страницы сказки, и стоналъ Антонъ безсловно, и вѣрилъ въ то, что словами многими спрашивалъ онъ Виктора. И спрашивалъ о томъ, зачѣмъ уѣхалъ, и о томъ, почему Дорочка не идетъ.

Къ младшей дочери своей Ирочкѣ идетъ Раиса Михайловна. Съ Ирочкой странное творится. Болѣе уже полугода. Врачи говорили:

— Возрастъ такой. Сами знаете. Но исключительно нервная организація... Проявленіе истеріи. Впрочемъ, опасаться нечего.

Но неспокойна Раиса Михайловна, и чудятся ей новые страхи.

— Мамаша... Хотѣлъ я васъ попросить...

Съ Яшей, съ первенцемъ на лѣстницѣ встрѣтилась. Отвернулась. Цѣпочку золотую на груди своей дернула.

— Оставь меня въ покоѣ. Никакихъ просьбъ.

Прошла. И огорченный и злой, шепчетъ Яша что-то, отходя. А Раиса Михайловна шепчетъ:

— Смутьянъ.

И кажется ей, что Яковъ виноватъ во всемъ. Вспоминаются ей его споры съ отцомъ, всегдашнія просьбы.

— То то̀ ему надо, то этого не достаетъ. У Антона тогда по цѣлымъ днямъ сидѣлъ. Къ Виктору бѣгалъ. Знаю. Что задумалъ? И въ глаза не глядитъ.

Въ верхній этажъ прошла.

Зиночка съ Ирочкой въ одной комнатѣ живутъ. Справа отъ комода большого, а надъ комодомъ зеркало виситъ, одна кровать, слѣва отъ комода другая кровать. Бронзовые амурчики, на чугунныхъ завиткахъ сидя, глупо такъ поглядываютъ, будто тихую бесѣду ведутъ. И ручками поясняютъ.

Отъ стола, что у одного изъ оконъ, поднялась Зиночка.

Старшая дочь. Взоромъ покорнымъ мамашу привѣтствуетъ. Молчитъ. И всегда-то мало говоритъ Зиночка. На кровати своей лежа въ платьицѣ смятомъ, лица отъ стѣны не повернула Ирочка.

Къ столу сѣла Раиса Михайловна.

— Сядь.

То Зиночкѣ. И тихую бесѣду повела, обрывчатую, ненужную, въ окно на Заволжье далекое глядя. О Зиночкиномъ женихѣ бесѣда. Бѣдный, незамѣтный. Не пара. Сначала споры, огорченія, слезы. Тихая Зиночка будто и не противорѣчитъ. А тотъ почтительный и жалкій, когда отъ дому ему отказали, письма сталъ писать родительницѣ, гордостъ ея ласкающія. А тутъ случилось ему отбывать воинскую повинность вольноопредѣляющимся. Для любопытныхъ взоровъ чужихъ людей такъ дѣло повернулось, будто женихъ неудачливый потому только въ дому Макаровомъ не бываетъ, что въ отъѣздѣ. А женихъ покорственныя письма пишетъ:

... «На службѣ царя моего срокъ отбывъ, надѣюсь васъ въ добромъ здравіи увидѣть, а также и Зинаиду Макаровну, которую почитаю невѣстою моею по данному ею слову. Въ родительскомъ же согласіи вашемъ не отчаиваюсь, но уповаю»...

И разное еще.

И тихость жениховская и робость день ото-дня милѣе Раисѣ Михайловнѣ. И Макару она удосуживается слова нужныя сказать. И того настолько подготовила, что дважды уже прокричалъ онъ безъ гнѣва:

— А ну его къ чорту! Не мое это дѣло. Какъ знаете.

Татьяна Ивановна, старая совѣсть дома, говаривала, вздыхая:

— Оно правда, не таковскаго бы намъ женишка, ну да видно, чему быть, того не миновать.

Звали жениха Андрей Андреичъ Пальчиковъ.

Глядя на Заволжье, а на дочь свою старшую не глядя, говорила Раиса Михайловна слова ненужныя и непослушныя, сама же думала:

— Быть можетъ, къ лучшему. Господи благослови. Господи благослови. Молодой человѣкъ почтительный... Не съ деньгами жить, съ человѣкомъ.

Предзакатно позолотились кресты церквей заволжскихъ, мутными звѣздочками задрожали въ близорукихъ глазахъ Раисы Михайловны.

— Зиночка, ну, какъ Ирочка сегодня?

Заслышавъ, съ кровати спрыгнула Ирочка. На мать, на

сестру не глядя, быстрыми шагами вышла изъ комнаты. Волосы русые растрепаны; платьице недлинное, полудѣтское еще, вкругъ ногъ стройныхъ поспѣшныхъ трепыхается.

Вышла-выбѣжала. Дверью стукнула, распахнувъ широко. Донесся снизу гулъ голоса Макарова:

— Раиса Михайловна! Раиса Михайловна, да гдѣ же вы...

— Что? Ушла?

То Зиночкѣ братъ Костя. На подоконникъ сѣлъ. Каблуками стѣну бьетъ.

— Усталъ я. Чортъ бы побралъ эти конкурсные экзамены. И зачѣмъ я въ реальное тогда перешелъ? Корпи теперь, подготовляйся. Ну, да зато инженеромъ буду. Знаешь ты, что такое инженеръ? Впрочемъ, никогда ты ничего не понимала, а теперь и подавно. Невѣста... Ай-ай, покраснѣла... Что, генералиссимуса своего ждешь? Жди, жди... Вотъ что. Романъ дай какой-нибудь... Усталъ, говорю, отъ котангенсовъ... Что? романовъ новыхъ нѣтъ? Не читаешь? Что же ты дѣлаешь цѣлыми днями? Кому же романы читать, какъ не невѣстамъ?

За дверью пробурчалъ:

— Дура средневѣковая.

И пошелъ въ Яшину комнату. На полтора года лишь моложе Антона, Костя казался совсѣмъ еще мальчикомъ. Рыжіе волосы, машинкой стриженые, по всему лицу веснушки. Курточка съ поясомъ ременнымъ, коротенькая.

— Яша, къ тебѣ можно?

— Чего тебѣ?

— Книгу... Романъ дай какой-нибудь... Золя, что ли.

— Знаешь, гдѣ книги. Внизъ иди. Въ библіотеку.

— Не хочу внизъ. У тебя тоже есть.

— Ну, входи. Вонъ тамъ на полкѣ. Не эта. Выше. Нашелъ? И не задерживайся.

По корридору идя Костя книгой по колѣнямъ хлопалъ и улыбался и шепталъ-пѣлъ:

— Та-акъ. Та-акъ. Понимаю. Такъ, такъ, понимаю. Политикъ тоже.

Ирочка навстрѣчу. Идетъ и плачетъ. Платочекъ въ комочекъ. Въ рукахъ мнетъ. То по лицу водитъ.

— Чего, козочка, плачешь?

И мимо прошелъ. А Ирочка въ комнату нежилую. Рѣдко туда заходятъ. Ванная комната называется. Но никто тамъ не моется. Постояла. У окна на столъ взобралась, ноги на стулъ. И весь дворъ ей виденъ. Сидитъ, какъ птичка, высоко.

Сидитъ и плачетъ тихо.

Кажется Ирочкѣ: въ кого-то она влюблена безумно. А онъ

далеко. И не пустятъ ее къ нему никогда. И всѣ люди такіе гадкіе. Злодѣи всѣ. А добраться бы до него, до того, стала бы она его цѣловать, слова хорошія говорить. А цѣловала бы она его всего-всего.

И колотится сердце. И душитъ горе. Большое, чорное. А словами его ни разсказать ни отогнать. Душитъ. Будто крыса на горлѣ сидитъ большая.

XXXI.

Съ улицы домъ низкій, длинный; стѣны жолтыя облупились. Желѣзо на крышѣ кой-гдѣ порвано. На больницу похоже. Или на конюшню пожарной части. Но окна всѣ освѣщены. По занавѣскамъ тѣни людей весело хороводятся. Отъ подъѣзда низкаго освѣщеннаго туда въ темноту улицы вереницей экипажи. Кучера, извозчики. Гомонятъ. По снѣгу перебѣгаютъ, съ дворниками водку пьютъ.

Карета извозчичья, тяжолая, изъ темноты по ухабамъ катится, скрипитъ и кудахчетъ. Попріутихли у подъѣзда. Дворникъ позвонилъ. Дверь подъѣзда распахнулась. Сѣдѣющій лакей, веселый, радушный, въ мятомъ фракѣ, въ манишкѣ нечистой.

— Пожалуйте!

И мимо себя въ домъ пропустилъ даму стройную, высокую, и за нею жандармскаго полковника, каждый шагъ котораго, звонкій и наглый, каждый жестъ и каждая минута котораго шептали:

— Не хочу старѣть!..

Закачалась карета.

— Эй, ты, косоглазый! Куды всталъ! Каретамъ впереди мѣсто. Иль не знаешь? Василій, здорово! Михайлѣ Емельянычу почтеньице. Стаканчикъ? Стаканчикъ можно.

— Давненько...

— Да што. Съ полковникомъ все. Какъ въ городъ къ намъ заѣхалъ, такъ съ нимъ мы все. Съ двухъ часовъ, ѣдетъ-не ѣдетъ, отъ гостинницы не отпускаетъ. И до ночи. Ну, а къ вамъ, часовъ до четырехъ, значится. Однако, не платилъ... Повторить? Можно и повторить... А я воблой закушу. Воблой. Вобла у меня хороша, братецъ. Икряная... А что, много у васъ въ кабачкѣ нонѣ?.. Эти ваньки, поди, зря ждутъ... Такой воблы поискать... Не могу вотъ я, Михайла Емельянычъ, какъ эти вотъ сукины дѣти, безъ закуски. Мнѣ закуску подавай. Потому привычка.

— Закуска, оно, конечно... Такъ не платитъ? А у насъ нонѣ ни мало ни много, а какъ завсегда. Надолго сюда полковникъ-атъ?

— А кто жъ его знаетъ.

— Баба его эта самая...

— Што?

— Хороша, говорю, супружница. Прошла—духъ отъ ея... И шубенкой этакъ... А не платитъ—заплатитъ. Деньжищъ поди... А то и не заплатитъ. Полкъ ихній такой. Не подступишься.

— Не подступишься, оно какъ есть...

А другой возница съ высоты кареты:

— Можетъ, и не заплатитъ. На купцовъ управа есть, на другого кого прочаго, скажемъ, тоже. А... Господа эти въ Россійской стоятъ?

— Въ Россійской.

— Возилъ, стало, я эту барыню. Позавчера возилъ въ Казанскую.

— Боркову барыню?

— Ее самую.

— Одноё?

— Одноё. Его-то ты, Маркъ Иванычъ, слышь, къ губернатору повезъ, а мы такъ, зря къ Россійской въ тѣ поры. Мѣсячнаго у насъ теперь нѣту. А тутъ швейцаръ выбѣжалъ. Карета свободна? Свободная, говорю. А только тамъ въ Казанской-то гостиницѣ она, барыня-то, съ полчаса не болѣе пробыла.

— Въ Казанскую. Ишь ты. Не мѣсто бы...

— А ты то пойми: дѣла у нихъ всяческія. И въ разныхъ, стало, мѣстахъ.

— Такъ на то онъ, полковникъ. А супружница, чай...

— А кто ихъ знаетъ. Да и не наше то дѣло. Про все болтай, а эти дѣла самыя...

Въ столовой шебаршинскаго дома переполохъ радостный на много минутъ. Изъ-за стола хозяинъ съ хозяйкой встали, навстрѣчу Боркамъ. Говорили:

— Какъ мы рады. Какъ рады!

Жандармскій полковникъ Боркъ, недавній гусаръ, по-гусарски слова говоритъ. За столомъ сидитъ, усъ покручиваетъ, на жену-красавицу не глядитъ, хохочетъ. Вспомнитъ вдругъ свое что-то, чуть бровями поведетъ, и замолчитъ, и стаканъ на столъ. Но взоръ украдчивый видитъ лица радостныя. А кто на него, на полковника Борка смотритъ, смотритъ взоромъ восторженнымъ. На него ли? Не на жену ли его, Дарью Николаевну? Ну, да это-то... И успокоенный Боркъ увѣреннымъ голосомъ разсказываетъ петербургскія новости.

Слушаютъ всѣ и молчатъ. Петербургскій полковникъ. И только-что оттуда. Изъ бильярдной комнаты лишь стуки, возгласы слышнѣе стали. Молодежь тамъ. Но скоро оживился длинный столъ. Разные люди заговорили. Звонъ веселый прерваннаго ужина заигралъ снова, забился въ просторной комнатѣ. И съ полинявшихъ и полопавшихся обоевъ глядѣли дорогія картины на разноликихъ гостей. Подъ бойкими ногами двухъ слугъ тряслись половицы; и звономъ легкомысленнымъ вторила бѣгу тому хрустальная, фарфоровая красота на открытыхъ полкахъ буфета. Говорили гости и хозяева о Петербургѣ, говорили о надвигающейся бурѣ народой; но предъ сіяніемъ важнымъ голубого мундира полковника нисколько не боялись, не вѣрили, шутили и пили вино. А вино и очень дорогое было, и очень дешовое.

— Бывали и потруднѣе времена. Теперь что! То тамъ, то здѣсь вспыхнетъ. А ядра нѣтъ.

Ну, все же смута...

— Смута! Что смута? Смута еще не революція.

— Я вамъ больше скажу. Смута исключаетъ революцію. Революція когда опасна? Когда вожаки настоящіе...

— Вожаки! Какіе тутъ вожаки...

— Полсотни мальчишекъ...

— Я и говорю. Настоящіе вожаки стройно дѣло ведутъ. Планъ дѣйствій выработанъ. Настоящіе вожаки не позволятъ...

— А вамъ, Кузьма Кузьмичъ, жаль, что ихъ нѣтъ, настоящихъ-то! Ужъ такъ вы горячо...

— Ха-ха... А, пожалуй, и жаль. Жаль, что правительству по нѣскольку разъ въ столѣтіе приходится воевать съ бандой недоучекъ-семинаристовъ и сиволапыхъ мужиковъ. По-моему, четырнадцатое декабря двадцать пятаго года единственная приличная страница въ исторіи русскихъ неурядицъ.

-- Кузьма Кузьмичъ, дорогой хозяинъ, эти слова ваши пожалуй что и не приличествуютъ гражданину и вѣрноподданному.

— Дорогой полковникъ, мои убѣжденія слишкомъ извѣстны чтобъ можно было истолковать... Но я стою на своемъ. Если врагъ необходимъ, пріятнѣе въ лицѣ его видѣть не шушеру, не подонки, а лицъ, сколько нибудь равныхъ...

Но лицо полковника сдѣлалось краснымъ. Невольнымъ жестомъ онъ даже стукнулъ ножомъ по тарелкѣ.

— Позвольте, по-озвольте, Кузьма Кузьмичъ! Я изумленъ и положительно не постигаю, не по-сти-га-ю, какъ правительство можетъ въ подданномъ своемъ видѣть равнаго врага. Притомъ, замѣтьте, въ подданномъ, ставшемъ въ тотъ самый мо-

ментъ преступникомъ, и не просто преступнукомъ даже, а внѣ закона. Затѣмъ, пребывать въ нѣкоторомъ какъ бы восторгѣ, говоря о печальнѣйшей страницѣ исторіи, когда часть арміи, правда, ничтожная... Ничтожнѣйшая...

— Святъ, святъ, святъ! Что вы со мной дѣлаете, полковникъ? Возможно ли такъ исказить... Да я не вѣрю. Вы пошутили. Скажите, что вы пошутили и ни на одну минуту не подумали, что я... Да я вамъ сейчасъ «Московскія Вѣдомости»... Тамъ я письмо въ редакцію... Господа! Предлагаю тостъ за скорѣйшее и ужъ навсегда избавленіе родины отъ кошмарнаго призрака революціи. Ура!

И отвѣчали разноголосо:

— Ура! Ура! Ура!

И звенѣли стаканы.

Изъ бильярдной вышелъ стройный корнетъ. Долгимъ взоромъ тайнымъ посмотрѣла на него полковница, Дарья Николаевна. И вздохнувъ и улыбнувшись чему-то своему, отвела глаза. То былъ Никандръ, сынъ Семена Яковлевича. Обрадовавшись шуму, оборвавшему непріятную минуту спора, хозяйка Анна Яковлевна голосомъ крикливымъ къ Дарьѣ Николоевнѣ:

— Вѣроятно мы скоро въ Петербургъ. Вы представить себѣ не можете, какъ истомилась я здѣсь. Конечно друзья не забываютъ. Но такъ рѣдко...

Руки, украшенныя многими кольцами, непринужденно летали надъ столомъ. Слушала хозяйку, чинно склонивъ чуть къ плечу головку, Дарья Николаевна Боркъ. Свѣжо и молодо казалось лицо ея при свѣтѣ ночныхъ огней надъ музыкой тихой изящнаго платья. Но въ глазахъ грусть. Какая-то привычная грусть. Грусть ли сознанія надвигающейся старости, которая шепчетъ лукаво: а завтра? а завтра? Другая ли тайна? Томящимся голосомъ обрывнымъ слова короткія говорила.

Хозяинъ за спиною полковника, въ пододвинутое кресло сѣвъ, торопливо ему и горячо говорилъ. А тотъ въ полъ-оборота ему:

— Но все же нельзя-съ... При большой компаніи... И, такъ сказать, въ роли хозяина... И мой святой долгъ... Ужъ вы извините...

Съ другого конца стола долетѣлъ до хозяйки шопотный, но рѣзкій голосъ Никадра:

— Ну мундиръ мундиру рознь...

Бритому господину во фракѣ умоляюще закричала:

— Пожалуйста, сейчасъ. Нѣтъ, сейчасъ. Прошу. Очень прошу. Не бойтесь, слушать будемъ.

Пожалъ плечами бритый. Всталъ. Лѣнивой походкой приблизился къ роялю. Подоспѣвшему аккомпаніатору:

— Ну, хоть это сначала.

Звуки музыки. И запѣлъ баритонъ, тишину мгновенную разорвавъ. Грустнѣе еще стало лицо Дарьи Николаевны.

Яша, единственный сынъ хозяина, говорилъ Яшѣ Макаровичу, отведя его въ бильярдную:

— Ахъ, ужъ это пѣніе... А Боркъ-то, Боркъ-то каковъ! Изъ гусаровъ въ жандармы. Долговъ у него, говорятъ... А каковъ мундиръ у Никандра! Обратилъ вниманіе? Не понимаю я тебя, Яша. Университетъ кончилъ, и въ этой дырѣ засѣлъ. А мы, знаешь, опять въ Питеръ скоро. Мамаша говоритъ.

Не слушая, на диванѣ сидѣлъ Яша Макаровичъ. Сгорбился. Локти въ колѣна, подбородокъ въ ладони. Съ отъѣзда Виктора скученъ сталъ и молчаливъ. Не только того ему жаль было, что Доримедонтово дѣло нисколько не распуталось. Тусклыя невеселыя мысли скуки складывались такъ:

— Будто были люди, и нѣтъ никого. Этотъ умираетъ, молчитъ. Тотъ уѣхалъ ни съ того, ни сего. Къ Горюновымъ зайдешь — отъ старухи слова путнаго не добьешся, Дорочка не выходитъ. Скисла совсѣмъ Дорочка. Какъ я вотъ. Какъ я. А maman! Эхъ, кабы злобы настоящей занять у кого-нибудь. Я бы показалъ... Я бы заработалъ... Дядя Семенъ вотъ... Надо бы къ дядѣ Семену пробраться. А что я, такой, сдѣлаю! А Никандръ этотъ... Прикатилъ. Надо бы подумать, въ какой мѣрѣ онъ опасенъ... Подумаешь тутъ, разберешься. Когда мозги отъ всѣхъ этихъ огорченій замерзли совсѣмъ. Коська дуракъ что-то maman наговорилъ. Непремѣнно наговорилъ. Чувствую... А отъ этого шебаршинскаго кабачка пуще неразбериха. Однако, про Петербургъ разговоръ. На что надѣюсь? На Семена или на Доримедонта? Этотъ вотъ тоже племянникъ. Ба! Коли такъ, мнѣ-то чего? И безъ меня сладится. Да нѣтъ. Не похоже. Ахъ, мозги замерзли. Ну, жизнь... Вѣдь, книжки развернуть не могу который мѣсяцъ; газетъ, и тѣхъ не читаю. А еще хотѣлъ на естественный. Вѣдь, недавно еще хотѣлъ. Куда ужъ тутъ...

Такъ, на диванѣ сидя, думалъ, будто говорилъ съ кѣмъ-то; кого-то, похожаго на Антона, представлялъ себѣ сидящимъ напротивъ.

А рядомъ на диванѣ, развалясь, сидѣлъ Яша Кузьмичъ, болталъ, смѣялся, ногой покачивалъ. Голубой чулокъ свой разглядывалъ и лакированную туфлю.

Передъ ними стукались бильярдные шары. Сидѣли два Якова, двое старшихъ внуковъ желѣзнаго старика, четверть вѣка назадъ отъ живыхъ отошедшаго. Двое внуковъ, получившихъ при крещеніи имена въ честь его, въ честь желѣзнаго дѣда.

Въ гостиной столы карточные разставили. Въ столовой у

длиннаго стола, кто тусклыми глазами, кто веселыми на безпорядокъ послѣтрапезный глядя, сидѣли немногіе гости, привыкшіе къ шебаршинскому дому, какъ къ своему клубу.

За винтомъ въ гостиной Кузьма Кузьмичъ надолго межроберные антракты затягивалъ, ласковымъ голосомъ пререкаясь съ Боркомъ.

— Нѣтъ, такъ невозможно. Кардинальныя убѣжденія мои таковы, что я, не опасаясь разойтись съ вами въ мелочахъ...

Со стаканомъ марсалы, неизмѣннымъ своимъ ночнымъ помощникомъ въ трудномъ дѣлѣ пріема гостей, быстро подошла Анна Яковлевна, согнала мужа.

— Нѣтъ! Я вашъ партнеръ, полковникъ, я вашъ партнеръ. Безъ разговоровъ, Кузьма Кузьмичъ! Пожалуйте мою партію доигрывать. Я въ бубнахъ малый сказала. И, конечно, напрасно. Вотъ карты. Ни слова! Ни звука!

Но и, разойдясь, докрикивали:

— Я, какъ вѣрноподданный, съ одной стороны, съ другой, какъ человѣкъ, слѣдящій за европейской культурой, не могу допустить, чтобъ мнѣ ротъ зажимали. Это не парламентарно...

— А вамъ, Кузьма Кузьмичъ, парламента захотѣлось? Парламента?

— Не парламента въ западномъ смыслѣ, но все-таки...

— Все-таки? Все-таки? Это чего жъ, напримѣръ?

— А того, напримѣръ, чтобъ люди, всецѣло преданные интересамъ правительства, могли критиковать его дѣйствія.

— Кри-ти-ко-вать?

— Да-съ. Критиковать-съ. Какъ боретесь? Да я бы эту вашу революцію въ бараній рогъ...

— Такъ оно и будетъ!

— Да когда? Когда? Вотъ о важакахъ говорили... Развѣ такъ вы дѣло ведете? Я, какъ гражданинъ, какъ собственникъ, наконецъ, какъ заводчикъ...

— Господа. Я сказала: довольно. А теперь говорю: трефы!

Корнетъ Никандръ, покачивая маленькій золоченый стулъ, на которомъ сидѣлъ, звонко заглушенными словами говорилъ, быстро и нагло прищуривая глаза. Не смотрѣла на него, на диванчикѣ сидя, Дарья Николаевна. Тихо и грустно далекому своему чему-то улыбалась. Толстый нѣмецъ, владѣлецъ аптеки, жирно хохоталъ. За нимъ мировой судья.

— Кузьма Кузьмичъ! Вы только-что на пику козыря, а теперь валетъ пикъ...

— Да не могу я играть, когда тутъ... И вообще этотъ вашъ винтъ... Потому въ Россіи и дѣла скверно идутъ, что въ Петер-

бургѣ слишкомъ хорошо въ винтъ играютъ... Такъ-то, полковникъ! Вы меня слышите?

— Полковникъ васъ не слышитъ, Кузьма Кузьмичъ. Не мѣшайте. Мы ужъ безъ одной.

Быстро вошедшій слуга наклонился, въ ухо зашепталъ Никандру. Всталъ тотъ быстро, каблуками стукнувъ. Тетѣ Аннѣ негромко:

— Тетя, папашѣ плохо. За мной прислали.

Лицо явила грустнымъ.

— Ахъ, ахъ!

Кузьма Кузьмичъ какъ-то крякнулъ неловко. И закричалъ полковнику:

— Порядки! Политика! Война вотъ... Ну, развѣ можно такъ! Нужно психологію массъ учитывать... А вы...

Боркъ кричалъ:

— Нѣкоторая непопулярность войны не предрѣшаетъ еще событій. То, что намъ надо на Востокѣ, мы получимъ. Пусть кричатъ газетки. А слишкомъ раскричатся, мы имъ глотки-то заткнемъ... А отъ васъ не ожидалъ. Высшіе государственные умы...

— Не о томъ рѣчь. Востокъ! Конечно, Востокъ. Я славянофилъ. Славянофилъ-съ, было бы вамъ извѣстно.

XXXII.

Новаго города новые зовы. Откуда? Куда?

На Пескахъ поселился. Близъ Лавры.

Звонъ гудѣлъ церковный, и шелъ туда Викторъ. И такъ хороши были шопоты чужихъ-чужихъ могилъ. Такъ хороши. На общественномъ кладбищѣ плакалъ Викторъ. Приходилъ, то у той могилы останавливался, то у этой, и плакалъ. И хорошо ему было, когда звонъ гудѣлъ серебряный.

Ѣхалъ однажды въ саняхъ.

— Война? Къ чему война? Я не понимаю.

— Но вотъ она, живая война. Всѣмъ намъ понять надо бы.

— Зачѣмъ? Я не люблю смотрѣть, какъ на улицѣ вотъ здѣсь дерутся по ночамъ, въ глухихъ мѣстахъ. Не нравится мнѣ это. Зачѣмъ же сюда смотрѣть, въ эти газеты? Знаю: много убійствъ. А еще что?

И были фонари надснѣжные и пробѣгали какіе-то люди чорные по снѣгу.

Ѣхалъ Викторъ на Васильевскій Островъ. Ѣхалъ съ Григоріемъ Иванычемъ Ставрополевымъ.

— А это Николаевскій мостъ?

— Николаевскій!
— И эти ваши близко?
— Близко.
Когда пріѣхали, сказалъ Ставрополевъ:
— Входите!
По лѣстницѣ по темной шли. И сказалъ Викторъ:
— Не надо женщинъ.
А Ставрополевъ сказалъ:
— Какихъ еще женщинъ! Да что съ вами?

Комната двухоконная. Много людей разныхъ. И на подоконникахъ сидѣли. Большой самоваръ мѣдный свистѣлъ на квадратномъ столѣ. И пиво было. И бутерброды.

— А вотъ и хозяинъ, Глѣбъ Константиновичъ.

Взоромъ долгимъ оглядѣлъ Викторъ Глѣба. Высокій, стройный. Лицо красивое, смѣлое. Но pince-nez съ дымчатыми стеклами дерзость глазъ прикрываетъ. Бородка аккуратно подстрижена. И услышалъ веселый баритонъ:

— Добро пожаловать. А мы тутъ именины справляемъ. Петербургскіе дворники любятъ, чтобъ именины.

И знакомилъ съ тѣми, кого не зналъ еще Викторъ.

Звеня ложечками въ стаканахъ, продолжали разговоръ.

— Товарищъ Глѣбъ, а, право, къ намъ бы вы, прочно бы, надолго...

— Чего тутъ! Я въ Москвѣ. Полюбуюсь на васъ еще денька три, и на мѣсто. Въ Москвѣ я, какъ рыба въ водѣ. А здѣсь... Не привыкъ я здѣсь. Да и не кажется мнѣ здѣсь возможнымъ то, на что я тамъ разсчитываю. Москва это прелесть. Для насъ, то-есть. Лучше города и не придумать...

— Ну, старый споръ. Ахъ, ужъ эти москвичи.

— Да Глѣбъ не про то. Дѣйствительно, планъ города...

— Да, ужъ хуже питерскаго не придумаешь. Улицы прямыя да широкія... Однѣ площади чего стóятъ...

— Что площади! Главная бѣда—мосты. Три моста разведутъ, и чуть не всѣ рабочіе районы отрѣжутъ.

— По льду...

— Да, по льду! Климатъ этотъ здѣшній...

— Зато у насъ, товарищи, Казанская площадь какъ-разъ на мѣстѣ. Такой штуки въ Москвѣ нѣтъ.

— Ну, ужъ ты, Варевичъ, скажешь! Въ этой ловушкѣ немало еще людей захлопнутъ.

— Ну, однако... Какъ каѳедра...

— А тебѣ бы только съ полчасика покрасоваться...

— Не покрасоваться, а живое слово...

— Нѣтъ, товарищи. Планъ города оно, конечно... Но всего

предугадать нельзя. А остроумный полководецъ и недостатки мѣстности въ свою пользу обернуть можетъ. Вотъ, къ примѣру, старикъ пишетъ: невозможна, говоритъ, уличная революція въ современныхъ городахъ. Асфальтъ, говоритъ, и торцы вытѣснили булыжную мостовую, какъ она тамъ по-французски называется, макадамъ что ли... И потому, говоритъ, не изъ чего баррикады строить Абсурдъ, вѣдь! Въ Парижѣ тогда макадамъ а у насъ трамваи, конки, рельсы, вывѣски, мало ли что еще. А старикъ въ одну сторону глядитъ. Не будетъ, говоритъ, баррикадъ больше. Другую, говоритъ, форму приметъ возстаніе. Анъ будутъ баррикады. Покрѣпче парижскихъ будутъ.

— Однако, Глѣбъ, не въ Петербургѣ же?

— А, вѣдь, старикъ и про Москву. Послѣ его статьи у насъ чуть не драка... А! Николай. Здравствуй. Что это у тебя? Ну, конечно, телеграммы съ войны...

— Да. Важное. Читайте.

Слушали.

— Коли бъ не эта война!..

— Да, ужъ теперь ждать глупо.

— И грѣшно.

— Но каковы японцы! Пятнадцать тысячъ въ нѣсколько часовъ. И на вѣрную смерть.

— А по-моему, господа, это и не человѣчья психологія, а тараканья какая-то. Или вотъ саранча...

— Безъ идеи саранча, а если идея, то самая наичеловѣческая психологія.

— Тутъ коллективъ.

— Такъ-то такъ. Героизмъ понимаю. Но одно дѣло—на опасность идти, местью кипѣть и ненавистью и, можетъ быть, понимаете, можетъ быть, погибнуть; а собой волчьи ямы засыпать, чтобъ другіе прошли... бр...

— Да, ихъ культура...

— Ничего-то мы про нее еще не знаемъ. Но не скрою! Страшны мнѣ японцы.

— Ну, не ново. Вотъ въ «трехъ разговорахъ» страхи эти... Но, мнѣ кажется, дѣло тутъ проще...

Николай съ Глѣбомъ, негромко поговоривъ, къ Виктору подошли. Поверхъ стеколъ дымчатыхъ Глѣбъ привѣтливо и просто въ глаза заглянулъ.

— Намъ ночевки нужны. Для него вотъ, главнымъ образомъ. Ну, иногда кого-нибудь приведетъ, если удобно будетъ. Вашъ районъ намъ хорошъ. Можно?

— Пусть.

— Григорій говорилъ, домъ большой.

— Большой.
— И къ вамъ безъ швейцара?
— Безъ швейцара.
— Чего же лучше. Сегодня онъ къ вамъ. Ну, потомъ дня четыре не зайдетъ. Да его не учить. Шпика за собой не приведетъ.

Черноволосый, коренастый, въ короткій пиджакъ одѣтый, Николай строгими глазами Виктора оглядѣлъ.

— Между десятью и одиннадцатью буду.

Глѣбъ, посреди комнаты вставъ и поднявъ руку:

— Товарищи! Къ порядку дня. На именинахъ вы или не на именинахъ? А коли на именинахъ, пусть пробки пощелкаютъ. А Кудрявый и пѣсню заведетъ. Только, чуръ, знаешь, какихъ пѣсенъ у меня нельзя. Ну, то-то же. Гитара? Вонъ она у меня припасена.

И громко стучали стаканами. И громко смѣялись.

— Нелюдимо наше море...

Запѣлъ Кудрявый.

Встрѣтился взоръ Виктора со взоромъ, плывущимъ изъ тоски восторженной. Сидѣла у окна маленькая, въ шаль кутая плечи. Подумалъ, разсѣянно глядя:

— Волосы-то... Саломею съ нея писать. Конечно, только голову. Курсистка, кажется. Какъ онъ ее назвалъ?

— А ты вотъ что, Кудряшъ. Ты именинника веселенькой потѣшь, московской. Ты мнѣ про Ваньку-клюшника спой, про злого разлучника. Пусть хозяйка завтра на жильца жалуется. Да ты съ присвистомъ.

Сплюнулъ Кудрявый.

— Ну, ужъ...

Однако, запѣлъ. И съ присвистомъ.

И еще пѣли.

Съ Глѣбомъ лишь попрощавшись украдкой, вышелъ Викторъ. Отъ Невы близко домъ. На углу набережной встрѣтился съ женщиной. Съ набережной въ линію завернула. Навстрѣчу идетъ. Какъ! Да, да. Тотъ же взоръ тоски восторженной. Маленькая женщина съ лицомъ Саломеи, развратно-тихимъ и грустящимъ по невѣдомому. И шапочки на головѣ нѣтъ. Той же шалью волосы великолѣпные, въ памяти оставшіеся, прикрыты.

— Стойте, это вы?

— Это я.

Улыбнулась.

— Вы? Оттуда? Но вы тамъ, у Глѣба. Сейчасъ тамъ васъ видѣлъ.

— Ну, да. Минутъ пять какъ ушла. Сумочку забыла. Взять иду.

— Но я только-что тамъ видѣлъ.

Разсмѣялась. И, замѣтивъ, что онъ смотритъ на ея шаль, сказала:

— Я здѣсь живу. Въ этомъ вотъ домѣ. Окно у меня на Неву. Хорошо у меня.

Замолчала. И тотчасъ тоскливымъ сталъ ротъ замкнутый. Мимо близкаго фонаря летящія снѣжинки тѣнями темными бороздили лицо.

— Слушайте. Можно мнѣ съ вами? Я съ вами побыть хочу. Одному скучно. А тамъ...

— Со мной? Ко мнѣ хотите? Ну, пойдемъ ко мнѣ. У меня самоваръ. Мнѣ объ васъ Григорій Иванычъ говорилъ. Вы съ нимъ оттуда, съ Волги... Съ Волги-матушки широкой... Я даже помню: васъ Викторомъ Макарычемъ зовутъ. А я, я товарищъ Зоя.

Странно было Виктору видѣть лицо ея смѣющимся.

Стоялъ у воротъ, откуда только-что вышелъ. Ждалъ Зою. Думалъ:

— Зачѣмъ? Уйти развѣ... Сумочка вотъ какая-то... А странно; когда она вышла отъ Глѣба? Казалось, до послѣдней минуты глаза ея тамъ видѣлъ. Да, да. Товарищъ Зоя. Лицо какое. Саломея.

Скоро вышла.

— Вотъ и я. Скорѣй чай пить! Я у Глѣба не пила. Не люблю. Какъ на бивуакѣ. Непремѣнно стаканъ перепутаютъ, чуть изъ-рукъ выпустишь. И потомъ окурки эти.

Подошли. Подъѣздъ.

Въ комнаткѣ, обрадованной окномъ на широкую Неву, сидѣли.

— А у Глѣба сейчасъ объ васъ говорятъ.

— Что говорятъ?

— Такъ, какъ всегда у насъ. Насколько можетъ быть полезенъ? И не опасенъ ли? Это ужъ болѣзнью стало. Ну, новый человѣкъ— понятно. А то и старымъ работникамъ проходу не даютъ. Слѣжка. Ну, Глѣбъ смѣется. Въ Москвѣ, говоритъ, страху этого меньше. Глѣбъ хорошій. Уѣдетъ онъ, Николая увезетъ, никто и не улыбнется.

— Николай развѣ въ Москву? Это тотъ чорный?

— Онъ и тамъ, и здѣсь. На немъ много. Онъ и по желѣзнодорожному.

— Хорошо у васъ. Это вотъ окно по здѣшнему положенію дорогого стоитъ. А я и не зналъ. Думалъ, здѣсь одни только казенные дома, на этой набережной. Не разглядѣлъ. И отъ академіи сотни двѣ шаговъ. И знакомый мой одинъ здѣсь гдѣ-ни-

будь живетъ. У Глѣба думалъ увидѣть его. Не былъ. Я по привычкѣ мансарду искалъ. Ну, тамъ на Пескахъ домъ новый. Съ мансардами.

Отъ береговъ Невы огнистыхъ взоръ отвелъ. Зою увидалъ, опять тоскливо въ никуда глядящую. На него не взглянувъ, сказала медленно:

— Мансарда? Мансарду хорошо. Въ Венеціи, напримѣръ, въ Римѣ...

— Что? Почему?

И брови опустилъ.

— А развѣ нехорошо? Да вы меня, товарищъ, не бойтесь.

И поласковѣе смотрите. Я хорошая. Не слишкомъ хорошая. Ну, да это мое дѣло.

Помолчали. Пилъ чай, стуча зубами о край стакана. Захотѣлось уйти отсюда. И не могъ. Зоя сидѣла близко и мимо него, и какъ бы и сквозь него глядѣла на огни у снѣжной Невы. И жолтые были, и голубые. Двѣ полосы уходящія. И двѣ еще другъ къ другу близкія поперекъ. То мостъ. И мелькали на немъ и звенѣли вагоны.

Встала. По комнатѣ стала ходить отъ окна къ двери. И нежданно:

— А вамъ скажу. Пусть. Ему не скажу, а вамъ скажу. Какъ первому встрѣчному. Такъ мнѣ надо. Душу мнѣ надо открыть. Смѣшно это говорятъ: душу открыть. Не для того ли открыть, чтобъ изъ души что-нибудь вылетѣло, ворона такая чорная, туда залетѣвшая? Поговоришь, а ворона со словами и вылетитъ... Такъ, что ли? Вотъ и у меня ворона такая. Чорная ворона и поганая. У меня могъ бы быть ребенокъ. Я бы его такъ же вотъ ненавидѣла, какъ эту мою ворону. Впрочемъ, нѣтъ. Я бы его ножомъ вырѣзала. На чердакъ бы забралась и разрѣзала бы себя. И околѣла бы впотьмахъ. А кругомъ бы крысы... Да. И скажу, и скажу, ворону выпущу. Вы умѣете слушать?

— Иногда.

— Только вѣдь вернется ворона-то. Назадъ, пожалуй, прилетитъ. А васъ я такъ спросила. Все равно мнѣ. Не хотите—не слушайте. Чай вотъ пейте. А то за коньякомъ пошлите. Вотъ звонокъ. Мнѣ встрѣчнаго нужно сегодня. Встрѣчнаго.

Отъ окна къ двери ходила и, правда, взоровъ его не искала. Блестѣли глаза. Шаль съ плеча спустилась, по полу волочилась. Говорила голосомъ разнотоннымъ, будто съ кѣмъ-то спорила:

— Я любила. Понимаете, что такое любовь? Да! Онъ-то

понимаетъ. Понимаетъ. Я любила. Нѣтъ, не люблю больше. Конечно. Такія ужъ не любятъ. Любила долго. Годъ. Годъ это, вѣдь, много? Много? Любила и ждала дня. Такъ было у насъ. Дня нужно было ждать, чтобъ вмѣстѣ можно было. Но я отдалась. Одного любила, а другому отдалась. Понимаете: отдалась. Отдалась! Почему? Зачѣмъ? Почемъ знаю... Слова онъ разныя говорилъ потомъ... Да. Вотъ на этомъ диванѣ. Но не въ немъ же суть, не въ этомъ человѣкѣ. Суть въ томъ, что я-то подлая, что проститутка я, коли безъ любви. Стало быть, можно было словами и поцѣлуями... А поцѣлуй-то развѣ возможенъ? Жила, стало быть, во мнѣ подлость великая и пошлость грязная, всегда жила. А онъ, этотъ, только разбудилъ. И свѣтлое мое это только обманъ былъ. Обманъ! И святое—обманъ. Любила годъ; а жила, на Божьемъ-то свѣтѣ я жила двадцать два года. И все это тоже обманъ? И все, для чего я жила, это тоже обманъ? Конечно, обманъ: онъ, вѣдь, меня не силой взялъ. Себя, стало быть, обманывала, коли смогла. И вѣдь, что! Вѣдь, и борьбы настоящей не было. Это развѣ борьба, трагедія была?

— Теперь борьба. Теперь трагедія.

Сказалъ, какъ подумалъ.

Остановилась противъ него Зоя. Тускло такъ посмотрѣла. Поняла ли, что человѣкъ живой ей слово сказалъ... И опять пошла, и опять у окна повернулась. Но шаль подобрала.

— Борьба? Трагедія? Не борьба, не трагедія, а грязь во мнѣ, пошлость во мнѣ и подлость. Хотѣла ли бы я вернуть? То-есть, такъ, чтобъ не было того вечера? А, пожалуй, что и не хотѣла бы. Не фактъ же важенъ. Но и фактъ... Фактъ—случай. И показалъ онъ мнѣ, какова я, каковы люди вообще и ихъ. чувства. Вотъ два мѣсяца ужъ. Передъ Рождествомъ онъ здѣсь будетъ. Онъ, первый, кого любила, который ждалъ меня. Раньше бы ему быть, но я писала, лгала, оттягивала. Что-жъ! Вѣдь я скрыть могу. Счастливой быть могу. Но не то. Ему счастье дать? Опять не то. У меня глаза открылись. Мой, этотъ, любовникъ мой сегодня у Глѣба сидѣлъ. И развѣ вы узнали его? Вѣдь не узнали-же. И я лгала, и я молчала. Женихъ-бы мой былъ и его-бы обманули. Что страшно мнѣ? Простота мнѣ эта нежданная страшна. Откуда я лгать научилась? Съ одного-то раза... А онъ... У него-то сколько этихъ разовъ? Не хотите-ли пирожнаго, говоритъ. Это у Глѣба. А женихъ мой... Про него этотъ тогда сказалъ: не думаете-же вы, что вашъ вамъ не измѣнялъ. Это онъ потомъ, когда я заплакала. Измѣнялъ? Зачѣмъ измѣнялъ? А теперь глаза открылись. Конечно измѣнялъ. Всегда измѣнялъ Сейчасъ вотъ гдѣ-то тамъ измѣняетъ... Что страшно? Что нудно

мнѣ? Не я одна погибла, провалилась куда-то. Всѣ люди со мной въ болото провалились, въ топкое, въ зеленое. И всѣ равны опять. Раньше равны были потому что я на горѣ стояла, на обманной горѣ, и лучи видѣла, и всѣхъ людей въ лучахъ этихъ. А теперь въ болотѣ равны... Нѣтъ, не улетѣла ворона моя поганая. Съ ней мнѣ и жить. И напрасно я вамъ говорила. Но не бойтесь, не жалѣю. Вы—встрѣчный. И потомъ еще, съ той поры, какъ глаза мои открылись, страха во мнѣ нѣтъ. И почему не говорить объ этомъ? Говорила-же я раньше о вѣчной любви, о чувствахъ высокихъ. Естественнымъ казалось. А теперь... Ну, да къ чему! Душу открыла, распахнула, а ворона ни съ мѣста. Такъ же противно все и гадко. Противнѣе еще. Почему противнѣе? Потому что надежды меньше. На этотъ вотъ сегодняшній часъ какая-то надежда была тайная. Ну, да что! Жить скучно. Одной остаться противно. Не говорила никому, а на людяхъ все же. Петербургъ гадокъ мнѣ. И отъ жениха убѣжать хочу. Отъ хорошаго моего, отъ любви дѣвичьей. Въ Москву навязалась сегодня. Глѣбъ говоритъ: здѣсь. Я въ сестры милосердія надумала. Хорошо въ сестры пойти? На войну?

Уже сидѣла у стола, рукой подперевъ голову.

— Зачѣмъ въ сестры милосердія? Я недавно въ газетѣ читалъ: милліардера американскаго и филантропа попросили на Красный Крестъ пожертвовать. Нѣтъ, говоритъ, ни пенса: я противъ войны. На школы—извольте. И правда. На пушку ли жертвовать, на Красный ли Крестъ. Красный Крестъ даже нелѣпѣе. Въ одномъ поѣздѣ ѣдутъ люди; одни предназначены быть ранеными, а другіе ихъ лечить будутъ. Все равно, вѣдь, солдатомъ ли на войну идти, саперомъ ли, врачемъ ли. Злое дѣло. А всякая гуманность только узаконяетъ войну, дѣлаетъ ее болѣе возможной. Здѣсь одно возможно, старый совѣтъ: отойди отъ зла. Но вамъ не этого, конечно, надо. Вамъ уйти надо, отъ себя уйти. Что жъ, поѣзжайте. Съ войны пріѣдете, вовсе ужъ никого и ничего любить вамъ нельзя будетъ. Если этого хотите... Утѣшиться можно. Многихъ тѣшитъ бездна, разверзающаяся у ногъ.

— Да, да! Убійство... Организованное убійство... Это, пожалуй, такъ... Но и въ нашемъ дѣлѣ...

— Что наше дѣло! Если, или вѣрнѣе, когда исторія выработаетъ кодексъ революціонныхъ законовъ, съ того дня революція будетъ такъ же противна душамъ людей, какъ нынѣшняя война.

— Исторія выработала уже революціонную этику.

— Это какую же? Ту, которую завтра приведется оставить...

— Я говорю про исторію русскаго движенія.

— Ну вотъ и я про ту же этику. Мнѣ кажется, что ее-то и нужно оставить...

Заблестѣли глаза Зои. Забыла свое горе женское.

— Тѣмъ-то и свято русское движеніе, тѣмъ и поставитъ оно страну наверху горы, что въ насъ душа поетъ, что только мы, русскіе интеллигенты, чувствуемъ правду... да, да, пусть Божью правду...

— О двухъ концахъ эта правда. У меня вотъ дядя есть...

— Зачѣмъ дядя! И у меня тетка есть. Я про Россію. Я про Россію. И этика эта самая... Безъ нея мы ничто. Понимаете ли вы, Викторъ Макарычъ, ничто? Меньше, чѣмъ какая-нибудь Швейцарія. Я Глѣбу раза два говорила. Глѣбъ смѣется, но у Глѣба русская душа. А у васъ не русская. Не русская. Да и нѣтъ у васъ души вовсе.

— Это почему?

Смотрѣлъ на Зою. Лицо ея было такимъ, какимъ онъ представлялъ свое лицо часто. Любовно къ ней и искренно наклонился.

— А то свое вы и забыли.

— Да, забыла. А, можетъ, и не забыла. Вамъ-то къ чему?

— Къ тому, что одно это. Одно. И это ваше горе, и то. Отъ одного все это. Отъ одного свойства души. И не привыкъ я въ этихъ дѣлахъ быть старшимъ. А вы какъ бы просите: будь! будь! А потому—прощайте! Нѣтъ, не потому: мнѣ въ десять надо дома быть. Прощайте. И позвольте къ вамъ зайти когда-нибудь. Къ вамъ зайти захочется. Знаю.

Прощался. Улыбка загадочная на чуть знакомомъ лицѣ. Думалъ: нужно понять. И забылъ, слыша:

— Я съ вами по корридору. Задвижка тамъ.

Шли по корридору. Молчали. Вышелъ на лѣстницу. Зоя, заперевъ дверь цѣпочкой, сказала-прокричала ему, тамъ стоящему:

— Юліи Львовнѣ отъ васъ кланяться? Завтра увижу.

Раньше, чѣмъ грохнула дверь, услышалъ веселый смѣхъ. И потомъ ничего. Спускался по каменной лѣстницѣ. Вылѣзъ кашляющій швейцаръ.

На мосту подумалъ-шепталъ:

— Странная... Но я, вѣдь, самъ навязался... Хорошая, должно быть. А Юлія—это не хорошо. Не надо. Подруги, навѣрно.

За мостомъ подрядилъ извозчика.

— Ну, что же. Вотъ и радость жизни. Радость жизни, радость жизни.

И повторялъ такъ. И проѣхали длинный путь.

Только пришелъ и лампу засвѣтилъ, заслышалъ стукъ.

— Войдите.

— Это такъ, но почему васъ нѣтъ?

— Вотъ я.

— Сейчасъ вотъ вы, а... Часы есть?

— Вотъ часы. А что?

— Двадцать минутъ? Двадцать минутъ. А для нашего брата это не двадцать минутъ, а, можетъ, годъ крѣпости... Нѣтъ, что годъ? Не время только... У насъ, вѣдь, не только: время—деньги. Ваша эта дуреха въ комнату не пускала. По тротуару прохаживаться не больно ладно. Гдѣ у васъ спятъ? Мнѣ утромъ надо.

— Вотъ.

— За подушку спасибо. А больше не надо. Пальто вотъ.

Къ столу подошелъ Викторъ. Сѣлъ. Чтобъ думать о большомъ, о своемъ. Увидѣлъ телеграмму. Обрадовался. Будто былъ онъ шахтеръ, заваленный землей, и увидѣлъ огонекъ. Городъ ли надоѣлъ? Люди ли? Безлюдье ли?

Въ телеграммѣ было:

«Семенъ скончался. Пріѣзжай. Необходимо увидѣться. Отвѣть. Братъ».

— А, такъ у васъ тамъ...

И Викторъ раздѣлся и легъ.

Не спалось. Тяжелое дыханіе каменнымъ сномъ спящаго Николая. Вспоминался голосъ нежданной Зои, истеричный и родной какъ бы голосъ.

Всталъ. Полуодѣтый писалъ Дорочкѣ письмо.

XXXIII.

Журчанье звонкое ранней весны. Дней долгихъ, не хотящихъ въ ночь отходить, радость поющая, кружащая птицей солнечнокрылой надъ Волгой.

Упросилъ Антонъ въ Лазарево себя перевезти. Врачъ пожалъ плечами тогда. Сказалъ Раисѣ Михайловнѣ:

— Можно. Пожалуй, можно.

Хотѣлъ сказать:

— А не все ли равно...

И поняла. И молчала. И ушла потомъ въ моленную. И долго, колѣнопреклоненная, вглядываясь въ лики окладныхъ иконъ, прислушивалась къ шопоту размѣренному ангела памяти своей. Будто стоялъ незримый здѣсь вотъ, по лѣвую руку; книгу незримую тяжолую разогнувъ, читалъ-шепталъ. И слушала, и повторяла шопотно:

— Такъ. Да, такъ.

И читалъ-шепталъ дальше. И шептала, отъ незримаго отворачиваясь, ликамъ иконнымъ шептала:

— Да... Да... Но за что?

Великомученику Пантелеймону акаѳистъ прочитала; тишайшему заступнику предъ престоломъ горнимъ. Читала:

— Радуйся, радуйся...

Но чорныхъ враговъ, сыновъ гордыни и непокорства, внезапно въ душу запросившихся, не отогнала.

Акаѳистъ прочитавъ длинный, забыла, что взоръ ея со взорами ликовъ святыхъ слитъ, шептала думала:

— За что? За что все? За что отъ дѣтей скорбь непомѣрная? И этотъ, и тотъ, и... и всѣ... Зинаида вотъ развѣ да Константинъ. Но кто знаетъ?.. На путяхъ дѣтей врагъ. Врага чуетъ сердце материнское. О тѣхъ скорблю. Тѣхъ жалѣю. Видишь? Ты видишь сердце матери. А Яковъ? Якова душа не принимаетъ. Отъ сына-первенца отвернулась душа. Какъ чужого, его, по дому бродящаго, вижу. Ни жалѣть, ни любить... Но страшусь ненависти къ сыну первенцу. А за что? Что сдѣлалъ Яковъ? Отецъ говоритъ: примѣрный сынъ. Любитъ. Не могу я, Горе. Горе. Врагъ ли изъ сердца вырвалъ любовь къ нему, къ первенцу... За зиму съ Ирочкой хуже. Бѣсъ въ Иринѣ. Бѣсъ. Вѣрю, о Господи. И одинъ Ты можешь. Изъ рабы Твоей Ирины врага изгони. Не попусти... Не попусти надругаться до конца... Раба Антона спаси и помилуй. И помилуй. Неразуміе лѣтъ младыхъ не зачти... Помилуй, помилуй, коли спасти не восхощешь, спасти для жизни земной. Раба Виктора направь, Господи, на стезю правую. Не грѣшна болѣе, нѣтъ гнѣва противъ него. И прощаю. Прощаю. Какъ той прощаю, предъ Тобою, о Господи, предстоящей. Но направь, направь на стезю. Изыми, Всеблагій, къ первенцу изъ сердца матери злобу. Рабовъ своихъ Зинаиду и Константина не попусти...

— Раиса Михайловна! Раиса Михайловна! Гдѣ Раиса Михайловна? Гдѣ? Наверху, что ли...

Гулъ голоса испуганнаго, вихремъ по дому несущійся. Съ колѣнъ не поднялась. Вдохновенно пронзила взорами доски иконъ:

— Спасите его, спасите! Изъ души его изымите страхъ грѣховный. Раба Макара, великомученице Пантелеймоне, въ молитвахъ своихъ помяни. Рабу Макару верни разумъ свѣтлый, о, Господи.

Ницъ пала. Великомученику тропарь наизусть шептала:

— ...сокруши и демоновъ немощныя дерзости... Того молитвами спаси души наши...

Слыша Макара Яковлевича крикъ уже близкій, вышла. И изъ спальной вышла.

— Раиса Михайловна! Раиса Михайловна? Что у васъ тутъ дѣлается? Что?

— Да что такое?

— Опять звонокъ! Опять кто-то ломится. Куда вы всегда пропадаете? Лакеи ничего не понимаютъ. Того гляди, впустятъ кого-нибудь.

— Да кого же? Вѣдь, сказано...

— Это чортъ знаетъ что... Я звонки сниму. Не могу я. Боюсь я. Ни минуты покою. Сказано: никого...

— Никого и не пустятъ, Макаръ Яковличъ.

— А вдругъ пустятъ... Боюсь я. Боюсь, Раиса Михайловна.

— А вы не бойтесь, Макаръ Яковличъ. Вы бы пошли помолились. Акаѳистъ...

— Акаѳистъ! Скучно мнѣ такъ. А вы соборныхъ позовите. Я съ хоромъ молиться люблю. Пусть всенощную...

— Хорошо. Сегодня хотите?

— Сегодня? Почему сегодня? Лучше завтра. Суббота.

— Хорошо, Макаръ Яковличъ.

— Хорошо, хорошо! А тутъ въ домъ ломятся... Услѣдить не можете. Звонки какіе-то... Не самому же мнѣ всюду... Помочь человѣку надо... Работаешь, работаешь... Уйду я изъ этого дома... Справляйтесь, какъ знаете...

Плачущимъ голосомъ, но громкимъ говорилъ-жаловался. Слезливо вздохнулъ, рукой махнулъ и побѣжалъ.

Издалека ужъ:

— Садовника ко мнѣ! Садовника лазаревскаго! Каналья этотъ дровъ на свои дурацкія оранжереи изводитъ чортову прорву!... Я ему покажу. Позвать этого Мейера!

Юбками шолковыми шурша, шла обратно. Но вмѣсто слезы молитвенной и чуть гнѣвной слеза безпомощности. И слеза страха нелѣпаго. И кто-то, въ шутовской нарядъ одѣтый, на бѣломъ лицѣ ротъ безсловно открывая, вился вокругъ нея, руки простиралъ, когда шла Раиса Михайловна наверхъ, къ дочерямъ. Бѣлый въ пестромъ нарядѣ шутъ не глазамъ, но душѣ хозяйки чудиться сталъ въ стѣнахъ дома ея недавно. Не страшилась. Скукой тягостной и тоской глядѣла сквозь него. Но нынѣ на лѣстницѣ увидѣла сына Антона. Здоровый, навстрѣчу идетъ, спускается. А лицо его, какъ лицо Виктора. Виктора Раиса Михайловна много лѣтъ не видала. Но сейчасъ увидѣла лицо Антоново его лицомъ, такимъ, какимъ представляла себѣ второго своего сына. А думала о немъ часто за тѣ дни, когда онъ въ гостинницѣ жилъ. Да и видала у Яши недавній портретъ Виктора.

— Господи, оборони. Господи оборони.

Крестилась, заставляя себя одолѣвать ступени лѣстницы. То было первымъ видѣніемъ явнымъ Раисы Михайловны.

Пропалъ. Не оглядывалась. И тщилась ни объ Антонѣ не

мыслить, ни о Викторѣ, входя къ дочерямъ. Но съ Зиночкой покорной, слова говоря ненужныя, бесѣдовала напутственно съ Антономъ, съ сыномъ, дерзнувшимъ на страшный грѣхъ, съ сыномъ отходящимъ въ міръ иной.

— Пріѣдетъ ли? Да нѣтъ. Зачѣмъ отпустила? Зачѣмъ?

Живого хотѣла видѣть или мертваго. Все равно. Любила Антона уже не какъ дѣтей своихъ живыхъ.

А Антонъ въ Лазаревѣ весну встрѣчаетъ. Послѣднюю земную. Въ дому большомъ комната Антону одна, четыре стѣны. Не ходитъ Антонъ. Лежитъ. Въ кресло посадитъ человѣкъ, къ нему приставленный, и опять на кровать уложитъ. А въ креслѣ когда, у окна, весело Антону и радостно. Рѣку могучую съ горы высокой видно. Тамъ внизу снѣгъ еще. Холодно у рѣки. А здѣсь зазеленѣло. Да и елокъ много въ саду и пихтъ всегда живыхъ.

О Викторѣ думаетъ о далекомъ. И сладка греза. О Дорочкѣ думаетъ:

— Зачѣмъ же вышла замужъ за этого учителя? Она, вѣдь, меня любила... и Виктора. А вышла замужъ. Такъ не надо. Но я всего не знаю. Можетъ быть... Нѣтъ, все-таки пусть бы не выходила замужъ. Дорочка, зачѣмъ же ты такъ? Ты бы, Дорочка, лучше ко мнѣ сюда пріѣхала. И письмо такое написала.. Любишь? Нѣтъ, это какъ-то не такъ. И все у насъ не такъ...

Попъ Философъ заходилъ. Давно ужъ вмѣсто попа Ивана попъ Философъ. Веселило Антона имя это. Несуразный попъ, большой, лохматый, въ раскачку ходитъ, руками размахиваетъ. Радостный.

— Я семинаріи не кончилъ, но extemporalia самъ себѣ донынѣ заказываю. А ужъ стишки какъ люблю.

Пилъ громко чай, въ большомъ дому въ комнатѣ Антоновой сидя.

Потомъ шелъ во флигель къ управляющему пить водку.

— Ну, а какъ-же, батюшка? Илья-то пророкъ на небо взятъ живымъ?

— Живымъ.

— И съ конями?

— И съ конями, и съ колесницею.

— А кони живые были?

—Кони? Того не сказано.

Но, вѣдь, живого они его везли и колесницу въ придачу... Стало быть и кони живые. Какъ, отецъ Философъ?

— Да, стало, живые.

— А коли кони живые на небѣ, то откуда овесъ имъ тамъ?

И разводилъ руками отецъ Философъ и говорилъ, горбясь:

— Откуда? Откуда? Все это ересь. И ереси этой пошло нынѣ...

Управляющій и конторщики рады были отцу Философу всегда.

— А правда это, отецъ Философъ, что молодой нашъ баринъ руки на себя наложилъ?

— Это Антонъ-то Макарычъ? Побойтесь Бога. Сплетня, сплетня. Видѣлъ я разъ въ городу картинку святую: висѣльникъ изображенъ. Такъ лицо у его, какъ у діавола. И языкъ вотъ этакъ на сторону...

— Такъ то удавленникъ. А нашъ-то...

— А что говорю! У нашего-то, у Антона-то Макарыча, ликъ свѣтлый...

А въ большомъ дому тосковалъ Антонъ. Тосковалъ свѣтло, радостно. Стѣны городской комнаты львиной отошли. И отлетѣли сны тамошніе. Но не сознавалъ того. А радость весны здѣшней сознавалъ. Предсмертно ликовалъ и мыслью-памятью хотѣлъ закрѣпить мгновенное свое. Но молчала память. А когда говорила—говорила-шептала ненужное. Съ того дня, съ того самаго дня, когда Викторъ велѣлъ, стали мысли Антона, какъ паутина въ лѣсу; разорванная упавшей сухой вѣткой паутина. Туда-сюда паукъ бѣжитъ, давнишняго привычнаго ищетъ, не видитъ ничего и назадъ идетъ.

— Викторъ издалека пріѣхалъ. Это онъ ко мнѣ пріѣхалъ. И каждый день заходить обѣщалъ. И заходилъ. Сколько разъ Викторъ былъ? Первый разъ съ Дорочкой. А потомъ одинъ ужъ. Да заходилъ ли потомъ? Да, да, какъ же! Говорили много. О жизни говорили, и о смерти, и о Богѣ, о Томъ, Который въ небѣ, о хозяинѣ душъ. Зачѣмъ Викторъ Дорочку учителю отдалъ?

Приходили и отходили дни весенніе. По ночамъ мыслью умирающею славилъ Бога. Тропа, на небо ведущая, прямая стала и свѣтящаяся.

Когда часами чуть сильнѣе бывалъ, письма писалъ къ Дорочкѣ. Но въ конверты письма тѣ не запечатывалъ, а такъ куда-то они пропадали. И строки стиховъ печальныхъ бывали въ письмахъ тѣхъ.

Однажды послѣ полудня у окна сидѣлъ. Дивился.

— Зачѣмъ это крестьяне съ села въ садъ пришли?

Много ихъ было. Молча въ толпу плотную собрались. Громко заговоривъ что-то, руками махая, къ дому пошли. Остановились. И замолчали опять, на окно Антоново глядя. Вышелъ одинъ чернобородый впередъ и бойко заговорилъ, и лицо злое было. Словъ не разслышалъ Антонъ: окна въ дому еще по-зим-

нему съ двойными рамами. Прибѣжалъ управляющій, руками замахалъ тоже, на крестьянъ кричалъ. Дворня сбѣжалась. Изъ сада гнать тѣхъ стали. Шумно вдругъ. Слова-крики, отдѣльно вырывавшіеся, въ комнату влетали.

— Ты, чортъ, полегче! Расшибу!... Чего, братцы, на нихъ смотрѣть...

Разглядѣлъ Антонъ въ толпѣ и людей незнакомыхъ, не съ Лазарева села. И одежда не крестьянская. Подумалъ:

— Должно быть, изъ Богоявленскаго съ кожевенныхъ заводовъ.

У калитки изъ толпы, дворней тѣснимой, вырвался чернобородый, крича голосомъ истошнымъ. Люди отъ него въ стороны кинулись. Руку поднялъ.

— Да это ножъ у него... Или коса, что ли...

Старшаго конторщика догналъ прыжкомъ тяжолымъ. Повалились. Скоро поднялся чернобородый. Въ развалку шага три, и всталъ, голову опустивъ, ни на кого не глядя. А конторщикъ лежитъ. Обступили. Склонились. Кто-то шапку снялъ. Крики ли сдавленные, слова ли несвязныя. Толпа прочь изъ сада кинулась бѣгомъ. Чернобородый шагами медленными, тяжолыми пошелъ за толпой, головы не поднимая. Четверо на него изъ дворни навалились. Кушаки снимали, вязали. Увели. Четверо же конторщика понесли. За ноги взяли и за руки. Капала на дорожку кровь.

Быстро все произошло. Развернулъ будто кто-то картинку пеструю московскаго лубка и опять въ трубку свернулъ. Не страшно было Антону смотрѣть. Глаза сновидящіе не понимали правды жизни. Взоры отвелъ. Карандашемъ на листкѣ бумаги, гдѣ уже ползли вкось строки забытыя, приписалъ:

Закричать бы крикомъ страстнымъ:
Я живу, люблю, хочу...
Будто проклятъ кѣмъ-то властнымъ,
Будто чей-то долгъ плачу.
Поцѣлуи ночи сладки,
Ночи свѣтлой, тамъ гдѣ Богъ.
На землѣ мнѣ все—загадки.
Я понять людей не могъ.

Выпалъ карандашъ. Покатился. Сномъ мгновеннымъ заснулъ Антонъ, сномъ, зарумянившимъ щеки его.

Далеко на селѣ у крыльца волостного правленія крики и топотъ.

XXXIV.

Давно на Васильевскомъ живетъ. Тогда еще переѣхалъ, ранней зимой. Теперь весна петербургская въ окна задымленныя съ Невы стройно-гранитной глядитъ.

По два окна двѣ комнаты просторныхъ у Виктора. Денегъ опять у Виктора много.

— Я, Степа, подъ счастливой звѣздой родился. Счастливыхъ людей любить надо, ласкать. Около счастливаго самъ счастливымъ будешь. Счастье, оно прилипчиво. А ты тогда убѣжать отъ меня хотѣлъ и слова всякія...

— Да чѣмъ же ужъ ты больно счастливъ? Что до сегодня въ тюрьму не угодилъ? Такъ вотъ и я тоже бѣгаю.

— Нѣтъ, не то. Я про Семена. Тогда у меня нѣсколько сотенъ всего оставалось. Я ужъ раза два говорилъ себѣ: а не приняться ли о сребренникахъ думать? Да все откладывалъ. Чортъ ихъ знаетъ, какъ объ нихъ думаютъ. А тутъ отъ нотаріуса письмо: милостивый государь, такъ и такъ, двадцать тысячъ по завѣщанію. И теперь, видишь, въ какомъ дворцѣ живу. И все у меня есть. Даже маринованная корюшка. Хочешь маринованной корюшки? Ѣшь на-здоровье. Клянусь любовью, не жалко. А ты, бомбистъ ты страшный, счастливой моей звѣзды не признаешь.

— Какое счастье? Просто, богатая родня.

— А ты то пойми: вѣдь, это по старому завѣщанію. Пятнацать лѣтъ завѣщаніе лежало. А передъ смертью за полчаса онъ людей къ себѣ потребовалъ, новое завѣщаніе писать. Диктовать ужъ принялся. Находясь въ здравомъ умѣ и прочее. Только къ стѣнкѣ отвернулся; я, говоритъ, вздремну минутку. И не проснулся.

— Такъ онъ, можетъ, въ новомъ-то завѣщаніи мильонъ бы тебѣ оставилъ.

— Я и говорю: счастливая звѣзда. Ну, куда мнѣ мильонъ! Одни хлопоты. Люди бы разные глупые полѣзли, заставили бы фабрику какую-нибудь строить или пароходъ. Акціи тамъ, облигаціи. Когда бы я сталъ писать? Оно, правда, и сейчасъ я не обѣими руками пишу, но, вѣдь, кончу же когда-нибудь эту картину. Да и тебѣ было бы плохо: иначе, какъ во фракѣ, тебя лакеи бы ко мнѣ не допустили. А у тебя фрака-то и нѣтъ. Ты бы мнѣ письмо за письмомъ, допустите, ваше превосходительство, Викторъ Макарычъ, предъ свои свѣтлыя очи безъ фрака. А секретарь мой за маловажностью тѣ письма въ корзинку.

А я бы сидѣлъ и плакался: и чего это Спепка-подлецъ не идетъ. Лишній разъ бы поссорились. А мнѣ ужъ это надоѣло.

— Ну, тебя! А корюшку давай. И къ чему маринованная? Жареная вкуснѣе.

— Капиталисты привыкли разнообразить свой столъ. Жареную я вчера ѣлъ. И товарищъ Зоя ѣла. И коньякъ пили. А вино какое было! Бѣлаго вина нашелъ двѣ бутылки въ кабачкѣ. Древнее вино.

— Оставь Зою Львовну, Викторъ.

— Какъ: оставь? Не пускать ее къ себѣ?

— Не ломайся. Все понимаешь. Что она тебѣ?

— Что? Сосѣдка.

— Не то...

— Ну, Зоя милый человѣкъ, умный, умнѣе тебя.

— Вѣрю. Но однажды я тебя поколочу. Ты что затѣялъ? Одну сестру тебѣ погубить не удалось, ты за другую принялся. Вѣдь, ты не любишь ея.

Сказалъ Степа спокойно. Но передъ началомъ полной грудью вдохнулъ.

— Люблю? Не люблю? О томъ я съ мужчинами говорить не привыкъ.

— Зоя Львовна слабѣе сестры.... Не знаю, что у васъ и оттого ли... Но Николай говорилъ...

— Николай? Что Николай и почему именно онъ?

— Говорилъ, что Зоя Львовна... что видалъ ее... что она пить стала.

— Молоко? И много? Какъ это она додумалась!

— Шутъ!

— А, догадываюсь. Къ коньяку подговариваешься? Можно. можно. Сейчасъ. Смотри, какой коньякъ. Немного осталось, но пошлю купить. А то пойдемъ въ «Якорь». Да, нѣтъ, ну, его! Органъ этотъ... А Зоя, правда, любитъ смотрѣть, какъ я коньякъ пью. Насмотрится, ну, и сама будто пила.

— Оставь, говорю. Съ сестрой ты ее разсорилъ. А Юлія Львовна ей все. Друзья были. Юлія Львовна сильный человѣкъ, а по глазамъ вижу: очень это ее разстраиваетъ. Опять взглядъ у нея упорный, грустный. Ну, она-то въ дѣлѣ съ головой. А Зоя Львовна... Вотъ Николай говоритъ...

— Ахъ, неужели его превосходительство гнѣвается? А меня онъ въ уголъ не поставитъ?

— Не шути. Николай имѣетъ право. Ему поручено. И, если Зоя Львовна манкируетъ и неосторожна...

— Ладно! А когда ты Юлію видалъ?

— Днемъ.

— Сегодня? Понимаю. Отъ нея ты. И не при чемъ Николай.

— Вотъ, ей Богу, Николай говорилъ.

— Ну, а чего Юлія отъ меня хочетъ?

Взглядомъ долгимъ и сердитымъ поглядѣлъ на Виктора. Сказалъ раздѣльно:

— Юлія Львовна отъ тебя хочетъ, чтобъ ты былъ честнымъ человѣкомъ. И она даже, если это необходимо, готова съ тобой увидаться.

— Черезъ недѣлю Глѣбъ пріѣдетъ. У Глѣба всѣ увидимся. Такъ честнымъ человѣкомъ? Такъ мало и такъ много? Парламентеровъ и приказовъ не люблю. Но можешь передать, что буду честенъ даже съ вашей рыбьей точки зрѣнія. Ибо есть обстоятельство. Даже два.

— Викторъ, другъ. Я тебѣ вѣрю. Но скажи. Вотъ ты съ ней на «ты»...

— Отойди отъ меня, развратникъ! Ты забываешь, что я и съ тобой на «ты».

Степа громко сплюнулъ и, вскочивъ со стула, подошелъ къ окну. А Викторъ сказалъ вошедшей по звонку горничной:

— Вотъ такую же бутылочку, пожалуйста. Противъ воротъ, знаете?

Ушла. Повернулся отъ окна Степа. Рѣшилъ о томъ не говорить.

— Вотъ что, Викторъ. Непріятность у насъ большая. Про Варевича не слыхалъ?

— Это что онъ провокаторъ? И слушать не хочу.

— Увѣренъ въ немъ? Я такъ радъ.

— Я увѣренъ въ томъ лишь, что Варевичъ глупый щенокъ. Слѣдовательно, какъ мнѣ, такъ и всѣмъ остальнымъ должно быть безразлично, провокаторъ онъ, или не провокаторъ.

— Какъ ты странно судишь...

— Это у васъ тамъ нѣкоторые странно судятъ и рядятъ. Ни одинъ дурачокъ, ни сотня ихъ дѣла не погубятъ. А если погубятъ, значитъ организація плоха.

— Но во-первыхъ Варевичъ не дурачокъ, а во-вторыхъ, опытъ показалъ, что и дурачки опасны.

— Наше время таково, что всякій, кому не лѣнь, можетъ при нѣкоторомъ остроуміи составить списочекъ по адресъ календарю именъ изъ ста, и представить его куда не надо. И въ крайнемъ случаѣ полсотни окажутся причастны, пусть минимально. Остроуміе, говорю, лишь необходимо. Но вѣдь и отъ этой полсотни остроуміе требуется. Что же сказать объ организаціи! Не Варевичъ, такъ кто нибудь другой, а за Николаемъ,

къ примѣру, слѣдятъ и хотятъ накрыть. И Карпа, и Васильева. А надъ ними вѣдь что виситъ! Но Николай психологъ. Онъ вотъ, скажемъ, меня не долюбливаетъ, расходимся мы въ мелочахъ, ну, можетъ, и въ крупномъ въ чемъ. А вѣдь ночуетъ у меня безъ страху. И тѣхъ двухъ, когда можно посылатъ. Отдыхаемъ, говоритъ, здѣсь. И, дѣйствительно, положеніе это ихъ нелегальное какъ нервы выматываетъ. Николай отъ меня во многомъ таится. Еще-бы — правая рука. Глѣбъ пріѣдетъ, о Глѣбѣ мнѣ пустячки разные. И не выпытываю. Срокъ придетъ и надо мнѣ будетъ, Глѣбъ самъ мнѣ скажетъ. Николай чувствуетъ и спитъ спокойно. А къ Варевичу не пойдетъ. И почему то вотъ и ты не скажешь Варевичу, гдѣ Николай ночуетъ. А про Варевича съ недѣлю всего слухи эти. Ни про это мѣсто не скажешь, ни про тѣ двѣ квартиры. И раньше, увѣренъ, не говорилъ.

— Не говорилъ.

— Ну вотъ. А все психологія. На Волгѣ у насъ про Николая- бы сказали: на полъ-аршина въ землю видитъ. А Глѣбъ! Да у Глѣба на Рождествѣ здѣсь обыскъ былъ. А въ Москвѣ, можетъ, и не одинъ. А почему обыскъ? Конечно, провокаторъ какой-нибудь, или просто шпикъ. Можетъ, и десятокъ. Глѣбъ вьюнъ. Голыми руками не схватишь. Сюртукъ тогда надѣлъ, учоный знакъ нацѣпилъ, самъ въ департаментъ объясняться поѣхалъ. Кричалъ, говорятъ, тамъ. Такому Варевичъ не страшенъ. А если самъ Глѣбъ оказался-бы провокаторомъ, ну это скверно. У насъ теперь всѣхъ подозрѣваютъ. И подозрѣвайте. Но не плакаться только надо да оглядываться. Вотъ вы отъ Варевича теперь отворачиваетесь, и едва-ли ужъ такъ тонко это дѣлаете. А если онъ не виноватъ и чутокъ при этомъ, онъ или свихнется, хоть и дурачокъ, или озлобится. А тогда... Нѣтъ, вы до Глѣба отложите. А Николай въ этомъ дѣлѣ не судья. Николай затравленный звѣрь, хоть и умница. Ему лично шпикоманія его на пользу, и хвалю, а для дѣла... Войдите, войдите. А вотъ и коньякъ. Выпьемъ, Степа, за мудрость житейскую. Безъ нея теперь податься некуда. А тѣ, пожалуй, антогонисты-то наши, въ житейской мудрости посильнѣе васъ. А?

Ушла горничная. Степа сказалъ раздумчиво:

— Съ тѣмъ, что вовсе эти люди не опасны, конечно не согласенъ. Но ты не лыкомъ шитъ. У Кудряваго сидѣли позавчера. Кухарка самоваръ принесла. Всѣ мы сразу какъ воды въ ротъ набрали. Неловко даже стало. А про того же Варевича вопросъ. У тебя это гладко выходитъ. Оно, конечно, не каждаго бойся, ну да все таки. Молодецъ. Языкъ у тебя привѣшенъ вродѣ какъ у Глѣба. Идетъ! Выпьемъ за житейскую мудрость. Хорошій коньякъ у тебя.

— А мы кофе сейчасъ.

— Ну его! Сонъ гонитъ, а дѣла ночного нынѣ нѣтъ.

Черезъ полчаса Степа говорилъ:

— Люблю тебя и ненавижу.

А Викторъ, смѣясь:

— Люби и ненавидь.

На руку Виктора, пониже локтя, Степа ладонь свою положилъ. Прижалъ. И голосомъ душевнымъ:

— Нѣтъ, ты пойми. Люблю тебя, но не всего люблю. Талантъ твой развѣ я не цѣню? Эта вотъ картина тебѣ, можетъ, и не удастся. Ну, да время-то какое. На вулканѣ живемъ. А раньше! Сколько лѣтъ я тебя знаю. И за то, что ты хорошій, люблю, и за доброе сердце... Да, да. А за твое злое сердце и за то, что ты нехорошій, за это я тебя ненавижу. Да, ненавижу. За то ненавижу, что ты людей мучаешь. И все равно тебѣ, что приласкать человѣка, что замучить... Ладно, чокнемся. Да, и замучить. Вотъ хотя бы Юлія Львовна и Зоя...

— Довольно. И помни, что чувство мѣры высшій даръ боговъ. Чувства мѣры древнихъ намъ, пожалуй, не возсоздать, но...

Тамъ, во второй комнатѣ Виктора, затрещалъ звонокъ будильника. Степа спросилъ:

— Зачѣмъ? Ты на который часъ ставилъ?

— Въ половинѣ десятаго встаю теперь. Хоть сколько-нибудь утромъ поработать. А зачѣмъ сейчасъ звонитъ, чортъ его знаетъ. Половина десятаго, значитъ.

— Какъ? Ну, и засидѣлся. Прощай, милый. Ждутъ меня давно.

— Сиди ужъ. Кому ты такой нуженъ.

— Нѣтъ, я на извозчикѣ. Путь не близкій, воздухъ свѣжій. Все, какъ нужно. Прощай.

— Ну, иди, иди.

И Викторъ одинъ въ комнатѣ. Секунды. И побѣлѣло лицо его. Передъ столомъ сѣлъ опять. Бѣлое лицо въ ладони. Но подходитъ тихая, холодная Надя. Глаза закрытые видятъ ее. Некуда уйти. И сидитъ. И ждетъ.

Здѣсь, въ Петербургѣ, съ той поры, какъ одинъ, но на-людяхъ часто, Викторъ сталъ инымъ. Будто два Виктора. Съ людьми и веселъ, и здоровъ, и радостенъ. Когда одинъ въ комнатахъ своихъ двухъ, владѣетъ имъ прежняя любовь ли, болѣзнь ли, боязнь ли. Но иною уже стала она, прежняя. И когда съ нимъ она и въ немъ, гонитъ отъ себя всѣми желаніями, всѣми думами. И когда на людяхъ, ждетъ невольно часа одиночества, часа наступленія мукъ своихъ.

Тихая, холодная, въ бѣломъ въ чемъ-то, въ тогѣ ли, въ про-

стынѣ ли, въ саванѣ ли, подошла. Нѣма она, Надя. Рука руки коснулась. И только. Но заговорилъ Викторъ, зашепталъ:

— Ты про Зою. Хорошо. Не прикоснусь. Нѣтъ любви? Конечно, нѣтъ. Я же говорилъ... Какъ? вчера? Вчера она говорила. Она. Я молчалъ... Сегодня придетъ? Пусть придетъ. Все тоже. Тебя-ли? Да, тебя, тебя. Но зачѣмъ ты такая? Кто тамъ? Кто? Войдите же.

Теръ лобъ ладонями, чуялъ вихрь-холодъ удалающійся. Тяжело было и радостно слышать стукъ-знакъ приближающагося человѣка. Страшно, когда скрипятъ ворота чистилища.

— Къ тебѣ можно, Викторъ?

— Зоя?

— Рада, что ты дома. Опять ты мнѣ нуженъ. Сегодня, какъ вчера. Здравствуй, милый. Кто у тебя былъ? Къ двери подходила. Голоса. Назадъ ушла. Кто? Герасимовъ со Ставрополевымъ?

— Одинъ Степа.

Обѣими руками руку Виктора взяла. На диванъ усадила съ собой рядомъ.

— Викторъ, ты мнѣ скажешь сегодня? Скажешь?

— Говорили ужъ. Давай про другое.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не отталкивай женщину. Женщина полюбила—безгрѣшна стала; полюбила и мудра стала.

— А ты вотъ этого нѣмца почитай. Чего другого, а мудрости и геніальности ни въ одной женщинѣ быть не можетъ. И доказалъ.

— Не буду я читать этого дерзкаго мальчишку. Просто, его женщина оттолкнула. Онъ какую-нибудь нѣмочку бѣлобрысую полюбилъ, а та за офицера замужъ вышла. Онъ книгу эту дурацкую и написалъ.

— Великолѣпно! Но въ этой книгѣ и про женскую логику есть.

— Викторъ, милый. Какъ картина? Работалъ сегодня?

— Какъ же, какъ же. И стоялъ передъ холстомъ и сидѣлъ. И кисти вонъ грязныя.

Кошкой съ отоманки вскочила Зоя. Отъ окна мольбертъ тяжолый тащитъ. Передъ отоманкой поставила. Сѣла опять. Руки Виктора, холодныя, опять въ ея рукахъ.

— Знаешь, Зоя. При ламповомъ свѣтѣ на эту штуку можно еще безъ противности смотрѣть. А днемъ... Даже петербургское солнце хохочетъ надо мной...

— Сказать тебѣ хотѣла... Не разсердишься, милый? Все равно ужъ. Сегодня скажу. Сегодня-то непремѣнно. Вотъ море у тебя совсѣмъ свинцовое стало. Слушай, милый. Вѣдь, это не радость жизни, это отчаянье, страхъ, тоска, но не радость. И

никогда не обрадуются эти фигуры, какъ бы онѣ руки къ солнцу ни протягивали. Откажись отъ задачи, отъ названія, пойми себя нынѣшняго, и пусть эти лица, эти глаза закричатъ о томъ, о чемъ они такъ хотятъ кричать. Все равно, вѣдь, не улыбаться имъ, не ликовать навстрѣчу этому страшному солнцу.

Начавшій хохотать, замолкъ Викторъ. Глаза свои круглые на окаменѣвшемъ лицѣ то на холстъ устремлялъ, на нѣмой, то на лицо Зои, на заревое.

— Но послушай, Зоя...

Сжала руки его. И спѣшила-говорила:

— Я люблю. И я думала о тебѣ. Ну, и о картинѣ думала. Конечно, такъ надо. Конечно, такъ. Нѣтъ въ тебѣ радости жизни. А страхъ передъ жизнью... И не обманешь ты меня. И развѣ мало мнѣ Юлія про тебя говорила, когда изъ гостиницы изъ какой-то сбѣжала. Сюда пріѣхала, нужно ей было говорить. А тутъ сестра. Вѣдь, цѣлыми ночами подчасъ. И высказаться ей нужно было, и себя заставить вѣрить, что иначе не могла она поступить. Ну, и, кажется, спокойна ужъ давно. А пока дошла до этого, всего она тебя мнѣ разсказала. И такъ даже казалось мнѣ подчасъ, что не разсказывала, а какъ бы тебя въ меня вдохнула, тебя мнѣ отдала. Пріѣхалъ ты. Ну, и что потомъ, все ты знаешь. И изумилась я, когда эта «Радость жизни»... Но молчала я. Казалось мнѣ, не въ правѣ я. Ты задумалъ, ты и сладишь. Но тебѣ не сладить. Ну, сердись на меня! Ну, вотъ мои руки. Прибей. Искусай... Слушай, что еще скажу. Юлія бы радовалась, душой бы отдыхала, если бы ты каждую свою картину называлъ: «Радость жизни». И, вѣроятно, большинство женщинъ, если бы онѣ вмѣстѣ съ тобой... Или вотъ, какъ я... только бы ждали тебя... Радость жизни—это смѣхъ въ дому, самоваръ кипитъ, за круглымъ столомъ газету вслухъ читаютъ, рано спать ложатся... Пиши, миленькій, радость жизни. Всегда пиши радость жизни. Чего больше женѣ надо, любовницѣ, вообще женщинѣ? А что плохо выйдетъ, не велика бѣда. Зато настроеніе хорошее... Развѣ только то плохо, что голыя натурщицы у него сидятъ. Но за ними присмотрѣть можно. А то убѣдить, что одѣтая радость жизни еще лучше... Да, женщины... Но не всѣ же женщины... Искусство!.. Да я твоего нѣмца его же толстой книгой убила бы, если бы самъ онъ не догадался пулю въ лобъ пустить. Искусство... Я тебя черезъ искусство поняла и полюбила. Ты и грубъ, и страшенъ подчасъ показался бы мнѣ, если бъ не видѣла, куда взоры души твоей устремлены. Но нѣтъ. Ты былъ бы не ты... Такъ нельзя. Человѣкъ—это сложно, а артистъ—у насъ еще нѣтъ ключа къ этой грамотѣ. Я горда тѣмъ, что мнѣ не за что прощать тебя. Какъ сегодня, такъ всегда. Викторъ...

Викторъ поднялъ руку ея и поцѣловалъ. Потомъ другую тоже поцѣловалъ. Впервые. Затихла, прерывно дыша. Взоровъ не поднимала.

— Спасибо, Зоя. Но мнѣ нужно быть сейчасъ одному.

Грустящими глазами поглядѣла. Встала. Когда у двери была, онъ не на нее глядѣлъ, а на картину свою или сквозь нее. Сказала Зоя тихо. Но какъ бы приказывала:

— Викторъ, поцѣлуй меня!

Приблизился. Въ губы поцѣловалъ поцѣлуемъ короткимъ и въ глаза заглянулъ. И отошелъ. И не видѣлъ, какъ закрылась дверь.

Приходила еще разъ Надя въ тотъ вечеръ. Бѣлая, холодная, имъ убитая, не пугала безцѣльно. Опаленными глазами жадно сквозь нее глядѣлъ на большой холстъ. И неудачной своей «Радости жизни» не видѣлъ, но видѣлъ, какъ ужасаются, глядя на красно-всходящее изъ моря солнце, эти нагія фигуры женщинъ, сбѣжавшія со скалы и ноги свои ужъ купающія въ волнахъ расплавленнаго свинца, но въ холодныхъ, холодныхъ.

И съ улыбкой блѣдной и застывшей взялъ кусокъ мѣла и на волнахъ свинцовыхъ нарисовалъ въ бѣломъ идущую Надю. Между солнцемъ, зловѣще проснувшимся, и этими женщинами, къ морю сбѣжавшими, идетъ по морю бѣлая тѣнь ли, женщина ли, смерть ли. И увидѣлъ руки женщинъ нагихъ, ожидающихъ, изогнутыми мукой ожиданія неизбѣжности.

Отбросилъ мѣлъ. Шепталъ:

— Завтра... Завтра...

И кинулся на диванъ.

— Зоя, Зоя, спасибо тебѣ.

Среди ночи всталъ. На лоскуткѣ бумаги написалъ: дома нѣтъ, отворилъ дверь. Прикололъ лоскутокъ кнопкой. Заперъ. Ключъ вынулъ. Будильникъ завелъ на семь часовъ.

XXXV.

— Разруха эта пойдетъ у нихъ, что ни день, больше. Шутка ли, завѣщаніе какое вскрыли.

— Да вы, Агафангелъ Иванычъ, про то завѣщаніе знали, поди?

— Я про то завѣщаніе зналъ. Да, вѣдь, оно когда писано-то! Въ младыхъ годахъ чего не понаписываешь. Я ему сколько разовъ: переписать, молъ, надо. Конечно, говоритъ, перепишу. Анъ, вонъ оно какъ! Въ животѣ да въ смерти Богъ воленъ. Вѣдь, въ тѣ поры какъ? Въ тѣ поры хошь такое завѣщаніе,

хошь другое какое пиши, все единственно. Темна вода во облацѣхъ, и не разобрать было никого, кто къ чему себя приспособляетъ. Корнутъ, скажемъ, Яковличъ; онъ намъ себя годика три всего какъ показалъ. Ну, Макара-то Яковлича и ранѣе насквозь можно было разглядѣть. Онъ рта не закрываетъ, въ минуту словъ сколь хошь наговоритъ. А такого-то нешто долго раскусить. Про Раису Михайловну ничего не скажу. Ума палата, не трещотка. Конечно, по купечеству оно, можетъ, и не ладно братниной супружницѣ пай такой, ну, да все жъ таки горюновскую-то свою закваску, поди, не всю растрясла, съ Макаромъ живучи. Нѣтъ, эта деньгамъ счетъ знаетъ. А такого, можетъ, и не подойдетъ, чтобъ Макаръ-то всѣ свои ухнулъ. А то, конечно, отдать бы привелось.

— А что, Агафангелъ Иванычъ, не оспариваютъ они завѣщаніе-то? Слухи тогда прошли.

— Оспоришь его! Да и то посчитать надо; всѣ, вѣдь, врозь. Да-съ, завѣщаньице. На три, говоритъ, части добро раздирайте. Макару, Корнуту да Раисѣ.

— Ну, все же таки и племянникамъ.

— А я про что? Три пая, такъ три пая. А то, вѣдь, какъ! Перво-на-перво сыну полмильона, ну, дочери часть поменѣе. Потомъ племянникамъ всѣмъ и племянницамъ по двадцать тыщъ. Ну, тамъ на разное на богоугодное по мелочамъ. А потомъ, говоритъ, на три части раздирайте. Вѣдь сына-то онъ полмильономъ обидѣлъ? Такъ ли? Отъ такихъ-то денегъ? Онъ, стало, Никандръ-то, дѣлу желѣзному не слуга. Долговъ у него поболѣе ста тыщъ. Ну, конечно, по дурости. Набралъ-то онъ, можетъ, двадцать всего. Да тѣ не сплошаютъ. А разъ ему чуть не четверть отдавать приводится, онъ и деньгамъ не радъ. А тутъ еще обида кровная. Нешто Никандръ на такія деньги разсчитывалъ? Ну, и протретъ онъ глаза денежкамъ. Ты, коли такъ, сыну ничего не оставляй; коли знаешь, говорю, что за человѣкъ. А какъ знать-то было? Чуть не за двадцать лѣтъ писано. А племянникамъ по двадцать тыщъ. Вѣдь, смѣхъ сказать. Что капиталъ-то дробить! Я ему говорю, и недавно ужъ то было, десять разъ, говорю, ты по двадцать тыщъ, тамъ написалъ. Это, говорю, не деньги будутъ, а соръ. Макаровичи вотъ всѣ кто въ лѣсъ, кто по дрова. Ты, говорю, имъ по полмильончику, ну, по двѣсти тыщъ, или выбери, да одному хорошій пай. А то, вѣдь... Я, говоритъ, перепишу. А къ концу-то и вовсе смерти забоялся, про завѣщаніе ни-ни.

Задохнулся старикъ Рожновъ древній, закашлялся. Дочь ему ко рту чашку поднесла. У стола молча нѣсколько человѣкъ сидятъ, ждутъ. Родня больше. Но и купцы. Краснаго де-

рева мебель старая въ горницѣ, и порядокъ давній. День хорошій надволжскимъ солнцемъ въ окошки глядитъ. Заѣзжій купчикъ московскій, румяный, тихій, чуть бородка у него, минутку выждалъ, спросилъ:

— А что, Агафангелъ Иванычъ, всѣмъ онъ племянникамъ по двадцать тысячъ? То-есть, поименно ли, или всѣмъ вообще, какіе окажутся?

— Всѣмъ, милый человѣкъ; всѣмъ, Павелъ Иванычъ... такъ, кажись, по батюшкѣ величать?..

— Такъ, Агафангелъ Иванычъ.

И купчика лицо пуще зарумянилось.

— Всѣмъ, всѣмъ племянникамъ и племянницамъ. Глухо сказано. А всѣмъ, всѣмъ. Макаровичи вотъ всѣ получаютъ. А въ тѣ поры молодшенькая-то и не родилась еще, Ирина-то Макаровна... Грѣхи, грѣхи. Слухъ идетъ про Ирину...

— А что?

— Да такъ... И не наше то дѣло. Своими очами не видалъ.

— Такъ всѣмъ племянникамъ, какіе есть, Семенъ то Яковличъ?..

— Всѣмъ, какіе ни-на-есть... Да ты куда, батюшка? Трапезовать будемъ.

— Нѣтъ ужъ, пора мнѣ очень. Простите. Въ другой когда разъ.

— Прости, батюшка, Павелъ Иванычъ, и ты, коли такъ. А то посидѣлъ бы. Ужъ не прогнѣвайся, ни до воротъ провожать, ни до дверей даже не могу. Годы мои такіе. Скоро съ креселъ и въ постель на рукахъ таскать станутъ. Ну, да покамѣстъ въ постель-то я самъ. Хе-хе. Прощай, свѣтлый мой. Обличье твое, Павелъ Иванычъ, не то знакомо мнѣ, не то просто по сердцу пришлось. Ну, живы будемъ, повидаемся.

Распрощался. Вышелъ. Извозчика за угломъ кликнулъ.

— На вокзалъ. Да поживѣе.

То былъ не Павелъ Иванычъ, а Павелъ Вячеславовичъ, сынъ Вячеслава Яковлевича, изъ Сибири вышедшаго, живущаго въ Москвѣ подъ фамиліей Новоземовъ. Поселенческая фамилія. Вячеславъ Яковлевичъ сына старшаго Павла на Волгу тайно посылалъ разузнать про Семеново завѣщаніе.

— Коли то воля брата, и по закону и тихо все, безъ судовъ, то нѣтъ моего запрета. А сорокъ тысячъ въ Москвѣ вотъ какъ пригодятся. Адвокатъ одинъ, изъ нашихъ онъ, безъ шуму, говоритъ, можно. Бумаги только представить. А ты съѣзди. Коли зря все наболтали, что намъ бумаги-то писать да посылать. Объявляться намъ безъ толку не резонъ. А коли такъ все окажется, какъ слухъ прошелъ, вы съ Петромъ помимо меня по-

лучите. А тамъ на Волгѣ, ни въ судъ, ни къ кому не суйся. На то Рожновъ, Агафангелъ Иванычъ. Отошелъ онъ отъ нихъ давно но дѣла всѣ знать должонъ.

Теперь, узнавъ, въ Москву поспѣшилъ Павелъ, и дня не пробывъ здѣсь. Радостными глазами на Божій день глядѣлъ, про то думалъ, какъ отецъ порадуется; про то еще, какъ тѣмъ, московскимъ, скажутъ они. И вопросъ одинъ разрѣшится скоро. Дню солнечному улыбался Павелъ и старался ясно-ясно увидѣть здѣсь вотъ голову сѣдую отца, взглядъ его строгій и любящій. Любилъ отца завѣтною любовью. Жизнь завѣщала.

По съѣзду на извозчикѣ же Яша поднимался. Скучающій и злой, Павла увидѣлъ, встрѣчнаго человѣка.

— Ишь, румяный! Въ свое удовольствіе живетъ. Навѣрно, купчикъ московскій, и самъ капиталами ворочаетъ. А, можетъ, и коммерческаго училища не кончилъ.

Ѣхалъ Яша съ Торговой. Думы нудныя съ собой везъ. Про Павла, про незнаемаго брата двоюроднаго своего забылъ въ минуту. Жаль Яшѣ дома нижней бабушки на Торговой. По комнатамъ, когда-то знакомымъ, побродилъ тамъ. Узнать не можетъ ни одной. Рамы вынуты ужъ; двери сняты. Паркетъ вездѣ поднимаютъ. А на стѣнахъ ничего, и гдѣ картины были, тамъ четыреугольники-пятна глядятъ испуганно. По комнатамъ пустымъ побродилъ. Долго отчищалъ потомъ Яшу дворникъ. Алебастромъ забѣлили Яшу. Потолки ужъ рушить начали. И дворникъ былъ сердито молчаливъ. Потомъ сказалъ, глядя не на Якова Макарыча, а на конуру безъ собаки:

— И къ чему? Домъ прочный, хорошій. Эка, какой домъ. Стоять бы ему да стоять. Къ тому же отсюда родъ весь пошелъ.

Смолчалъ тогда Яша. А теперь, ѣдучи въ гору, тусклой мыслью думалъ:

— Откупилъ домъ. Старье, говоритъ, поковеркать люблю. Новый домъ поставлю въ пять этажей, доходный. Доходный. Держи карманъ! А мнѣ-то что?

И сталъ думать о братѣ Константинѣ, о младшемъ.

— Оттѣсняетъ Коська. Мамашинъ любимецъ. И инженерство свое отложилъ. По банкамъ его посылаютъ, и раздѣлъ этотъ дурацкій, все онъ. Съ Корнутомъ торгуется. Пріиски эти, чтобъ ихъ чортъ взялъ, Корнуту спустить обѣщалъ. Да я бы развѣ... Нѣтъ, maman что надо? Молчи и не прекословь. Туда вездѣ тихоню этого, а старшій сынъ поѣзжай присмотрѣть, какъ бабушкинъ домъ валятъ.

Еле подвигалась лошадка. И еле думалъ Яша думы свои. Скучно ему. И ничего ужъ сильно не хотѣлось.

— Въ Лазарево развѣ махнуть? Ну, его! Убьютъ тамъ, того гляди. Времена тоже!

Къ дому опостылѣвшему подвезла лошадка извозчичья.

— И чего я здѣсь торчу! Эхъ, былъ, вѣдь, я когда-то сильный...

— Эй, эй! Сворачивай!

Изъ воротъ отцовскаго дома карета. Кучеръ лошадей нахлестываетъ. Помчалась направо по улицѣ. Успѣлъ разглядѣть Яша кучера Корнутова и то еще, что въ каретѣ будто никого нѣтъ. А на козлахъ лакей. Дворника злымъ крикомъ спросилъ:

— Что такое?

— Корнута Яковлича карету за докторомъ погнали, Яковъ Макарычъ.

Не сталъ разспрашивать. Походкой лѣнивой черезъ дворъ пошелъ къ чорному ходу. Въ дому узналъ скоро, отъ слугъ сначала, потомъ Зиночку бѣгущую встрѣтилъ.

— Съ Ирочкой плохо. Въ ванной комнатѣ наверху заперлась; кричитъ тамъ, плачетъ и, слышно, бьется въ истерикѣ. Дверь ни открыть, ни выломать не могутъ. Дядя Корнутъ съ визитомъ пріѣхалъ, изъ Москвы новую невѣсту привезъ. Карету его за докторомъ послали.

Поспѣшилъ туда Яша. Издали ужъ слышалъ крики разноголосые и стуки. Въ корридорѣ толпа. Раиса Михайловна съ лицомъ блѣднымъ, спиной къ стѣнѣ прижавшись, стоитъ. Голову опустила, руки сжала. Молчитъ. Корнутъ Яковлевичъ, съ лицомъ краснымъ, кулачками въ дверь запертую стучитъ, другихъ отъ двери злобно отпихиваетъ, повторяя:

— Она мнѣ откроетъ! Говорятъ вамъ, она дядѣ открыть должна. Не посмѣетъ ослушаться. Я ей дядя родной.

Костя улыбается хитро, на дядю глядя. Зиночка опять прибѣжала. Кое-кто изъ слугъ безъ дѣла стоятъ тутъ же. У Татьяны Ивановны въ рукахъ дрожащихъ пузырьки аптекарскіе.

Изъ-за двери дубовой хохотъ привизгивающій слышенъ истеричный. Участился грохотъ Корнутовыхъ кулачковъ. Ирина за Дверью:

— Ха-ха ха! Не сломаете. Не дамся! Убить себя хочу, какъ Антоша.

И, слышно, не то упала, не то на полъ повалила тяжолое что-то.

Вслѣдъ за лакеемъ чиннымъ чорный человѣкъ въ платьѣ засаленномъ.

— Слесарь... Слесарь...

Къ замочной щелкѣ нагнулся, Корнута локтемъ отстра-

нивъ, съ незамѣтной усмѣшкой покосившись на кулачки его, сверкающіе камешками перстней.

— Ключъ оттеда. Отмычка не возьметъ. Ножовкой замокъ выпилить можно. Прикажете? Только ножовки со мной нѣтъ.

— Какъ нѣтъ, сукинъ сынъ!

— Такъ что сказано мнѣ было: замокъ отомкнуть. Отмычки вотъ онѣ со мной. А тутъ дверь ломать надоть. Статья другая. А вы не ругайтесь.

Къ Корнуту спиной повернулся. Раисѣ Михайловнѣ почтительно:

— А то прикажите топоръ принести. Топоромъ живо филенку высадить возможно. Только, конечно, шумъ и непорядокъ-съ.

За дверью тихо уже. Слышно къ двери подошла Ирочка. Къ разговору будто любопытно прислушивается.

— Докторъ! Докторъ!

Шагами быстрыми докторъ подошелъ. Доктора Райченко у подъѣзда психіатрической больницы карета захватила.

Раисѣ Михайловнѣ руку подалъ. Глазами добрыми, умными оглядѣлъ всѣхъ сквозь очки.

— Зачѣмъ такъ много народу?.. Да, да. Всѣ уйдите... Да, и вы. Всѣ. Одинъ я.

Громко говорилъ передъ тихой дверью. Бороду свою русую ладонью поглаживалъ. Высокій, чуть тучный.

Съ вечернимъ поѣздомъ повезъ докторъ Райченко Ирочку въ Москву, помѣстить въ частную лечебницу. Просила только, чтобъ въ каретѣ на вокзалъ ѣхать. И никто чтобъ не провожалъ и не прощался. И когда по дому пойдетъ, чтобъ никто-никто не встрѣтился.

А Макаръ, по залѣ бѣгая, на Корнутову невѣсту испуганно поглядывая, на особу, никому въ городѣ невѣдомую, плакался жалобно:

— Да зачѣмъ ее въ Москву? Да что жъ это такое? Раиса Михайловна, Раиса Михайловна! Пусть Ирочка ужинать идетъ. Пусть икорки поѣстъ свѣженькой; все у нея и пройдетъ... Икра у меня, Корнутъ! Такой икры давно не было.

XXXVI.

На обледенѣлыхъ баррикадахъ московскихъ третій день щелкаютъ револьверы и ружья. Крича объ убитыхъ сомнѣніяхъ совѣсти, сосредоточенно злы лица солдатъ. И не заглядываютъ въ тѣ лица молодые и старые командиры, когда говорятъ короткія приказывающія слова.

Держатся, сколько можно, и, почуявъ неминучее, разбѣгаются дружинники. Быстры темныя фигуры. Молодежь весела. Захватило дѣло. Тѣшитъ новизна, тѣшитъ рѣшимость и то еще, что пока такъ мало убыло изъ нихъ. Немало и немолодыхъ дружинниковъ.

Скорымъ шагомъ идя, на перекресткѣ окликнулъ Глѣбъ человѣка, башлыкомъ укутавшаго голову. Глаза чьи-то помолодѣвшіе подъ башлыкомъ сверкнули. Борода инеемъ и сѣдиной поморожена.

— Хорошо, хорошо, Глѣбъ. Оно и пора. Пріустали. Кого увижу, всѣхъ по квартирамъ.

Черезъ полчаса, входя въ домъ на глухой улицѣ, Глѣбъ говорилъ юному совсѣмъ дружиннику, держа его за локоть:

— Очередь! Очередь, товарищъ. Ну, куда вы годны будете послѣ пятнадцати-то часовъ!

-- Да никакой усталости...

— Вѣрю. Но это внѣ насъ. Внезапная слабость... Потускнетъ вниманіе... Нѣтъ, сонъ, сонъ... Нѣсколько часовъ сна. Не одна наша группа на работѣ. Не бойтесь.

По грязной лѣстницѣ поднимались, свѣтя элекрическимъ фонарикомъ.

Въ большой трехъоконной комнатѣ человѣкъ шесть дружинниковъ. Не громко, но живо бесѣдовали.

— Ждетъ кто-нибудь?

— Да, тамъ.

— Дама въ ротондѣ?

— Да

По корридору прошелъ Глѣбъ въ комнатку маленькую. Со стула навстрѣчу поднялась Дарья Николаевна Боркъ.

Шопотно говорили. Трепетала вся, въ ротонду бархатную темно-голубую кутаясь, лицо красивое въ бѣлый мѣхъ пряча, въ пушистый.

— ...Ну, этого не бойтесь, Дарья Николаевна. Не можемъ требовать отъ васъ того, что претитъ вамъ. Это, вѣдь, и мнѣ претитъ. Пока только разговорами разными, слухами, баснями старайтесь ихъ убѣдить вотъ въ этомъ. Бумажку вотъ эту изучите. Тутъ все такъ подстроено, что, если убѣдить, на недѣлю они по ложнымъ слѣдамъ пойдутъ. А мы тѣмъ срокомъ... А убѣдить... Въ этомъ женщину учить не приходится. Намекъ, еще намекъ... Въ разговорѣ, въ спорѣ такъ сказать, будто и не вы сказали, а чтобъ тѣ, другіе, вѣрили, что они до этого сами додумались. А у васъ тамъ теперь шампанское рѣкой. Такъ, вѣдь? Вѣдь, больше, чѣмъ когда-либо?

— Да.

И замолчала. И склонила голову. Онъ улыбнулся улыбкой спокойной. И тихо, ровно:

— Ну, справитесь. Вѣрю. И потомъ тотъ, вѣдь, вамъ мужъ. Разныя минуты найдутся, чтобъ шепнуть: «Не тамъ ли поискать? Не туда ли направить»? Пусть домовъ десятокъ разгромятъ. А здѣсь, въ бумажкѣ, все. И съ достаточной вѣроятностью. И, пожалуйста, о численности. Очень важно. И, конечно, повѣрятъ... Вотъ еще что, Дарья Николаевна. Въ Петербургъ послать намъ нужно человѣка. Наши всѣ здѣсь нужны. И рискъ большой. А если бы вы взялись, тѣ бы вамъ свиту дали, доставили бы. Вамъ только сказать: «боюсь я здѣсь и во что бы то ни стало въ Петербургъ меня отвезите». Подумайте-ка и завтра мнѣ отвѣтъ.

— Мнѣ не удастся еще разъ придти сюда.

— И не надо, и не надо. Мы опять черезъ того. А въ Петербургъ не завтра, дня черезъ четыре, если здѣсь пойдетъ, какъ я разсчитываю. Да и успѣть вамъ нужно про то имъ наговорить. Ну, пора вамъ. Счастливо! Товарищъ Карпъ проводитъ.

Шли двое по тихимъ улицамъ минутъ двадцать безсловно. Пушка далекая громыхала вздохами. Повидѣлась фонарями озаренная площадь. Карпъ во тьму назадъ нырнулъ. Одна дошла Дарья Николаевна до воротъ дома большого. Солдату слово сказала. Мало минутъ ожидала. Въ квартиру Настасьи, вдовы Семена Яковлевича, поѣхала. Силуэты двухъ конныхъ жандармовъ видѣла сквозь замерзшія стекла дверей кареты.

Полковникъ Боркъ въ прихожую выбѣжалъ.

— Отвезла племянницу? Устроила?

— Да.

— Что такъ долго? Безпокоились.

— Задержали у генерала.

Въ столовой говоръ громкій, разноголосый. Звонъ стеклянный. Отъ стола, гдѣ много людей, сверкающихъ серебромъ и золотомъ галуновъ, пуговицъ и эполетъ, отошла Настасья, хозяйка; сына Никандра къ окну отвела, голосомъ рѣзкимъ, пьянымъ ему говорила, забывая, что могутъ слышать ее, а, можетъ быть, и не забывая того.

— Не смѣй матери прекословить! Тебя кто въ люди вывелъ? Не видать бы тебѣ этого мундира, какъ своихъ ушей. Не знаешь главнаго, потому и разошелся. Мальчишка! Смотри. Вотъ мой женихъ. Черезъ мѣсяцъ наша свадьба въ Петербургѣ, понимаешь? И чтобъ къ утру обѣ тѣ довѣренности были тобой подписаны.

Жестомъ сценическимъ указала изъ полумрака, подъ пальмой стоя, на тучнаго генерала съ лицомъ багровымъ. Сидѣлъ грузно у стола, вилкой скатерть забвенно царапая.

— Понимаю. Давно бы такъ!

И, щелкнувъ каблуками, корнетъ Никандръ подошелъ къ столу, глазами разгорѣвшимися пытаясь встрѣтиться со взглядомъ Дарьи Николаевны, вошедшей въ бесѣду офицеровъ.

— У генерала сейчасъ говорили...

— Господа, silence!

XXXVII.

Морозный день бѣлый въ окна глядѣлъ, Неву снѣжную искря. Передъ картиной сидѣлъ Викторъ, ноги вытянувъ, спину прижавъ къ подушкѣ. А тамъ на диванѣ на широкомъ Зоя. Влѣво голову ей чуть склонить надо, и видитъ голову русую Виктора. Холстъ между ними. Не смотритъ Викторъ на Зою. Въ никуда смотритъ грустью забвенной, ужаснувшейся.

— Не бойся, Викторъ, грусти своей. Такъ естественна она теперь, грусть твоя. Всѣмъ грустно. Всѣхъ, какъ камнями, завалило. Грусти, тоскуй, но не бойся. А ты боишься. Страхъ я въ глазахъ твоихъ вижу.

Голову склоняла, чтобъ видѣть лицо любимаго. Молчалъ.

— Викторъ. Да. Это тяжело. Будто въ могилу дорогого кладутъ. Да что: будто! И то кладутъ, скольких кладутъ. И вмѣсто панихиднаго пѣнія дикари воютъ. Пляшутъ грязные, кровью перепачканные, и воютъ. Извѣстія эти и меня полумертвою сдѣлали. За людей страшно. И не вѣрится ужъ... Николай вотъ не унываетъ. Николай стальной. Чѣмъ больше, говоритъ, мучениковъ, тѣмъ крѣпче стѣны новыя стоять будутъ. Но многіе вчера ужъ молчали. Ангелъ смерти летаетъ. Но не страшись, не страшись! Знаю тебя. Ты печалью своей, ты слабостью своей силенъ. Слышишь? Ты силенъ. А кто силенъ, тотъ не трусъ. Викторъ! Викторъ! Я страхъ въ глазахъ твоихъ вижу. Я не хочу ошибиться въ тебѣ, Викторъ. Не могу. Покажи мнѣ себя настоящаго. Проснись, Викторъ.

Встала-вскочила съ дивана, глазами бунтующая. Рукою нетрепетною по волосамъ его русымъ провела. И въ глаза любимаго заглянула сверху. Какъ съ крыши въ окна чердачныя дома опустѣлаго, разгромленнаго.

Молчалъ. Не двигался. И отошла, затихшая. Пальцы длинные свои, бѣлые сжала.

— Это я его убилъ.

Сказалъ, туда же глядя въ свое.

— Кого? Что? Викторъ... Викторъ...

— Я брата убилъ.

— Брата?

— Братъ Антонъ умеръ. И это я его убилъ.

Подошла-подбѣжала. За руку взяла. Рука холодная никакъ не отвѣтила. Голосомъ вспоминающимъ Зоя:

— Твой братъ? Антонъ? Это тотъ, который стрѣлялся? Юлія тогда говорила. Вскользь говорила... Въ чемъ дѣло, Викторъ? Почему ты? Не мучь себя. У тебя умъ мѣшается. Скажи, скажи все. Я успокою. Ты самъ надъ страхомъ своимъ улыбнешься.

— Антона я убилъ. Брата Антона. Раньше когда-то сестру убилъ... Надю...

И имя то Викторъ прошепталъ шопотомъ дрожащимъ.

— Она недолго прожила бы. Можетъ быть, полгода еще, можетъ быть, мѣсяцъ или день одинъ. Но все же я убилъ Надю...

Опять шопотно мертво звякнуло слово это. И въ никуда, въ свой близкій ужасъ смотрѣлъ Викторъ, и не видѣлъ Зою, и ей-ли говорилъ:

— Убилъ. Она сама тогда сказала. И благодарила. И цѣловала. Но убилъ. Этотъ жилъ-бы. Антонъ жилъ-бы. Антонъ здоровый. У Антона не день отнялъ, не мѣсяцъ. Убилъ, и полъстолѣтія отнялъ. Наши, коли съ-молоду здоровы, по-долгу живутъ. Та одна была, и ужасъ смертный. И тяжело было. Теперь ихъ двое. Оба придутъ. И не отойдутъ, пока... Страшно мнѣ.

— Викторъ, это ты первую свою картину вспомнилъ... Юлія говорила.... Amor...

— Никакой такой картины не было. А та была, она... она. И нынѣ, и всегда. А теперь ихъ двое. Убилъ и не отойдутъ... Убилъ.

Говорилъ голосомъ тусклымъ, но ровнымъ. Будто читалъ слова, на холстѣ написанныя, на картинѣ неоконченной своей.

— Викторъ! Что говоришь? Ничего этого не было. Юлія говорила...

— Юлія не знаетъ. И ты не знаешь. А я знаю. И нельзя вернуть. А брата Антона я дважды, можетъ, убилъ. Нужно мнѣ было съ нимъ быть. Тогда-бы онъ живой умеръ и радостный. А теперь тамъ, одинъ онъ раньше смерти умеръ. Онъ мертвый умеръ. Я и ту дважды убилъ. И ту дважды. Но тогда не то...

— Викторъ! Викторъ!

— А теперь хочу быть одинъ. Ну, не одинъ, а чтобъ ты ушла.

Улыбкой мертвой улыбнулся.

— Я не уйду.

Молчалъ, взоромъ тусклымъ, упорнымъ тѣша рожи стариковъ, кривляющихся на этюдныхъ холстикахъ. Потомъ всталъ.

Оглядѣлъ все вокругъ. Повыше локтя рукой руку Зои взялъ. Повелъ къ двери молча. Упиралась.

— Я здѣсь... Нельзя тебѣ одному... Ай, больно!

Велъ. Передъ дверью сказалъ:

— Позову тебя. И не бойся.

— Викторъ...

— Теперь уйди.

Вывелъ. Дверь заперъ. За дверью говорила. Не слушалъ. Голосомъ спокойно-громкимъ сказалъ:

— Позову. Позову.

Одинъ. И беззвучны стѣны. И дверь въ ту комнату, въ другую открыта, гдѣ кровать. И во всѣ окна свѣтъ искренній, морозно-солнечный. И къ ближнему окну подошелъ. Смотрѣлъ и не видѣлъ. Отошелъ. Ящикъ стола выдвинулъ, письмо вынулъ. Перечитывать сталъ, и опять къ окну. Слезы закапали. И сквозь слезы увидѣлъ снѣжно-искрящуюся мертвую Неву и чорный живой потокъ моста поперекъ. Извонки вагонные услышалъ. И какъ-то мгновенно принялъ въ себя безучастно-наглую жизнь каменной столицы, не хотящей знать о судорогахъ его души, не хотящей знать также и о судорогахъ всей страны, туда, на востокъ безмѣрно разстилающейся, безмѣрно и нелѣпо страдающей. Понялъ мгновенно и мгновенно забылъ. И, будто завидѣвъ вверху, въ просвѣтѣ дымнаго неба, кого-то могущественнаго и милостиваго, на колѣни опустился, лобъ къ доскѣ подоконника прижавъ. Молился-ли, радовался-ли слезамъ, звѣздамъ души.

Когда поднялся, сурово лицо было. Отраженіе чуть замѣтное свое въ стеклѣ окна увидѣлъ. Отъ снѣжно-морознаго, отъ яркаго отвернулся и отъ наглой суетни моста. На палитру краски изъ олова выдавливая, думалъ-шепталъ:

— Погодите. Я еще не трупъ. И ты погоди. И ты тоже. Вотъ солнце свѣтитъ. Этотъ часъ тоже хорошъ.

Передъ картиной стоя, глазами зрѣнія, но не глазами души, искалъ и находилъ нужное картинѣ своей, своему «Страху жизни». Въ гармонію ушелъ отблесковъ багроваго на морѣ солнца. И на волнахъ отблески тѣ, и здѣсь вотъ, близко, на плечахъ, на воздѣтыхъ рукахъ женщинъ нагихъ, со скалы только-что сбѣжавшихъ. Но не хотѣлъ видѣть ее, бѣлую, по морю идущую Надю. И не видѣлъ. Часъ ли пролетѣлъ, больше-ли. Раньше срока истомившійся, радовался сумраку быстрому сѣвернаго неба. Не вытеръ, бросилъ кисти куда-то. Не любуясь, не томясь, не видя картины своей, сидѣлъ опять, ноги вытянувъ, затылокъ на спинку кресла положивъ.

Пришла; межъ нимъ и холстомъ встала Надя. Привычно

вздрогнулъ, увидѣвъ бѣлую, дважды мертвую. Глазъ ея не искалъ, таящихся.

— Одна? Я думалъ... Я ждалъ. Стерплю, если нужно. Но, вѣдь, не жалѣешь же ты меня теперь. Давно ужъ. И не ты его не пустила. Не идетъ, значитъ... Хорошо, хорошо, не буду такъ. Каюсь я... Хорошо... Придетъ?

Затихъ, ладонями глаза закрывъ. Минуты звенящія. И слышалъ шорохи дома. Шаги на ступеняхъ лѣстницы. Мимо. Минуты звенящія. Шаги. Сюда. Остановилась женщина: платье женское шептать перестало.

— Кто тамъ?

— Это я.

— Не узнаю. Кто? Ко мнѣ?

— Это я... Дарья Николаевна.

— Дарья Наколаевна?.. Да, да! Войдите же... Сейчасъ-открою.

Ротонда темно-голубого бархата. Лицо тихое, привыкшее глаза страдающіе смирять. Заговорила. Снѣжинки на воротникѣ бѣломъ испуганно заплакали.

— Мнѣ Николая нужно. Николай дома?

— Николай здѣсь не живетъ.

— Какъ? А тогда?..

— Тогда онъ лишь назначилъ вамъ здѣсь, Дарья Николаевна. Никогда здѣсь не жилъ. Здѣсь я живу.

— Да? А мнѣ такъ нужно видѣть... Вы адресъ знаете?

— Вы опять отъ Глѣба? Скажите, Глѣбъ живъ? На свободѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ узнали о побѣгѣ, ни одной вѣсти.

— Мнѣ нужно видѣть Николая... А Глѣбъ?.. Глѣба на утро не станетъ... Насколько знаю... Гдѣ Николай?

— Бѣдный... Такъ вотъ оно какъ... Николай? Знаю два адреса Николая. И то ночевки только. А сейчасъ день. И туда идти вамъ, пожалуй, что и неудобно. То-есть, въ этомъ вашемъ видѣ. Онъ потому и тогда здѣсь назначилъ. Стойте! Ждите здѣсь, а я Степу пошлю. Въ одной то квартирѣ изъ тѣхъ я и самъ не былъ ни разу. Такъ Степѣ удобнѣе. Степа близко. Навѣрное дома. Привезетъ Николая сюда. Вы Степана знаете?

— Легальный? Герасимовъ? Слыхала... Я сяду. Извините... Нельзя ли чашку чаю...

— Вы озябли? Дрожите... Чай... Я на кухнѣ спрошу... Не знаю. Хотите рюмку коньяку... и портвейнъ есть.

— Дайте... Нѣтъ портвейну лучше. Да. Озябла. Нѣтъ, не то, не то. Пошлите же за Николаемъ.

Пригубивъ и рюмку держа въ рукѣ, а съ руки не стянула перчатку, сидѣла на отоманкѣ. Скорбные глаза, хотѣвшіе плакать, глядѣли не моргая. Ротонда темно-голубая распахнулась.

Писалъ письмо Викторъ, спрашивая.

— Вы въ каретѣ?

— На извозчикѣ.

— Хорошій? Рысакъ?

— Кажется.

— Не отпустили?

— Ждетъ.

— Съ нимъ пусть Степа и поѣдетъ за Николаемъ. Далеко это. И записку съ нимъ. Я сейчасъ.

Выбѣжалъ. И скоро обратно. Дышалъ тяжело.

— Послалъ. Если Степа не дома, извозчикъ сюда, и скажетъ внизу. Но застанетъ, я увѣренъ... Что съ вами?

Качала мѣрно головой, рукою лобъ подперевъ. Со шляпы на перчатку падали слезы-кончины умирающихъ снѣжинокъ. И съ перчатки падали на чорное платье, на колѣни. Не переставая качать головой, какъ бы убаюкивая, говорила, едва вникая въ его слова:

— Что со мной?.. Что со мной?..

— Глѣбъ?.. И эти ужасы...

— Нѣтъ, не то. Не то... Конечно, и то... Но...

— Дарья Николаевна...

— Мой мужъ... Поймите: мой мужъ... Это ужасно. Ужасно! Онъ звѣрь... Хуже, хуже. Палачъ. Я шла на это. Но я не знала. О, какъ тяжело. Не могу больше. Я не поѣду домой сегодня. Никогда не поѣду. Сегодня онъ... Вчера... Если увижу его хоть на мигъ, все скажу, не смогу. Въ лицо плюну. И тѣмъ всѣмъ...

Такъ же мѣрно убаюкивала голову свою красивую. И еще падали на чорное платье быстрыя смерти снѣжинокъ. Стоялъ передъ женщиной Викторъ. Вотъ съ отоманки взялъ одну изъ трехъ подушекъ устѣнныхъ, на полъ кинулъ. Сѣлъ. И поняла, что ее слушаетъ человѣкъ. И, укачивая голову свою мѣрно, слова печали неповторимой говорила.

— Мнѣ? Мнѣ жребій этотъ? Зачѣмъ? Не могу больше. Тѣ свободны, тѣ счастливы всѣ. Таятся, но честно таятся. И честно на смерть идутъ, когда надо. А мнѣ всегда лгать? Душой не лгу, но подчасъ такъ словами лгу, что душа не вѣритъ. Гдѣ я? Я настоящая? Мнѣ... Мнѣ тѣломъ лгать надо. Тѣломъ... Я женщина. За что? Гдѣ Николай?

Сидѣлъ на подушкѣ Викторъ, колѣни поднявъ, руками ихъ охвативъ. На Дарью Николаевну не глядѣлъ уже. Но свое видѣлъ, близкое, неизбѣжное. И въ своемъ неизбѣжномъ видѣлъ женщину, баюкающую свою голову старѣющую, но прекрасную. Ненадолго еще прекрасную. Сумеречный часъ сквозь стекла лилъ свое. И тушилъ жизнь дня.

Молчалъ. И то въ комнатѣ минуты лишь звенѣли, свободныя, ничьи; то слышалъ слова женщины, все еще убаюкивающей свою голову.

— ...Тамъ въ Москвѣ... Жестоко, но и красиво сначала. Сначала равны были. А чѣмъ кончилось! Хорошо, я не про то. Чего отъ меня требуютъ? Я жизнь потеряла. Только одну свою жизнь, и только одну свою душу. Дайте мнѣ чаю... А! Хорошо... Но гдѣ Николай? О, какъ вамъ всѣмъ легко. Я у Николая кинжалъ возьму. Не браунингъ, а кинжалъ. Отравленный кинжалъ. Я ночью, ночью... Нѣтъ, не сразу. Пусть увидитъ меня. Пусть увидитъ, кто. Я душу свою погубила. Я...

И встала быстро, и темно-голубое съ бѣлымъ мѣхомъ оставила на отоманкѣ.

— Я умерла ужъ. Умерла. Понимаете. Чѣмъ-бы ни кончилось, я-то жить не буду. Нечѣмъ жить мнѣ. Гдѣ я? Былъ живой человѣкъ. Сначала хорошій; потомъ гадкій, гадкій, лишь помнящій о добрѣ. Я вѣдь сама хотѣла бездны той. Хотѣла и помнила. И насталъ часъ. Изъ тьмы я прежняя. Но если-бы раньше... Если-бы одна... Безъ этой роли...

Вставъ, къ окну шага два. И отъ окна опять. И озиралась. И къ двери. Но остановилась. На диванъ опять сѣла. Будто искала и не нашла. Вотъ опять рукою голову баюкаетъ. Шептала:

— Душа отравлена. Душа отравлена. Жизни нѣтъ.

На подушкѣ, у ногъ ея сидя, будто слышалъ Викторъ слова чуда. Будто призракъ нежданный слова откровенія шепталъ. И не о себѣ шепталъ, а о немъ, о Викторѣ:

— Душа отравлена. Жизни нѣтъ.

И громко-ли, себѣ-ли только, сказалъ:

— Да. Жизни, жизни! Простой и понятной. Чтобъ здоровый трудъ и здоровая любовь...

Грустный, свѣтлое свое потерявшій и сознавшій то, руку протянулъ; руку Дарьи Николаевны взялъ съ колѣнъ ея. И не противилась. И цѣловалъ свѣтлую перчатку. И слышалъ шопотъ женщины обрывный, не его ушамъ шепчущій, и отвѣчалъ.

Не слышали легкаго короткаго стука въ дверь. Открылась, скрипнувъ. Голосъ Зои.

— Тебя, Викторъ, Юлія хочетъ видѣть непремѣнно. Сказать...

Вошла. Увидѣла. Замолчала-порвала. Оглянулась черезъ плечо. Увидѣлъ Викторъ позади Зои, въ дверяхъ, въ сумракѣ, Юлію.

Не мѣняя позы, руки лѣвой не вырвавъ изъ рукъ Виктора, посмотрѣла взоромъ разсѣяннымъ на женщинъ Дарья Николаевна.

Взялась Зоя за мѣдную ручку двери и голосомъ сухимъ:

— Степанъ Григорьичъ и Николай скоро прiѣдутъ сюда... Юлiя, пойдемъ!

Стукнула дверь.

XXXVIII.

— Ирина Макаровна! Ирина Макаровна! Куда?.. Ну, обидѣлась.

— Стану я на васъ обижаться! Просто скучно. Миша, пойдемъ въ мою комнату.

— Идемте, Ирочка.

— Слышите, рыбы вы скучныя, онъ меня Ирочкой зоветъ; Миша меня любитъ, и я его къ себѣ. А вы скучайте здѣсь и чай свой болванскiй пейте.

— Ну, мы, пожалуй, и не такъ чтобъ очень тосковать будемъ. Нашъ споръ еще не конченъ.

— Споръ, споръ! Что вы рѣшить можете?.. Постепеновцы проклятые! Миша! Айда ко мнѣ.

Убѣжала, смѣясь. Отъ стола круглаго поднялся студентъ Миша. За Ирочкой пошелъ. Корридоръ несвѣтлый быстро пробѣжала. Въ комнатѣ своей—а дверь распахнула—Мишу ждала, хохотала. Увидѣлъ ее, на кровати сидящую. Подъ локоть подушку подобрала. Отъ стѣны, ковромъ завѣшанной, откидывалась, и опять къ стѣнѣ, и ноги свои то къ нему вытягивала, то подъ кровать прятала. Будто на качеляхъ взлетала и падала. Волновалось одѣяло простенькое и хлопало.

— Миша, сюда садись. Не туда, рядомъ. Ахъ, дуракъ! Дверь притвори. Миша! Какъ весело мнѣ у васъ здѣсь. Миша! Кто выдумалъ меблированную жизнь?

— Гм... Меблированная жизнь... Меблированную жизнь бѣдность выдумала.

— Какъ бѣдность? Я же богатая, а мнѣ здѣсь хорошо.

— Такъ. Все-таки бѣдность выдумала... Хотя читалъ, что американскiе богатѣи въ послѣднее время предпочитаютъ... Ну да то не наши московскiя меблирашки...

Закричала испугомъ:

— Миша, тише! Миша, тише!

— Что? Что такое?

— Тише, говорю, осторожнѣе. Къ стѣнѣ не прислоняйся!

— Къ стѣнѣ... Почему? Коверъ какъ коверъ.

— А вотъ нельзя. Ай ай-ай! Миша, тише! Миша, тише! Ха-ха, ой, какое глупое лицо!

— Но позвольте...

— Не позволяю... Сидѣть прямо. Мнѣ вотъ можно. Я осторожно. А ты медвѣдь. Не медвѣдь даже, а ведмедь. У насъ нянька была. Ведмедь, говоритъ. Не смѣть поднимать! Не смѣть! Цыцъ!.. Ну, вотъ такъ хорошо. Паинька. Паинька, Миша... Миша, такъ бѣдность, говоришь? Я за свою сорокъ плачу. А ты сколько?

— Двѣнадцать.

— А! Меньше. Но, вѣдь, не очень меньше. То-то твоя какъ ящикъ. Болванская у тебя комната, Миша. А ты бѣдный развѣ?

— Да. Бѣдный. Отецъ больше двадцати рублей не можетъ. Ну, уроки.

— Двадцать рублей... Ну, мой папашенька мнѣ тоже немного. Онъ тоже не можетъ. Не можетъ, право, не можетъ! Но у меня тетки. Обѣ добрыя. Я попросила. Прислали. Одна-то тетка мало прислала; сама она теперь бѣдная. А тебѣ, Миша, двадцать рублей? Это мало—двадцать рублей. Хочешь, я тебѣ дамъ? У меня шестьсотъ рублей въ шкатулкѣ. Видишь розовую шкатулку шолковую? Кажется, шестьсотъ. Ну, немного меньше.

— Ирочка, оставьте. Прошу васъ.

— Мишка! Лохматый дуракъ! Ты рыцаря играешь. Молчи! Я читала. Я все знаю. Бѣдный рыцарь не проситъ денегъ. Но я, вѣдь, сама предлагаю. Принцесса предлагаетъ, рыцарь не можетъ отказаться. И потомъ знаешь: у меня не только въ шкатулкѣ. У меня въ банкѣ много тысячъ. Я Коську письмомъ спрашивала; отвѣтилъ: сорокъ тысячъ и еще какіе-то проценты; и цифръ такъ много нагородилъ... Не поняла, бросила. Знаешь что, Миша! Ты на мнѣ женись и все это разбери. И потомъ вотъ еще что. Ты мнѣ эти мои тысячи достань. А то мнѣ не даютъ.

— Почему не даютъ? Да я бы вамъ тоже не далъ денегъ въ руки.

— Ну, это мы оставимъ. А почему не даютъ? Чортъ ихъ знаетъ, почему. Лѣтъ мнѣ мало еще. А того не понимаютъ, что не буду же я умнѣе, когда посѣдѣю. Миша, милый, глупый! Ты меня любишь? Очень любишь?

— Если не шутка это, не смѣхи обычные, да. Люблю.

— Вотъ хорошо! Вотъ хорошо! А, вѣдь, умница я, Миша, что изъ этой болванской лечебницы убѣжала? А? Ну, оттуда-то легко было убѣжать. Вы, говорятъ, ужъ здоровы, но поживите, отдохните. Отъ чего отдыхать! Не разсказывала? Я, вѣдь, ночью убѣжала. Оттуда легко. А вотъ изъ крѣпости... Ты бы, ведмедь, изъ крѣпости ни въ жизнь не убѣжалъ бы!

— Изъ какой крѣпости?

— Дурачокъ. Долго разсказывать. Давай скорѣе поженимся, и нужно же намъ будетъ болтать тогда. Ну, все и разскажу. Мы съ сегодняшняго дня женихъ и невѣста. Пойдемъ, скажемъ этимъ... Благо всѣ въ сборѣ у Лёли...

— Ирочка!

— Кстати, ведмедь! Леля на курсы меня зоветъ. Въ будущемъ году откроются курсы по-настоящему. Не трудно мнѣ будетъ экзамены? Какъ думаешь? Я, вѣдь, института не кончила. Заболѣла я. Впрочемъ, какая это болѣзнь! Просто я... Молчи, молчи. Про курсы это я такъ. Успѣется. А вотъ что. Садись ближе. Еще ближе. Вотъ такъ... Давай, Миша, бомбы дѣлать. А?

— Ирочка.

— Болванскій ведмедь!

— Ирочка. Какія бомбы?.. Теперь у насъ...

— Пойди прочь, постепеновецъ! Впрочемъ, поцѣлуй меня. Ну, я сама тебя поцѣлую. Сейчасъ же сюда! То-то! Ведмедь, давай губы. Я въ губы хочу. У, какой смѣшной!.. Стой!.. Кто тамъ? Къ намъ нельзя! Нельзя! А? Маркизъ... Это вы, маркизъ? Маркизу можно, ведмедь. Маркизъ издалека приплелся. И потомъ, ихъ ужъ мало теперь осталось, маркизовъ-то. Входите, маркизъ!

— Bonjour, Иринъ Макаръ!

— Слушай, ведмедь, какъ аристократы изъясняются. Нѣтъ, ты смотри, какъ онъ руку цѣлуетъ. Маркизъ, скажите честное слово, что вы настоящій маркизъ.

— О, настоящъ, Иринъ Макаръ!

— Васъ Наполеонъ маркизомъ сдѣлалъ? Самъ Наполеонъ?

— О, да. Не я, но мой предокъ.

— О, ужъ конечно! Ха-ха... Ведмедь, тебѣ нравится маркизъ? Знаешь, я еще не рѣшила... Я, можетъ, за маркиза замужъ пойду. Салонъ у насъ будетъ, гербы на ложкахъ. Прелесть! За тебя хотѣла выйти, думала бомбы дѣлать будемъ, въ подвалахъ скрываться, подземные ходы копать. А ты и бомбъ боишься. На что ты мнѣ кислый такой! А съ нимъ я хоть маркизой буду. Визитныя карточки... Маркизъ, милый, я забыла, какая корона вамъ полагается?

— Вотъ такой, mademoiselle.

— Ну? Я думала красивѣе. А все таки, ведмедь! У тебя и такой нѣтъ. Выйду я за маркиза. Только учительство бросить! Слышите, маркизъ? А то что это? Маркизъ, и вдругъ учитель французскаго языка. Утшитель!

— О, mademoiselle!

— Не «о», а бросить. Только вы не думайте, что за мной приданаго мильонъ дадутъ. Гораздо меньше.

— О, mademoiselle!

— Ирина Макаровна, прощайте!.. Нѣтъ, нѣтъ, ухожу.

— Не смѣть, ведмедь! Не смѣй, злодѣй!

— Прощайте.

— А! ты такъ... Маркизъ! Идите сюда. Цѣлуйте меня, маркизъ. Baisez, embrassez! Tout de suite!

— О, mademoiselle!

— Вотъ болванскій дуракъ! Оба вы хуже. Убирайтесь. Я одна хочу. Идите къ Лёлѣ. Спорьте тамъ и на мѣдный самоваръ глазѣйте, какъ телята на паровозъ. А я марсалу буду пить и никого не пущу. Ну, вонъ отсюда! Нѣтъ, нѣтъ, уходите оба. Я, можетъ, къ Лелѣ приду потомъ... Да убирайтесь же! Ну, съ ведмедя что спрашивать! А вы-то, вѣдь, маркизъ... Его дама изъ будуара гонитъ, а онъ упирается. Ведмедь! тащи сюда шпагу отъ своего товарища... Опять кличку дурака твоего забыла. Маркизъ, я сломаю шпагу надъ вашей головой, если вы тотчасъ не покинете будуара прекрасной дамы.

— О, mademoiselle! Ми будемъ ожидать у mademoiselle Лель.

Хохотала смѣхомъ срывающимся, нетерпѣливымъ. Выталкивала. Два раза ключомъ щелкнула. И за ручку дверь тряхнула. Заперто ли? Хохотать перестала. Изъ шкапа бутылку марсалы достала и рюмку. На столикъ у кровати поставила. Занавѣси тежолыя на окнахъ задернула.

Голубой свѣтъ лампы, тихій. У кровати стоя, поспѣшно раздѣвалась. Вотъ и рубашку сорвала. Одѣяло, на полъ сбросила.

На кровати, на бѣломъ полотнѣ, нагая стояла, коверъ поднимала устѣнный пестрый. Къ нижней кромкѣ пришитыя петли на гвозди надѣвала, высоко въ стѣнѣ вбитые. Кинулась-упала въ постель. Дрожь мгновенная. Злобнымъ взглядомъ посмотрѣла мгновеннымъ на остывшую печку тамъ, въ углу. Но улыбнулась, повернувшись къ стѣнѣ. И въ большое зеркало смотрѣла, въ свою сладострастную тайну. И ласкала грудь свою руками горячими и, трепеща, прижималась къ зеркалу, не холодомъ обжигавшему. И дрожала. И змѣей прикованной на бѣлой простынѣ извивалась, и смотрѣла, смотрѣла въ свою тайну.

Когда подошли къ двери и стучали, и веселыми голосами окликали ее, Ирина не сердилась, но голосомъ радости, голосомъ прерывнымъ отвѣчала кратко словамъ мужскихъ молодыхъ голосовъ. И смотрѣла, и смотрѣла въ свою тайну. И на бѣломъ полотнѣ трепетала змѣею сладострастія, прикованною къ мукѣ наготы.

XXXIX.

Бродилъ по комнатамъ своимъ, по двумъ. Въ окна заглядывалъ, не видя весенней Невы. Подходя къ картинѣ, съ мольберта уже снятой, на стѣнѣ висящей и оттѣснившей отоманку къ печкѣ, стоялъ подолгу, ей говорилъ:

— Такъ, такъ. Но проклятіе. Это проклятіе. Радость жизни позвалъ. И вотъ онъ, страхъ жизни. Зоя? Нѣтъ, не Зоя. Ну, что же... увезти тебя «Страхъ жизни», выставить и продать меценату. Радость жизни... Радость жизни...

И отходилъ отъ картины, гдѣ между кровавымъ солнцемъ и нагими женщинами, только-что сбѣжавшими со скалы прибрежной, по гребнямъ заалѣвшимъ идетъ бѣлая Надя и пугаетъ. Отходилъ Викторъ и бродилъ опять, и ногой отталкивалъ съ пути своего книги, около чемодановъ раскрытыхъ на полу грудками лежащія. И падали, и открывали страницы свои, переставшія быть тайною.

Почувствовалъ, что близко гдѣ-то Надя. Та, страшная, дважды убитая и мстящая. Быстрыми шагами къ двери пошелъ Викторъ. Отперъ. Вышелъ. Думалъ о томъ, что давно не приходила. Казалось ему, что съ того вечера, когда Зоя послѣдній разъ здѣсь была. И казалось ему, что съ той поры, какъ Дарья Николаевна къ нему ходитъ, не приходила Надя-призракъ. Но вотъ почувствовалъ близость неясную. А теперь не хотѣлъ. Къ швейцару сошелъ. Сказалъ:

— Если кто придетъ, просите. Слышите? Я дома. Я дома.

— Слушаю. Да васъ сейчасъ спрашивали.

— Кто? Кто?

Взволновался.

— Господинъ спрашивалъ молодой. Жаль, говоритъ, что нѣтъ дома. Я, говоритъ, черезъ часъ зайду. Я, говоритъ, въ пивной поблизости посижу. Я, говоритъ, пива не пью и нечего спиртного. А я, говоритъ, газетки почитаю. И черезъ часъ зайду. Нужно, говоритъ, очень. Молодой господинъ, и шляпа у нихъ вотъ этакъ-съ.

Швейцаръ улыбался.

— Въ какой пивной? У Баумана?

— Такъ точно. Туда прошли.

— Дай, голубчикъ, шляпу какую-нибудь на минутку. Впрочемъ, и такъ можно. Близко.

— Нѣтъ, къ чему же-съ! Вотъ эту шапочку возьмите. Можно-съ.

Въ пивной Баумана увидѣлъ Викторъ брата Яшу. Передъ

нимъ на мраморномъ столикѣ большая въ полторы бутылки фаянсовая кружка съ оловянной крышкой. Газеты перелистывалъ Яша и нѣмецкіе журналы. На стулѣ рядомъ много ихъ лежало; на круглыхъ палкахъ прикрѣпленная бумага.

— Яша?

— А! Вотъ хорошо. Вотъ хорошо. Витя, уйдемъ скорѣе отсюда. Или вотъ что. Выпей ты это пиво. Ты пиво пьешь?

Шепталъ поспѣшно, за рукавъ Виктора держа, притягивая его къ стулу.

— Зачѣмъ пиво? Не люблю пива. Отъ него сонъ. Что съ тобой? Шепчешься вотъ. Ты давно въ Петербургѣ?

— Тише, тише, ради Бога. Садись сюда. Я эту кружку спросилъ, чтобъ они подумали, что я пиво люблю. Пиво пьетъ, значитъ, слѣдить не будутъ. А я не могу пить. Ни глотка. Я такъ разстроенъ, такъ разстроенъ. Выпей, Витя, милый.

— Ну тебя! Не люблю я пива. Я вино пью.

Съ явнымъ страхомъ глядѣлъ Яша на Виктора, мучительно пряча въ воротникъ пальто шею свою. И оглядывался. Громкій голосъ брата страшилъ Яшу. Зашепталъ Яша поспѣшно:

— Что ты! Что ты! Такъ нельзя. Ахъ, ты ничего не знаешь! Ничего не знаешь. За мной слѣдятъ. По пятамъ ходятъ... Витя, сколько стоитъ эта кружка? Не знаешь?

— Кружка пива? Ну, четвертакъ, ну, тридцать. Кельнеръ, сколько?..

— Молчи! Ради Бога, молчи... Не пиво въ кружкѣ... Сама кружка сколько стоитъ? Старинная она, что ли?

На шопотъ Яши невольнымъ шопотомъ отвѣчалъ Викторъ, склонившись надъ мраморомъ стола:

— Да что такое? Кто слѣдитъ? Почему? А кружка? Кружка дрянь. Нѣмецкая современность. А на что тебѣ?

Яша локтемъ, будто нечаянно, столкнулъ кружку со стола на каменный полъ. И сказалъ:

— Ахъ!

Подбѣжалъ слуга.

— Ахъ, кружка разбилась. А я пива не допилъ. Вотъ случай. Ну, да все равно. Потомъ выпью. Успѣю. Сколько вамъ за кружку?

Слуга пошептался съ нѣмцемъ-хозяиномъ. Подошелъ. Согнулся.

— Четыре рубля. И за пиво сорокъ.

— Расплачиваясь, Яша голосомъ искусственно веселымъ говорилъ громко:

— Такъ я, Витя, пива-то и не допилъ. Ну, мы къ тебѣ пойдемъ. У тебя выпьемъ. Люблю пива выпить.

А Викторъ ворчалъ.

— Ноги промочилъ. Скорѣе же. Иди.

На набережной говорили:

— Зачѣмъ кружки бить? Кто слѣдитъ? Шпики?

— Да.

— Ну?

— Ахъ, ты не понимаешь. За мной слѣдятъ... Корнутъ этотъ и комендантъ... То-есть опека... Нѣтъ, не опека ужъ теперь, а будто я... Идемъ скорѣй къ тебѣ... Будто я отравить ихъ всѣхъ хочу.

Поглядѣлъ на Яшу Викторъ долгимъ взглядомъ. Сказалъ:

— Идемъ. Тамъ разскажешь. Нѣтъ, молчи, молчи. Тамъ. Ты какъ заяцъ травленный. На тебя лошади извозчичьи косятся.

— Вотъ видишь...

— Молчи. Идемъ.

По лѣстницѣ поднимаясь, Яша оглядывался, останавливался, прислушивался, не стукнетъ ли входная дверь.

— Ну, вотъ и дома. Болтай теперь.

Пальто снявъ, а шляпу на головѣ забывъ, стоялъ Яша, то на Виктора глядя, то на картину его. А Викторъ на отоманку сѣлъ.

—...Слѣдятъ. О, какъ они меня измучили. Ну, къ чему мнѣ отравлять отца? И, главное, развѣ я на это способенъ? Ну, смотри. Развѣ способенъ? Опека, да. Я про Корнута говорилъ. И то слегка. А тамъ крикъ. Комендантъ, то-есть папаша, въ слезы. Сегодня, кричитъ, Корнута въ опеку, а завтра меня. Знаю, кричитъ, эти штуки. Ну, maman, конечно... А я для Корнутовой же пользы... Обираютъ его. И совсѣмъ онъ сбѣсился. На черносотенныя организаціи жертвуетъ.

— Да кто слѣдитъ? Здѣсь-то кто слѣдитъ? Не пойму.

— Слушай! Слушай! Противно мнѣ стало. Выяснялъ я имъ, выяснялъ, и противно стало. Рѣже я сталъ къ нимъ... Заперся. Почти какъ тогда Антонъ. Ну, я тебѣ сразу скажу... Сразу. Я сталъ подозрѣвать... То-есть, они стали меня подозрѣвать, а я замѣтилъ... Коська этотъ... Слушай! Нѣтъ, нѣтъ! Не могу я...

Обѣими руками за волосы взявшись, ходилъ по комнатѣ Яша, глазами круглыми никуда не глядя; ходилъ въ-раскачку, но не такъ, какъ раньше, не такъ, какъ помнилъ то Викторъ. И вотъ понялъ Викторъ, что видитъ новаго Яшу. Лицо его—чужое лицо. И повадка будто не Яшина. Будто себя прежняго, недавняго копируетъ. А стеклянные глаза—это ужъ совсѣмъ новое. Замолчавшій, ходилъ Яша по комнатѣ. Какъ слѣпой ходилъ. Лишь натолкнувшись на что-нибудь, останавливался. И чуть виновато улыбнувшись на мгновеніе, опять шелъ куда-то. И то правой

рукой, то лѣвой, пальцы растопыривая, передъ лицомъ своимъ трясъ.

И, какъ въ судорогѣ, пальцы были скрючены. Передъ Викторомъ остановившись, о ноги Виктора ногами задѣвъ, сказалъ, какъ проснулся:

— Понимаешь?

— Мало.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Ты скрываешь. Тебя извѣстили. Предупредили. Но пусть. Но пусть. Вѣдь ты-то не вѣришь? Не вѣришь?

— Слушай, Яша...

— Нѣтъ, стой! Не вѣришь? Мнѣ важно. Ты съ ними? Что тебѣ извѣстно? Ты съ этими, которые слѣдятъ? Тебѣ поручено въ Петербургѣ... Я вижу...

— Ну, милый братъ. Садись-ка въ это кресло. И по порядку все. Обстоятельно.

— Обстоятельно! Что я могу теперь? Вотъ и ты противъ меня. А я сюда ѣхалъ, чтобъ все ты выяснилъ... И долженъ ты имъ сказать, что я... что они заблуждаются... и напрасно на меня взвели... чтобъ maman оставила свое... Ты знаешь мой характеръ. Не могу я, чтобъ подозрѣвали. А тутъ... Ну какой я отравитель! Ну, посмотри. Похожъ я развѣ на отравителя? Нѣтъ ты честно.

— Ты похожъ на безумнаго.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ! Я же говорилъ: они меня сведутъ съ ума. Ну, развѣ можно подозрѣвать человѣка? Въ такомъ дѣлѣ подозрѣвать человѣка? А тутъ этотъ мѣдный купоросъ...

— Почему мѣдный купоросъ?

— Стой, стой! Я химіей занимался. Я на естественный хотѣлъ. Съ горя я опять въ университетъ хотѣлъ. Ну, химія. Химія— свѣтлая наука. Ну, склянки разныя. Уходилъ, комнату запиралъ. А тутъ пришелъ разъ, открыта комната. А на столѣ у меня мѣдный купоросъ. Кто дверь открылъ? Не знаю. Можетъ, я самъ по разсѣянности. Мнѣ скрывать нечего. Но не люблю. И тутъ Коська этотъ всегда. Но какой же это ядъ—мѣдный купоросъ? Конечно, ядъ, но не такой ядъ, какимъ людей травятъ. То-есть, тайно травятъ... Мѣдный купоросъ! Какъ оправдаться мнѣ? Зачѣмъ у меня былъ мѣдный купоросъ?

Опять по комнатѣ ходитъ не своей чуть походкой. Видитъ Викторъ, какъ братъ то лѣвой рукой, то правой передъ глазами своими трясетъ, пальцы скрючивъ. На книгу Яша наступилъ. Передъ чемоданомъ остановился.

— Уѣзжаешь? Ты уѣзжаешь? Куда? Когда?

— За границу.

— Куда? Когда?

— На кораблѣ хочу. Пока до Марселя билетъ. Дня четыре еще ждать.

— Витя, милый! Я тоже на кораблѣ. Я съ тобой... Ахъ нѣтъ. Нельзя мнѣ. Мнѣ, Витя, реабилитировать себя надо...

— А кто тебя обвиняетъ? Maman?

— Кто обвиняетъ? Конечно, никто. Они не говорятъ. И не скажутъ. Но они подозрѣваютъ. Всѣ подозрѣваютъ. Я ужъ спрашивалъ. Я долго выяснялъ. Какъ можно, говорю, такъ человѣка мучить? Не слушаютъ больше. Онъ отъ меня бѣгаетъ, на maman кричитъ: уберите отъ меня Яшу, онъ меня разстраиваетъ. Но я понимаю. Я все понимаю; онъ человѣкъ мягкій. Онъ не хочетъ скандала... А maman... maman шипитъ: уѣзжай въ санаторію, у тебя, шипитъ, нервы разстроены... Какіе нервы! Смотри, я толстый какой. Въ санаторію! Знаю я санаторію. Во всѣ санаторіи знать дано, въ чемъ они меня подозрѣваютъ... Мѣдный купоросъ... Да знаешь, я потомъ съ этимъ мѣднымъ купоросомъ не зналъ, какъ раздѣлаться. Въ садъ потихоньку... О, что они сдѣлали со мной!

Опять заходилъ-забѣгалъ. И въ ту комнату, въ другую, забѣжалъ. Выбѣжалъ. Руками за затылокъ ухватился, лбомъ къ стѣнѣ прижался, хрипѣлъ:

— Что они со мной сдѣлали! Что сдѣлали!

Сидѣлъ Викторъ грустный на отоманкѣ. Въ окно глядѣлъ на зарождающіеся огни зарѣчной набережной. Сказалъ:

— Самъ ты все придумалъ. Бываетъ.

И улыбнулся улыбкой тихой. И будто прощался съ тѣми огнями, что надъ рѣкой.

— Нѣтъ, не самъ придумалъ! Я объ опекѣ, а они...

— Довольно. Пойдемъ отсюда. Близко корабль стоитъ, на которомъ поѣду. Идемъ обѣдать на корабль.

— Витя! Витя! Какъ же такъ? А то? Мнѣ про то съ тобой поговорить надо.

— Тамъ и поговоримъ. Идемъ же.

Викторъ боязливо, нахмуривъ брови, прислушивался будто. Передъ нимъ Яша стоялъ, страшащимися стеклянными глазами невидящими глядѣлъ.

— Не могу я идти. За мной слѣдятъ.

— Врешь. Идемъ.

— Витя. Это твоя картина?

— Моя. Къ сожалѣнію, моя. Я ухожу.

Побѣжалъ Яша за Викторомъ. Въ корридорѣ молчалъ. И на лѣстницѣ.

Швейцаръ у входной двери разговаривалъ къ кѣмъ-то. Чемоданъ у него въ рукахъ. Звонко смѣялась пріѣхавшая. Вздрог-

нулъ Яша. За спину брата спрятался. Вглядѣлся Викторъ въ лицо дѣвичье, въ веселое, раскраснѣвшееся. Не призналъ. А дѣвица, отъ швейцара отвернувшись, пледъ ему на плечо кинувъ, кричала, смѣхомъ взвизгивая:

— Яшка! Ха-ха-ха! Яшка! Ты какъ сюда попалъ? Тебя въ Москвѣ ищутъ. Отравитель! Ха-ха... Отравитель...

За рукавъ Виктора ухвативъ, Яша, блѣдный, шепталъ-торопился:

— Слышишь? Ты слышишь?

А та, смѣхъ подавивъ:

— Это кто же съ тобой, Яша? Неужели?.. Прекрасный незнакомецъ, скажите немедленно, неужели вы братъ мой, Викторъ?

— Я—Викторъ. А вы... а ты, стало быть, сестра моя Зиночка или сестра Ирочка.

— Болванскій дуракъ! Вотъ болванскій дуракъ! Зиночка? Да какъ ты смѣлъ меня съ Зинкой спутать, съ телушкой съ этой... Ну, чортъ съ тобой. На первый разъ тебѣ прощается. За красоту твою прощается. Цѣлуй сестру. Здоровайся, прекрасный незнакомецъ... Яшка-то... Яшка какой смѣшной! Гдѣ ты колпакъ этотъ пріобрѣлъ? Однако, братцы, куда вы собрались? Встрѣчайте дорогую гостью. Маршъ наверхъ. Викторъ великолѣпный, веди, показывай комнаты. Этотъ вотъ рабъ говоритъ: четыре свободныя комнаты; любую, говоритъ, выбирайте. А цѣловаться ты, кажется, умѣешь...

— А пообѣдать не хотите ли, Ирина Макаровна? Комната не убѣжитъ. Да можно и у меня. У меня двѣ. Надолго? Я, вѣдь, въ четвергъ уѣзжаю.

— Зачѣмъ? Куда? Глупости. Прекрасный незнакомецъ, вы остаетесь. А куда вы обѣдать? Въ ресторанъ? Музыка будетъ?

— Что ресторанъ! Что музыка! Мы на пароходъ.

— Пароходъ? Какой?

— Морской. Французскій.

— Ура! Милый рабъ, прошу васъ мой чемоданъ и это все препроводить наверхъ, къ ихъ сіятельству.

И, скинувъ калоши и сумочку на полъ кинувъ и какія-то коробочки, ленточками перевязанныя, жестомъ театральной королевы на все швейцару указала.

— ...Викторъ великолѣпный, вашу руку.

По набережной идя, къ Виктору прижимаясь и весело слова выкрикивая,

— стой!

сказала;

— Гдѣ же Яшка?

Оглядывали улицу. Не видно Яши.

— Сбѣжалъ! Такъ же вотъ и въ Москвѣ. Измучилъ. Пріѣхалъ тогда ко мнѣ дикій такой. Шепчетъ, рожа кислая-прекислая. За мной, говоритъ, слѣдятъ. Кто? Шпики, много шпиковъ. На что ты имъ? Изъ крѣпости дали знать, что я отравить хочу. И такъ цѣлыми днями ко всѣмъ пристаетъ. Всю нашу московскую колонію взбаламутилъ. И къ чему, говоритъ, Антонъ умеръ? Антонъ одинъ меня понималъ, мою чистую душу. И тутъ, говоритъ, судьба противъ меня. Не коменданта, кричитъ, надо было Макаромъ назвать, а меня. На меня всѣ шишки валятся. Ну, конечно, вранье все; узнавала я черезъ Коську. Задумываться, говорятъ, сталъ и завираться. Maman ему разъ: что ты, говоритъ, всякую дрянь у себя держишь? А онъ и пошелъ! Подозрѣваютъ, говоритъ, всѣ подозрѣваютъ, а какой же, говоритъ, это ядъ? Химія и купоросъ, и больше ничего. И всю свою химію потихоньку сталъ въ разныя мѣста выкидывать. Ночью въ садъ бѣгалъ и на чердакъ. Ну, разстроился человѣкъ, а его, навѣрно, дразнить принялись, то-есть Коська. Я Коську знаю. Коська подлецъ. Онъ и меня дразнилъ.

— Ну, и семейка! Только вотъ что. Ты сама его только-что дразнила...

— Когда?

— Ну, какъ же. Отравитель, отравитель.

— А, вѣдь, правда! Проклятый характеръ. Очень ужъ онъ мнѣ смѣшонъ показался. И не ожидала я его здѣсь встрѣтить. Думала, въ Москвѣ онъ скрывается. Ну, больше не буду.

— А ему, если натащилъ онъ на себя такое, ему слова лишняго нельзя...

— Сказала: не буду больше. И довольно.

Ногой ударила въ гранитную плиту. Викторъ раздумчиво:

— А вотъ и мой пароходъ. На этомъ пароходѣ въ четвергъ далеко...

Говорилъ съ улыбкой тихой, ловя глазами шумливую суетню подъ вращающимися кранами.

— Витька, останься. Я Петербурга не видала. Ты мнѣ Петербургъ покажешь. Музеи и все. И потомъ еще самого себя. Въ кои-то вѣки брата настоящаго разыскала. А онъ... Впрочемъ, почему бы и мнѣ на этомъ пароходѣ... Ты куда плыть хочешь?

— Пока до Марселя билетъ. Отсюда уѣхать мнѣ надо. А тамъ подумаю. Вѣроятно, въ Африку. А еще лучше въ Индію. На свободѣ вотъ деньги подсчитаю, и, можетъ быть, въ Индію. Картину одну хочу...

— Викторъ, милый! Великолѣпный! Возьми меня съ собой. Вотъ только какъ быть съ маркизомъ? Ахъ, не знаешь ты!

Маркизъ у меня. Вродѣ какъ женихъ. И скоро онъ сюда пріѣдетъ. Экзамены кончатся, онъ и пріѣдетъ. Я ему и адресъ твой оставила. Онъ у меня учитель... Смѣшной такой. А ну, его къ чорту! Самъ виноватъ. Не опаздывай! Въ четвергъ, говоришь? Индія! Да это прелесть! Никогда бы не повѣрила, что я въ Индію попаду!

— Да ты и не попадешь. Мнѣ одному надо.

— Молчать!.. Вотъ съ деньгами какъ быть? Я Коськѣ телеграмму... Знаешь, тамъ въ крѣпости Коська теперь за главнаго. И бухгалтеръ, и банкиръ, и строитель. И комендантъ его слушается, и maman боится. Кто могъ подумать! Фу, ѣсть хочу. За обѣдомъ мы все это раскумекаемъ.

— А Яша-то какъ же? Его разыскать надо. Нельзя его такъ оставить...

— Яшка! Догадываюсь, гдѣ онъ, подлецъ. Онъ въ Москвѣ проговаривался. Не поняла я тогда. Про Петербургъ заговаривалъ не разъ, товарища университетскаго поминалъ, адвокатъ теперь. Онъ, говоритъ, меня реабилитируетъ. Разыщемъ Яшку... И вотъ, вѣдь, дурачокъ. Чего въ крѣпости столько времени зря сидѣлъ! Ну, и спятилъ... Какъ думаешь, спятилъ Яша или такъ это у него?.. Вотъ какъ со мной было. Мнѣ, вѣдь, чего надо было! Оказалось, что ничего, кромѣ свободы. Чтобъ стѣнъ этихъ проклятыхъ не видѣть. Увезли тогда чуть не сумасшедшую. Въ каретѣ подушку изгрызла. А черезъ мѣсяцъ во всей Москвѣ громче меня никто хохотать не умѣлъ. Такъ-то. Ахъ, Яшка глупенькій. Меня клещами держали, а онъ самъ... Ха-ха-ха... и потомъ еще, знаешь...

И на ухо брату шептать принялась:

— ...Правда! Правда! И лицо у него бабье какое-то стало... На дядю Доримедонта похожъ... Фу, какъ голодна! Скорѣй, скорѣй! Ну, и замарашка же твой пароходъ...

— Грузится. Отмоютъ.

Распоряжалась обѣдомъ. Два лакея бѣгали. Молчаливъ сталъ Викторъ. Взоровъ не отводилъ упорныхъ отъ лица Ирочки. Далекій страхъ чарующій изъ глубины памяти подползалъ.

Свѣтлое искрящееся вино пили. Вино встрѣчи.

— Она... Она... Веселая, простившая...

И слушалъ неумолчный говоръ-смѣхъ Ирочки.

XL.

— Кто пустилъ? Зачѣмъ пустили? Сказано ужъ... Что вы со мной дѣлаете? Уморить вы меня хотите... Уморить!

— Тише, Макаръ Яковлевичъ. Ради Бога, тише! Слышатъ они...

— И пусть слышатъ. Не хочу, чтобы этотъ голодранецъ въ моемъ домѣ...

— Съ визитомъ... День вашего ангела... Визитъ... Необходимо...

— Кто сказалъ, что необходимо? Кто сказалъ? Кто сказалъ? Какой дуракъ? Пусть бы одна пріѣхала, коли необходимо. Нѣтъ! И этотъ притащился... Шушера...

— ... Зять...

— Не зять, а дуракъ. Ну, скорѣй вы тамъ съ ними, коли ужъ пустили, коли не я въ домѣ хозяинъ. Изъ-за всякаго прощалыги взаперти мнѣ въ спальной сидѣть... Уйду я изъ этого дома...

— Макаръ Яковлевичъ, успокойтесь. Вамъ вредно. Вотъ капель выпейте..! Да не плачьте вы...

Руками замахалъ, на кровати сидя. Вышла, цѣпочку на груди дергая. Дверь плотно притворила.

Въ гостиной навстрѣчу ей поднялись съ креселъ молодые. Первая Зиночка подошла. Поцѣловались молча поцѣлуемъ краткимъ. Неловко въ сторонку откашлявшись, подошелъ Андрей Андреевичъ Пальчиковъ. Къ рукѣ Раисы Михайловны губами почтительнѣйше прикоснулся.

— Здравствуйте, мамаша. Поздравляемъ, мамаша.

Вздрогнула чуть Раиса Михайловна. Сказала:

— А Макару Яковлевичу нездоровится. Извиняется...

— Мы слышали... То-есть, я хотѣлъ сказать... намъ говорили...

Опять кашлянулъ въ сторонку, рукой ротъ прикрывъ.

Въ полусвѣтѣ золотой гостиной сидѣли. Лакей по пушистому ворсу ковра неслышно вошелъ. На золоченомъ подносѣ три чашки. Заморгала часто Зиночка, когда передъ ней въ чорномъ фракѣ молчащій склонился. Никогда она здѣсь, въ комнатѣ этой золотой не сиживала, а кофе вообще не пила. Но чашку взяла теперь. Отказался сначала, но потомъ тоже взялъ Пальчиковъ.

— Ну какъ вы...

— Ахъ, ничего, мамаша, славу Богу...

— Да, слава Богу, мамаша...

Помолчали.

Близорукій взоръ, за послѣдніе мѣсяцы ставшій упорнымъ, устремила Раиса Михайловна на зятя. Вспотѣвшее лицо его противно ей стало. Но не могла глазъ отвести. Зиночка голосомъ перепуганнымъ, сразу осипшимъ:

— Мамаша, вамъ нравится мое новое платье? Вы не видали...

Правой рукой кружево оправляла. А въ лѣвой дрожала-звенѣла на блюдцѣ чашка.

— Что? Что? Какое платье? А? Да, да. Хорошенькое...

Взоръ свой, ставшій упорнымъ, немигающимъ, перевела на дочь. И пуще зазвенѣла чашка.

— Поставь, Котикъ...— прошептала мужу, чашку подавая, Зиночка.

Вздрогнула опять Раиса Михайловна. Губы зашевелились.

— ... Котикъ...

— Что, мамаша?

Не отвѣтила. На дочь глядѣла, сощурившись. Томилась Зиночка, прислушиваясь къ шороху вороненныхъ часовъ, лежавшихъ въ бѣломъ жилетѣ мужа. А тотъ, украдкой доставъ платокъ, вытиралъ руки, поглядывая на потолокъ, гдѣ крылатые мальчики въ медальонахъ беззвучную музыку вели нескончаемую и на лютняхъ, и на арфахъ, и на флейтахъ.

Шаги не таящіеся послышались въ залѣ. Повернули головы къ двери и Зиночка и супругъ.

— Это Костя, кажется.

Вошелъ Костя. На обрадовавшееся лицо сестры чуть взглянулъ, здороваясь, а Пальчикову подалъ руку, какъ бы подумавъ о томъ секунду.

— Мамаша, дѣло есть. Вотъ прочитайте.

— Отъ кого телеграмма? Отъ кого? Яша?

— Изъ Петербурга. Прочитайте. Какъ посовѣтуете ей отвѣтить.

Прочитала. Опустила руку, телеграмму въ пальцахъ зажавъ. Прошептала:

— ... съ Викторомъ...

Поблѣднѣла. Зиночка съ супругомъ встали. Прощались.

— Да, да... непремѣнно, мамаша... Пріѣдемъ.

Вышли изъ комнаты непровожаемые. Каблуками пощелкивая, въ дверяхъ стоялъ Костя, усики чуть видные рыжіе пощипывая. Смотрѣлъ, улыбаясь, на спины тѣхъ двухъ, поспѣшно удаляющихся, вымѣряющихъ пространство многихъ комнатъ съ открытыми дверями по прямой линіи.

— Потомъ позову.

То Костѣ Раиса Михайловна сказала. Съ кресла парчеваго поднялась. Вышла. Навстрѣчу мчался освобожденный Макаръ Яковлевичъ.

— Ушли? Ушли, что ли?

Въ спальню прошла Раиса Михайловна, листикъ телеграммы въ кулакѣ зажавъ.

Передъ дверью моленной комнатки остановилась раздумчиво. Будто что-то вспомнить хотѣла. Не вспомнила. Вошла. Колѣнопреклонная молилась безсловно, телеграмму изъ руки выронивъ. Вдругъ оглянулась. Дверь открыта стоитъ. А, помнится, затворила крѣпко. И не на замокъ ли даже? Жуть холодящая. Почудились шаги близкіе, тамъ въ спальной.

— Кто? Кто тамъ?

Молчанье. И шаговъ не слышно. Но вспоминаетъ. Эти шаги тяжолые, давніе, на мгновеніе здѣсь теперь прозвучавшіе. Такъ ходилъ отецъ. Такъ ходилъ въ сапогахъ мягкихъ старикъ Горюновъ, купецъ.

— Дочку вспомнилъ? Душа встосковалась?.. Нѣтъ... Не вошелъ, не повидѣлся... Уходящіе помню шаги. Ушелъ отъ дочки, слова не молвилъ.

По лицу Раисы текли слезы. Молиться хотѣла. Не могла. И опять вспомнить что-то надо. Прислушивалась, на иконы златоокладныя глядя. И вспомнила. Библію тяжолую разогнула. Искала.

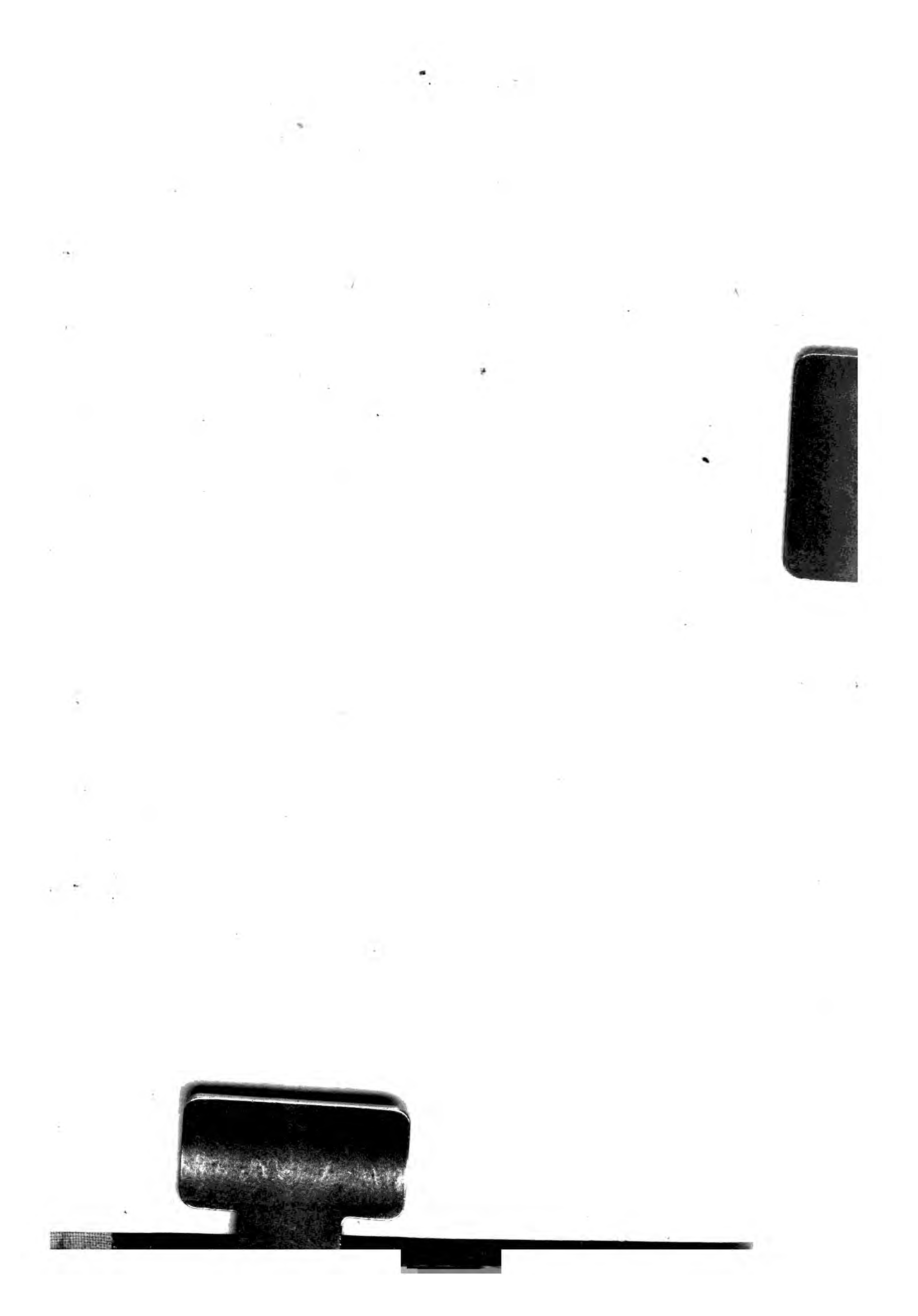
— Не здѣсь... И не здѣсь... Пророка Іереміи? Нѣтъ. Притчи? Нѣтъ, не то. Да, да, здѣсь, здѣсь... Книга Премудрости...

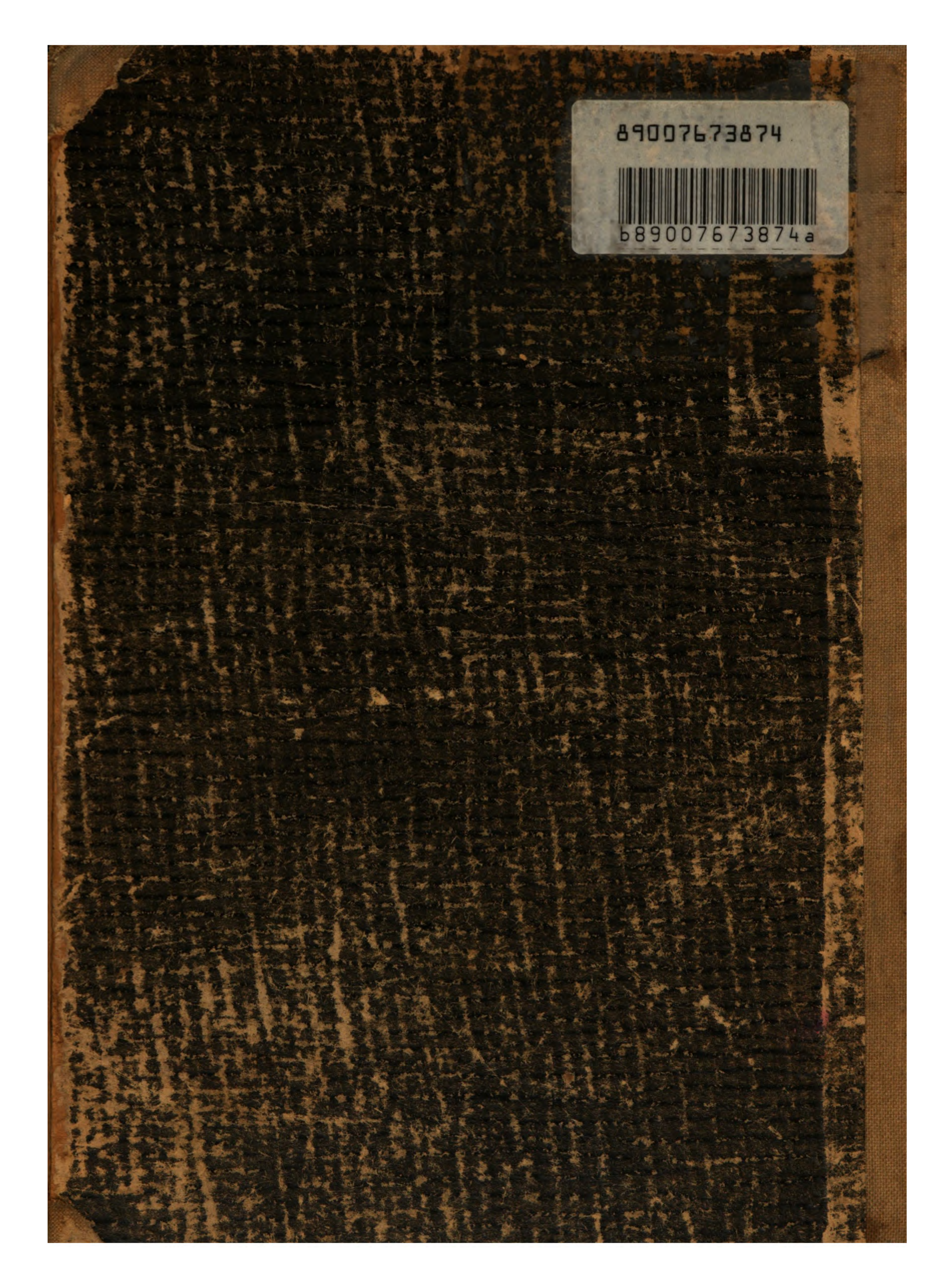
И читала-шептала:

— ... И поздняя старость ихъ будетъ безъ почета, а, если скоро умрутъ, не будутъ имѣть надежды и утѣшенія въ день суда; ибо ужасенъ конецъ неправеднаго рода...

Выронила книгу. Руки похолодѣли и ноги.

Не крикнувъ, не шепнувъ, упала.




89007673874
b89007673874a